

СЫСКНОЙ ПРИКАЗЪ.

СЫСКНОЙ ПРИКАЗЪ.

I.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

Самодержавіе и неограниченность. — Присяга въ вѣрности.

Въ періодъ существованія Сыскаго Приказа (1730 — 1763 г.) Россіей правили императрицы *), съ правами самодержавія и неограниченности. Права эти выражены въ манифестахъ, которыми императрицы извѣщали своихъ подданныхъ о своемъ вступленіи на престолъ. Анна Іоанновна, на примѣръ, писала въ своемъ манифестѣ: „Но потомъ вѣрные къ наши подданные все единогласно Насъ просили, дабы Мы самодержавство въ нашей Россійской имперіи, какъ издревле наши прародители имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенужайшему прошенію Мы то самодержавство воспріять и соизволили“. (П. С. З. т. VIII, № 5509; 1730 г. февраля 28 дня). Черезъ пятнадцать дней Анна Іоанновна издала другой манифестъ по поводу своего вѣщанія и помазанія на царство, въ которомъ, между прочимъ, писала: „Но понеже учить насъ несомнительное слово Божіе, яко владѣть Вышній царствомъ человѣческимъ и ему же хочетъ дать его, и отъ одинаго токмо Всевышняго Царя Славы земній монархи предержавную и крайне верховную власть имѣють“ (П. С. З. т. VIII № 5517, 1730 г. марта 16). Въ этомъ второмъ манифестѣ государыня особенно ясно выразила мысль о неограниченности принадлежащей ей самодержавной власти. При сопоставленіи, однако, обоихъ манифестовъ усматривается нѣкоторое различіе во взглядѣ государыни на источникъ и сущность верховной власти. Въ первомъ манифестѣ она объявляла, что управленіе Россіей приняла по волѣ народа, выразившейся во всенужайшемъ къ ней прошеніи; слѣдовательно, она допускала, что русскій народъ носитъ въ самомъ себѣ право верховной власти въ государствѣ и самъ можетъ выбирать представителя своей власти. Но чрезъ пятнадцать дней

*) За исключеніемъ кратковременныхъ царствованій младенца Іоанна Антоновича и Петра III, за которыя дѣла Сыскаго Приказа не сохранилось.

СЫСКНОЙ ПРИКАЗЪ.

I.

ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ.

Самодержавіе и неограниченность. — Присяга въ вѣрности.

Въ періодъ существованія Сыскаго Приказа (1730 — 1763 г.) Россіей правили императрицы *), съ правами самодержавія и неограниченности. Права эти выражены въ манифестахъ, которыми императрицы извѣщали своихъ подданныхъ о своемъ вступленіи на престолъ. Анна Іоанновна, на примѣръ, писала въ своемъ манифестѣ: „Но потомъ вѣрные къ нами подданные всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы самодержавство въ нашей Россійской имперіи, какъ издревле наши прародители имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію Мы то самодержавство воспріять и соизволили“. (П. С. З. т. VIII, № 5509; 1730 г. февраля 28 дня). Черезъ пятнадцать дней Анна Іоанновна издала другой манифестъ по поводу своего вѣщанія и помазанія на царство, въ которомъ, между прочимъ, писала: „Но понеже учить насъ несомнительное слово Божіе, яко владѣеть Вышній царствомъ человѣческимъ и ему же хочетъ дать его, и отъ единого токмо Всевышняго Царя Славы земній монархи предержавную и крайне верховную власть имѣють“ (П. С. З. т. VIII № 5517, 1730 г. марта 16). Въ этомъ второмъ манифестѣ государыня особенно ясно выразила мысль о неограниченности принадлежащей ей самодержавной власти. При сопоставленіи, однако, обоихъ манифестовъ усматривается нѣкоторое различіе во взглядѣ государыни на источникъ и сущность верховной власти. Въ первомъ манифестѣ она объявляла, что управленіе Россіей приняла по волѣ народа, выразившейся во всенижайшемъ къ ней прошеніи; слѣдовательно, она допускала, что русскій народъ носитъ въ самомъ себѣ право верховной власти въ государствѣ и самъ можетъ выбирать представителя своей власти. Но чрезъ пятнадцать дней

*) За исключеніемъ кратковременныхъ царствованій младенца Іоанна Антоновича и Петра III, за которыя дѣлъ Сыскаго Приказа не сохранилось.

Анна Иоанновна измѣнила свой взглядъ на источникъ верховной власти въ Россіи: она признала источникомъ ея уже не народъ, а Всевышняго Царя Славы, Который ему же хочетъ дать царство. Богъ посадилъ на царство государыню, слѣдовательно, народъ въ этомъ случаѣ долженъ быть только подданнымъ ея и безпрекословно исполнять ея волю. Участвія въ управленіи государствомъ онъ не долженъ имѣть, потому что права верховной власти вручены Богомъ только ей—государынѣ, а не ему—народу. Такой взглядъ на верховную власть, какъ самодержавную и неограниченную, возвѣщался въ манифестахъ и во всѣхъ послѣдующія царствованія. Взглядъ этотъ выражался и въ челобитныхъ, подаваемыхъ въ правительственныя учрежденія. Челобитныя начинались обыкновенно словами: „Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская“; а въ заключеніи ихъ писалось: „Всемиловитѣйшая государыня! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить“. И самый судъ свои опредѣленія писалъ не отъ себя, а тоже отъ государыни: словами: „по указу Ея Императорскаго Величества слушано дѣло“ и пр., начинался обыкновенно всякій протоколъ и опредѣленіе суда.

По вступленіи на престолъ императрицы публиковали указы о приводѣ къ присягѣ въ вѣрности всякаго чина людей, кромѣ крестьянъ; велѣно было „прилежно смотрѣть, чтобъ никто того миновать не могъ“. Въ 1737 году, января 13-го, состоялся указъ, въ которомъ говорилось: „которые у присягъ не были, смскаются гдѣ могутъ, всѣхъ губернаторамъ и воеводамъ, обще съ епархіальными архіереи, разобрать немедленно, и изъ нихъ всѣхъ годныхъ въ службу, сколько по разбору явится, взять въ солдаты немедленно, дабы, видя то, другіе такъ безстрашно чинить не отваживались“ (И. С. З. т. X № 7158). Такіе не бывшіе у присяги дѣйствительно сыскивались и отдавались въ солдаты (№ 494 *). Въ общезитіи всѣ не бывшіе у присяги въ вѣрности назывались измѣнниками и неприсяжными людьми. Этимъ названіемъ выражалось крайнее презрѣніе къ человѣку. Напримѣръ: брянскаго Петропавловскаго монастыря архимандритъ Моисей, въ недѣлю Ваій, въ церкви, „осердась назвалъ казначея — *измѣнничиска, неприсяжный человекъ*“ (№ 421). Оказалось по справкѣ въ консисторіи, что казначей у присяги въ вѣрности былъ. Протопопъ пригорода Корсуни, симбирскаго уѣзда, запечаталъ церковь въ селѣ Дмитріевскомъ, за то, что попъ Михайла Аванасьевъ не былъ у присяги въ вѣрности (Прот. № 85 л. 24). Слѣдовательно, въ то время строго смотрѣли, чтобы всѣ были у присяги въ вѣрности,—считались измѣнниками и глубоко порицались всѣ не исполнившіе этого обряда.

*) № безъ буквъ означаетъ № дѣла Сыскаго Приказа, а Прот. съ № — № протокольной книги.

II.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА.

Обязательность ея по сословіямъ.—Служба дворянъ и ихъ привилегіи.—Служба городскихъ и посадскихъ людей, бѣлаго духовенства и крестьянъ.

Въ описываемое нами время все сословія русскаго общества призваны были къ обязательной службѣ государству. Одни изъ нихъ несли эту службу только лично, а нѣкоторые отбывали ее и лично и имуществомъ. Такимъ образомъ, все сословія были служилыми въ общемъ смыслѣ слова.

Одну личную службу несло только дворянское сословіе, и эта служба была для него повинностью, отъ которой нельзя было уклоняться и откупаться: дворянинъ не имѣлъ права, вмѣсто себя, напимать на службу когонибудь другаго, а долженъ былъ отбывать ее самъ, лично. На этомъ основаніи все молодые дворяне, достигшіе требуемаго закономъ совершеннолѣтія, обязаны были являться на службу. Добровольно явившимся къ отправленію этой государственной повинности предоставлялось право выбирать себѣ родъ службы—военной или гражданской. Укрывшіеся же отъ службы дворяне недоросли строго сыскивались и нерѣдко содержались подъ крѣпкимъ карауломъ до опредѣленія ихъ къ должностямъ конторой герольдмейстерскихъ дѣлъ, сами же не имѣли права выбирать для себя рода службы. Такъ, на примѣръ, въ 1758 году, ноября 16 дня, изъ Правительствующаго Сената отъ герольдмейстерскихъ дѣлъ присланы были въ Сыскной Приказъ для содержанія подъ карауломъ сысканные недоросли и съ ними указъ такого содержанія: „присланныхъ къ онымъ дѣламъ (герольдмейстерскимъ) изъ Переславской канцеляріи Рязанскаго недорослей содержать въ томъ приказѣ подъ карауломъ. А когда оные недоросли къ означеннымъ дѣламъ будутъ потребны, то-бъ оныхъ изъ того Приказа прислать за карауломъ же съ солдатами“ (№ 4261, л. 8).

Во всехъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ высшія должности занимали дворяне. Это подтверждается всеми дѣлами Сыскаго Приказа: присутствіе его составлено было все изъ дворянъ; равнымъ образомъ, и въ военной службѣ офицерскія должности тоже занимали дворяне. Въ гражданскихъ правительственныхъ учрежденіяхъ даже въ секретари запрещено было опредѣлять не изъ шляхетства, „дабы они потомъ въ ассесоры и въ совѣтники и выше происходить не могли“ (И. С. З. VII т. № 4449, 1724 г. янв. 31 д.). Дворяне, однако, должны были начинать свою службу съ самыхъ высшихъ степеней: военную — съ солдата (№ 2406), а гражданскую — „съ самыхъ нижнихъ дѣлъ при-

казныхъ“ (№ 4225). Эта служба съ нижнихъ приказныхъ дѣлъ была школою для дворянскихъ дѣтей, гдѣ они обучались письму, ариѳметикѣ, „всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ самыхъ нижнихъ приказныхъ дѣлъ и что касается до знанія въ государственныхъ правахъ“ (Ibid.), „дабы они со-временемъ могли происходить въ вышній градусъ и до министерскаго чина“. Другаго пути для достиженія „вышнихъ градусовъ“ не было, какъ сказано въ табели о рангахъ (II. С. З. т. VI). Но дворяне, поступавшіе на службу въ канцеляріи, не смѣшивались съ остальными канцелярскими служителями изъ разпочинцевъ и отличались отъ нихъ даже особымъ названіемъ: „коллежскихъ юнкеровъ“, когда они занимали штатныя должности, и „титулярныхъ“, если они еще таковой не занимали и не получали жалованья (№ 4225). Всѣ дворяне, занимавшіе штатныя должности, получали отъ правительства жалованье сообразно чину и должности. Военные чины, занимавшіе мѣста въ гражданскихъ учрежденіяхъ, получали и денежное жалованье, и довольствіе хлѣбомъ по табели, установленной для военныхъ чиновъ 1712 и 1720 гг. (Прот. № 83 л. 66).

Всѣ остальные сословія русскаго государства—городскіе и посадскіе люди, бѣлое духовенство и крестьянство—несли государеву службу и лично и имуществомъ. Городскіе и посадскіе люди, во первыхъ, служили по казеннымъ сборамъ и торгамъ: напримѣръ, при продажѣ соли, для сбора винныхъ, таможенныхъ, мостовыхъ и пр. денегъ. „Если изъ купечества понадобятся въ какую коллегію“, говорится въ регламентѣ главнаго магистрата, „для опредѣленія къ какимъ казеннымъ сборамъ, что по вся годы бываетъ необходимо, — и о томъ изъ тѣхъ коллегій писать въ главный магистратъ“ (II. С. З. т. VI № 3708, 1721 г. янв. 16 д.). Купецъ Калашниковъ показалъ, между прочимъ, на допросѣ въ Сызкномъ Приказѣ, что „онъ былъ въ Дмитровскѣ, что на Мышинкѣ, у казенной соляной продажи головою и принялъ онъ отъ бывшаго бурмистра соли 19,688 пуд.“ (Прот. № 102, л. 152). Въ дѣлѣ есть свѣдѣніе, что онъ поставленъ на эту должность по выбору отъ купечества. Эта служба была повинностью, отъ которой купечество не имѣло права уклоняться. Во вторыхъ, личная служба городскихъ и посадскихъ людей государству состояла въ отбываніи рекрутской повинности (№№ 4245, 3927). Но эта личная служба городскихъ и посадскихъ людей существенно отличалась отъ такой же службы дворянства, съ одной стороны, тѣмъ, что купческаго званія люди не всѣ поголовно обязаны были служить въ военной службѣ, а выдѣляли изъ себя для этой цѣли только нѣсколько членовъ, и притомъ не ежегодно, а когда наступала для этого надобность: когда верховая власть имѣла нужду въ пополненіи арміи и объявляла рекрутскій наборъ. Съ другой стороны, городскіе и посадскіе люди имѣли право ставить, вмѣсто себя, въ рекруты наймитовъ, что они большею частію и дѣлали (Прот. № 73, л. 72). Между тѣмъ, дворяне этого права не имѣли. Наконецъ,

городскіе и посадекіе люди служили государству разными денежными сборами (№ 2036).

Бѣлое духовенство, какъ сословіе, тоже отбывало службу государству и лично и имуществомъ. Собственно лица, имѣвшія священно-служительскій чинъ, прямо не отбывали государственной службы: они были исключительными служителями церкви и къ ней приурочены были всѣ ихъ обязанности и повинности. Но дѣти священно-служителей, достигшіе совершеннолѣтія, и всѣ церковно-служители отбывали службу государству. Всѣ эти лица платили подушныя подати, и поступали иногда въ рекруты, по повелѣнію верховной власти (№ 494 Прот. № 113).

Такія же повинности государству отбывали и крестьяне. Они обязаны были, когда повелитъ верховная власть, ставить изъ своей среды рекруты; кромѣ того, ежегодно платили подушныя подати и разные государственныя сборы „по нарядомъ“ (№ № 3135, 145 и др.).

Такимъ образомъ, всѣ русскіе граждане обязаны были нести государственную службу. Освобождена была отъ нея только монашествоующая братія.

Въ настоящей главѣ мы сдѣлали лишь краткій очеркъ повинностей разныхъ сословій по отношенію къ государственной службѣ. Подробнѣе объ этихъ повинностяхъ будетъ сказано въ послѣдующихъ главахъ, гдѣ мы будемъ описывать общественный бытъ каждаго сословія въ отдѣльности.

III.

Д В О Р Я Н Е.

Дворы дворянскіе въ городѣ и деревнѣ.—Домовыя церкви.—Швейс.—Одежда.—Убранства.—Предметы роскоши.—Дворня и служба ея: домоправители, ходатаи по дѣламъ, егеря и скороходы.—Доходы помѣщиковъ.—Занятія.—Забава.—Права помѣщиковъ на крепостныхъ и отношенія къ нимъ.—Отношенія помѣщиковъ между собой.—Наказы.—Образованіе.

Если взять до-петровскаго дворянина, вотчинника или помѣщика, то онъ по своему образованію, вкусу, потребностямъ и привычкамъ, мало чѣмъ отличался отъ простаго селянина. Престарѣлый дворянинъ часто проводилъ весь вѣкъ свой въ деревнѣ и умиралъ тамъ, рѣдко бывая въ городѣ. Но, призванный Петромъ Великимъ къ обязательной и безсмѣнной службѣ государству, дворянинъ долженъ былъ покинуть деревню и переселиться въ городъ. Такимъ образомъ, между простымъ земскимъ сплавомъ явилось въ городѣ отличное дворянское со-

словіе, которое стало селиться въ немъ своими дворами и тѣмъ измѣнило самую фізіономію города. Имѣя въ своемъ распоряженіи всегда готовую и даровую рабочую силу, дворянство стало строить въ городахъ дома по преимуществу каменные, которые рѣзко отличались отъ дворовъ земцевъ. Дома дворянъ, большею частію, строились въ два этажа, изъ коихъ въ нижнемъ помѣщались кухня, скатертная, гардеробная и прочія службы, тутъ же жила прислуга; а въ верхнемъ помѣщался самъ помѣщикъ съ семействомъ. Именитое и богатое дворянство строило дома большіе, со множествомъ парадныхъ нежилыхъ покоевъ, которые назначались только для торжественныхъ случаевъ. Судейскій осмотръ Сыскаго Приказа сдѣлалъ слѣдующее, на примѣръ, описаніе дома генерала Шепелева: „въѣхавъ на дворъ, отъ воротъ входы въ покои къ переднему крыльцу налево, а къ заднему направо, откуда былъ входъ въ тѣ покои (гдѣ генералъ Шепелевъ найденъ былъ застрѣлившимся). А какъ вошли къ тѣмъ покоямъ въ сѣни, и въ тѣхъ сѣняхъ налево, вверху, поварня и скатертная, гдѣ обѣдывали люди. А вошедъ на лѣстницу, вверху, изъ сѣней къ покоямъ двѣ двери—одна прямо, въ называемую заднюю (въ покои для жилья помѣщика), а другія налево, въ крестовую. Изъ крестовой двои двери въ свѣтлицу съ балхономъ, а изъ той въ называемую ольховую, а изъ той въ дубовую, а потомъ въ прихожую, а изъ той прихожей въ переднія сѣни, а изъ сѣней сходъ на дворъ. А вошедъ въ крестовую, на правую сторону дверь въ столовую палату, также и изъ задней въ столовую дверь же. Изъ столовой въ спальню дверь на лѣвую сторону. Изъ спальни двое двери—одна въ копторку, а другая въ большую прихожую“ (№ 2415). На дворѣ находились каменные службы: конюшни, экипажные сараи, кладовая, или казенная палата, въ которой хранились пожитки и драгоценности. Эти палаты строились съ маленькими окнами съ желѣзной рѣшеткой, съ желѣзными толстыми дверями, которыя запирались массивными засовами. Сколько нибудь подробнаго описанія городского дома дворянъ менѣе богатыхъ въ дѣлахъ Сыскаго Приказа нѣтъ. Есть только отрывочныя упоминанія о свѣтлицахъ, о кабинетѣ, о коморкахъ для дворовыхъ дѣвушекъ, о чуланахъ, въ которыхъ хранились „домашніе животы“, деньги и драгоценности, о приворотней избѣ, въ которой жили сторожа и дворники; эта же изба служила и карцеромъ для провинившихся челядинцевъ. Кромѣ городскихъ домовъ, нѣкоторые дворяне имѣли и загородные дворы, служившіе имъ дачей, куда переселялись на лѣтнее время. Небогатые дворяне не имѣли въ городѣ своихъ дворовъ и жили на квартирахъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не удерживала въ городѣ государева служба, опять переселялись въ деревню. Деревенскіе дворы небогатыхъ дворянъ и по архитектурѣ, и по внутренней распланировкѣ, не много отличались отъ крестьянскихъ домовъ. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа есть такое описаніе деревенскаго

дома небогатаго дворянина, Самойлы Петрищева, прапорщика повгородскаго драгунскаго полка. „Хоромное строеніе—двѣ свѣтлицы съ комнатами новыя; промежду нихъ сѣни рубленныя разнаго лѣсу. Въ одной свѣтлицѣ печь бѣлыхъ кафлей; въ комнатѣ килимъ (коверь) разныхъ цвѣтовъ. Кромѣ той связи, черная горница съ сѣнми и чуланомъ—рубленная; одна приворотная изба съ клѣткою дробнаго лѣса, промежь нихъ сѣни плетевыя. Три анбара рубленныя разнаго дробнаго лѣсу; въ одномъ два напола порожнихъ, да въ третьемъ муки ржаной съ четверть. Баня разнаго лѣсу съ сѣнми плетевыми. Въ томъ дворѣ ворота въ дву веряхъ дощатыя. По одну сторону въ ономъ дворѣ сарай, и огороженъ тотъ дворъ скитомъ. Все строеніе крыто соломою“ (№ 3120 л. 642). Что касается внутренняго убранства и мебелировки дворянскихъ жилищъ, указаній въ дѣлахъ Сысканаго Приказа не встрѣчается. Можно, однако, полагать, что у большихъ бояръ убранство домовъ было на европейскій ладъ. У генерала Шепелева, напримѣръ, „въ спальнѣ кровать была англиская о четырехъ столбахъ, съ крышкою, и около ея завѣсъ, раздѣленный на четыре части къ столбамъ“.

Богатые дворяне устраивали при своихъ дворахъ домовыя церкви и крестовыя палаты. При этихъ домовыхъ церквахъ дьячками были дворовые люди. Дворовый человекъ князя Сергія Алексѣевича Голицына Антипъ Ивановъ, напримѣръ, показалъ на судѣ: „по приказу онаго князя, былъ при крестахъ и въ церкви Антипія Чудотворца для читанія и пѣнія замѣсто попомаря. „При домовой церкви Головкина дьячкомъ былъ его же дворовый человекъ (№ 1023). А священнодѣйствовали въ домовыхъ церквахъ, такъ называемые, недѣйствительные священники. Нѣкоторые изъ недѣйствительныхъ священниковъ жили постоянно въ боярскихъ дворахъ, получая ежегодную ругу. Такъ попъ Андрей Григорьевъ показалъ: „въ 1749 году, за недачею руги, отъ князя Долгорукова самъ собою сшелъ, а по отходѣ нынѣ нахожусь при церкви Антипія Чудотворца, въ придѣлѣ Николая Чудотворца, недѣйствительнымъ священникомъ, который придѣлъ находится на содержаніи кошта князь Сергія князь Алексѣева сына Голицына, служу при крестахъ, отъ котораго получаю и жалованье—денегъ въ годъ 10 р., муки ржаной 10 четвертей, солоду четверть, крупъ осмину и прочаго запасу по разсмотрѣнію его; и жительство имѣю въ домѣ его Голицына въ особливомъ покоѣ, гдѣ живутъ конюхи и мастеровые“ (№ 2227). При другихъ же домовыхъ церквахъ и крестовыхъ палатахъ священники служили временно: занимались только для извѣстнаго дня и для извѣстной службы, за задѣльную плату, и по окончаніи службы тотчасъ уходили. Дворяне часто не спрашивали объ именахъ такихъ священниковъ и не разуживали—дѣйствительно ли они имѣютъ санъ священства и не запрещены ли въ служеніи и священнодѣйствіи духовнымъ начальствомъ. Достаточно

было для нихъ, если лицо, напявшаея служить, знало церковную службу и порядокъ ея. Дворянинъ Цызаревскій показавъ на допросѣ: „напимались священники временно, которые отслуживъ ухаживали, а куда—о томъ не извѣстно, и объ именахъ ихъ и откуда они—нужды тогда не имѣлось“ (№ 307). Разбойникъ и тюремный уткелецъ, бывшій попъ Молодельской станицы, на р. Медвѣдицѣ, Иванъ Петровъ, явившись въ Петербургъ, чтобы припести государынѣ повинную въ своихъ злодѣяніяхъ, между прочимъ, поступилъ домовымъ священникомъ къ адмиралу Захару Даниловичу Мишукову, у котораго прослужилъ цѣлыхъ полтора года (№ 993). По дѣлу Сыскапаго Приказа видно, что Иванъ Петровъ послѣ разгрома разбойничей шайки, въ которой онъ находился, проживалъ въ разныхъ мѣстахъ съ фальшивыми паспортами. Слѣдовательно, онъ вовсе не имѣлъ „ставленой или спатрахиальной грамоты,“ свидѣтельствующей о его священствѣ. Это отсутствіе грамоты не мѣшало, однако, попу Ивану священнодѣйствовать при церкви Мишукова; слѣдовательно, болре вовсе не заботились о томъ, чтобы удостовѣриться въ полноправности наемнаго попа. Такая перадивость богатыхъ дворянъ въ выборѣ священниковъ, приглашаемыхъ для службы въ крестовыхъ палатахъ и священнодѣйствія въ домовыхъ церквахъ, обратила на себя вниманіе правительства, которое приняло противъ этого обычая строгія мѣры. Въ духовномъ регламентѣ, въ „Прибавленія о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“, въ 18 ст. напечатано: „Великое суетвѣріе и тщеславіе нѣкихъ мірскихъ лицъ есть—попы въ домъ звать на пѣніе вечерни или заутрени и пр. Если кто невѣжда сіе творитъ, то не диво—суетвѣренъ есть и исправленія требуетъ. А если творитъ сіе человекъ съ разумомъ, то весьма гордъ есть, ибо онъ вѣдаетъ, что всякъ христіанинъ имѣетъ и долженъ имѣти дерзновеніе (какъ учитъ апостолъ ко Евреомъ 10 гл.) приступать къ Богу во извѣщаніи вѣры и держати исповѣданіе упованія неуклонно: вѣренъ бо есть обѣщавый. Вѣдаетъ и то, что священникъ начальникъ и служитель есть молитвы общій въ дому молитвы, т. е. въ церкви Божіей, иначе священнодѣйствія безкровныя жертвы и прочихъ таинъ, которыя безъ священника быти не могутъ. Каяжь причина звать священника въ домъ на пѣніе, которое и безъ него быти можеть? И для чего сіе толикое властей и богатыхъ человекъ отъ убогой братіи разствіе, къ которымъ въ домъ священники на пѣніе не приходятъ? Воистинну раздраженіе се, а не умоленіе Божіе есть. Бываютъ же по многимъ дворамъ попы бѣглецы, порочніи, и отъ архіереевъ своихъ запрещеніи, самозванцы, и иныхъ же вдовы держатъ подъ образомъ потребъ церковныхъ, не безъ подозрѣнія, яко во явилось въ духовныхъ дѣлахъ. Отъ такихъ поповъ, скрыто живущихъ по дворамъ, многія дѣются беззаконія: браки неправильныя вѣнчаются и пр. Того ради сей безчинный обычай весьма оставиь,, а на преслушниковъ налагать штрафы“ (№ 979, л. 8). Не смотря

однако, на это правило духовнаго регламента, повелѣвающее всѣмъ для молитвы ходить въ общественные храмы, обычай имѣть домовныя церкви и крестовыя палаты и приглашать для отправленія службъ церковныхъ всякихъ „поповъ“ практиковался въ то время, какъ мы видѣли, совершенно открыто. Нѣкоторые вельможи имѣли при своихъ домовныхъ церквахъ даже дѣйствительныхъ священниковъ. Такъ въ дѣлѣ за 1741 г. есть одна челобитная священника, въ которой написано было такъ: „бьетъ челомъ церкви Сергія Чудотворца, что при домѣ генерала и кавалера Василья Ѳедоровича Салтыкова, священникъ“... (№ 5, л. 7). У вдовы грузинскаго царевича Бакара, Анны Егоровой, при домовой церкви „Всѣхъ Скорбящихъ“ былъ дѣйствительнымъ дьячкомъ Алексѣй Молодиновъ (№ 4119, л. 14). Безъ сомнѣнія, дѣйствительные священники и дьячки опредѣлялись къ домовнымъ церквамъ духовною властію. У нѣкоторыхъ бояръ при домовныхъ церквахъ содержались даже хоры пѣвчихъ, которые являлись къ службѣ въ богатыхъ и дорогихъ парадныхъ ливреяхъ особеннаго покроя. Такой хоръ пѣвчихъ былъ при домовой церкви свѣтлѣйшей княжны Екатерины Ивановны Трубецкой. Солдатка Прохорова, взятая въ Сыскной Приказъ для розысковъ въ кражѣ, между прочимъ, показала: „напялась она къ служителю княжны Трубецкой и, будучи пьяная, взошедъ въ свѣтлицу, гдѣ лежитъ пѣвческое платье, и въ этой свѣтлицѣ съ трехъ пѣвческихъ кафтановъ суконныхъ желтыхъ, которые обшиты кругомъ позументомъ серебрянымъ, позументъ она спорола. Также покрала она три пѣвческія полукафтаны камчатныя, голубыя, съ позументомъ серебрянымъ (№ 3583)“. Такимъ образомъ, знатные дворяне въ это время обходили вышеупомянутое правило духовнаго регламента и продолжали держаться обычая строить и содержать домовныя церкви. И духовная власть сама уступила желанію дворянъ, допустивъ въ домовныя церкви дѣйствительныхъ священниковъ и тѣмъ самымъ сама нарушила правила духовнаго регламента. Знатный дворянинъ не хотѣлъ въ то время идти въ общій храмъ молитвы. Двѣ причины руководили имъ въ этомъ отношеніи: для него было униженіемъ — молиться рядомъ съ незнатными людьми. Онъ — „гордъ бо есть,“ какъ объяснено въ регламентѣ. Съ другой стороны, крестовая палата и домовая церковь были для дворянина необходимымъ придаткомъ къ роскоши и пышности его двора.

Пышность и роскошь были въ то время недугомъ русскаго дворянства. Это и понятно. Съ переселеніемъ дворянъ въ городъ, тамъ создался рынокъ на европейскій образецъ. На рынкѣ явились произведенія искусствъ, индустріи, прихоти и моды. Съ одной стороны, предложенія рынка были заманчивы по богатству и изяществу предметовъ, а съ другой у дворянина было въ это время много денегъ, и денегъ даровыхъ, которыя стекались въ его казну безъ малѣйшаго съ его стороны труда, и которымъ, слѣдовательно, цѣны онъ

не зная. И потянули дворяне на рынокъ. У дворянина развился вкусъ и явилось соперничество блеснуть другъ передъ другомъ своимъ богатствомъ и вкусомъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ создавалось полное служеніе роскоши, модѣ и щегольству. Одежда дворянъ того времени поражаетъ своимъ количествомъ и дороговизной. Такъ у графини Екатерины Алексѣевны Салтыковой въ списокъ вещей, покраденныхъ изъ кладовой палаты, значится слѣдующее платье: „роба коричневая парчевая съ серебромъ и съ юпкой, цѣна 250 р.; самара бѣлая обьяринная съ галуномъ золотымъ — 200 р.; самара коричневая парчевая съ серебромъ и съ юпкой—150 р.; самара черная бархатная и съ юпкой—90 р.; самара тафтяная зеленая—50 р.; самара фіолетовая насыпная съ сѣткой серебряной и съ юпкой—200 р.; плафрокъ коричневый парчевый съ серебромъ 160 р.; плафрокъ брусничной парчевой съ юпкой—150 р.; шуба парчевая синяя съ золотомъ на лисьемъ мѣху—120 р.; шуба бѣлая атласная на бѣльемъ мѣху—40 р.“ Итого на сумму—1684 р. А у дочери Салтыковой, графини Екатерины Владиміровны Апраксиной, покрадено въ этотъ же разъ: „сепанча на собольемъ мѣху, опушка и воротникъ собольи жъ, покрыта парчей бѣлой, цѣна—700 р.; самара алая парчевая, юпка, шлейфъ и лифъ робной такой же—300 р.; робронъ бѣлой съ золотомъ и серебромъ, по немъ розы, парчевой, съ юпкой такой же—270 р.; робронъ парчевой пунцовой съ юпкой такой же—190 р.; робронъ бѣлой парчевой съ золотомъ и серебромъ съ юпкой такой же—210 р.; робронъ бѣлой парчевой съ серебромъ и съ юпкой такой же—180 р.; робронъ алой люстриновый съ юпкой такой же и выложенъ серебрянымъ флеромъ—100 р.; робронъ зеленый люстриновый съ юпкой такой же и съ серебряной сѣткой—100 р.; сепанча бѣлая парчевая съ золотомъ, на бѣльемъ мѣху сѣтромъ—60 р.; исподняя юпка бѣлая парчевая, выложена розовой парчей—50 р.; исподняя юпка бѣлая, шитая серебромъ съ голубымъ шелкомъ—35 р.; исподняя юпка стеганая, алая атласная, выложена сѣткой серебряной—40 рублей“. Итого на сумму—2235 рублей (№ 2868, л. 6). Сумма большая для того времени! Это еще не все платье, которое имѣли Салтыкова и ея дочь Апраксина. Объ онѣ, во время покражи, были въ отъѣздѣ на лѣтнее время изъ Москвы: безъ сомнѣнія, съ ними было еще много платья. Мы записали выше перечень платья знатныхъ особъ того времени; но и у небогатыхъ помѣщицъ платье было тоже богато для ихъ средствъ. У Степаниды Ивановны Нетесовой, напимѣръ, когда она ѣхала изъ Москвы въ свою вотчину, воровскіе люди пограбили ея пожитки, между которыми: „полшлафорокъ съ юпкой грезетовые, цѣна—60 р.; шлафоръ обьяринной пунцовый—20 р.; шапка подвязная парчевая, по гвоздичной землѣ золотыя травы съ пукетцами, опушена соболемъ—6 р.; мантилья черная тафтяная съ капишономъ—25 р.; шуба штофная кофейная съ пукетами алыми

и съ другими цвѣточками на лисьемъ мѣху—45 р.; четыре роброна и съ юпками—30 р.; нѣсколько шубъ и разныхъ матерій; шугай грезетовый—10 р.; дюжина рубашекъ женскихъ съ манжетами камортковыми шитыми—35 р.; шесть чепчиковъ камортковыхъ съ кружевомъ—10 р.; шесть косынокъ камортковыхъ и шесть голландскихъ—7 р.; три платка италіанскихъ—6 р.; платковъ тафтяныхъ и ситцевыхъ семь—20 р.“ и пр. (№ 4212, л. 33).

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно, что одежда русскаго дворянства представляла смѣсь иностраннаго образца съ русскимъ. Женщины носили робы, роброны, плафроки и полуплафроки, самары, юбки и пр. Шились они изъ парчи, камки, объари, атласу, бархату, тафты, штофу, грезета, гарнитура, тарценеля и пр. Все платье, по большей части, отдѣлявалось серебряной, иногда и золотой, сѣткой. Верхнее платье женщинъ составляли—спанечки, шубы и шубки, шугай, мантильи, балахоны, бострокъ (безрукавка, куртка со сборками), и пр. На головѣ носили косынки разныхъ матерій, чепчики камортковые, „коломенку добраго“, полотняные, камчатные и другихъ матерій, которые отдѣлявались кружевомъ, серебряной бахромой и вышивались золотомъ и серебромъ. Зимой носили шапки подвязныя парчевыя, бархатныя и др. съ опушкой собольей, куньей, разсомачьей и пр.; шапки косыя изъ камки, атласу и бархату, шитыя серебромъ и золотомъ. Женщины любили украшать свою голову лентами золотыми съ поднизью жемчужною и жемчужными „переденками, низаными репьемъ и разными узорами“. На шею надѣвали дорогіе перлы жемчужные, съ привѣсными крестами алмазными и золотыми, съ изумрудами, яхонтами, и другими камнями, складпи алмазные и кресты на серебряныхъ и золотыхъ цѣпочкахъ. Серьги, перстни и кольца составляли необходимую принадлежность женскаго туалета и любимѣйшее украшеніе. Въмѣсто браслетъ нѣкоторыя дамы надѣвали на руки жемчужныя цитки, золотыя съ жемчугомъ зарукавья. Женщины носили перчатки кожаныя лайковыя, шелковыя и шерстяныя. Форма ихъ была двойная: перчатки съ пальцами, и съ кондырями. Обувь женская состояла изъ сапогъ и бапмаковъ преимущественно сафьяныхъ, алаго и голубаго цвѣта, также грезетовые съ позументомъ серебрянымъ. Башмаки застегивались пряжками „пресметальными“, серебряными, стальными и мѣдными. Чулки работались изъ шолка, гаруса, шерсти и нитокъ съ серебряными стрѣлками и подвязывались подвязками шолковыми съ пряжками.

Мужское платье дѣлилось на служебное и партикулярное. Служебное платье дѣлалось преимущественно, если не исключительно, изъ сукна самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: краснаго, голубаго, синяго, сѣраго и пр. У сержанта Воейкова разбоемъ взято: кафтанъ стросвой съ камзоломъ и штанами красными, цѣна 50 р., камзолъ съ позументомъ золотымъ красной, штаны триковые розовые (№ 3311). У прапорщика Соснина пограблено: кафтанъ строевой суконной офи-

церской по 1 р. 30 к. за аршинъ; камзолъ красной суконной, покупано по 1 р. 90 к. (№ 18, л. 14). Партикулярное платье шилось изъ разныхъ матерій всякихъ цвѣтовъ: изъ парчи, атласа, бархата, сукна и пр. Камзолъ и штаны шились по преимуществу изъ одной матеріи. Это считалось модой. Штаны шились также изъ лосиной кожи и замшевые. Мушкетеры носили кафтаны, камзолы, бастроки, бешметы. Верхнее платье было: шубы мѣховыя, которыя шились иногда съ *балетомъ* (можетъ быть съ воротникомъ, или съ капюшономъ?), епанчи, зимнія на мѣху, которыя были безъ рукавовъ, пуговицы на правой полѣ, а на лѣвой „приполокъ“ (№ 2581), тулуны и полушубки. Для опояски дворяне употребляли кушаки шолковые персидскіе, которые стоили 10 и 20 р. Мужскія рубашки были и русскія, съ косымъ воротомъ и съ „подплеками“, и заграпичныя. У надворнаго совѣтника Толстаго покрадена, между прочимъ, „рубашка голландская съ шитыми манжетами—цѣна 8 р., а въ ней запонокъ двѣ золотыхъ съ изумрудами, серебряныхъ двѣ съ хрустальями—15 р.“ (№ 4143, л. 4). Шапки мужскія были изъ разныхъ матерій и разныхъ формъ: дѣлались шапки суконныя зеленаго цвѣту, опушка разсомачья; шапки красныя суконныя, опушка сѣрая бухарская, шапки отвороты лисья; были шапки бархатныя съ калмыцкими и собольими околышами.

У богатыхъ и знатныхъ дворянъ того времени столовая и чайная посуда была изъ серебра, а у небогатыхъ — оловянная, хрустальная и фарфоровая. Драгоценными металлами и камнями дворяне любили украшать различные предметы своего домашняго обихода: ножи, кинжалы, сабли, ружья, конскую сбрую, трости и пр. Дворянство того времени любило приобретать драгоценности. Напримѣръ: у Степаниды Ивановны Нетесовой, сравнительно небогатой дворянки, пограблены слѣдующія драгоценныя вещи: „жемчугу крупнаго 12 литокъ, да мелкаго—10, цѣна—200 р.; складень алмазной, что на шеѣ носятъ—300 р.; серьги брилліантовыя—200 р.; серьги синія яхонтовыя съ бурмицкими зернами—100 р.; перстень брилліантовый—200 руб.; стопа серебряная на ножкахъ чеканная—20 р.; посуды серебряной: два подноса, двѣ дюжины чашекъ кофейныхъ, да чайникъ, сахарница, ложекъ двѣ дюжины—250 р.“ (№ 4262 л. 33). У жены лейбгвардіи преображенскаго полка капитана Лутовскаго ограблены на дорогѣ: „скрипочка, въ которой было чужестранныхъ червонныхъ двѣсти—цѣна 460 р.; медалей золотыхъ разныхъ російскихъ и чужестранныхъ, большихъ и малыхъ, цѣна 150 р., табакерка золотая—150 р., складень, что на шеѣ носятъ, съ алмазами и красными яхонтами—400 р., перстень въ золотѣ брилліантовый—300 р., другою перстень яхонтовый, осыпанъ брилліантами—200 р., жемчугу персидскаго на руки шестнадцать витокъ—500 р., нюхальница, что держатъ духи, финифтяная въ золотѣ—20 р., табакерка съ зеркальцомъ въ золотѣ-жъ—60 р., часы золотыя съ финифтью и съ

крюкомъ—150 р., готовальня золотая съ крюкомъ—150 р. (№ 5079). “ У сержанта Воейкова, когда онъ ѣхалъ на службу, пограблены разбойниками разные пожитки, въ томъ числѣ: „перстень бриліантовый—120 р., другой такой же—80 р., два кольца золотыя; часы тумпаковыя съ цѣпочкою золотою — 80 р.; часы серебряныя—20 р.; погребецъ; въ немъ шесть скляницъ хрустальныхъ, двѣнадцать чашекъ серебряныхъ, шесть стакановъ серебряныхъ вызолоченныхъ на ножкахъ, кружка серебряная вызолоченная—40 р., подносъ серебряный—25 р., солонка серебряная“ и пр. (№ 3311). Конскую сбрую нѣкоторые дворяне украшали съ азіатской роскошью. Такъ, коллежскій совѣтникъ князь Мещерскій заявилъ въ Сызскомъ Приказѣ, что у него украденіи были воровскими людьми изъ кладовой палаты: мундштукъ серебряный наборный сплошной — 300 р., къ нему уздечка тканая серебряная—8 р., мундштукъ персидской серебряный вызолоченъ — 180 р., къ нему уздечка тканая золотая—15 р. (№ 2278. л. 40).

Въ описываемое нами время дворяне держали при своихъ домахъ многочисленную дворню. Чѣмъ богаче и знатнѣй былъ дворянинъ, тѣмъ больше онъ содержалъ дворовыхъ людей. У самыхъ знатныхъ вельможъ того времени были цѣлыя полки дворни, большая часть которой бездѣльно влачила свои дни на господскомъ дворѣ и имѣла единственнымъ назначеніемъ — свидѣтельствовать, своимъ многочисленствомъ, о знатности и богатствѣ своего патрона. Дворяне сами платили подушныя за своихъ дворовыхъ людей, содержали и одѣвали дворню болѣе или менѣе богато, смотря по мѣсту каждаго человѣка, которое онъ занималъ въ барскомъ домѣ. Главные, такъ сказать, ближніе къ боярину служители одѣвались у иныхъ дворянъ весьма богато. Такъ, вышеупомянутый князь Мещерскій, заявляя о покражѣ пожитковъ, наименовалъ, между прочимъ, слѣдующее лакейское платье: покрадено лакейскихъ камзоловъ зеленаго аглицкаго сукна съ позументомъ золотымъ двѣнадцать, по 50 руб. каждый—600 руб.; шесть камзоловъ суконныхъ лосинаго цвѣту съ галуномъ бархатнымъ неразрѣзнымъ лосинаго и сянга цвѣту—по 25 р.—150 р., лакейскихъ синихъ кафтаповъ съ лосиними камзолами двѣнадцать паръ по 17 р.—204 руб. Такое одѣяніе имѣли лакеи, которые, служа при лицѣ самаго господина, были всегда на выставкѣ. Дворня же, которая далеко была отъ парадныхъ лѣстницъ и барскихъ покоевъ, поражала бѣдностью одежды. Напримѣръ: пять полныхъ костюмовъ черной дворни Мещерскаго, состоящихъ изъ шубы, камзола, штановъ, сапогъ, рукавицъ и шапки, стоили всего 10 руб.; слѣдовательно, по два рубля каждый костюмъ (№ 4262, л. 33). Служебная іерархія дворни при господскомъ дворѣ дробилась на множество должностей. Главной и почетной должностью считалась должность домоправителя. Въ его лицѣ сосредоточивалась вся власть по управленію: онъ вѣдалъ и хозяйственныя и административныя дѣла въ городскомъ барскомъ домѣ; иногда простиралъ свои дѣйствія

и на управленіе вотчинами. Такъ, крестьянинъ графа Александра Гавриловича Головкина Иванъ Тимофеевъ показалъ, что онъ пришелъ въ Москву отъ прочихъ крестьянъ къ домоправителю господина его по ихъ крестьянскимъ нуждамъ (№ 3868, л. 15). Домоправитель завѣдывалъ вмѣстѣ и домовою конторой, при которой были писцы и счетчики (№ 454, 3859). При домовою конторѣ состоялъ стряпчій— „человѣкъ, который за дѣлы ходитъ“. Домашній стряпчій—было важное лицо въ жизни тогдашнихъ дворянъ. Сами дворяне не ходили въ судъ, съ одной стороны, потому, что самолично не могли вести дѣлъ въ судахъ, не зная всей махинаціи тогдашняго судопроизводства; съ другой—они заняты были государственной службой. Поэтому они и содержали при своихъ домахъ особыхъ людей, „которые за дѣлы ходятъ“. Во всѣхъ судебныхъ, административныхъ и полицейскихъ учрежденіяхъ эти люди замѣняли собой лицо своего господина и пользовались нѣкоторой оффиціей. Когда, напримѣръ, требовалось въ судѣ по дѣлу дворянина какое-нибудь объясненіе или „отвѣтствованіе“, то судъ обращался не къ господину, а посылалъ сыскную память его „человѣку, который за дѣлы ходитъ“. Самого господина какъ будто не было для суда. Напримѣръ: по дѣлу капитана Писарева присутствующіе Сыскаго Приказа, распредѣливъ выти, постановили такое опредѣленіе: „послать солдата съ сыскною памятю въ домъ прапорщика Алексѣя и квартирмистра Степана Колычевыхъ для взятія людей, которые за дѣлы ходятъ, для прикладыванія къ учиненной вытной выпискѣ руки“ (№ 407, л. 16). Военная коллегія тоже послала солдата съ сыскной памятю въ домъ дѣйствительнаго камеръ-юнкера Головкина „для взятія его человѣка, который за дѣлы ходитъ, для отвѣтствованія“ (№ 1023, л. 26). Если посланные отъ суда не находили стряпчаго, то судъ ждалъ, когда будетъ возможность этому человѣку явиться въ судъ. Солдатъ, посланный военной коллегіей въ домъ Головкина для взятія человѣка его, который за дѣлы ходитъ, объявлялъ: „ту сыскную память объявилъ управителю, а тотъ прочитавъ сказалъ, что такого человѣка въ домѣ теперъ нѣтъ, а посланъ онъ въ вотчину господина для деревенскихъ нуждъ; а когда явится въ домъ, то будетъ посланъ въ контору военной коллегіи для отвѣтствованія“. Нѣкоторые изъ такихъ ходатаевъ намѣренно уклонялись отъ призыва въ судъ, тогда посылали по нихъ съ сыскной памятю по нѣскольку разъ. Такъ, по тому же дѣлу Писарева, посланные въ домъ Колычевыхъ для взятія стряпчихъ объявили въ Сыскаго Приказѣ: „по данной имъ сыскной памяти ходили они на дворы помянутыхъ Колычевыхъ для сыску людей ихъ, которые за дѣлы ходятъ, и другихъ людей, кто со двора сойдетъ, многократно по многіе дни, въ разныя времена, и у двора дожидались, чтобъ кто-нибудь сошелъ;—и съ того двора Колычевыхъ люди ихъ никто не сходятъ и отъ нихъ посланныхъ укрываются не вѣсть для чего“. Когда, послѣ долгихъ поисковъ, не находили домо-

выхъ ходатаевъ, то брали „въ сыску ихъ“ кого попало изъ крѣпостныхъ того помѣщика, чей нуженъ былъ ходатай. Такъ, Сыскной Приказъ по дѣлу полковницы Анны Ивановой Полянской постановилъ такое опредѣленіе: „велѣно оному просителю Верещагину (служителю и ходатаю Полянской) въ разбоѣ дому госпожи его вѣдаться судомъ и для того крестьянъ Малышева и Грячпикова отослать въ судный приказъ съ промеморіей. И для отдачи ея къ печати по означеннаго Верещагина послать сыскныя памяти. А сказками посланные сказали, что оный Верещагинъ укрывается. А по третьему сыску помянутаго Верещагина, взяли другаго человѣка Антона Никитина и сего 23 февраля при слушаніи дѣла и сказокъ означенный Никитинъ призванъ предъ присутствіе и объявлено ему, чтобъ онъ далъ на гербовую бумагу и взятыя промеморіи для запечатанія въ печатную контору и платежа пошлинъ; на что оный Никитинъ объявилъ, что у него денегъ никакихъ не имѣется и печатныхъ пошлинъ ему платить печѣмъ. Приказали: Никитина посадить подъ караулъ, а повѣреннаго Верещагина въ Сыскной Приказъ сыскивать“ (№ 2083). Изъ этой выписки ясно видно, между прочимъ, и то, что официальнымъ лицомъ судъ признавалъ не самого господина, а его человѣка—ходатая по дѣламъ, и всѣми мѣрами старался разыскивать этого послѣдняго. Къ самому господину судъ не обращался съ сыскной памятью. Домашніе господскіестряпчіе были всѣ изъ дворовыхъ людей и, безъ сомнѣнія, выходили на свое поприще безъ всякой юридической подготовки. Зналъ какой-нибудь дворовый человѣкъ читать и писать—господинъ и поручалъ ему вести свои дѣла въ судахъ. Между тѣмъ, многіе изъ такихъ доморощенныхъ юристовъ вели дѣла своихъ господъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, знаніемъ законовъ и указовъ и обнаруживали полное знакомство со всей судейской махинаціей. Такую юриспруденцію они усваивали, безъ сомнѣнія, отъ частой практики въ судахъ; но главнымъ образомъ почерпали ее изъ знакомства съ разными судейскими чинами и опытными старыми ярыжками, съ которыми они сходились въ судахъ, въ фартинахъ и на площадяхъ. Такимъ образомъ, судебныя мѣста, фартина и площадь были главной школой для доморощенныхъ господскихъ ходатаевъ, гдѣ они воспитывали себя въ юридическихъ крючкодѣйствіяхъ и ярыжничествѣ.

Между помѣщичьей дворней встрѣчаются и другіе должностные чины: камердинеры, буфетчики, люди „при ключахъ“, швейцары, гайдуки, ливрейные лакеи и лакеи при столѣ, конюхи, псары и др. У нѣкоторыхъ дворянъ были спеціальныя люди, занимавшіеся исключительно ружейной охотой. Назывались такіе люди егерями. Обязанность егерей заключалась въ томъ, чтобы доставлять дичь къ барскому столу. „Да того 3-го числа напалъ незнаемый человѣкъ на егеря господина Аванася Калмыка, который стрѣляетъ птицъ для стола господина его“, доносилъ человѣкъ премьеръ-майора Ивана Скорня-

кова (№ 4589). Ружье, порохъ и дробь шли егерямъ изъ барскаго обихода. Для посылокъ знатные бояре держали у себя скороходовъ, которые специально обучались этому дѣлу. Скороходы эти были и изъ дворовыхъ людей и изъ людей свободныхъ состояній. Эти послѣдніе жили по найму и могли свободно переходить отъ одного господина къ другому, если не дали на себя кому-нибудь кабалы. Подтвержденіемъ этого можетъ служить разсматривавшееся въ 1731 г. въ Сыскномъ Приказѣ дѣло „о присланномъ отъ двора ея императорскаго величества Григорьѣ Одинцовѣ въ потеряннн придворнаго скорохода Готфрида трости“. А распросомъ Одинцовъ показалъ: „отецъ его города Твери подканцеляристъ, и въ прошлыхъ годѣхъ его Григорья отъ отца взялъ бывшій князь Меньшиковъ, у котораго при домѣ его служилъ и обученъ скороходомъ, и потомъ онъ служилъ при князѣ Иванѣ Долгорукомъ, а послѣ при оберъ-гофмаршалѣ графѣ Левенвольдѣ. И взявъ де у означеннаго скорохода Готфрида трость и въ пьянствѣ потерялъ“. Черезъ нѣсколько времени Готфридъ подалъ въ Сыскной Приказъ челобѣть: „въ Сыскномъ Приказѣ содержится вышесписанный Одинцовъ въ потеряннн трости его скороходской, а откупиться-де ему нечѣмъ. А нынѣ-де онъ Одинцовъ просилъ себя окупить, за что въ вѣчномъ служенн быть желалъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полку фендрика князь Федора князь Иванова сына Голицына, и того ради онъ князь за него Одинцова ему Готфриду за показанную трость далъ тридцать рублевъ“. Скороходы были только у знатныхъ и богатыхъ боярь.

Всѣ поименованные выше люди несли службу при господскомъ дворѣ; затѣмъ были лица, служившія въ вотчинахъ дворянскихъ. Дворянинъ, переселившисъ въ городъ и отбывая безсмѣнную службу государству, утратилъ всякую связь съ деревней, — иные во всю свою жизнь не видали своихъ вотчинъ. Поэтому дворянамъ пришлось восполнить свое отсутствіе въ деревнѣ другими лицами, которыя бы управляли ею и собирали доходы. Дворяне поручали свои вотчины въ завѣдываніе, во первыхъ, управителямъ и прикащикамъ. Управителями были люди изъ свободныхъ состояній, которые шли на службу къ дворянину по договору и оставляли службу, когда хотѣли, если къ тому не было препятствій, вытекающихъ изъ заключеннаго договора. Между управляющими встрѣчаются русскіе дворяне, нѣмцы, малороссіяне и лица разныхъ другихъ націй (№ 4288). Прикащиками назначались люди крѣпостные, преимущественно дворовые. Помѣщики, въ большинствѣ случаевъ, давали имъ письменные указы, опредѣляющіе ихъ права и обязанности. Вотъ образецъ такого наказа, даннаго Плохово своему служителю. „Наказъ прикащику Николаю Алексѣеву. 1) Взять тебѣ въ мою вотчину въ Дмитровской уѣздѣ въ село Кузнечково и принять тебѣ мою вотчину у бывшаго моего прикащика Ѳ. Никифорова и у старосты А. Ануфриева, а въ началѣ домъ мой гос-

подской и что во дворѣ имѣется скота, такожь и прочаго; потому жѣ и хлѣбъ перемѣрить, и всѣхъ крестьянъ переписать на лицо по именамъ и прислать ко мнѣ опись опыхъ крестьянъ, именной же списокъ неотмѣнно; 2) а при смѣнѣ его прикащика О. Никифорова и старосты А. Ануфриева, тебѣ ихъ, прикащика и старосту, въ бытность ихъ, въ деньгахъ, которыя были отъ меня даны имъ, такожде и пастушныя, которыя они получали, и въ протчихъ сосчитать, а которыя послѣ расхода деньги у нихъ имѣются, то тебѣ отъ нихъ принять и записать у себя въ приходъ; 3) такожь какъ о хлѣбѣ, такъ и о скотѣ, осмотра, все тебѣ у нихъ у прикащика и у старосты, хлѣбъ перемѣрить и скотъ весь перечестъ и потому принять тебѣ Николаю у нихъ съ роспискою; 4) и по прибытіи тебѣ Николаю въ мою вотчину въ селцо Кузнечково всѣ пустоши, осмотра, переписать же и у бывшего моего прикащика объ оныхъ пустошахъ спросить, кому оныя пустоши были отданы, и по какой цѣнѣ въ годъ, и коликое число опы прикащикъ за вышеписанныя пустоши собралъ денегъ и куды тѣ деньги употребилъ въ расходъ, допросить, и тѣ допросы ко мнѣ представить же неотмѣнно; 5) и по приѣздѣ твоемъ чтобъ всѣ были, какъ прикащикъ, такъ и всѣ люди и крестьяне послушны, а ежели кто тебѣ будетъ по сему моему наказу ослушны, то не токмо чтобъ ко мнѣ было представлено, я позволяю представлять тебѣ Николаю на нихъ о непорядочныхъ поступкахъ, за дальнимъ моимъ разстояніемъ, куды надлежитъ, на вышеписанныхъ крестьянъ. Да еще жѣ—чтобъ безъ твоего вѣдома никогда никуда не отлучались и не ѣздили, какъ на торгъ, такъ и въ дальнія отлучки отнюдь безъ спросу твоего; 6) да еще жѣ—которыя тебѣ даны отъ меня дѣла, чтобъ тебѣ Николаю объ вышеписанныхъ дѣлахъ имѣть старанье и поступать по данному моему вѣрющему письму, взирая на вышеписанные пункты и не принося никакихъ отъ себя отговорокъ, какъ о дѣлахъ, такъ и о прочемъ, и поступать тебѣ во всемъ Николаю порядочно, а ежели что будетъ усмотрѣно въ твоихъ непорядкахъ, то отъ меня будешь штрафованъ; 7) и ежели кто будетъ виненъ, то тебѣ Николаю приказываю собрать мѣръ и бить его по разсужденію, чему онъ будетъ достоинъ; 8) и взять тебѣ Николаю изъ дому моего для прокормленія корову, свинью и овцу, а хлѣбъ опредѣляю тебѣ брать отъ онаго же моего двора на мѣсяць по 6 четвериковъ чистыхъ; да еще жѣ тебѣ взять 5 куриць, такожь и присѣвокъ. *Петръ Плохово*“ (№ 1659). Управители и прикащики распорядились въ барскихъ вотчинахъ на всей своей волѣ. Колодникъ Алексѣй Юшинъ показалъ: „1731 года сельца Елизарова прикащикъ Андрей Бухвостовъ женилъ его насильно того жѣ сельца на крестьянской дѣвкѣ Натальѣ Михайловой, которая глазами была подслѣпа и въ дѣвкахъ родила трехъ младенцевъ“ (Прот. № 100, л. 1, 1733 г.). Колодникъ Подлизинъ, показалъ: „назадъ тому лѣтъ десять, какъ онъ былъ старостой въ селѣ Дмитровскомъ, и за непоставку на срокъ

сыскной приказъ.

оброку билъ его кнутомъ управитель, про что вѣдаютъ того села крестьяне“ (Прот. № 96, л. 114, 1733 г.). Еще примѣръ: „села Волосова, вотчины Желябужскаго, погѣ приличился во многихъ непотребствахъ, не по сану священства: похвалялся испортить брата своего и зятя, которые жаловались міру; въ которыхъ похвальныхъ словахъ онаго села прикащикъ взялъ того села попа подъ караулъ на помѣщичій дворъ“ (Прот. № 100, л. 41, 1733 г.). У нѣкоторыхъ помѣщиковъ управляли вотчинами бурмистры, а у другихъ бурмистры въ сообществѣ съ выборнымъ и старостами. Такой порядокъ управленія былъ у княгини Каптемировой въ селѣ Пжевскомъ, Переяславля Рязанскаго, какъ она обозначила его въ своихъ „указахъ“, посланныхъ въ свою вотчину. Она писала: „февраля 13 дня 1743 г. Бурмистру Лукьяну Денисову, выборному Макару Спирину и старостамъ. Писано было къ вамъ плутамъ: велѣно взять на боярскій дворъ крестьянъ для сдачи въ рекруты Ивана Конька да Ивана Шекунова да Алексѣя Комина, а у васъ они плуты и по сіе число не взяты и ходятъ напрости; а Алексѣй Комина ушелъ будто изъ-подъ караула, и знатно, что ты, за пьянствомъ своимъ, за караульщиками не смотришь... А ежели вы ихъ плутовъ не поймаете и въ рекруты не отдадите, то велю у тебя, бурмистръ, отдать сына въ рекруты и тебя, выборной, самого отдать“. Въ нѣкоторыхъ же вотчинахъ вовсе не было ни прикащиковъ, ни бурмистровъ и пр., а были только „для наряду вытчики“. Такой вытчикъ былъ въ деревнѣ Скучиловѣ (№ 796). Вытчики были, вѣроятно, только въ деревняхъ, приписанныхъ къ селу, гдѣ сосредоточено было главное вотчинное управленіе. Такимъ образомъ, помѣщики управляли своими вотчинами различными способами — какъ кому казалось болѣе удобнымъ и выгоднымъ.

Главный доходъ съ вотчинъ получался отъ оброковъ и земледѣлія. У многихъ помѣщиковъ того времени (если не у всѣхъ) практиковалось трехпольное хозяйство. Поля засѣвались рожью, пшеницей, ячменемъ, полбой, просомъ, гречей, горохомъ и пр. За исключеніемъ тѣхъ продуктовъ, которые отдѣлялись въ запасъ для господскаго обихода, весь остатокъ продавался на рынкахъ или въ раздробъ, или большими партіями. Кроме того, помѣщики получали доходъ отъ птицеводства и скотоводства. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ существовало коневодство; излишекъ коней поступалъ на рынокъ. Иные помѣщики отдавали свои пашни и луга въ паймы. Кроме этихъ хозяйственныхъ доходовъ, нѣкоторые помѣщики дѣлали ежегодно поборы съ крестьянъ деньгами. Такъ, орловскій помѣщикъ Буфостовъ въ своей челобитной говорилъ: „ему Козѣву (прикащику) всякія деньги приказано хранить во всякой цѣлости, которыхъ, кроме подушныхъ денегъ, въ каждый годъ собиралось рублей по 50 и болѣе“ (№ 3641). Помѣщики занимались также фабричною и заводскою промышленностью. У коллежскаго

ассесора Гончарова была бумажная и парусная фабрика, въ брянскомъ уѣздѣ, въ слободахъ Верхней и Нижней. Матеріалы, сырье для этихъ фабрикъ Гончаровъ воздѣлывалъ частію въ своей вотчинѣ, частію покупалъ. Для этой цѣли онъ выдавалъ деньги своимъ крестьянамъ, которые за покупкой матеріаловъ ѣздили по окрестнымъ селамъ и городамъ (№ 2036). Была фабрика также у помѣщика Дохтурова. Староста Дохтурова на допросѣ, между прочимъ, показалъ: „положенный отъ него оброкъ, также и подушныя и всякіе поборы платили мы бездоимочно. Три года тому назадъ Дохтуровъ прислалъ въ ихъ село своего крестьянина съ указомъ, чтобъ ему то село Васильевское съ деревнею, съ женами и дѣтьми всѣхъ крестьянъ безъ остатку забрать и отвезти на фабрику въ Дмитровскую его вотчину, а имѣющійся у нихъ всякой хлѣбъ и пожитки, и скотъ и птицу, у кого что имѣется, все продать, а хоромное строеніе сжечь“ (№ 3135). Помѣщики строили въ своихъ имѣньяхъ винокурни и бани, въ которыхъ курили вино на продажу и для домашняго обихода. Дворянинъ Чебышевъ сообщилъ въ Сынскій Приказъ, что у него покраденъ „ларецъ холмогорскій и подголовокъ, въ которомъ были квитанціи въ платежѣ поземельныхъ и банныхъ денегъ“ (№ 3120, л. 192). Прикащикъ стольника Важенова, между прочимъ, показалъ на судѣ: „а въ оной вотчинѣ построена вновь помѣщикова баня и въ денежной окладъ не положена... живутъ тамъ вольные люди и курятъ вино въ неклеименные кубы“ (Прот. № 98, л. 10, 1733 г.) Изъ этого показанія прикащика видно, между прочимъ, что помѣщики отдавали винокуренныя бани въ аренду. Кромѣ заводской и фабричной промышленности, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, при ихъ вотчинахъ, были разныя промышленныя заведенія, имѣющія характеръ кустарнаго производства,—напримѣръ: полотняныя ткацкія. Помѣщикъ Верещагинъ отдавалъ своего крестьянина „для ткацкой науки“ къ ткачу другаго помѣщика (№ 2905). Были у нѣкоторыхъ помѣщиковъ коверныя ткальни, плетеные серебряныя сѣтокъ, тканье русскихъ суконъ и сукновальни*).

Помѣщики того времени любили тѣшить себя охотой. Богатые дворяне преимущественно любили охоту съ борзыми собаками. Для содержанія такихъ собакъ они устраивали собашные дворы, псарни, и огораживали ихъ высокимъ тыномъ. При собакахъ содержался штатъ псарей—доѣзжачихъ, выжлятниковъ, подвывалъ и пр. Иные охотились съ ружьемъ, съ ястребомъ, занимались охотой голубями. У этихъ послѣднихъ охотниковъ существовала особенная терминологія оперенія и типа голубя. Напримѣръ: въ протоколѣ Сынскаго Приказа (№ 151, л. 172, 1741 г.) записано дѣло о содержащемся шелковой фабрики

*) Объ оброкахъ, собираемыхъ дворянами съ крестьянъ и о разныхъ земледѣльческихъ и другихъ работахъ будетъ сказано подробнѣе въ главѣ о крестьянахъ.

содержателя Семена Волостного о ученикѣ Иванѣ Журавлевѣ, который присланъ изъ полицеймейстерской канцеляріи съ подлиннымъ дѣломъ и съ поличнымъ— „краденными у отставнаго капитана Бутурлина тремя гнѣздами чистыми голубьми и смурьми. А тѣ голуби были доморощенные и дареные, которые примѣтами: первой смурой съ гривой, съ косами, съ усной и съ сивиной съ обѣими пахами и съ тычиной. Другая голубка смурая, лыса, съ брошкой въ косахъ, съ зобомъ присива пера, въ одномъ крылѣ красныхъ три саблины. Третья голубка смуриной присива пера съ подгубенкою. Третій голубъ свѣтлой съ косами на одномъ крылѣ, бѣловатъ. Четвертый голубъ съ рогомъ, съ подглазиною и съ тычиною. Пятой голубъ свѣтлой съ гривой, съ зобомъ, съ пахами въ косахъ, синей хвостъ не весь, съ рѣшцы“. Такой же охотой занимался помѣщикъ Суворовъ. Приведенный имъ въ Сыскной Приказъ четырнадцатилѣтній дворовый мальчикъ Василій Николаевъ такъ разсказалъ о причинѣ своего побѣга отъ своего господина: „жительство имѣлъ онъ Николаевъ въ московскомъ домѣ господина своего. Отъ помѣщика своего онъ приставленъ былъ къ голубятнѣ, сторожемъ голубей, и ихъ кормилъ; неизвѣстно какъ потерялъ онъ двухъ чистыхъ голубей, а одного такого же голубя, по просьбѣ дворцоваго Покровскаго села крестьянина Антонова, онъ укралъ и продалъ ему за 50 к., и, убоясь себѣ за то отъ господина своего побой, онъ Николаевъ ушелъ и жилъ съ недѣлю на Трубѣ подъ ивами“ (№ 1688).

Что касается до увеселеній тогдашняго русскаго дворянства, то свѣдѣній по этому предмету въ дѣлахъ Сыскаго Приказа почти не встрѣчается. Есть одно, довольно неясное, указаніе на то, что въ то время нѣкоторые помѣщики устраивали комедійныя представленія. Приведенный въ Сыскной Приказъ крестьянинъ графовъ Шереметевыхъ Самойла Тимофеевъ на допросѣ сказалъ: „разъ онъ работалъ въ одномъ боярскомъ домѣ для какихъ-то комедіантовъ подставки и здѣсь въ сѣняхъ, въ пьяномъ видѣ, взялъ кражею сукно, байку и штаны“ (№ 904). Что это были за комедіанты, актеры-ли, представлявшіе комедію, или просто какіе-нибудь фокусники или акробаты, неизвѣстно.

До сихъ поръ въ нашемъ очеркѣ мы касались частной жизни русскихъ дворянъ, ихъ домашней, такъ сказать, обстановки; теперь рассмотримъ ихъ общественное положеніе. Начнемъ съ привилегій дворянства. Кромѣ привилегій на государственной службѣ, о которыхъ сказано было выше, дворянство пользовалось еще привилегіями на судѣ. Въ писцовомъ наказѣ 193—194 гг. въ 68 ст. написано: „будетъ которые помѣщики и вотчинники и люди ихъ у кого на чужой землѣ учинили смертное убивство, и про то убивство розыскивать и всякими сыски смскивать накрѣпко, и давать очныя ставки; а будетъ дойдетъ до пытки, у того убойца людей и крестьянъ пытать“. А въ 69 ст. читаемъ: „Будетъ про то убивство людьми и крестьяны розыскивать будетъ немочно и

дойдетъ до самихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, и о тѣхъ помѣщичьихъ розыскахъ писать къ Москвѣ въ Помѣстный Приказъ, а людямъ ихъ и крестьянамъ чинить указъ не отписываясь“. Эта послѣдняя статья повторена была, только въ другихъ выраженіяхъ, въ 1756 г. 19 ноября, въ инструкціи сыщикамъ, въ которой говорится: „буде же кто изъ дворянъ или изъ отставныхъ офицеровъ и состоящихъ въ рангахъ по слѣдствію и розыску дойдутъ до пытки, въ чемъ виновны, о винахъ ихъ, не производя имъ пытокъ, присылать подлинныя и перечневыя выписки съ подписаніемъ приличныхъ указовъ и мнѣній въ сенатъ и ожидать на то указовъ, а до того времени держать ихъ подъ строгимъ карауломъ“ (№ 5382, л. 105). Эта привилегія на судъ простиралась и на женъ офицеровъ и дворянъ. Въ одномъ дѣлѣ (№ 5382, л. 103) записано такое опредѣленіе Сыскаго Приказа: „И подлежало бы ее Бажанову за подложную продажу чужихъ людей учипить наказаніе кнутомъ. Но понеже она офицерская жена и для того Сыскаго Приказа ей Бажановой, безъ доклада юстицъ-коллегіи, такого наказанія чипить не смѣетъ,—и о томъ доношеніемъ представляя, требуетъ повелительнаго указа“. Изъ дѣла видно, что Бажанову не подвергали пыткамъ, а судъ утвердился на свидѣтельскихъ показаніяхъ и на собственномъ сознаніи подсудимой. Судъ старался всякими мѣрами оберегать дворянъ, чтобы имъ отъ его агентовъ не было причинено „какихъ страховъ и безчинства“. Въ инструкціи караульнымъ офицерамъ при Сыскаго Приказѣ говорится: „сжели доноситель Каинъ будетъ объявлять, что ему надлежитъ для поимки сколько солдатъ, то спрося присутствующихъ, а въ небытность — дежурнаго секретаря, и дежурному секретарю тайно спросить доносителя—куда иттить и въ какіе дома и за какими людьми, чтобы въ томъ отъ него доносителя знатнымъ людямъ какихъ страховъ и безчинства не нанесено было“ (№ 8, л. 4). Когда изъ Сыскаго Приказа давалась солдатамъ сыскаго память для взятія челоуѣка какого-нибудь дворянина, то они не смѣли входить на дворянскій дворъ, а должны были стоять у воротъ и ждать, пока кто сойдетъ со двора. Солдату Коломенскаго полка дана была, на примѣръ, сыскаго память для сыску дома Ладыгина служителя Петра Финогенова; посланный возвратился и сказалъ: „что-де означенный домъ оны сыскали и у того двора стояли часа съ три, токмо съ того двора никто не сходилъ, а сошла съ того двора одна женка, которая имъ объявила, что-де она у онаго Ладыгина дворовая женка Татьяна Минаева дочь, которую взявъ и объявляемъ“ (№ 11). Если присутственному мѣсту предстояла необходимость получить какія-нибудь свѣдѣнія отъ дворянина лично, то оно посылало къ нему подканцеляриста или канцеляриста и наказывало посланному спросить „пристойнымъ образомъ“. Такъ, на примѣръ, по резолюціи губернской канцеляріи былъ посланъ однажды въ домъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка поручика барона Черкасова канцеляристъ Михайловъ и „по приходѣ велѣно спросить его

пристойнымъ образомъ: по какому праву у него въ услуженіи и имѣется ли отпускная у Перфилья Жукова, бывшаго двороваго человѣка полковника Свѣшниковъ“ (№ 4471). Изъ дѣлъ Сыскаго Приказа не видно, чтобы правительственныя учрежденія оказывали такую вѣжливость кому-нибудь изъ другихъ сословій. Значеніе дворянства, какъ привилегированнаго сословія, простиралось до того, что заявленіе дворянина, въ особенности имѣющаго большой чинъ, нѣкоторыми правительственными учрежденіями ставилось главнымъ основаніемъ въ ихъ опредѣленіяхъ по дѣлу. Напримѣръ, въ московской синодальной канторѣ разсматривалось такое дѣло: малолѣтній Цызыревъ доносилъ, что дядя его, хорунжій польской шляхты смоленской губерніи села Волкова, Любимъ Цызыревъ, пріѣхалъ въ село Тихвинское, взялъ изъ церкви сосуды, крестъ, свангеліе, ризы и даже снялъ колокола, одинъ въ 70 пуд., и увезъ все это въ свою вотчину. На спросъ Любимъ Цызыревъ отвергалъ заявленіе своего племянника и просилъ судъ не вѣрить злосоставному доносу, такъ какъ племянникъ его малолѣтенъ (12 л.). Другихъ прямыхъ уликъ противъ Любима Цызырева не было и, за отсутствіемъ ихъ, дѣло должно было прекратиться. Но канцелярія синодальной канторы нашла, что это дѣло слѣдуетъ розыску въ Сыскомъ Приказѣ — и вотъ на какомъ основаніи: „точію на то дѣло“, говорилось въ опредѣленіи канторы, „ходатайствомъ чрезъ присланныхъ настоятъ и самъ персонально засѣдающихъ просилъ вотчимъ того малолѣтнаго Цызырева генералъ-лейтенантъ и кавалеръ господинъ Волковъ. И тако московская синодальная кантора утверждаетъ къ слѣдствію того дѣла на прошеніяхъ его превосходительства, яко знатной персоны“ (№ 307).

Сами дворяне, сознавая всю суть своихъ преимуществъ въ государствѣ, чтили ихъ какъ святая-святыхъ. Это самопочитаніе доходило до крайняго высокомерія и злоупотребленія со стороны дворянъ ихъ преимуществами. Многіе дворяне безнаказанно оскорбляли правительственныя учрежденія и не подчинялись ихъ распоряженіямъ. Такъ посланный изъ губернской канцеляріи къ поручику лейбъ-гвардіи преображенскаго полка барону Черкасову канцеляристъ Михайловъ для спроса „пристойнымъ образомъ: по какому праву и имѣется ли отпускная у Перфилья Жукова, который живетъ у него въ услуженіи, возвратясь доложилъ присутствію: спросилъ его (барона) пристойнымъ образомъ, какъ велѣно, тотъ ничего не отвѣчалъ (то есть на предложенный вопросъ); а притомъ выговаривалъ: „хотя бы и вашъ вице-губернаторъ пріѣхалъ, и ему бы иначе отвѣтствовать не сталь; и ежели бы ты не посланной, то-бъ совершенно на конюшнѣ высѣченъ былъ жестоко плетми“, — и при томъ ругалъ всякою скверною и непотребною бранью“ (№ 4471.). Такой безпричинно грубый отвѣтъ поручика барона Черкасова губернская канцелярія перенесла молчаливо — по крайней мѣрѣ изъ дѣла не видно, чтобы она рѣшила преслѣдо-

вать барона за нанесенное ей оскорбленіе. Также безнаказанно пѣкоторые дворяне оказывали даже сопротивленіе законной власти, употребляя на то силу. Такъ, рузская канцелярія воеводскаго правленія однажды донесла Сыскному Приказу: „по указу Сыскаго Приказа велѣно выслать за карауломъ или за поруками отставнаго капитана Городчикова... а буде его Городчикова не получатъ, то въ сыску его прислать вотчинъ его прикащиковъ или старостъ. Въ вотчину означеннаго Городчикова, въ сельцо Матвѣйкино посылаю драгунъ Брызгаловъ, токмо помѣщика не извѣхаль, а извѣхаль жену его, которая объявила, что мужъ ея уѣхаль въ Москву; а прикащиковъ и старостъ взять не дала“ (№ 224). Сыскной Приказъ сталъ искать Городчикова въ Москвѣ, который былъ опредѣленъ здѣсь полицеймейстерской канцелярії на службу въ сѣвзжій дворъ, у Сухаревой башни; но взять его не могли. Еще примѣръ: 28 мая 1748 г., полицейскій пятидесятскій Андрей Савельевъ, ходя осмотровъ въ своей пятидесятной, увидѣлъ, что въ домѣ недоросля Измайлова изъ кухонной трубы идетъ дымъ. Савельевъ вошелъ на дворъ для запрещенія, чтобы не топили, и для запечатанія кухни и печей въ подклѣткахъ подъ палатами. Въ это время Измайловъ, стоя у конюшни, кликнулъ къ себѣ Савельева:—„зачѣмъ ты пришелъ въ мой домъ“? Савельевъ отвѣчалъ, что онъ посланъ полицейскими офицерами запечатать печи: „у васъ въ домѣ топятъ“.—„Не дамъ запечатать печей! кликнулъ Измайловъ:—и офицеровъ вашихъ слушать не хочу“.—Вотъ хватились печатать печи, какъ ужъ всю Москву выжгли. Скажи ты своимъ офицерамъ: полно-де вамъ брать съ купцовъ по сту да по полтора ста рублевъ, а съ меня имъ взять нечего“. При этомъ избранилъ Савельева и офицеровъ непотребною бранью. Савельевъ ушелъ. Вскорѣ полицейскій офицеръ послалъ къ Измайлову капрала Петрова съ тремя драгунами, съ соцкими и десятскими, съ приказаніемъ привести двухъ дворовыхъ людей Измайлова. Команда захватила на дворѣ одного чловѣка и повела его на сѣвзжій дворъ. Въ это время Измайловъ выбѣжалъ изъ сада, догналъ команду въ воротахъ и остановилъ капрала за кафтанъ. — „Откуда вы пришли“? закричалъ онъ. — „Посланы офицеромъ Дедюхинымъ взять людей“, отвѣчалъ капралъ. — „Я самъ не хуже вашего Дедюхина. Есть ли съ вами письменный указъ? А безъ указа людей взять не дамъ“. И затѣмъ избранилъ всѣхъ скверно. Капралъ пошелъ было съ плѣнникомъ со двора, но Измайловъ кликнулъ людей, велѣлъ имъ бить команду дубьемъ. Люди бросились на драгунъ и разбили всю команду (№ 1984). Такое сопротивленіе дворянъ законнымъ властямъ проходило для нихъ безнаказанно. Если въ этихъ случаяхъ кто несъ кару, то не сами дворяне, а ихъ крѣпостные, которыхъ забирала, пытали и томили въ тюрьмахъ за ослушаніе ихъ господъ.

Злоупотребленія своими преимуществами дворяне проявляли особенно пагубно по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Отношенія эти любопытны и составляютъ печальную страницу въ исторіи общественнаго быта крѣпостныхъ людей. Въ описываемое нами время мы застаемъ крестьянъ въ періодѣ полного закрѣпощенія за помѣщиками; поэтому мы очертимъ, на основаніи имѣющихся документовъ, правовыя отношенія дворянъ къ ихъ крѣпостнымъ. Крѣпостные лишены были всякихъ гражданскихъ правъ. Они признавались, по отношенію къ помѣщикамъ, движимымъ имуществомъ, вещью, которую тѣ могли отчуждать и приобрѣтать во всякое время, посредствомъ купли и продажи, „цѣлыми фамиліями“, по выраженію Петра I, и порознь. Само правительство узаконило такую куплю и продажу крѣпостныхъ и установило для этого особую форму купчей крѣпости. Вотъ образецъ ея: „1729 г. октября 6 дня. Прапорщикъ Ивацъ Устиновъ сынъ Мещерскій, продалъ я Ивацъ для совершенной своей нужды и расплаты долговъ своихъ, а не для какого неправдиваго укрѣпленія и тайнаго подлогу и всякаго переводу, но сущую правдою подполковнику Ивану Дмитріеву сыну Кольчугину и женѣ его и дѣтямъ крѣпостнаго своего двороваго человѣка Антона Юрьева сына Лебкѣва и съ женою его и дѣтьми“ (Прот. 741 г., № 151, л. 49). Изъ права продавать своихъ крѣпостныхъ само собою вытекало право и закладывать ихъ въ частныя руки. Это видно, между прочимъ, изъ того, что въ концѣ купчей крѣпости писалось: „а напередъ сей купчей оныя мои дворовые люди (или крестьяне) не проданы, и не заложены, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплены“. Въ обыденной жизни отдача крѣпостныхъ въ обезпеченіе займовъ практиковалась весьма часто, какъ это видно изъ дѣлъ Сыскаго Приказа. Въ доказательство приведемъ одинъ примѣръ. Сержантъ Болтенковъ, между прочимъ, далъ на судѣ такого рода показаніе: „имѣлъ онъ намѣреніе ѣхать въ Кострому къ капиталу Абросиму Прокисловскому для взятія у него заложеннаго ему Болтенкову по закладной человѣка Петра Иванова, котораго онъ Прокисловскій ему Болтенкову заложилъ въ Петербургѣ въ деньгахъ—въ двадцати пяти рубляхъ“ (№ 2406, л. 7). Право помѣщиковъ продавать и закладывать своихъ крѣпостныхъ другимъ лицамъ породило то явленіе, что помѣщичьи вотчины сдѣлались невольничьимъ рынкомъ, гдѣ всякій разжившійся подьячій, или кунецъ добывалъ себѣ человѣческую рабочую силу. Такъ, секретарь адмиралтейской конторы билъ челомъ въ Сыскаго Приказѣ о бѣглой своей женкѣ Устиныѣ, и въ челобитьи писалъ: „1731 г. въ январѣ мѣсяцѣ писалъ я въ вотчину Василія Ртищева, въ ливенской уѣздъ, въ село Покровское, къ прикащику Жаркому, чтобъ онъ купилъ ему въ домовую работу женку. И онъ Жаркой прислалъ къ нему съ письмомъ женку Устиную, о которой написалъ, что онъ тое женку купилъ у Матвѣя Булакова за восемь

рублевъ“ (Прот. № 80, л. 179). Здѣсь же, на помѣщичьемъ рынкѣ невольниковъ, покупались другими помѣщиками и купцами люди для отдачи въ рекруты. Торговля людьми развита была въ это время въ такой степени и требованіе на живой товаръ было такъ велико, что образовался цѣлый классъ сводчиковъ-барышниковъ, у которыхъ этого добра было всегда много. Дворяне, не имѣющіе своихъ людей для продажи, торговали чужими людьми, которыхъ добывали отъ сводчиковъ и всякими другими способами. Коллежскій ассесоръ Дубенской (бывшій поручикъ кексгольмскаго пѣхотнаго полка) такъ рассказалъ о сводчикахъ: „жилъ у него на квартирѣ сержантъ въ отставкѣ Волковъ, который, переѣзжая отъ него на другую квартиру, между прочимъ, сказалъ ему:—если ты хочешь получить себѣ прибытокъ, то продавай людей. — Какихъ людей продавать? спросилъ Дубенской. — У сводчиковъ людей много чужихъ; сводчикамъ давать плату, и они будутъ къ тебѣ приводить людей, отвѣчалъ Волковъ. — А я сводчиковъ не знаю, заявилъ Дубенской. Тогда Волковъ привелъ ему сводчиковъ — Мирона Никитина и Александра Минова, отставнаго солдата; а солдатъ представилъ московскаго купца Гаврилу Васильева“. И Дубенской сдѣлался торговцемъ людьми: четырехъ человѣкъ онъ продалъ грузинскаго гусарскаго полка капитану князь Исаку Лазареву-Андроникову (армянину) цѣною за 155 р., назвавъ ихъ всѣхъ крѣпостными своими курмышскаго уѣзда села Ленкова, а самъ написался въ той крѣпости отставнымъ поручикомъ Егоромъ Васильевымъ Ленковымъ. Крѣпость совершена въ московской крѣпостной конторѣ. Кромѣ этихъ четырехъ человѣкъ Дубенской продалъ бѣглыхъ отца съ сыномъ и дочерью и еще человѣкъ до десяти, въ числѣ которыхъ были бѣглецы крѣпостные и солдаты (№ 307). При этомъ любопытно прослѣдить, какъ совершались крѣпости на продажу людей. Напримѣръ, московская крѣпостная контора, когда являлись къ ней продавецъ и купецъ людей, не удостовѣрялась въ личности продавца—дѣйствительно-ли онъ то лицо, которымъ себя именуетъ, и дѣйствительно-ли продаваемый субъектъ ему крѣпокъ. Документальности въ этомъ отношеніи крѣпостная контора не требовала: для нея достаточно было словеснаго заявленія продавца, что онъ такой-то и что продаваемый есть его крѣпостной. Вотъ образецъ такого порядка совершенія крѣпостей. Купецкая жена Федосья Свинолупова, назвавшаяся въ крѣпостной Московской конторѣ женой прапорщика Френева, такъ рассказала на судѣ про продажу ею чужаго человѣка: „стряпчій графа Головина, Григорій Семеновъ, за человѣка общалъ ей и сводчику сорокъ пять рублей и, договорясь, пошли въ крѣпостную контору и написали крѣпость, въ которой показала продаваемаго ею Ивана Яковлева (бѣглаго монастырскаго крестьянина) крѣпостнымъ своимъ человѣкомъ и на той крѣпости руку, вмѣсто нея, прикладывалъ церкви Тихона чудотворца

дьячекъ Петръ Ивановъ. И соверша крѣпость, того Ивана отдала Григорью Семенову, а тотъ послалъ его для отдачи въ рекруты въ Юрьевъ Польской. Денегъ же далъ ей только пять рублевъ, изъ которыхъ она дала сводчику Артемью (крестьянину галицкаго управленія Чухломской осады) полтину, за прикладываніе руки дьячку два рубля“ (№ 1023). Кромѣ продажи и отдачи въ залогъ своихъ крѣпостныхъ, дворяне отдавали ихъ въ аренду, въ пользованіе другимъ лицамъ. Тихонъ Бачихинъ, человѣкъ стольника Осипа Рудина, показалъ: „лѣтъ тридцать назадъ помѣщикъ отдалъ его разряднаго приказа подьячему Ивану Маріонову на время въ услуженіе безъ крѣпости, и жилъ у него Маріонова лѣтъ 25“ (№ 528, л. 62). Дворяне отдавали своихъ крѣпостныхъ въ аренду и правительству, въ каторжную работу,—которое платило за каждаго работника по рублю на мѣсяцъ (№ 2388). Такъ дворовый человѣкъ Жукова, Василій, отданъ былъ своимъ помѣщикомъ, безъ всякой вины, въ Санктпетербургъ на каторгу. „И въ прошлыхъ годѣхъ“, показывалъ Василій, „онный помѣщикъ его съ той каторжной работы его опять взялъ къ себѣ въ услуженіе“ (Прот. № 111, л. 400). Изъ всего сказаннаго видно, что крѣпостной составлялъ для помѣщика вещь, которою онъ могъ распоряжаться по своему произволу: какъ онъ самъ, такъ и всѣ его пожитки принадлежали помѣщику; онъ только временно владѣлъ ими до тѣхъ поръ, пока боярская воля не отбирала ихъ на себя. Такъ, смоленскій шляхтичъ Ксенофонтъ Карновичъ, сидя въ тюрьмѣ Сысканаго Приказа за составленіе ложной купчей крѣпости, писалъ своей женѣ въ свою вотчину: „обирай у нашихъ крестьянъ всѣ движимые пожитки и распродай скорѣе“ (№ 5640, л. 460). Помѣщикъ вторгался даже въ семейную жизнь своихъ крѣпостныхъ и распоряжался ею, какъ полнѣйшій хозяинъ. Онъ, на примѣръ, женилъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей на комъ ему хотѣлось. Безъ вѣдома и согласія помѣщика или его приставниковъ никто изъ крѣпостныхъ не смѣлъ жениться. Оказавшихъ въ этомъ отношеніи своеволие ждалъ барскій гнѣвъ и наказаніе. Крестьянинъ Мурашевъ, по профессіи слесарь, рассказалъ, между прочимъ, на допросѣ, что онъ, „по приказу господина его, за самовольную безъ вѣдома господина его женитьбу отданъ въ рекруты“ (№ 1448). Помѣщики или ихъ прикащики давали иногда своимъ крѣпостнымъ въ замужество такихъ дѣвицъ или женокъ—вдовъ, которыя не могли быть ни по своей нравственности, ни по своимъ физическимъ качествамъ, помощницами своимъ мужьямъ въ ихъ трудной крестьянской работѣ. Мы уже выписали выше показаніе крестьянина Алексѣя Юшина, что прикащикъ женилъ его насильно на крестьянской дѣвкѣ, которая и глазами была подслѣпа и въ дѣвкахъ родила трехъ младенцевъ (Прот. № 100, л. 1),—показаніе, достаточно характеризующее произволъ помѣщиковъ. Любопытны и другія дѣйствія помѣщиковъ въ этомъ отношеніи: иные насиль-

ственно устраивали бракъ своихъ крѣпостныхъ и тотчасъ послѣ вѣнца разлучали супруговъ, — мужа отсылали въ одну свою вотчину, а жену въ другую (№ 2771). Такимъ образомъ, не для помѣщиковъ было писано: „его же Богъ сочета, человекъ не разлучаетъ“. Положимъ, они не расторгали формально браковъ, тѣмъ не менѣе свободно и безнаказанно разводили мужа съ женой и не допускали ихъ до брачнаго сожитія. Изъ этого видно, что и семейныя права крѣпостныхъ были очень шатки. Мало того: и совѣсть крѣпостнаго была во власти дворянина. Для различныхъ выгодъ этотъ послѣдній заставлялъ крѣпостнаго лгать предъ правительствомъ и передъ закономъ. Такъ, крѣпостной Махова Федоръ Головачевъ рассказывалъ: „содержался онъ въ мещевской воеводской канцеляріи и за побѣгъ его за польскій рубежъ, и за намѣреніе подговорить мать свою къ тому же розыскиванъ и пытанъ одиножды; а потомъ бывшимъ своимъ помѣщикомъ изъ той канцеляріи взять и жительство имѣлъ въ домѣ своемъ въ деревнѣ Коптевой два года. А въ прошломъ 1756 г. вышеписаннымъ помѣщикомъ отданъ онъ незнаемо за чьи вотчины въ Москвѣ въ рекруты, въ государственной военной коллегіи, въ которой онъ и осматриванъ и при осмотрѣ — не былъ ли въ публичномъ наказаніи — спрашиванъ, точію онъ, что пытанъ, не объявилъ, для того, что оной помѣщикъ его того ему сказывать не приказывалъ и говорилъ ему Головачеву: „ежели-де скажешь, что пытанъ, то соплю-де тебя въ ссылку на каторгу“ (№ 3985, л. 33). Другой помѣщикъ, смоленскій шляхтичъ Ксенофонтъ Карповичъ приказалъ своему крѣпостному Федору Иванову называться чужимъ именемъ и при посредствѣ его совершилъ подложную купчую крѣпость на имѣніе. Федоръ Ивановъ такъ рассказалъ объ этомъ въ вотчинной коллегіи: „въ нынѣшнемъ 1748 г., въ генварѣ мѣсяцѣ означенный помѣщикъ его Ксенофонтъ Карповичъ его Иванова привезъ съ собою въ Москву и тогда отставнымъ квартирмейстеромъ Яковомъ Роговцовымъ называться велѣлъ, что, по его волѣ, онъ Ивановъ и исполнялъ и именемъ и отчествомъ того Роговцова сказывался для того, что оной помѣщикъ его угрожалъ и сказывалъ ему: „ежели онъ Ивановъ Роговцовымъ сказываться не будетъ, то онъ Карповичъ его рассѣчетъ“ (№ 5298, л. 270). Оба лжеца были наказаны въ Сыскномъ Приказѣ за ихъ невольную ложь. Но что имъ оставалось дѣлать? Они должны были лгать, съ одной стороны, потому, что на то была воля ихъ господина, которой послушаться было нельзя, какъ закона; а съ другой — потому что слушниковъ ждали плети, кнутъ, каторга и, можетъ быть, самая смерть. Безъ сомнѣнія, оба обвиняемые — и Головачевъ и Ивановъ могли заявить гдѣ слѣдуетъ, что ихъ господа принуждали ихъ ко лжи. Но дѣйствительна-ли была съ ихъ стороны всякая жалоба на своихъ господъ и могли-ли они избѣгнуть бѣды? Этотъ послѣдній способъ для крѣпостныхъ былъ не надеженъ. По

уложению, II гл. ст. 13, не велѣно имъ доносить на своихъ господъ. По крайней мѣрѣ, такъ толковалъ эту статью уложения Сыскаго Приказа, и на основаніи ея жестоко наказывалъ жалобщиковъ и отсылалъ къ господамъ, которые, въ свою очередь, подвергали провинившихся отеческимъ взысканіямъ (№ 3385).

Изъ предыдущихъ выписокъ достаточно усматривается, что отношенія дворянъ къ крѣпостнымъ были не особенно человеколюбивы. Нѣкоторые дворяне чинили надъ крѣпостными такія экзекуціи, которыя въ настоящее время могутъ быть только страшной сказкой. Для примѣра выпишемъ изъ дѣлъ Сыскаго Приказа нѣсколько характерныхъ извѣстій. Служитель Лопухина, жалуясь на своего господина, писалъ въ своемъ челобитьи: „въ прошломъ 1730 г. оной Лопухинъ въ бытность свою въ вотчинѣ госпожи его, а его жены, у дворовой бабы Оевроньи Ивановой, муча ее тирански, выбилъ младенца“. Лопухинъ на это отвѣчалъ: „означенной женки тирански онъ не мучивалъ; токмо-де въ селѣ Великорѣцкомъ ее Оевронью наказывала жена его батоги за то, что-де она Оевронья во вдовствѣ обрюхатѣла. А били-де ее оной жены его приданые люди: Иванъ Грязевъ, Иванъ Радомскій и Григорій Горькой, держа ее на рукахъ и на землю ее не клали по повелѣнію его Лопухина, чтобъ не повредить младенца. А выкинула она недѣли двѣ спустя“. А сама Оевронья показала: „во время-де пріѣзду онаго Лопухина съ женою въ вотчину ихъ была она брюхата, и прижила блудно. И она Оевронья въ означенномъ винилась. И за ту ея вину, по приказу помѣщика, люди его — Федоръ Батовъ, Степанъ Андреевъ, привязавъ къ лошадинымъ яслямъ, обнажа, били батожьемъ по два дня и отъ тѣхъ побой она выкинула мертваго младенца“. Андреевъ подтвердилъ показаніе Оевроньи, а о Батовѣ Лопухинъ сказалъ, что онъ бѣжалъ за польскій рубежъ (Прот. № 98, л. 98). Подполковникъ Филисовъ держалъ жонку Арину Федорову недѣли съ четыре, приковавъ къ стѣнѣ на цѣпь, и часто билъ ее, которая, не стерпя тѣхъ побой, ночью порой, вырвавъ изъ стѣны пробой, съ тою цѣпью бѣжала (№ 3385, л. 3). Въ протоколѣ Сыскаго Приказа за 1736 годъ записано такое показаніе крѣпостнаго человѣка помѣщика Есипова: „оной Есиповъ того крестьянина Ерофея Шерина, не знамо за что, въ своемъ помѣщиковѣ домѣ, передъ хоромами, привязавъ къ санямъ, пыталъ и билъ пельковымъ кнутомъ крученымъ изъ своихъ рукъ по-мастерски (какъ бьютъ палачи); а потомъ заставилъ крестьянина Федосѣева тѣмъ же кнутомъ бить по-мастерски-жь; и не удовольствуясь тѣмъ, заставилъ человѣка своего Федота Аплету такимъ же образомъ бить. И послѣ велѣлъ натереть ему спину пескомъ. А потомъ велѣлъ разжечь сошники и поджечь у ножныхъ пять жилы— и поджегъ. И крестьянинъ Ерофей того-жь дня умеръ“. Помѣщикъ далъ на это обвиненіе такое объясненіе, что онъ многихъ крестьянъ и людей наказывалъ „за непослушаніе и против-

ности“ (Прот. № 112, л. 152). Для суда было совершенно достаточно такого объясненія, чтобы оправдать помѣщика.

По привычкѣ властвовать въ своей вотчинѣ, помѣщикъ считалъ своими подчиненными и лицъ свободныхъ, которые жили въ ней: напримѣръ, духовныхъ лицъ онъ не отдѣлялъ отъ своихъ крѣпостныхъ, и поэтому часто распоряжался ими по своему произволу. Въ подтвержденіе этого выписываемъ здѣсь примѣръ отношеній помѣщика къ священнику. Въ протоколѣ Сыскаго Приказа за 1733 г. (№ 97, л. 125) записано: „слушалось дѣло шлиссельбургскаго пѣхотнаго полку о подпоручикѣ Болотовѣ, о прїѣздѣ къ отцу его въ домъ каширскаго уѣзду села Русятинова попа Василья Никитина, о котромъ онъ Болотовъ въ распросѣ показалъ: прїѣхалъ къ нему Болотову оной попу въ саняхъ самъ-другъ, котораго посадилъ за столъ и, наливъ вина, сталъ попу подносить, а за непитье того вина того попа ударилъ онъ Болотовъ въ щеку, а потомъ билъ палкою, которою можно подпирается. А при тѣхъ побояхъ были архангелогородскаго полку солдаты—Базлевъ и Бурдасовъ, которые были на караулѣ у тюковъ. И послѣ битья палкою сталъ паки попу Василью подносить вино, котораго онъ пить не сталъ. И приказалъ онъ Болотовъ вышеписаннымъ солдатамъ принести батоужье, которые и принесли, и раздѣвъ оные солдаты попа, положи на полъ, били батоужьями съ четверть часа“ (Прот. № 97, л. 125). Изъ этого протокола видно, что побои, нанесенные попу Василью, Болотовъ хочетъ оправдать неповиновеніемъ ему попа. Такимъ образомъ, по убѣжденію Болотова, деревенскій попъ долженъ повиноваться барину во всякихъ случаяхъ и исполнять его волю.

Здѣсь кстати сказать объ отношеніяхъ помѣщиковъ между собою. Отношенія эти весьма типичны. Описываемое нами время было богато земельными и вотчинными спорами помѣщиковъ между собою; спорами о наслѣдствѣ и распрями разнаго рода. За рѣшеніемъ такихъ споровъ нѣкоторые изъ помѣщиковъ обращались къ государственному суду и стремились путемъ закона добиться признанія своихъ правъ; но другіе рѣшали эти споры силой, совершая набѣги другъ на друга. Вознамѣрившись занять чью-нибудь землю, напримѣръ, или воспользоваться чужимъ посѣвомъ, сѣнокосомъ и пр., помѣщикъ ополчалъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей и шелъ па ту землю. Противникъ не хотѣлъ ничѣмъ поступаться и, въ свою очередь, собиралъ своихъ крестьянъ, встрѣчалъ напоръ, и завязывался между помѣщиками иногда отчаянный бой, цѣлое сраженіе. Въ такихъ бояхъ участвовало иногда тысячи по двѣ бойцовъ. Бывали случаи, что дворяне употребляли боевую силу и для утвержденія своихъ правъ, признанныхъ уже судомъ. Выпишемъ изъ дѣлъ Сыскаго Приказа нѣсколько такихъ спорныхъ дѣлъ, которыя такъ живо характеризуютъ отношенія тогдашнихъ помѣщиковъ между собою. У двухъ смоленскихъ шляхтичей Семена Халютина и Василья Дудинскаго, жившихъ въ рославльскомъ уѣздѣ, возникъ споръ.

По объясненію Халютина, споръ этотъ начался изъ-за того, что „въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1732-го года Василій Дудинскій, жительствующій въ своей вотчинѣ, деревнѣ Ченищевой, пріѣхалъ на землю, на общую его съ дядею, оставшимъ драгуномъ Ѳедоромъ Халютинымъ, при деревнѣ Осипковѣ, которая разстояніемъ отъ жительства Дудинскаго верстахъ въ семи,—пріѣхалъ, собравъ многолюдетвомъ —человѣкъ со ста и больше, съ ружьемъ и съ рогатины, и тое ихъ Халютиныхъ землю вспахалъ и засѣялъ пшеницей. И онъ Халютинъ съ своимъ дядею о насильномъ пріѣздѣ онаго Дудинскаго на ихъ землю просили въ рославльской канцеляріи. И какъ на той землѣ поспѣлъ хлѣбъ, то они просили, чтобы тотъ хлѣбъ, сжавъ, описать и поставить на той землѣ до рѣшенія дѣла, кому отдать надлежитъ. И по тому челобиткѣ изъ той канцеляріи посланъ былъ съ указомъ подъячій Василій Косковъ съ солдатами—Степаномъ Ворошилкой и Титомъ Зацедой“. Для приведенія, будто бы, въ исполненіе этого указа Халютинъ собралъ своихъ крестьянъ и крестьянъ брата и дворовыхъ людей. „И были у него Халютина пистолеты, а у людей его фузеи заряженныя“, какъ показалъ Халютинъ. Дудинскій въ это время стоялъ на томъ полѣ на стапу и жалъ своими крестьянами хлѣбъ. Послѣ нѣсколькихъ объясненій, между противниками завязался бой. Вотъ показанія людей Халютина объ этомъ боѣ, какъ они записаны въ дѣлѣ: „приводные Шедовой и Бредовъ да Ѳедоровъ человекъ Халютина Ѳедоръ Меркульевъ какъ распросами, такъ и въ застѣнкѣ на очныхъ ставкахъ и съ розыску на тебя Семена Халютина показали:— „Какъ-де они изъ Рославлѣ съ подъячимъ Васильемъ Косковымъ и съ двумя солдатами, Титомъ Зацедою, да Степаномъ Ворошилкою, посланными на тое землю отъ рославльской канцеляріи по указу, пришли, будто ты Семенъ Халютинъ собраннымъ людямъ и крестьяномъ въ домѣ Ѳедора Халютина, въ деревнѣ Бахаревкѣ, велѣлъ собираться деревень Осипова и Бахаревки людямъ и крестьяномъ на драку съ Дудинскимъ, и ружья заряжать. И люди-де его Халютина и крестьяне и ты Халютинъ и братъ твой Яковъ, да шляхтичъ Жебровской зарядили ружья пулями, а Василью Шедову ты Халютинъ далъ заряженную фузею. И убрався-де ты Халютинъ и взявъ рогатину, съ ними и со крестьяны съ того Ѳедорова двора Халютина, изъ деревни Бахаревки, поѣхали и, отѣхавъ съ версту, будто на полѣ онаго Дудинскаго крестьяне жнутъ свою пшеницу, и притомъ былъ онъ Дудинскій; а чья-де та земля, того они и не вѣдаютъ. И пріѣхавъ-де ты Халютинъ, на него Дудинскаго и на крестьянъ его закричалъ:— „Долой, сарынь!“ И оные-де Дудинскій и крестьяне закричали:— „Не находи на насъ! „И будто ты, Семенъ Халютинъ, и съ братомъ, и съ Жебровскимъ, и люди твои, и крестьяне учили стрѣлять изъ ружья, а его Дудинскаго крестьяне учили на нихъ бросать палками и камнемъ. Между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ смертнаго убивства и раненія не учинилось“. На этотъ разъ

Дудинскій счастливо отразилъ нападеніе и Халютинъ съ своимъ ополченіемъ возвратился въ деревню Бахаревку. „И какъ пріѣхали“, повѣствовало дальше подсудимые, — „и Ѳедора Халютина староста говорилъ тебѣ Халютину: — „Я-де Василья Дудинскаго рогатиною попалъ да пеловко“. А ты, Халютинъ, сказалъ на это: — „И я-де было его Дудинскаго попалъ рогатиною, только-де онъ послонился и я-де его миновалъ. И когда бы-де его Дудинскаго самого убили, то бы-де хорошо было и крестьяне-де бы всѣ разбѣжались“. А Ѳедорова-де жена Халютина Прасковья Ильина дочь говорила: — „Напрасно-де самого Дудинскаго не убили, то бы-де хорошо было“. И назавтрѣ-де, въ пятокъ, послѣ обѣда ты, Халютинъ, будто приказывалъ имъ по-прежнему прибираться-де на драку къ Дудинскому — и одинъ-де за одного стойте; и у людей своихъ взялъ фузеи и, парубя дроби, зарядилъ и отдалъ имъ. И изъ двора его Ѳедора Халютина съ вышеписаннымъ собраніемъ и рославской подьячій Василій Косковъ и два человекъ солдатъ пріѣхали на поле, гдѣ Василій Дудинскій со крестьяны пшеницу свою жалъ, и подлѣ той пшеницы остановились. А отъ него-де Дудинскаго выѣхали къ вамъ три человекъ верхами и учали говорить: — „Для чего ты, Халютинъ, на землю нашу наѣзжашь, по какому-де указу“? И ты де Халютинъ будто послалъ деревни своей Якимовичъ крестьянъ дву человекъ за кусть и будто приказалъ хотя-де лошадь подстрѣлить или людей. И какъ оныя крестьяне изъ двухъ виптовокъ будто выстрѣлили и въ оныхъ людей Дудинскаго не попали, и оныя люди побѣжали къ своимъ. А Жебровской да дворовые твои люди побѣжали за ними; Жебровской выстрѣлилъ по нимъ изъ пистолета. И оныя-де Дудинскаго люди и крестьяне учали бросать камнемъ и палками бить; и самъ Дудинскій выѣхалъ на лошади и въ рукахъ-де у него была одна палка. И оныя де при тебѣ Халютинѣ собранные побѣжали было прочь, — и ты-де, Халютинъ, ѣзди на лошади, будто билъ ихъ ратовьемъ и будто приказывалъ драться, бить и рѣзать до смерти: „кто-де не будетъ стоять, то ты-де, Халютинъ, рогатиною зарѣжешь“. А потомъ-де выѣхалъ ты, Халютинъ, напередъ и закричалъ на него: „теперь ты мнѣ попался“! А люди его Дудинскаго въ то время при немъ не были и разбиты были въ розни. И онъ-де Дудинскій сказалъ: „теперь-де въ вашихъ рукахъ“. И ты Халютинъ оному собранію будто закричалъ: „рѣжь, рѣжь“! а самъ будто его Дудинскаго ударилъ рогатиною въ бокъ и пробилъ пасквозь, и онъ-де Дудинскій упалъ съ лошади. А братъ-де твой Яковъ Халютинъ и люди и крестьяне и шляхтичъ Жебровской съ ружьемъ и съ рогатины будто бросились за тобою къ нему Дудинскому и будто стрѣляли изъ ружья и лежачаго-де его Дудинскаго твой же человекъ Ѳедоръ Изотовъ кололъ рогатиною. У тебя Халютина рогатина была въ рукахъ и взята изъ двора, которую-де ты на первой дракѣ отнялъ у Дудинскаго крестьянина или у своего — того

они не вѣдаютъ, — и тою рогатиною ты Дудинскаго закололъ, и то-де видѣли сами. А какъ шли на оную драку, и въ деревнѣ Бахаревкѣ рогатины точили у кузнеца Филиппа, въ томъ числѣ точили и твою рогатину“ (№ 169). Другое подобное дѣло возникло изъ-за отказа вотчины Якова Щепотьева, села Никольскаго, ливенскаго уѣзда, за отставныхъ поручиковъ Смирновыхъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ отказѣ Филипповъ, крестьянинъ Щепотьева: „1750 г. въ генварѣ прислано было отъ господина его письмо прикащику Журавлеву, которое прочетъ оный Журавлевъ всѣмъ крестьянамъ, объявилъ, чтобъ имъ, когда прѣйдутъ объ отказываніи оное село за отставнаго поручика Николая Борисова Смирнова, то-бъ имъ за ту вотчину стоять и не даваться. И на другой день оного Смирнова стряпчей Василий Наумовъ въ первый разъ съ двумя ливенской воеводской канцеляріи подьячими, изъ которыхъ одинъ Скуридинъ, а другой Бородинъ, со многолюдствомъ — съ крестьяны, которые были вооружены, съ рогатины, съ бердышами и съ крючьями желѣзными, насаженными на шестахъ. И какъ прѣехали, то того села Никольскаго крестьяны (sic) въ домъ господина не пустили; а прикащикъ Журавлевъ сказалъ стряпчему Наумову, чтобъ дать подьячаго, который бы прочиталъ присланное отъ господина ихъ письмо: „почему-де я за вотчину стою“. Изъ которыхъ подьячей Бородинъ письмо оное читалъ и оному Наумову сказалъ, чтобъ они разошлись безспорно: „сдѣлаются-де господа между собой судомъ“. Которой стряпчей Наумовъ, не удовольствуясь тѣмъ, приказалъ стрѣлять изъ ружья; и выстрѣля раза три дробью на дворъ господина его, отъ котораго стрѣлянія ранили крестьянина, и ухватя двухъ крестьянъ, тотъ стряпчей увелъ съ собою. На другой день прѣехали оного поручика Смирнова лакей съ многолюдствомъ, которыхъ не счесть, съ ружьями, бердышами, съ рогатины и съ крючьями на деревьяхъ сажени въ три, и со всякимъ азартомъ къ дому господина его чинили приступъ. А крестьяны господина собраны были на господскомъ дворѣ и не пускали и въ отместку варомъ на нихъ плескали изъ котловъ для того, дабы они отъ господскаго двора отстали. И тѣ прѣзжіе, разломавъ ворота и звѣнья заборныя разметавъ, палили изъ ружей и поранили двухъ человекъ, да одному разрубили бердышемъ голову. А потомъ случившейся тутъ какой-то дворянинъ, высѣкши огня, оной господской ихъ дворъ зажегъ, и сгорѣли двѣ житницы, амбаръ, конюшни да сарай. А какъ насъ дымомъ охватило, то съ прочими крестьяны побѣжалъ въ садъ и тѣмъ спаслись; а которые остались, тѣхъ били прѣзжіе дубьемъ, и потомъ по человекъ съ двора взяли къ себѣ и били ихъ тамъ дубьемъ и батожемъ и говорили, чтобы не противились Государеву указу. А потомъ поручикъ Смирновъ многихъ крестьянъ отвелъ въ ливенскую воеводскую канцелярію и посадилъ въ тюрьму. Потомъ прѣехалъ самъ Смирновъ и прожилъ въ господскомъ домѣ сутокъ съ трое“ (№ 3537).

Остается еще сказать объ образованіи дворянства. Обладая всеми средствами матеріальными и разными общественными и государственными преимуществами, дворяне должны были бы являться и представителями образованности въ государствѣ. Въ дѣйствительности же образованныхъ дворянъ было очень немного. Нѣкоторые, правда, изучали юриспруденцію, исторію, риторикку и другія науки и имѣли даже бібліотеки по этимъ отраслямъ знанія (№ 800). Но эти лица составляли исключеніе; для массы же дворянства вся наука ограничивалась знаніемъ грамоты, да и ее не все знали. Подъ челобитными или доношеніями дворянъ не рѣдко встрѣтить такого рода подпись: „къ тому извѣту Сыскаго Приказа нищикъ Ермилъ Ивановъ, вмѣсто вышеписаннаго князя Ивана Еникѣва, по его прошенію, руку приложилъ“. Или: „по сей роспискѣ смоленскіи шляхтичъ Семень Григорьевъ сынъ Домашневъ Вѣру Ѳедорову дочь на росписку взялъ, а вмѣсто его, по его прошенію, росписался ямской конторы за подкапцеляриста Герасимъ Козыревъ“ (№ 752, л. 15). Невѣжество дворянства особенно сказывалось въ его суевѣріяхъ, въ глубокой вѣрѣ въ волшебство, въ чародѣйную силу заговоровъ и волшебныхъ книжекъ и письменшекъ. Вѣра во все это была непоколебимая и часто доводила до суда. Напримѣръ: лейбъ-гвардіи коннаго полка рейтаръ Иванъ Пражевскій взялъ у смоленскаго шляхтича князя Друцкаго-Соколинскаго двѣ книжки польской печати и когда узналъ, что онѣ заключаютъ волшебную силу, то представилъ ихъ въ судъ. „Одна изъ этихъ книгъ „Албертусъ Магнусъ“, говорилъ Пражевскій, — а другая какая—не упомянуть, которыя-де дѣйствуютъ одна, что могутъ собаки не брехать, и ежели спросить у жены, и она-де откроетъ, чего и не хотѣла, и чтобы вѣдать „пришлыя вещи“ и проч. (Прот. № 94, л. 3, 1732 г.). Изъ-за суевѣрія Пражевскаго началось цѣлое дѣло о Друцкомъ-Соколинскомъ. Дѣлѣ въ Сысканомъ Приказѣ о волшебствѣ, о заговорахъ и разныхъ суевѣріяхъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами были дворяне, очень много. Да и гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, дворяне могли просвѣщать себя наукой? Книгъ научныхъ было мало, а школѣ съ научнымъ направленіемъ еще меньше. Образователями русскаго дворянства являлись въ то время разные нѣмцы-мастеровые и конторщики, которые знали только свой языкъ и ему только учили своихъ питомцевъ (№№ 1748 и 783), затѣмъ разные бродяги-грамотники. Такъ, напримѣръ, сынъ монастырскаго служителя Купринъ, отдаленный изъ пѣвчихъ рязанскимъ архіереемъ въ рекруты и бѣжавшій оттуда, пришелъ въ Петербургъ и здѣсь то прислуживалъ въ церквахъ при богослуженіи, то обучалъ дѣтей „словесному“ у лицъ духовныхъ и свѣтскихъ (№ 800). Нѣкто Дмитрій Васильевъ, дворовый стольника Колычева, спачала „хаживалъ въ разныхъ командахъ за разныхъ чиновъ людей изъ найму въ соцкихъ, писалъ челобитныя, доношенія и грамотки, а нынѣ обрѣтается въ домѣ Вердеревскаго жены сысканой приказъ.

его Натальи для обученія дочери ея грамотѣ“ (№ 552, л. 10). Многіе дворяне получали образованіе у священниковъ и церковниковъ; другіе обучались въ монастыряхъ (№ 3985). Любимымъ чтеніемъ этихъ лицъ были церковныя книги кievской и черниговской печати: „Псалтирь со возслѣдованіемъ“, „Святцы“, „Июнка іерополитика“, „Алфавитъ духовный“ и пр. (№ 3120). Такимъ образомъ, можно сказать безъ ошибки, что дворянство того времени знало только азбуку, а до науки еще не касалось.

IV.

ГОРОДСКІЕ И ПОСАДСКІЕ ЛЮДИ.

Самоуправленіе городскихъ общинъ.—Магистратъ и составъ его.—Канцелярія магистрата.—Судебное значеніе магистрата по закону и въ жизни.—Участіе въ управленіи всей городской общины.—Составъ ея.—Условія вступленія въ купечество.—Повинности горожанъ: государственныя и полицейскія.—Мѣста торговли въ Москвѣ.—Сводчики.—Выжежники.—Фабрики, ихъ льготы.—Повинности.—Контингентъ рабочихъ силъ на фабрикахъ.—Фабричныя ученики.

Въ первыхъ годахъ XVIII ст. городскіе и посадскіе люди представляли „разсыпанную храмину“, по выраженію Петра Великаго. Въ регламентѣ главнаго магистрата говорится, что „купецкіе и ремесленные тяглые люди во всѣхъ городахъ обрѣтались не токмо въ какомъ призрачїи, но паче отъ всякихъ обидъ, папачковъ и отягощеній несносныхъ едва не всѣ разорены, отчего оныхъ умалилось“ (Регл. 1721 г. янв. 16). Петръ Великій задумалъ собрать эту разсыпанную храмину, — и съ того времени городскіе и посадскіе люди начинаютъ складываться въ самостоятельныя общественныя союзы, имѣющіе свой особый судъ и управу. Въ большихъ городахъ учреждены были магистраты, а въ малыхъ и въ посадахъ — ратуши. Для составленія присутствія этихъ учреждений предоставлено было гражданамъ самимъ выбирать изъ своей среды людей умныхъ и пожиточныхъ. Выборы въ магистратскія должности производились свободной подачей голосовъ всѣхъ наличныхъ членовъ городской общины. Списокъ лицъ, выбранныхъ въ городской магистратъ и ратушу, представлялся въ главный магистратъ, который, удостовѣрившись въ правильности выбора, утверждалъ его указомъ. „При брянскомъ магистратѣ нахожусь я съ 1744 г. въ ратманахъ по указу изъ главнаго магистрата и по выбору брянскаго купечества“, сказалъ на допросѣ брянскій купецъ Сапожковъ (№ 2036). Присутствіе городского магистрата составляли: бургомистры, ратманы и старосты. При нѣкоторыхъ магистратахъ

бургомистровъ, ратмановъ и старость было по нѣскольку — по два, по три и больше, смотря по обширности города, то-есть по числу членовъ, входящихъ въ городскую общину. Все члены магистрата собирались въ присутствіе „для совѣтованія“ о дѣлахъ сообща. Независимо отъ сего, каждому изъ нихъ предоставлялась какая-нибудь отдѣльная часть городского управленія. Для нѣкоторыхъ дѣлъ, напримѣръ для отдачи рекрутъ, сбора гильдейскихъ и подушныхъ денегъ и пр., выбирались особые „сборщики“ и посыльщики. Обѣ эти должности были исполнительныя (Прот. № 83, л. 103). Для дѣлопроизводства при магистратахъ учреждены были канцеляріи съ секретарями во главѣ. Въ эти канцеляріи сами магистраты набирали служащихъ и назначали имъ вознагражденіе по своему усмотрѣнію; иные же вовсе не давали жалованья канцеляристамъ, предоставляя имъ питаться отъ челобитчиковыхъ дѣлъ. Подканцеляристъ московскаго магистрата сказалъ на допросѣ: „пронитаніе оны имѣеть отъ челобитчиковыхъ дѣлъ, ибо по тому магистрату жалованья не положено“ (№ 2096).

На обязанности магистрата лежало вѣдѣніе всехъ дѣлъ городской общины — экономическихъ, судебныхъ, административныхъ и пр. „Магистратъ есть глава и начальство всему гражданству“, говорится въ регламентѣ главнаго магистрата. „Должность его состоитъ въ томъ, еже судити гражданъ, содержать въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы собирать и отдавать по указамъ, куда отъ камеръ-коллегіи будетъ опредѣлено, учреждать всю экономію или домо-строительство города, яко купечество, всякое ремесло, художество и пр. и чинить о всякихъ пуждахъ и что ко гражданской пользѣ принадлежитъ потребныя предложенія до главнаго магистрата; того ради магистраты губернаторамъ и воеводамъ не должны подчинены быть въ томъ, что до гражданского суда и экономіи касается“ (Реглам. 1721 г. янв. 16, гл. XIV). Бурмистры и старосты бѣлевской ратуши такъ очертили свои обязанности: „выбраны-де они въ нынѣшнемъ 1731 г. въ бѣлевскую ратушу для отправленія всякихъ ея императорскаго величества дѣлъ и сборовъ и для отправленія по указомъ выборовъ и всякихъ мірскихъ дѣлъ“ (Прот. № 73, л. 72). Такимъ образомъ, городской міръ самъ долженъ былъ обсуждать и выработать „уставы“, которые магистраты представляли на апробацію въ главный магистратъ; а этотъ послѣдній вносилъ ихъ въ Сенатъ чрезъ оберъ-президента, который назначался отъ правительства. При обсужденіи „предложеній“, главному магистрату вѣнялось въ обязанность совѣтоваться съ камеръ и мануфактуръ-коллегіями по всемъ тѣмъ вопросамъ, по которымъ эти коллегіи касались городской общины (Регл. 1721 г. 16-го янв.). Для обсуждения и рѣшенія какихъ-нибудь особенныхъ вопросовъ, каковы напримѣръ: отдача рекрутъ, изысканіе лучшихъ способовъ къ платежу подушныхъ денегъ и пр., собиралась вся городская община, весь міръ. Такъ, бурмистры и старосты бѣлевской

ратуши сказали на допросѣ въ Сыскномъ Приказѣ: „въ прошломъ 1729 г., по присланному указу, велѣно съ бѣлевскаго посаду взять въ рекруты шесть человекъ; и по тому указу онъ бурмистръ Козловъ съ бурмистромъ же Замятнинымъ да со старостой Пещаниковымъ, съ общаго мірскаго совѣта, велѣлъ тѣхъ рекрутъ отправить того посаду посадскимъ людямъ“ (Прот. № 83, л. 103).

Изъ всего сказаннаго видно, что городскіе и посадскіе люди, въ описываемое нами время, совсѣмъ выведены были изъ-подъ приказной администраціи. Судомъ и расправой они вѣдомы были въ магистратѣ, независимо отъ званія и состоянія истцевъ или обвинителей. Согласно сему, зарайскій магистратъ отвѣчалъ Сыскному Приказу, который требовалъ къ себѣ для вопроса купца Петра Корнѣева: „А въ регламентѣ главнаго магистрата, въ 10 й гл., написано: велѣно всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всякихъ дѣлахъ судомъ и расправою, татинными и разбойными и убивственными дѣлами вѣдать въ главномъ магистратѣ, ктوبъ на оныхъ въ чемъ ни билъ челомъ. Ни гражданскому, ни военному начальству гражданъ къ своему суду въ канцеляріи позывать не велѣно“ (№ 1000, л. 303). Но на практикѣ выходило иначе. Исключительно въ магистратѣ производилось слѣдствіе только въ томъ случаѣ, когда участвующія въ процессѣ лица всѣ принадлежали къ городскому сословію. Въ противномъ случаѣ городскіе и посадскіе люди позывались къ суду приказному (Прот. № 83, л. 103). Для сего послѣдній долженъ былъ входить съ доношеніемъ къ главному магистрату, изложивъ въ бумагѣ причины, по которымъ позывается въ судъ лицо городского сословія (№ 2036). Но въ большинствѣ случаевъ приказный судъ обращался съ требованіемъ къ допросу городскихъ людей прямо къ тому магистрату или ратушѣ, въ вѣдѣніи которыхъ находились требуемыя лица (№ 1605). При допросахъ тамъ должны были находиться представители со стороны магистрата, для огражденія подсудимыхъ отъ обидъ и напрасныхъ подозрѣній (№ 2036). На практикѣ же и въ этомъ отношеніи было много злоупотребленій, отъ которыхъ сильно страдали люди городского сословія. Приказный судъ нерѣдко забиралъ, допрашивалъ и пыталъ городскихъ и посадскихъ людей, не сносаясь ни съ главнымъ магистратомъ, ни съ городскими магистратами и ратушами. Какъ доказательство выпиываемъ изъ дѣлъ Сыскаго Приказа челобитіе въ главный магистратъ московскихъ купцовъ Лобашкина и Банщикова: „Купецъ Савва Андреяповъ съ калужскимъ купцомъ Панфиловымъ, умысля воровски, мимо своей команды — московскаго магистрата, подали на нихъ въ московскую полицмейстерскую канцелярію незнаемо какое прошеніе, по которому та полиція, чрезъ происки того Андреянова и Панфилова, захвати ихъ, не своего вѣдомства, распрашивала яко будто сущихъ злодѣевъ и при томъ спросѣ въ кольцахъ били плетми смертными побои, и отъ такого страха и нестерпимыхъ

мучительскихъ побой имѣлись они въ безпамятствѣ и къ какимъ допросамъ велѣли имъ руки прикладывать, того они, за безпамятствомъ своимъ и за мучительными цобои, показать не помнятъ. А по указу его императорскаго величества и по регламентамъ главнаго магистрата, велѣно всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всякихъ дѣлахъ судомъ и расправою, и татинными и разбойными и убивственными дѣлами (кромя великихъ государевыхъ дѣлъ) вѣдать въ главномъ магистратѣ, кто-бъ на оныхъ въ чемъ ни билъ челомъ; и ни гражданскому, ни военному начальству гражданъ къ своему суду позывать не велѣно, а велѣно на таковыхъ бить челомъ въ магистратѣ. А проситель Андреяновъ и повѣренный его Панфиловъ имѣются всѣ купцы, а не разночинцы, и состоятъ подъ вѣдѣніемъ, судомъ и расправою главнаго магистрата, которымъ купцамъ, вѣдая указы и главнаго магистрата регламентъ, мимо своей команды, на нихъ бить челомъ и оной полиціи отъ нихъ челобитья принимать и ихъ захватывать, не своего вѣдомства, не подлежало. И то оные купцы и московская полиція учинили вѣдѣніемъ и волею противности ея императорскаго величества указомъ и главнаго магистрата регламенту "... И просили, чтобъ „ихъ яко безгласныхъ людей отъ оной полицмейстерской канцеляріи милостиво оборопить, и изъ той полиціи и съ подлиннымъ дѣломъ взять въ московскій магистратъ. А что-де оная полиція вступила не въ свое дѣло и въ противность указовъ, ихъ захватя, били плетьюми и содержать ихъ у себя въ чѣпи и въ желѣзахъ болѣе мѣсяца, о томъ повелѣно-бъ было изъ московскаго магистрата представить главному магистрату — соблаговолилъ бы на оную полицію во учиненной противности, куда надлежить, представить“ (№ 2473 л. 123). Съ другой стороны, приказный судъ позывалъ къ себѣ гражданъ и по формѣ, адресуясь къ магистрату или ратушѣ; но позывалъ напрасно, безпричинно, единственно изъ какихъ-нибудь корыстныхъ побужденій. Напримеръ: юрьевская воеводская канцелярія посылала 1741 г. указъ въ ратушу того же города, чтобы она прислала „юрьевчанина посадскаго человѣка Луку Кожемякина по нѣкоторому слѣдственному дѣлу для допросовъ“. Юрьевская ратуша не дала воеводской канцеляріи своего гражданина и мотивировала свой отказъ такъ: „показаннаго Кожемякина въ оную канцелярію для слѣдствія и допросовъ прислать невозможно для того, что оная ратуша имѣетъ опасеніе за приказными ссорами оной канцеляріи канцеляриста Коковинскаго, на котораго отъ ратуши въ нижегородскую губернскую канцелярію въ чиненіи юрьевскимъ гражданамъ онымъ Коковинскимъ обидѣ и напрасныхъ подозрѣній предложено доношеніе: чтобъ-де онъ Коковинскій Кожемякина не привелъ въ напрасное подозрѣніе и не учинилъ смертныхъ побой, какъ-де Коковинскимъ учинено было дворцовой Коряковской волости надъ крестьяниномъ Булыдиннымъ“ (№ 1605). Наконецъ, и сами магистраты небрежно относились къ интересамъ своихъ граж-

данъ, когда они позывались къ допросамъ въ приказный судъ. Представители магистратовъ ипогда совѣмъ не присутствовали при такихъ допросахъ, а прочитывали и подписывали ихъ послѣ. Напримѣръ: 8-го августа 1751 г. па приглашеніе отъ Сыскаго Приказа быть при допросахъ купцовъ присутствующіе московскаго магистрата отвѣчали: „какъ-де они для засѣданія поѣдутъ въ судной приказъ, то-де и въ тотъ приказъ заѣдутъ; а брянскимъ бы-де купцамъ на учиненные имъ вопросенные пункты отвѣты оканчивали бы хотя и безъ нихъ; а они-де оные выслушаютъ и что будетъ имъ сумнительно, и въ то время пополнить можно“ (№ 2036). Такое благодушное отношеніе магистрата къ своимъ обязанностямъ цѣликомъ отдавало гражданъ въ руки приказныхъ судей, которые какъ хотѣли, такъ и направляли допросы.

Городская община состояла изъ различныхъ элементовъ — купцовъ, ремесленниковъ, художниковъ и проч. Главное городское сословіе составляли купцы, то есть люди торговые, платящіе гильдейскія деньги. Быть купцомъ дозволялось всякому, только при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Желаящій записаться въ купечество долженъ былъ прежде всего объявить свой торговый капиталъ. Такъ, купецъ Иванъ Ивановъ Ратьковъ показалъ: „былъ онъ вѣдомства дворцовой копіюшенной канцеляріи крестьянинъ села Сидоровскаго, костромскаго уѣзда, гдѣ по прошедшей первой ревизіи и въ подушномъ окладѣ былъ написанъ. А въ прошломъ 1744 г., по желанію его и по объявленію, въ силу указовъ, капиталу, отъ московской губернской канцеляріи опредѣленъ въ московское купечество“ (№ 3959, л. 57). Но со стороны крестьянъ собственно недостаточно было одного объявленія капитала, а требовалось дѣйствительное производство торговли на сумму не менѣе 500 рублей. Это объяснилъ, между прочимъ, сепать въ своемъ указѣ главному магистрату по дѣлу о бѣглыхъ крестьянахъ помѣщика Гончарова, записавшихся въ купечество. Указомъ велѣно: „о запискѣ тѣхъ крестьянъ въ купечество по дѣламъ разсмотрѣть: оные до челобитья и до той въ купечество записки, по силѣ указовъ 208 г. ноября 14, 1722 г. апр. 13 и іюня 25, и 1747 г. марта 5 д., дѣйствительно-ли свои торги и промыслы (кромѣ таковыхъ, которые и крестьянамъ, по силѣ указовъ, велѣно въ городахъ продавать) и на посадскихъ градскихъ земляхъ свои жъ собственные дома, заводы и лавки имѣли-ль и торгу ихъ на собственныя деньги у каждаго отъ 500 р. и выше по таможеннымъ запискамъ отъ нихъ подлинно-ль доказано“ (№ 2036) Кромѣ того, отъ вновь поступающихъ въ купечество требовались одобреніе и порука кого-нибудь изъ старыхъ купцовъ. „Въ Сыскаго Приказъ изъ московскаго магистрата требовано: въ Екатерининской слободѣ купецъ Федоръ Аванасьевъ Глазуповъ въ тое слободу изъ какихъ чиновъ записанъ и кто его въ то купечество одобрили, такожь кто по немъ поруки были? Отвѣтствовано: по справкѣ

въ гильдіи въ Екатеринбургской слободѣ Федоръ Аонасеевъ написанъ безъ прозванія изъ природныхъ и умре“ (№ 2382, л. 11). Бѣгле крестьяне Гопчарова, хотѣвшіе записаться въ купечество при бѣлевскомъ посадѣ, тоже въ своихъ показаніяхъ говорили о необходимости одобренія и поруки: „побѣгъ учинили не по подговору объявленныхъ брянскихъ кунцовъ“, показываль, напримѣръ, Селивановъ, „а только имѣли съ ними совѣтъ, которые-де имъ и объявили, что-де вамъ можно нынѣ отъ Гопчарова выйтить и по вашему промыслу записаться въ купечество, а мы васъ одобримъ“ (№ 2036).

Повинности городского сословія можно раздѣлить на натуральныя и денежныя. Къ натуральнымъ повинностямъ относится, во первыхъ, рекрутская. Такъ, солдатъ Петръ Емельяновъ Поляковъ показалъ: „напередъ сего былъ онъ города Ревеля купецъ и тому нынѣ лѣтъ 12-ть отъ того купечества отданъ онъ былъ въ рекруты“ (№ 4245, л. 108). Родіонъ Меркуловъ Каблуковъ сказалъ: „находится онъ отъ купечества, но отдачѣ въ солдаты, вѣдомства артиллерійской конторы при мѣдныхъ дѣлахъ ученикомъ“ (№ 3926, л. 4). Лицо городского сословія, назначенное отправить рекрутскую повинность, обязано было или лично идти въ рекруты, или нанять за себя охочаго человѣка. Были случаи, что охотниковъ-рекрутъ нанимала сама городская община, чтобы не давать жеребья своимъ членамъ. Подтвержденіемъ этого служитъ дѣло города Бѣлева о бурмистрахъ Ив. Истоминоѣ, Семенѣ Власовѣ да о старостѣ Петрѣ Бутылкинѣ, на которыхъ тогожь города посадскій человѣкъ Аврамъ Натаровъ распросомъ показалъ: „оные бурмистры и староста выбрали сборщиковъ того города Бѣлева посацкихъ людей Дмитрія Зиновьева да Ивана Спѣсивцева съ товарищи нанять за Бѣлевскій посадъ рекрутъ восемь человѣкъ, которые сборщики и наняли пришлыхъ струговъ бурлаковъ восемь человѣкъ, изъ которыхъ явилось разбойниковъ четыре человѣка, и брали на этихъ бурлаковъ записи отъ крѣпостныхъ дѣлъ съ поруками, а ручались по нихъ того города посацкіе люди. А оные сборщики показали сказкою въ бѣлевской канцеляріи, что они наняли въ рекруты того города посацкихъ людей, которые и въ подушномъ окладѣ написаны въ томъ городѣ. Бурмистры и староста показали: „велѣли отправить рекрутъ покупкою чьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а не бѣглыхъ, или того города Бѣлева малоплатежныхъ купецкихъ людей“ (Прот. № 73, л. 72, 1731 г.). Другая натуральная повинность купечества состояла въ отправленіи службы по казеннымъ сборамъ и торгамъ. Была еще какая-то должность коневщика, „который конскую службу сиравляетъ“ (№ 2036). Для отправленія такихъ должностей купечество должно было выбирать изъ своей среды людей надежныхъ и давать по нихъ поруки. Посадскіе люди требовались иногда для единовременныхъ службъ, напримѣръ, для оцѣнки имущества—повинности, отъ которой они также уклоняться не могли. Такъ Сыскной Приказъ писалъ однажды въ московскій магистратъ:

„имѣются (въ Сыскномъ Приказѣ) разные пожитки, которые надлежитъ оцѣнить купецкими людьми, того ради для оцѣнки тѣхъ пожитковъ прислать въ Сыскной Приказъ купецкихъ торговыхъ знающихъ людей въ непродолжительномъ времени, а именно: изъ серебрянаго ряду двухъ, изъ ветошнаго и маслянаго ряду трехъ человекъ“ (№ 3120, л. 819).

Что касается до повинностей денежныхъ, то въ дѣлахъ Сыскаго Приказа упоминается только два вида ихъ: подушныя и гильдейскія. Относительно размѣра гильдейскихъ пошлинъ указаній въ дѣлахъ Сыскаго Приказа нѣтъ. Вообще члены городской общины обложены были не одинаковымъ платежемъ, но принималась въ расчетъ платежная способность ихъ. Такъ бурмистры и староста бѣлевскаго магистрата говорили въ Сыскномъ Приказѣ: „велѣли отправить рекрутъ покупкою чьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а не бѣглыхъ, или того города Бѣлева изъ *малоплатежныхъ* купецкихъ людей“ (Прот. № 73, л. 72, 1731 г.). Посадскій человекъ Иванъ Пономаревъ сказалъ на допросѣ: „платилъ онъ мало тягла за своимъ пенмуществомъ“ (Прот. № 72, л. 11).

Полицейская служба посадскихъ людей состояла въ охраненіи порядка и благочинія въ городѣ, въ смотрѣніи за появленіемъ подозрительныхъ и воровскихъ людей. Такъ, однажды, въ городѣ Рыбинскѣ, на Рыбинской слободѣ, въ кабацѣ, появился человекъ Алексѣй Михайловъ, который „необычно пьянствуетъ и деньги серебряной монеты на пропой держитъ роскошно“. Въ кабацѣ пришли Рыбинской слободской ратуши пятидесятскій съ десятскими и, взявъ Алексѣя Михайлова пьянаго, отвели въ слободскую ратушу (№ 3959, л. 23). Кромѣ того, всѣ домовладѣльцы въ Москвѣ, какого бы они званія ни были, въ томъ числѣ и торговые и посадскіе люди, должны были отправлять ночную стражу какъ на улицахъ, такъ и при съѣзжихъ дворахъ. Ночью каждая улица запиралась рогатками и домовладѣльцы этой улицы поочередно должны были сторожить, чтобы „не чипилось воровства и неблагоприличія по улицамъ“. Нѣкоторые посадскіе люди лично отправляли эту полицейскую стражу. Такъ купеческій 3-й гильдіи сынъ Иванъ Пичушка (по мірскому прозванію) сказалъ, что онъ „въ 1747 г. съ 1-го января по 1-е іюля за дворъ отца своего въ съѣзжій дворъ выбранъ былъ въ десяцкіе“ (№ 1688). Иные же нанимали другихъ за свой дворъ „для стоянія у рогатки“ (№ 2385).

Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа сохранилось нѣсколько нелишенныхъ интереса свѣдѣній о промыслахъ городскихъ людей и въ частности о торговыхъ пунктахъ въ Москвѣ. Главнымъ изъ нихъ былъ гостинный дворъ. Онъ раздѣленъ былъ на ряды — серебряный, суконный, ветошный, масляный, скобяной и пр.; ряды пересѣкались переулками, и мѣста ихъ пересѣченія назывались перекрестками; переулки носили тоже свои названія, — на примѣръ, жемчужный. Въ каждомъ ряду было

нѣсколько прясель. „А торгъ онъ, Иванъ Ратковъ, имѣть въ серебряномъ ряду, идучи отъ Ильинской мостовой во второмъ пряслѣ“, говорится въ одномъ дѣлѣ (№ 3959, л. 57). Каждый торговый рядъ имѣлъ своего рядскаго старосту. „Серебрянаго ряду купецкой человѣкъ Оедоръ Григорьевъ, староста, въ Сыскной Приказъ явился и сказалъ: „сего-де числа взята у него сказка — поставить того ряду купецкаго человѣка Петра Иванова и сидѣльца Григорья Иванова“ (№ 232, л. 24). На требованіе Сыскаго Приказа прислать цѣновниковъ-купцовъ, московскій магистратъ отвѣчалъ: „по опредѣленію московскаго магистрата, велѣно для показанной оцѣнки, нарядя изъ подлежащихъ рядовъ четыре человѣка, которые, по наряду отъ рядовыхъ старостъ, посылаются купецкіе люди: ветошнаго ряду — Ивасъ Кузминъ, серебрянаго третьяго прясла, въ которомъ торгуютъ лисьимъ мѣшинымъ товаромъ, — Оедоръ Васильевъ, серебрянаго перваго и втораго прясель — Иванъ Акуловъ, ветошнаго на Ильинской — Иванъ Пикитинъ“ (№ 3120, л. 829). Въ гостиномъ дворѣ торговали и оптомъ и въ розницу. Оптовая продажа и мѣна товаровъ должна была всегда объявляться и записываться въ таможиѣ для платежа таможенныхъ пошлинъ и для удостовѣренія, что товаръ не краденый. При таможиѣ былъ маклеръ или сводчикъ, утверждаемый въ этой должности правительствомъ. Но, кромѣ его, существовали еще частные сводчики. Такъ купецъ Лобашкинъ показалъ: „пришелъ къ его лавкѣ сводчикъ товарамъ Александра Ивановъ Банщикова и говорилъ ему Лобашкину, что-де щепетильнаго и игольнаго ряду у купца Савелья Шемякина имѣются товары — штофъ, канифасъ и разныхъ цвѣтовъ ленты, которые-де оный Шемякинъ имѣетъ намѣреніе смѣнить ихъ ряду на пожовый товаръ“. Лобашкинъ съ Шемякинымъ смѣнялись товарами. „А означенная мѣна въ таможиѣ не записана“, показывалъ далѣе Лобашкинъ: — а сводчикъ получалъ по копѣйкѣ съ рубля“ (№ 2473). Большимъ торговымъ центромъ въ Москвѣ была также Таганка. Здѣсь главнымъ образомъ торговали произведеніями сельской промышленности: щепнымъ товаромъ, лапотнымъ, веревками и пр. Были также другіе торговые пункты, на примѣръ, по рѣчкѣ Неглинной до Кузнецкаго моста тянулись мелкія лавки и шалаши, въ которыхъ торговали посылнымъ платьемъ, старымъ желѣзомъ и чугуномъ и всякимъ другимъ старьемъ (№ 3508). Красная площадь представляла въ то время толкучій рынокъ. Здѣсь, кромѣ торговли со столовъ и телѣжекъ, торговали „походя“ всѣми возможными предметами домашняго обихода. Здѣсь же, отчасти и на Неглинной, сбывались всякія краденныя вещи „зачисто безъ порукъ“. Здѣсь былъ главный притонъ *выжежниковъ* и *выжежницъ*, которые занимались куплей и продажей всякаго золота, серебра, жемчугу и пр., хотя для торговли этими предметами назначены были опредѣленные мѣста внутри гостинаго двора, и такая торговля въ неуказномъ мѣстѣ строго преслѣдовалась. Такъ въ Сыскной Приказъ приведена была выжежница

Татьяна и осматривана, а „по осмотру явилась подозрительна — бита кнутомъ, о которомъ показала: тому выпѣ лѣтъ 10-ть была она Татьяна въ приводѣ въ московской полицмейстерской канцеляріи и за торговлю выжигой не въ указномъ мѣстѣ бита кнутомъ.“ Въ 1733 г. марта 22 д. состоялся специальный указъ, который съ особенной строгостью отнесся къ торговлѣ золотомъ, серебромъ и прочими дорогими вещами не въ указныхъ мѣстахъ. „Для лучшаго серебряныхъ рядовъ учрежденія и пресѣченія воровства и прочихъ вымышленныхъ коварствъ въ Москвѣ, на жемчужномъ перекресткѣ и подѣ столбами и по перекресткамъ же на большихъ улицахъ и нигдѣ походя никому никакимъ золотомъ, серебромъ и выжигой, жемчугомъ, камнемъ, кромѣ серебрянаго ряду, не торговать. А ежели кто впредь сего указу въ тѣхъ мѣстахъ для такихъ своихъ промысловъ означенными золотыми, серебряными и прочими вещьми будутъ торговать, таковыхъ ловить и штрафовать: впервые — отнятіемъ, съ чѣмъ пойманы, всей той вещи, и наказаніемъ плетми, вдругорядь, — отнятіемъ же всей той вещи и жестокимъ наказаніемъ и ссылкой въ сибирскіе дальніе города вѣчно, дабы, какъ возможно, оное воровство пересѣклось. Чего ради, по силѣ сего указу, имѣть крѣпкое смотрѣніе отъ полиціи, и что у таковыхъ въ золотѣ и серебрѣ взято будетъ, оное отсылать въ монетную контору. А ежели кто станетъ въ тѣхъ мѣстахъ мимо серебряныхъ рядовъ носить для продажи собственныя серебряныя и золотыя вещи, а не для торговыхъ промысловъ, тѣмъ такого наказанія не чинить“ (въ Полн. Собр. Зак. нѣтъ). На основаніи этого указа, въ Сыскномъ Приказѣ состоялось опредѣленіе относительно женки Татьяны: „что она торгуетъ не въ указномъ мѣстѣ серебромъ и выжигой и за покупку у вора Ив. Васильева краденаго жемчугу и запоны не завѣдомо, учинить наказаніе — бить кнутомъ, дать двадцать ударовъ“ (№ 944, л. 34).

Выпишемъ также нѣсколько свѣдѣній о фабрикахъ, содержимыхъ купеческими людьми. Большая часть фабрикъ въ прошломъ столѣтіи возникли по инициативѣ правительства и на казенныя средства, — въ особенности фабрики суконныя, парусныя и вообще „надлежащія къ мундиру“. Устроивая такія фабрики, правительство имѣло въ виду по преимуществу казенную пользу, именно избѣгать необходимости обращаться въ иностранныя государства за матеріалами по обмундированію войскъ. Эти казенныя фабрики еще Петромъ Великимъ отдавались для эксплуатаціи компанейщикамъ — купецкимъ людямъ — вмѣстѣ съ принисными работными людьми, прикрѣпленными къ фабрикамъ, но не къ компанейщикамъ. „А у нихъ на мануфактурѣ мастеровые и работные люди не собственные ихъ и не крѣпостные, но государевы и указу на нихъ, чтобы они были ихъ собственные, имъ не дано... А кто изъ нихъ сбѣжитъ, о таковыхъ въ государственную мануфактуръ-коллегію и явочныя прошенія подаютъ... И, по присланному изъ правительствующаго сената въ московскую губернскую канцелярію указу, за оныхъ работныхъ людей

подушныхъ денегъ съ нихъ (компанейщиковъ) взыскивать не велѣно“, писалъ въ 1751 г. содержатель суконной мануфактуры Вологовъ съ товарищи. Но работныхъ людей, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ, должно быть, было мало. Фабриканты вынуждены были нанимать рабочихъ еще со стороны. Поэтому фабриканты того времени охотно принимали къ себѣ въ работу всякихъ беспаспортныхъ людей и держали ихъ у себя по нѣскольку лѣтъ, обучая ихъ мастерству. Но къ фабрикантамъ часто предъявляли свои претензіи владѣльцы этихъ бѣглыхъ: убытчили пожилыми деньгами и отбирали своихъ людей. Кромѣ того, много волокиты причиняли фабрикантамъ пародныя переписи. Случалось, что съ иной фабрики разбирали чуть не половину всего контингента рабочихъ силъ — мастеровъ, подмастерьевъ, учениковъ и пр. Эти затрудненія вынудили нѣсколькихъ фабрикантовъ войти въ правительствующій сенатъ съ просьбами объ улучшеніи ихъ положенія по отношенію къ рабочимъ рукамъ. Сенатъ обратился къ государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ доношеніемъ, вслѣдствіе котораго состоялся въ 1736 г. января 7-го дня указъ, опредѣляющій льготы фабрикантовъ. „Того ради указали мы“, писала императрица въ своемъ указѣ, — „для пользы государственной и чтобъ тѣ фабрики отъ разобранія мастеровыхъ и работныхъ людей въ упадокъ и разореніе не пришли, учинить нижеслѣдующее: 1) всѣхъ, которые понынѣ на фабрикахъ обрѣтаются и обучились какому-нибудь мастерству, принадлежащему къ тѣмъ фабрикамъ и мануфактурамъ, а не въ простыхъ работахъ обрѣтались, тѣмъ быть вѣчно при тѣхъ фабрикахъ, а кои изъ нихъ положены въ подушной окладъ, тѣхъ изъ того оклада, по силѣ генеральной привилегіи 10-го п., выключить, а вмѣсто ихъ причислить изъ прибылыхъ въ подушной окладъ послѣ расположенія полковъ, а за тѣхъ мастеровыхъ людей, тѣмъ, чьи они были, заплатить отъ тѣхъ фабрикъ деньги. 2) Впредь на тѣхъ фабрикахъ и мануфактурахъ всякимъ мастерствамъ обучать и въ мастера производить изъ дѣтей вышеписанныхъ отданныхъ имъ вѣчно. 3) Которые при нынѣшней на фабрикахъ переписи показали, что изъ какихъ чиновъ отцы и дѣды ихъ, не знаютъ, тѣмъ нынѣ быть потому-жъ при фабрикахъ; а ежели впредь изъ нихъ, кои показывали себя не помѣщичьими и не бѣглыми изъ службы, а явятся послѣ бѣгле солдаты и рекруты и другихъ служилыхъ чиновъ или помѣщичьихъ крѣпостные люди и крестьяне, положенные и не положенные въ подушной окладъ, о такихъ чинить противъ вышеписаннаго; а за то, что они при переписи неправду о себѣ показали, не державъ долго-временно подъ карауломъ и въ тюрьмахъ, чинить жестокое наказаніе — бить плетью нещадно, дабы другимъ такъ обличать было неповадно; а пожилыхъ и за бѣглыхъ служилыхъ людей штрафныхъ денегъ на содержателей фабрикъ не взыскивать. 5) Буде кто изъ тѣхъ вѣчно отданныхъ нынѣ къ фабрикамъ сбѣжитъ на прежнее жилище, или въ инья мѣста, тамъ нигдѣ не принимать и не держать въ городахъ

воеводамъ, а имъ, учиня наказанье, отсылать на тѣ-жь фабрики, откуда бѣжали, на проторяхъ тѣхъ фабрикантовъ; а буде кто бѣлаго съ фабрики примуть и держать стануть, съ тѣхъ брать пожилыя деньги, равно съ бѣглами, и отдавать фабрикантамъ, отъ кого бѣжали; а буде кто изъ вышеписанныхъ же опредѣленныхъ пинѣ на фабрики явятся невоздержные и ни къ какому ученію не прилежные, о тѣхъ самимъ фабрикантамъ, по довольномъ домашнемъ наказаніи, объявлять въ коммерцъ-коллегіи или въ конторѣ, откуда, по свидѣтельству фабрикантскому и мастеровъ, за такое ихъ непотребное житье ссылатъ въ ссылки въ дальніе города или въ Камчатку въ работу, чтобъ другимъ былъ страхъ; а ежели въ ссорахъ или дракахъ, или пьяные гдѣ взяты будутъ, а въ воровствѣ ни въ какомъ не показались и къ тяжкому розыску не подлежатъ, тѣхъ, не державъ нигдѣ ни одного дня и не убытка, отсылать на фабрики и онимъ фабрикантамъ самимъ чинить имъ наказаніе при другихъ ихъ братьи. 12) Которые мастеровые и работные люди взяты будутъ по какимъ дѣламъ въ полицейскія или другія команды, кромѣ государственныхъ и криминальныхъ дѣлъ, тѣхъ допрашивая немедленно отсылать въ коммерцъ-коллегію или контору той коллегіи, ни мало не задерживая. 14) Которые жъ на ихъ фабрикахъ собственные ихъ мастеровые люди явятся въ разбояхъ и воровствахъ, или въ держаніи безъ панцортовъ, въ томъ имъ фабрикантомъ отвѣтствовать такъ, какъ и о помѣщичьихъ людяхъ и крестьянахъ по указомъ опредѣлено, — для того, что тѣ мастеровые люди будутъ за ними крѣпостные; а которые въ такихъ же дѣлахъ явятся изъ наемныхъ работныхъ людей, тѣхъ отсылать куда по указомъ надлежитъ, и къ фабрикантамъ за нихъ ничѣмъ не приставать“ (Книга прокур. дѣлъ 1743 г. № 440; П. С. З. 1736 г. января 7 дня т. IX, № 6858). Этимъ же указомъ въ пунктѣ 9-мъ дано фабрикантамъ право покупать людей, только безъ земли. „Которые фабриканты покупали на свои мануфактуры и фабрики людей и крестьянъ безъ земель и не цѣлыми деревнями, тѣмъ быть при нихъ по крѣпостямъ и впредь покупать имъ не запрещать, токмо безъ земель же и не цѣлыми деревнями“. Суконныя фабрики пользовались передъ другими особыми льготами: всѣ ихъ мастеровые люди освобождены были отъ подушныхъ сборовъ и отъ полицейскихъ службъ. Льгота эта установлена была едва ли не съ основанія этихъ фабрикъ (№ 5821). Но съ 1747 г., по указу правительствующаго сената, всѣ мастеровые фабрикъ, вошедшіе въ списки генеральной ревизіи 1743 г., положены были въ подушный семигривенный окладъ. Всѣ недоимки съ рабочихъ, по этому указу, взыскивались съ самихъ содержателей фабрикъ, которые, въ случаѣ неплатежа, содержались подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока недоимка была ими восполнена. Впрочемъ, къ 1750-му году подушная подать съ мастеровыхъ суконныхъ фабрикъ опять была снята. Льгота эта была необходимою для суконныхъ фабрикъ, которыя находились въ

худшемъ положеніи относительно заработка какъ самихъ содержателей, такъ и мастеровыхъ людей, сравнительно съ другими мануфактурами, на примѣръ: полотняными, шолковыми и пр. Причина этого явленія была та, что полотняныя, шолковыя и др. мануфактуры производили предметы „на всенародную вольную продажу“, а суконныя и каразейныя фабрики работали исключительно на казну по опредѣленной отъ главнаго магазина цѣнѣ; казна же опредѣляла мастеровымъ людямъ плату, „которую они больше солдатскаго жалованья заработать и получить не могутъ“. Въ 1747 г., 29-го октября, собрались суконныя фабриканты: Ефимъ Болотинъ, Ѳедоръ Сериковъ, Романъ Журавлевъ, Андрей Косыревъ, Ефремъ Еремѣевъ, Григорій Баркинъ, Иванъ Васильковъ, Андрей Товаровъ да Иванъ Третьяковъ и подали чрезъ повѣренныхъ, своихъ компанейщиковъ, Василія Суровщикова и Григорья Серикова, челобитье въ военную коллегію, чтобы дарованы были льготы какъ имъ, такъ и мастеровымъ людямъ. Выпишемъ здѣсь цѣликомъ это челобитье: „1747 г. мая 15 дня“, писали повѣренные, „по состоявшемуся ся императорскаго величества въ правительствующемъ сенатѣ указу, имѣющіеся на всѣхъ фабрикахъ мастеровые люди, по силѣ генеральной 1743 г. о ревизіи инструкціи, положены въ семигривенный подушный окладъ, которыя деньги и взыскиваются съ нихъ съ начала сего года и съ чего товарищи ихъ въ московской губернской канцеляріи содержатся подъ арестомъ многое время, что слѣдуетъ къ крайней гибели всѣхъ ихъ суконныхъ фабрикъ, кромѣ Полуярославцова, который большую часть дѣлаетъ на всенародную вольную продажу, а прочіе всѣ какъ прежде дѣлывали, такъ и по указу 1744 г. обязаны дѣлать и отдавать сукна по опробованнымъ образцамъ въ главной комиссаріатъ на мундиръ военнотружущимъ людямъ по опредѣленной цѣнѣ: сукна по пятидесять по осьми копѣекъ, каразеи по четырнадцать копѣекъ съ половиною аршинъ, къ которой поставкѣ на слѣдующій 1748 г. въ конторѣ главнаго комиссаріата ихъ, суконныхъ фабрикъ содержателей, принуждаютъ подписаться, а имъ, за означеннымъ фабричныхъ мастеровыхъ людей въ подушной окладъ положеніемъ, въ поставкѣ тѣхъ мундирныхъ суконъ обязать невозможно, для того, что на суконныхъ ихъ фабрикахъ мастеровымъ людямъ, чтобъ на мундирныя сукна цѣна не возвышалась, платятся заработанныя деньги по опредѣленной указной цѣнѣ только на одно ихъ пропитаніе, которыхъ они больше солдатскаго жалованья заработать и получить не могутъ, къ тому-жъ живутъ на наемныхъ фатерахъ и полицейскую должность отправляютъ, и противъ солдатъ несутъ излишнюю тягость и многой недостатокъ. И ежели у тѣхъ мастеровыхъ людей нынѣ подушныя деньги вычитатъ изъ заработныхъ ихъ денегъ, то паче чаянія не безъ опасности, дабы они отъ скудости не могли разбѣжаться, какъ и прежде отъ нихъ происходило, къ другимъ способнымъ пропитаніямъ, особливо чтобъ не явились, по крайнему своему недостатку, на горюствахъ и на раз-

боляхъ, отъ чего-бъ имъ, наипаче платя за нихъ выти, не придти въ крайнее разореніе, или могутъ идти на прочія полезнѣйшія фабрики, кромѣ суконныхъ, на которыхъ дѣлаются и продаются товары повольной цѣною во всенародной расходъ съ немалою прибылью, такъ что тѣхъ фабрикъ и заводовъ содержатели села и деревни купили для наилучшаго приращенія своихъ капиталовъ. И тако ихъ суконныя фабрики противъ прочихъ фабрикъ нисколько не сравненнаго состоянія, понеже на прочихъ фабрикахъ вольной расходъ, смотря по времени, могутъ дѣлать и продавать, употребляя всемѣрные способы къ своей прибыли и, получая оныя, могутъ за бѣдныхъ мастеровыхъ людей подушныя деньги платить безъ нужды, а имъ, за означенною опредѣленною указною противъ опробованныхъ образцовъ платою, никакого къ прибыли своей способу сыскать и убытка убѣждать невозможно. Чего ради, по всеподданнѣйшей ихъ рабской должности, охраняя ея императорскаго величества государственной издержанной сначала на заведеніе суконныхъ фабрикъ немалой интересъ, дабы оной, по вышесказанному обстоятельству, отъ запусканія тѣхъ фабрикъ напрасно не утратился, и притомъ убѣгая они отъ всеконечнаго разоренія и лишенія употребленнаго своего многаго капитала, необходимо принуждены они заблаговременно ея императорскому величеству доносить и слезно помилованія просить, и требуютъ, чтобъ повелѣно было къ пользѣ государственной суконныхъ ихъ фабрикъ мастеровыхъ людей отъ платежа подушныхъ денегъ уволить и до учиненія о томъ резолюціи содержащихся за неплатежъ тѣхъ подушныхъ денегъ суконныхъ фабрикъ вышеозначенныхъ содержателей свободить, понеже имъ, за малоположенною на сукна указною цѣною, по высокости образцовъ, не токмо тѣмъ мастеровымъ людямъ для платежа подушныхъ денегъ въ прибавкѣ заработанныхъ денегъ возможно помощь учинить, но и самимъ имъ тѣ сукна совсѣмъ въ отдѣлкѣ совершеннымъ накладомъ становятся. И ежели имъ за тѣ сукна невозможно прибавка и мастеровые люди отъ подушнаго оклада освобождены не будутъ, то они необходимо припуждены тѣ фабрики, хотя съ немалою въ казну за прибавочное ихъ строеніе и инструменты уступкою, оставить, токмо съ однимъ возвращеніемъ имъ за сукна и матеріалы денегъ для расплаты казенныхъ и партикулярныхъ долговъ“ (№ 5821, л. 37). Изъ того же дѣла видно, что военная коллегія просьбу содержателей суконныхъ фабрикъ признала основательною и вошла въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ освободить мастеровыхъ людей на тѣхъ фабрикахъ отъ взиманія подушныхъ денегъ. „Ежели-жъ правительствующій сенатъ“, писала военная коллегія, „о неманіи тѣхъ подушныхъ денегъ собою учинить не соизволить, то не соизволено-ль будетъ доложить о томъ ея императорскому величеству“. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа послѣдующихъ годовъ намъ не встрѣтилось свѣдѣній относительно того, уважена-ли была просьба суконныхъ фабрикантовъ.

Всѣ фабрики отбывали рекрутскую повинность. Въ этомъ отношеніи онѣ составляли особое общество и каждая отдавала столько рекрутъ, сколько приходилось по числу приписанныхъ къ ней людей. Фабриканты сами назначали людей въ рекруты. Такъ Илья Бѣлокопытовъ сказалъ на допросѣ: „имѣлся онъ суконной фабрики умершаго содержателя Ѡ. Серикова ученикъ и въ прошломъ 1755 г. онымъ Сериковымъ отданъ въ рекруты“ (№ 4243, л. 5). Компанейщики серебряной фабрики Докучаевъ съ товарищи просили Сыскной Приказъ, чтобы онъ не пыталъ ихъ ученика Соколова, а чтобы отдалъ имъ, такъ какъ они хотятъ отдать его за ту фабрику въ рекруты (№ 4196).

Весь контингентъ рабочей силы на фабрикахъ можно раздѣлить на мастеровъ, фабричныхъ учениковъ и людей, исполняющихъ черную работу. Нѣкоторые мастера и ученики служили при фабрикахъ изъ найма и ничѣмъ не тянули къ фабричной корпораціи, — въ этомъ смыслѣ они были люди свободные, и ихъ зависимыя отношенія къ фабриканту возникали только изъ условій договора. I примѣръ, ученикъ шляпной и полотняной фабрики Гусятникова, сынъ московскаго купца Ив. Истомина показавъ, что они, вмѣстѣ съ отцомъ и братомъ, работаютъ на фабрикѣ изъ найма и получаютъ деньги „съ дѣла“. Гусятниковъ заявилъ въ Сыскномъ Приказѣ, что Истоминъ ему не крѣпостной (№ 3025). Но большая часть мастеровъ и учениковъ при фабрикахъ были изъ крѣпостныхъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ помѣщались на самыхъ фабрикахъ; другіе же жили на вольныхъ квартирахъ и даже своими дворами. Эти послѣдніе получали отъ фабрикантовъ билеты на жительство. Такъ, волочильный мастеръ содержателей фабрики волоченаго и площенаго золота и серебра Докучаева съ товарищи, Соловьевъ сказалъ въ Сыскномъ Приказѣ, что онъ по данному ему отъ той фабрики письму имѣетъ жительство въ домѣ канцеляриста Сергѣева (№ 3989). Ученикъ шелковой фабрики Колосова, Кириловъ, оставшійся безъ помѣщика, записался по своему желанію на ту фабрику изъ платежа подушныхъ денегъ; чрезъ пять лѣтъ оттуда сошелъ и жилъ на квартирѣ, пропитаніе имѣлъ, получая съ фабрики заработныя деньги (№ 3794). Петръ Замчалка, фабричный ученикъ, обвинявшійся во многихъ воровствахъ, сказалъ, что онъ жилъ въ Переяславской Ямской слободѣ у фабричнаго ученика Ив. Ланскаго (№ 2116).

Фабричные ученики представляли въ то время очень характеристичное явленіе. Съ понятіемъ объ ученикѣ обыкновенно соединяется представленіе о такомъ лицѣ, которое временно, на извѣстный срокъ, поставлено къ изученію какого-нибудь предмета или мастерства. По истеченіи этого срока ученикъ обыкновенно признается изучившимъ предметъ, мастеромъ дѣла. Такимъ образомъ понятіе объ ученикѣ представляетъ состояніе человѣка временное, срочное. Фабричные же ученики не представляли такого срочнаго состоянія. Большая часть

нихъ, съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости, все числились фабричными учениками. Такъ, на примѣръ, Лукьянъ Лукинъ показалъ: „отъ роду ему 62 года; отецъ его былъ города Костромы купецъ, а онъ въ прежнюю генералитетскаго свидѣтельства мужеска полудушъ переписъ записался большаго суконнаго двора въ ученики, гдѣ и нынѣ числится, а временемъ на томъ дворѣ съ прочими ученики работаетъ же“. Нѣкоторые изъ фабричныхъ учениковъ числились только на фабрикахъ, а не работали на нихъ и не знали никакого фабричнаго ремесла. Такъ ученикъ суконной фабрики Степанъ Васильевъ сказалъ: „отецъ его былъ швецкой націи, а по смерти его мать записала его 13-ти лѣтъ на суконную фабрику Журавлева, на которой онъ имѣлся 8 лѣтъ; а потомъ достался той же фабрики содержателю Третьякову, гдѣ и теперь имѣется. Лѣтъ съ 10-ть онъ живетъ въ торговыхъ баняхъ по приему банщика Луки Осипова, въ которыхъ работаетъ онъ — пускаетъ у разныхъ лицъ кровь“ (№ 1688). Степанъ Васильевъ, слѣдовательно, по специальности былъ цирюльникъ или фельдшеръ, а по званію фабричный ученикъ.

Кромѣ постоянныхъ и невольныхъ рабочихъ, на фабрикахъ были еще вольнонаемные, изъ коихъ одни панимались погодно и получали за это время жалованья отъ 24 р. до 50 руб. (№№ 424 и 4357), а другіе жили на фабрикахъ пополугодно и меньше. Такъ содержатель шляпной и полотняной фабрики говорилъ, что „работные на его фабрикѣ люди бываютъ вольные и живутъ только пополугодно и меньше“ (№ 3025). Вопреки указа 1736 г., фабриканты по прежнему принимали къ себѣ для работъ всякихъ лицъ, не справляясь, кто они такіе, и не требуя отъ нихъ паспортовъ. Фабрикантъ Синельниковъ сказалъ при спросѣ въ Сыскномъ Приказѣ: „у него переключнаго списка работнымъ на его фабрикѣ людямъ не имѣется, а имѣется въ мануфактуръ-коллегіи. А у него работныхъ людей въ наличности состоитъ до 400 человекъ; а къ нему на фабрику приходятъ работныхъ людей множественное число и живутъ по недѣлѣ и по двѣ, и больше, и отъ него отходятъ; а съ паспортами-ль оные приходятъ и гдѣ записаны-ль, того неизвѣстно“ (№ 3589). Эта кратковременность пребыванія на фабрикахъ вольныхъ рабочихъ была для фабрикантовъ способомъ оправданія предъ судомъ, почему они держатъ рабочихъ людей безъ паспортовъ и записей. Такъ одинъ купецъ показалъ: „а поручной записи по рабочему онъ не взялъ для того, что они въ лавки сидѣльцовъ панимаютъ въ годы, а по работниковъ записей никогда не берутъ“ (№ 1488). Нѣкоторые фабриканты соблюдали, впрочемъ, требованія закона, но это дѣлалось только для видимости. Такъ на полотняной фабрикѣ за бѣглаго солдата ручаются ткачи той фабрики, которые совѣмъ не знали того солдата (№ 136). А въ другихъ случаяхъ даютъ поручныя записи за панимающихся на фабрики лица, приведшія ихъ для найма, которые, въ большинствѣ случаевъ, тоже не были извѣстны фабрикантамъ (№№ 1615 и 89).

V.

М О Н А С Т Ы Р И .

Монастыри-вотчинники.—Дѣленіе вотчинъ.—Монастырская власть и организація управленія.—Канцелярія.—Стряпчіе и подьячіе.—Полиція.—Управленіе вотчинами.—Источники монастырскихъ доходовъ.—Служнія слободы.—Служebníки и слуги.—Элементы, составлявшіе монастырское населеніе.—Уклоненіе монашествующей братіи отъ своихъ обѣтовъ.—Жестокія отношенія нѣкоторыхъ архимандритовъ къ братіи и крѣпостнымъ.—Отношенія монастырей какъ вотчинниковъ къ другимъ вотчинникамъ.—Чѣмъ служили монастыри государству и обществу.—Просвѣщеніе: славяно-греко-латинская школа.—Образованіе.

Монастыри въ XVIII столѣтіи были крупными вотчинниками, въ особенности Троицко-Сергіева лавра: за ней, какъ видно изъ дѣлъ Спскаго Приказа, состояло много вотчинъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: московской, ярославской, тверской, костромской, нижегородской, и др. Вотчины пріобрѣтались монастырями посредствомъ купли, заклада; дарились читателями монастырской святыни, отказывались за молитвы о здравіи и „по душамъ въ вѣчный поминокъ“. Стремленіе монастырей пріобрѣтать вотчины было столь велико, что обратило на себя вниманіе правительства. Еще царь Алексѣй Михайловичъ созналъ необходимость уничтожить это вредное въ русскомъ государствѣ явленіе. Въ соборномъ уложеніи, XVII гл. 42 ст., повелѣно: „впредь съ нынѣшняго уложенія патріарху, митрополитамъ и архіепископамъ и епископамъ, и въ монастыри ни у кого родовыхъ и выслуженныхъ и купленныхъ вотчинъ не покупать и въ закладъ не имать и за собою не держать и по душамъ въ вѣчный поминокъ не имати ни которыми дѣлами“. Тѣмъ не менѣе вотчинъ за монастырями и въ описываемое нами время было много и обращеніе доходовъ съ нихъ на дѣла „дѣйствительно богоугодныя“ составляло предметъ постоянныхъ заботъ правительства. Монастырскія вотчины въ XVIII столѣтіи дѣлились на „опредѣленныя и за-опредѣленныя“. Доходы съ опредѣленныхъ вотчинъ всею полностію поступали въ монастырскую казну и безконтрольно расходовались на монастырскія нужды. Такихъ вотчинъ каждому монастырю опредѣлено было столько, сколько правительство признавало достаточнымъ для удовлетворенія монастырскихъ потребностей. Прочія же монастырскія вотчины, именно за-опредѣленныя, должны были прежде всего служить государству и обществу: отбывать положенные денежныя и хлѣбныя государственныя доходы, разные сборы на госпитали, на устройство и содержаніе училищъ и благотворительныхъ учреждений и пр. И тѣ и другія вотчины были въ завѣдываніи самихъ монастырей, сыскаго приказа.

которые посылали въ нихъ управителей, но доходы съ за-опредѣленныхъ вотчинъ доставлялись въ коллегію экономіи. Только съ 1740 г., за-опредѣленные вотчины даны были въ полное завѣдываніе коллегіи-экономіи; но въ слѣдующемъ 1741 г. опять возвращены въ управленіе самихъ монастырей. Слѣдовательно, эти вотчины были виѣ монастырскаго управленія только одинъ годъ (И. С. З. т. XI, № 8406).

Каждый монастырь, въ которомъ собралась монашествующая братія для совмѣстнаго житія, составлялъ особую корпорацію, имѣвшую свою организацію внутренняго управленія. Въ каждомъ монастырѣ была своя власть, которая получала назначеніе отъ правительства. Монастырская власть въ XVIII столѣтіи представляла два типа, но оба они заключали въ себѣ начала коллегіальной власти. Въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, на примѣръ, вся власть присвоена была „учрежденному собору“. Въ составъ его входили архимандритъ, келарь, казначей и извѣстное число старцевъ. Въ титулѣ этого собора обыкновенно писалось такъ: „Пресвятія Живоначальныя Троицы-Сергіева монастыря всепречестнѣйшему господину отцу священно-архимандриту, господину келарю, господину казначею и всему собору“ (Прот. № 194). Въ другихъ монастыряхъ власть принадлежала архимандриту, или игумену, совмѣстно съ братіей. По крайней мѣрѣ въ бумагахъ, выходившихъ изъ монастыря, всегда писалось такъ: „бюють челомъ богомольцы архимандритъ съ братіей“; или: „по повелѣнію архимандрита съ братіей“. Въ этой формѣ бумагъ рядомъ съ архимандритомъ стояла всегда братія; архимандриту присвоивалось только первенствующее значеніе въ монастырѣ. Но выраженіе „архимандритъ съ братіей“ было, вѣроятно, только формой въ сношеніяхъ монастыря съ виѣшнимъ міромъ, съ правительственными и другими учрежденіями. На самомъ же дѣлѣ монашествующая братія не имѣла участія въ монастырской власти. Это видно изъ слѣдующаго: само правительство поручало архимандриту, или игумену, смотрѣть за правственностію братіи и за всеми хозяйственными дѣлами монастыря. Такъ въ указѣ, данномъ 1724 г., іюня 21 дня, за рукой Баскакова, игуменьѣ, намѣстницѣ и казначеѣ Вознесенскаго дѣвчья монастыря, написано: „игуменьѣ имѣть доброе смотрѣніе надъ намѣстницею, казначею и приказными, чтобы все исправляли по указу“ (№ 5207). Этимъ указомъ намѣстница и казначея, всѣ приказные и, конечно, вся остальная педолжностная монашествующая братія отданы подъ начальство игуменьи. Въ такомъ же подчиненіи была братія и мужскихъ монастырей своему архимандриту. А въ силу такого полнаго подчиненія она, само собою, отстранена была отъ участія въ монастырской власти. Въ противномъ случаѣ участіе братіи въ управленіи монастырскими дѣлами нарушило бы права архимандрита, какъ начальника: тогда онъ не могъ бы свободно распоряжаться въ монастырѣ, потому что его распоряженія могли встрѣтить противодѣйствіе со стороны братіи; тогда архиманд-

рить не могъ бы имѣть добраго смотрѣнія надъ монастыремъ, потому что монастырская братія могла бы кассировать всякое наказаніе, наложенное архимандритомъ на брата, какъ несоотвѣтствующее видамъ братіи. Такимъ образомъ, въ монастыряхъ, въ которыхъ не было „учрежденнаго собора“, власть только по видимому была коллективная, на самомъ же дѣлѣ она сосредоточивалась въ одномъ лицѣ архимандрита, или игуменья ¹⁾. Въ помощь архимандриту назначались казначеи, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и намѣстники. Въ женскихъ монастыряхъ у игуменья были тоже помощники въ видѣ намѣстницы и казначеи. У этихъ послѣднихъ властей были спеціальныя должности: казначей хранилъ монастырскую казну; а намѣстникъ завѣдывалъ монастырской экономіей. Въ вышеприведенномъ указѣ 1724 г. іюня 21 дня былъ такой наказъ намѣстницѣ Вознесенскаго дѣвичья монастыря: „намѣстницѣ имѣть добрую экономію надъ монастырскими деревнями и смотрѣть того, чтобъ положенная сумма денегъ и хлѣба упущена не была, въ чемъ понуждать приказнаго, дабы въ томъ имѣлъ стараніе“. Намѣстникъ и казначей только управляли порученными имъ дѣлами, имѣли право распорядиться во всѣхъ случаяхъ, касающихся ихъ обязанностей, но на столько, на сколько это согласно было съ волей главной монастырской власти. Учрежденный соборъ или архимандритъ имѣли право приказать намѣстнику и казначею дѣйствовать именно такимъ образомъ, какъ они признавали полезнымъ въ интересахъ монастыря.

По особенному распоряженію верховной власти монастыри поручались иногда въ управленіе лицамъ не монашескаго чина. Такой случай былъ, на примѣръ, съ Вознесенскимъ дѣвичьимъ монастыремъ. Игуменья этого монастыря Евстолія подпала подъ слѣдствіе, вести которое поручено было особой комиссіи. Именнымъ указомъ отъ 1733 г., ноября 8 числа, этой комиссіи „велѣно по доношеніямъ того монастыря бывшаго стряпчаго Василія Горникова съ товарищи (въ этомъ товариществѣ были и монастырскія старицы) о употребленіи игуменьею Евстоліею Ладыгиной на свои расходы монастырскихъ денегъ и хлѣба и о излишнихъ со крестьянъ по прихотямъ сборахъ, не маия и не посягая никому, но по самой сущей справедливости изслѣдовать. И при всемъ томъ такимъ образомъ поступать, чтобъ той игуменьѣ не учинить напрасной обиды и не привести ее въ печаль безвременно. Чего ради и по посланному изъ сенатской конторы въ тою комиссію апрѣля 10 числа указу повелѣно, во исполненіе ся императорскаго величества именнаго указа, о всемъ о томъ слѣдовать и въ чемъ оная игуменья до допросовъ подлежить,

¹⁾ Фактическое подтвержденіе этого читатель увидитъ во всемъ послѣдующемъ изложеніи.

докладывать, а безъ того никакихъ допросовъ ей не производить“. Вслѣдствіе такого указа игуменья Евстолія взята была въ Петербургъ, а управленіе монастыремъ поручено было сначала лейбъ-гвардіи семеновскаго полка капитану Ланскому, а потомъ капитану Михайлѣ Ладыгину. Этотъ послѣдній на судъ въ Сыскномъ Приказѣ по дѣлу о Горшковѣ представилъ, въ доказательство своего назначенія къ управленію Вознесенскимъ монастыремъ, копии съ указовъ, въ которыхъ „по титулѣ показано тако: 1) понеже прошлаго 1733 года октября 10 числа, по посланному указу, велѣно, въ небытность Вознесенскаго дѣвичья монастыря игуменьи Евстоліи Ладыгиной, въ означенномъ монастырѣ быть лейбъ-гвардіи семеновскаго полка капитану Ланскому и смотрѣть накрѣпко, дабы того монастыря монахини ни до какого своевольства допущены не были и чтобъ уставленному ихъ чипу не учинено было какого поврежденія. А сего октября 12 д. 1734 г. въ указѣ ея императорскаго величества, за подписаніемъ собственныя ея руки, написано, что означенная игуменья Евстолія оставлена еще въ Петербургѣ и чтобы для лучшаго монастырскихъ дѣлъ исправленія безъ нея приказать монастырь надзирать, также вотчины и служителей вѣдать ему Ладыгину и при томъ объявить, чтобъ онъ помянутое все имѣлъ въ добромъ смотрѣніи и распорядкѣ. Такъ же монастырскимъ служителямъ объявить, чтобъ они ему были послушны и безъ вѣдома его ничего имѣть не дерзали. Токмо безъ вѣдома, собою ничего не дѣлать и напрасно никого не обижать. А сего августа 20 дня, въ указѣ ея императорскаго величества, за подписаніемъ собственныя ея руки, написано, что того монастыря игуменья изъ Петербурга поѣхала въ Москву, и притомъ ея императорское величество всемиловѣйше соизволила указать, какъ она игуменья пріѣдетъ, то ему отъ того отказать и велѣть быть по прежнему у своего дѣла въ артиллеріи, развѣ она о правленіи деревень какого совѣту требовать будетъ—въ томъ ее не оставлять, однакожъ дѣйствительно въ дѣла самому не вступать“ (№ 5207). Такой случай, когда управленіе монастыремъ поручалось лицамъ не монашескаго чина, встрѣтился намъ только одинъ въ дѣлахъ Сыскаго Приказа.

Монастырской власти принадлежала расправа надъ монашествующей братіей, начальство надъ нею по своему усмотрѣнію. Такъ, на примѣръ, префектъ славяно-греко-латинской академіи іеромонахъ Константинъ доношеніемъ представилъ въ Сыскной Приказъ: „имѣющійся въ Законоспаскомъ монастырѣ псаломщикъ Петръ Быковъ явился, что онаго числа въ монастырѣ не ночевалъ и присмотрѣнъ пьянъ, за что посаженъ былъ въ цѣпь“ (№ 2770, л. 1). Затѣмъ, монастырская власть судила всѣхъ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію монастырей: монаховъ, крестьянъ и духовенство ихъ вотчинъ и по своему усмотрѣнію рѣшала споры. Это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: „въ московскую полицмейстерскую канцелярію, изъ 10-й команды

присланы вотчины Угрѣшскаго монастыря московскаго уѣзда села Копотни попъ Иванъ Ѳедотовъ, да тогожь монастыря деревни Алексѣевой крестьянинъ Никифоръ Гавриловъ и при нихъ лошадь-меринъ чалой,—въ кричаніи онимъ попомъ на него Гаврилова „караула“. По допросу оказалось: „1739 г., апрѣля 3-го числа, сынъ его поповъ Василій ѣздилъ на показанномъ меринѣ къ Угрѣшскому монастырю для покупки мякины; токмо-де, не доѣзжая монастыря, напалъ на него Гавриловъ и отпаялъ лошадь. Гавриловъ допросомъ показалъ, что онъ тою лошадью показаннаго попа Ивана у сына отбилъ съ отцемъ своимъ по приказу игумна Варламія, для того, что въ прошломъ году, въ первой оржаной сѣвѣ, лошадь отца моего—меринъ булацой ходилъ для корму на лугу, и оную лошадь, невѣмъ чего ради, означенный попъ Иванъ взялъ, увелъ къ себѣ и держалъ пять дней, которая отъ безкормицы и умерла. О чемъ онъ Гавриловъ съ отцемъ своимъ просилъ означеннаго монастыря у игумна Варламія, который имъ приказалъ: „ежели оной попъ пріѣдетъ къ нимъ на своей лошади, то-бъ они у него отняли“. Дѣло поступило въ Сыскной Приказъ. Стряпчій Угрѣшскаго монастыря Ѳедогъ Остапковъ подалъ челобитную, въ которой писалъ: „въ вотчинѣ онаго монастыря, въ селѣ Копотнѣ имѣется попъ Иванъ Ѳедотовъ, который чинится того монастыря властямъ противенъ и имѣеть непорядочные поступки, также чинить тѣхъ монастырскихъ вотчинъ крестьяномъ наглые нападки и разореніе. А именно: въ прошломъ 1738 г., во время прилучившагося крестьянскаго сѣву, подмонастырской нашей вотчины деревни Алексѣевой крестьянина Гаврилы Петрова имѣлась лошадь его для корму въ полѣ привязана, которую означенный попъ, наглостию и озорничествомъ своимъ отвязавъ отъ прикола, увелъ въ домъ свой и держалъ четверо сутки и съ голоду уморилъ. О которой его поповой обидѣ отъ крестьянина имѣлось въ Угрѣшскомъ монастырѣ властямъ челобитье, о чемъ и произведено письменно, и велѣно на ономъ попѣ тому крестьянину за оную лошадь доправить деньги. Почему къ попу послано было неоднократно изъ онаго монастыря, чтобъ во оной лошади съ крестьяниномъ Петровымъ учинилъ добровольную сдѣлку, который, надѣясь на свое озорничество и ябедническіе поступки, ослушнѣ. А въ нынѣшнемъ 1739 г. оной попъ прислалъ своего сына на монастырское гумно для покупки мякины на лошади своей, и въ то время крестьянинъ Петровъ оную лошадь, замѣсто своей, взялъ и привелъ въ монастырь, которая и была въ томъ монастырѣ дня съ три и, вмѣсто той уморенной лошади, отдана оному крестьянину съ роспиской“ (№ 615). Ниже, когда будемъ говорить о стряпчихъ и подьячихъ, мы укажемъ и на то, что монастыри производили слѣдствие и по уголовнымъ дѣламъ. Теперь скажемъ о канцеляріяхъ.

Для дѣлопроизводства и письмоводства монастыри имѣли канцеляріи. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ онѣ дробились на нѣсколько отдѣ-

лений, изъ коихъ каждое занималось присвоенной ему частью. Такое подраздѣленіе было при Троицко-Сергіевой лаврѣ. Въ дѣлѣ № 531 значится: „въ прошломъ 1748 г. той лавры въ казенную канцелярію для приему и счету казенной суммы опредѣленъ былъ той лавры подьячій Николай Вязевской“. Самое это названіе „казенной канцеляріи“ указываетъ на существованіе другихъ специальныхъ отдѣленій, совокупность которыхъ составляла одну монастырскую канцелярію. Для канцелярскихъ работъ при монастырѣ состояло много служащихъ — подьячихъ, стряпчихъ, канцеляристовъ, подканцеляристовъ, пищиковъ, и пр. Большая часть ихъ жили въ подмонастырскихъ слободахъ, иные и своими дворами (Прот. № 120, л. 46). Всѣ эти служащіе были, большею частію, изъ крѣпостныхъ монастырскихъ людей и получали отъ монастыря хлѣбное и денежное содержаніе. Размѣръ этого содержанія опредѣлялся самой монастырской властью, и по ея же усмотрѣнію увеличивался или уменьшался, смотря по трудамъ и способностямъ служащаго. Такъ приказный Вознесенскаго дѣвичья монастыря Бѣсоволковъ получалъ въ годъ денежнаго жалованья 15 р., хлѣба — ржи 8 четвертей и 4 четверика, столько же овса и пр. Но потомъ за его заслуги монастырская власть увеличила его содержаніе и повысила въ должности. По этому предмету состоялось такое опредѣленіе Вознесенскаго дѣвичья монастыря игуменьи Евстолиі съ сестрами: „за прилежное его Бѣсоволкова въ приказныхъ дѣлахъ смотрѣніе прибавить ему жалованья въ годъ денегъ 15 р., хлѣба — ржи 7 четвертей и 4 четверика, овса тоже, — всего съ прежнимъ окладомъ давать ему въ годъ: денегъ 30 р., хлѣба — ржи 15 четвертей, овса тожь. И по тому игуменьину съ сестрами опредѣленію оной Бѣсоволковъ яко главной управитель или секретарь“ (№ 5207). Такое содержаніе получало, слѣдовательно, главное лицо по дѣлопроизводству Вознесенскаго монастыря. Служащіе, занимавшіе низшія должности въ монастырской канцеляріи, безъ сомнѣнія, получали меньшее содержаніе, но относительно размѣра его въ дѣлахъ Сыскаго Приказа указаний нѣтъ.

Во главѣ монастырскихъ канцелярій стоялъ „приказный“. Онъ былъ лицомъ, управлявшимъ всѣми дѣлами, касавшимися канцеляріи. Такъ въ 1731 г. канцеляріей при Троицко-Сергіевой лаврѣ управлялъ приказный Осипъ Страшнѣевъ (Прот. № 29, л. 151). Въ другихъ монастыряхъ эти правители канцелярій носили другое названіе — „главной управитель или секретарь“ (№ 5207). Затѣмъ, особенное значеніе имѣли два чина: стряпчій и подьячій. Стряпчійе были дѣловые люди, законники. Ихъ назначеніе было вращаться въ судебной сферѣ. Жили они и въ монастыряхъ, и въ городахъ на монастырскихъ подворьяхъ (Прот. № 120, л. 40). Черезъ нихъ монастырь представлялъ въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ подвѣдомственныхъ ему лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ. Они же обязаны были слѣдить въ судахъ за ходомъ

слѣдствія, защищать или обвинять подсудимыхъ, брать ихъ на поруки съ обязательствомъ поставить въ судъ, когда потребуется, и брать ихъ совѣмъ для водворенія на мѣсто жительства. Однимъ словомъ, монастырскіе стряпчіе были адвокатами, замѣнявшими собою на судѣ монастырскія власти. Если, напримѣръ, колодникъ подлежалъ отдачѣ монастырю, то Сьскной Приказъ писалъ обыкновенно такое опредѣленіе: „отдать его стряпчему того монастыря“ (№ 525). Въ самомъ монастырѣ стряпчіе пользовались полномочіемъ производить предварительное слѣдствіе надъ провинившимися лицами, подчиненными монастырю. Они часто единолично, по своей волѣ, дѣлали допросы обвиняемымъ съ пристрастіемъ, допрашивали подъ кошками, подъ дубьемъ. Въ дѣлѣ о стряпчемъ Андропьева монастыря Васильѣ Лютомъ говорится между прочимъ: „да на того Лютова крестьянинъ Ртицева деревни Давыдковой показалъ: сказывалъ-де ему села Покровскаго попъ Филиппъ Герасимовъ, что крестьянина Андропьева монастыря Алексѣя Ларіонова, на котораго имѣлся отъ разбойниковъ оговоръ, отвезли въ тотъ монастырь крестьяне и отдали стряпчему Лютову, и того-де Ларіонова, пытавъ въ томъ монастырѣ, убили дубиною до смерти и схоронили въ томъ монастырѣ“ (Прот. № 70, л. 173). Другое дѣло: солдатъ Злобинъ билъ челомъ въ монастырскій приказъ: „въ прошлыхъ-де годѣхъ взять онъ въ службу, а послѣ него осталась жена Анна и жила въ Вознесенскомъ монастырѣ у старицы Анфисы Бутурлиной и тоя-жъ-де Бутурлиной кухарь Иванъ, подговоря жену его со всѣми его пожитки и обравъ ее, бѣжалъ. А стряпчій онаго монастыря Дурасовъ жену его Анну, не знамо за что, посадилъ въ тюрьму, а въ которой приказъ самъ скажетъ; и изъ того-де приказу взявъ ее, въ Вознесенскомъ монастырѣ пыталъ нехристіански, отъ чего-де оная жена его въ скорыхъ послѣ того числахъ умре“ (Прот. № 70, л. 35). Уполномочены-ли были стряпчіе производить допросы подсудимымъ, — разъясненія этого въ дѣлахъ Сьскнаго Приказа нѣтъ. Можетъ быть, это право упрочилось за стряпчими обычаемъ, вслѣдствіе молчаливаго согласія на это монастырскихъ властей.

Дѣятельность монастырскихъ подьячихъ ограничивалась исключительно дѣлопроизводствомъ по монастырской экономіи и по управленію, то есть по приведенію въ исполненіе рѣшеній и приказовъ монастырскихъ властей. Подьячему поручался сборъ монастырскихъ денегъ и храненіе ихъ за его печатью и ярлыкомъ. Такъ, въ промеріи Троицко-Сергіевой лавры изъ учрежденнаго собора говорится: „въ 1748 г. той лавры въ казенную канцелярію для приему и счету казенной суммы опредѣленъ былъ тоя лавры подьячій Николай Семеновъ сынъ Вязевской... Въ 1750 г. на онаго Вязевскаго въ учрежденный соборъ представлено доношеніе, что въ 1749 г. приято было имъ на перечетъ троицкихъ свѣяжскихъ вотчинъ у крестьянъ поло-

женныхъ на нихъ оброчныхъ денегъ—монетъ 1003 р., которые и имѣлись за его Вязевскаго ярлыкомъ и печатью“. Вязевской на допросѣ, между прочимъ, показалъ, что черезъ его руки на potrzeby той лавры, въ теченіе года съ небольшимъ, прошло къ расходу болѣе 80 тысячъ (№ 531). Подьячимъ поручалась сдача рекрутъ съ монастырскихъ вотчинъ. При исполненіи этого порученія подьячіе уполномочивались производить всякія взмсканія и наказанія тѣмъ лицамъ, которыя при отправленіи рекрутъ чѣмъ-нибудь провинятся. Подтверженіемъ этого можетъ служить слѣдующее дѣло. Въ тайную контору приведены были при доношеніи Троицко-Сергіева монастыря подьячій Иванъ Марковъ да крестьянинъ Ѳ. Хрунинъ. Марковъ допросомъ показалъ: „1739 г. посланъ былъ онъ изъ Троицкаго монастыря отъ властей въ Москву на подворье для отдачи съ подмонастырскихъ слободъ рекрутъ; и съ тѣми рекруты пріѣхалъ онъ почевать въ монастырскую вотчину, село Рахманцово. И въ тожь время, пришедъ къ нему того монастыря солдаты, которые посланы съ нимъ для караулу рекрутъ, и объявили, что изъ тѣхъ рекрутъ означеннаго крестьянина Хрунина сынъ Никита да Филиппъ Тимофеевъ бѣжали. И онъ Марковъ, взявъ Ѳедора Хрунина, про побѣгъ его сына спрашивалъ, что тотъ сынъ не по его ли наученію бѣжалъ. И тотъ Хрунинъ отвѣчалъ, что какъ тотъ сынъ бѣжалъ, и гдѣ его сыскать не знаетъ. И онъ Марковъ велѣлъ солдатамъ того Хрунина, раздѣвъ, бить конскимъ кнутомъ и при тѣхъ побояхъ онъ Хрунинъ сказалъ за собою „государево слово и дѣло“. Въ конторѣ тайныхъ дѣлъ Хрунинъ сказалъ, что то „слово и дѣло“ онъ сказалъ, „не стерпя отъ подьячего Маркова смертныхъ побой“. По осмотру тайной конторы „на Хрунинѣ явилось битыхъ мѣстъ, а имено: на носу и на лѣвой щекѣ сшибено и запеклось кровью; на спинѣ и на бокахъ все сине и багрово, а въ иныхъ мѣстахъ пробито до крови и запеклось кровью-жь. И отъ того онъ Хрунинъ явился весьма боленъ. Того ради, по опредѣленію тайной конторы велѣно — крестьянина Хрунина и подьячего Маркова въ бою того крестьянина собою, безъ указу, для разсмотрѣнія и учиненія по указомъ отослать въ Сыскной Приказъ. А какъ оный крестьянинъ отъ тѣхъ побой выздоровѣетъ, и ему за означенное его за собою сказываніе государева слова и дѣла изъ того приказа учинить наказаніе—бить кнутомъ и отдать въ монастырь по прежнему“. Сыскной Приказъ опредѣлилъ: „Хрунину дать 21 ударъ кнутомъ и по учиненіи того наказанія, какъ означеннаго Хрунина, такъ и подьячего Маркова безъ наказанія, взявъ приводныя деньги, свободить и отдать того монастыря стряпчему на росписку“ (№ 525). Изъ опредѣленія Сыскаго Приказа само собою вытекаетъ заключеніе, что судъ, признавая миссію подьячего Маркова важною, вмѣстѣ съ этимъ призналъ законнымъ его наказаніе крестьянина Хрунина, хотя оно было и крайне жестоко. Затѣмъ подьячіе командировались въ монастырскія вотчины для управ-

ленія и ревизіи дѣйствій управляющихъ и для другихъ „крестьянскихъ нуждъ“ (№ 532). У Троицко-Сергіевой лавры былъ еще особый видъ подъячихъ, которымъ изстари присвоено было техническое названіе „площадныхъ подъячихъ“. Служба ихъ заключалась въ томъ, что они каждодневно выходили на площадь и предлагали свои услуги площадной и базарной публикѣ. Здѣсь они писали челобитья, грамотки, письма и пр. Полученныя за эту работу деньги шли въ доходы монастыря (№ 532). Эти площадные подъячіе работали иногда и въ монастырскихъ канцеляріяхъ и командировались для исполненія разныхъ незначительныхъ порученій.

При Троицко-Сергіевой лаврѣ была своя полиція. Неизвѣстно, простиралась-ли ея дѣятельность на внутреннюю жизнь монастыря, но въ ея завѣдываніи были все подмонастырскія вотчины и слободы. Центромъ полицейскаго управленія былъ сѣзжіи дворъ; а сама полиція называлась „сѣзжая команда“. Полицейская часть поручалась военнымъ людямъ, опредѣленнымъ въ монастырь на пропитаніе. Такъ, напримѣръ, канцеляристъ Троицко-Сергіевой лавры Свинухинъ показалъ: „о тѣхъ похвальныхъ словахъ солдата Елисова въ пожегѣ онъ велѣлъ объявить обрѣтающемуся при Троицко-Сергіевой лаврѣ при сѣзжей командѣ капитану Самарину Андрею“ (№ 2496, л. 3). Поповъ сынъ Фирсъ Степановъ, разбойникъ и смертный убійца, остался однажды почевать въ подмонастырской слободѣ во дворѣ крестьянина Тупицына, и для поимки его изъ Троицко-Сергіева монастыря посланъ былъ поручикъ Аванасій Чемодуровъ (№ 194). Была-ли въ другихъ монастыряхъ сѣзжая команда, или какая нибудь полицейская часть—въ дѣлахъ Смычнаго Приказа свѣдѣній нѣтъ. При Троицко-Сергіевой лаврѣ она была необходима, потому что около лавры въ то время сгруппировано было нѣсколько подмонастырскихъ вотчинъ и слободъ, образовавшихъ нѣсколько отдѣльныхъ приходовъ (№ 3407, л. 8), и кромѣ того, въ ней всегда былъ большой наплывъ богомольцевъ, среди которыхъ не мало было людей неблагонадежныхъ.

Своими вотчинами монастыри управляли, во первыхъ, чрезъ своихъ старцевъ, которые для этой цѣли постоянно жили въ приказанныхъ имъ вотчинахъ и назывались „посельскими старцами“. Такъ, у Троицко-Сергіевой лавры въ Вохонской вотчинѣ былъ управителемъ посельскій старецъ іеромонахъ Матвѣй Тулепанскій, а въ селѣ Шухобановѣ—іеромонахъ Антоній Бородуха (№ 531). Во вторыхъ, на управленіе вотчинами посылались военные люди, опредѣленные въ монастыри на пропитаніе. Такъ гвардіи капралъ Иванъ Савельевъ Татаринъ писалъ однажды въ своемъ челобитьи: „обрѣтаюсь я въ Чудовѣ монастырѣ на пропитаніи и отъ того монастыря опредѣленъ я вмѣсто прикащика въ вотчину того монастыря, въ село Черкизово, въ которомъ и жителство имѣю“ (№ 4118, л. 159). Наконецъ, въ третьихъ, монастыри посылали на управленіе вотчинами разныхъ своихъ слугъ (№ 1901).

Населенныя вотчины и разныя угодья были главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ. Вотчины доставляли опредѣленный, всегда почти неизмѣнный доходъ; но кромѣ нихъ у каждаго монастыря были разныя другія статьи доходовъ. Прослѣдить и переименовать всѣ эти статьи, хотя въ одномъ монастырѣ, мы не имѣемъ возможности, потому что въ дѣлахъ Сыскаго Приказа, нѣтъ точныхъ свѣдѣній по этому предмету. Есть нѣкоторыя указанія на разнообразіе статей дохода только Троицко-Сергіевой лавры. Свято-Троицкой Сергіевой лавры учрежденный соборъ писалъ однажды въ своей промеморіи Сысканому Приказу: „въ 1748 г. той лавры въ казенную канцелярію для приему и счету суммы опредѣленъ былъ той лавры подьячій Николай Семеновъ сынъ Вязевской. Въ 1750 г. на онаго Вязевского въ учрежденный соборъ представлено доношеніе, что въ прошломъ 1749 г. принято было имъ на перечесть троицкихъ свѣжскихъ вотчинъ у крестьянъ положенныхъ на нихъ оброчныхъ денегъ-монетъ 1003 р. да денежекъ 26 к. съ половиной, которые и имѣлись за его Вязевского ярлыкомъ и печатью въ одномъ мѣшкѣ. А при отдачѣ-де имъ Вязевскимъ самимъ въ расходъ по присланному векселю, въ томъ мѣшкѣ явилось только монетъ 505 р. да 4 гривенника; да въ томъ же мѣшкѣ явилось грошовиковъ, денежекъ да полшекъ 12 р. 51 к. съ четвертью. А по справкѣ оказалось за нимъ Вязевскимъ той казенной суммы и вѣщшее похищеніе, а именно: припаялъ онъ Вязевской казенныхъ денегъ по доношеніямъ Вохонекской волости управителя іеромонаха Матвѣя Тулепапскаго на прошлой 1750 г. съ крестьянъ оброчныхъ 60 р., села Шухобанова отъ управителя іеромонаха Антонія Бородухи за отрѣзную землю, на тотъ же 1750 г., 28 р. 80 к., отъ подьячаго Дмитрія Маркова за вписаніе родителей въ синодикъ 6 р., съ приказнаго Сергѣя Башилова, съ подканцеляриста Прохора Борисова за отпущенныхъ ими изъ вотчинъ Троицко-Сергіевой лавры крестьянскихъ дочерей, вдовъ и дѣвокъ выводныхъ — 37 р., за продажной казенной кирпичъ 3 р. 15 к., за письмо челобитенъ 4 р. 82 к. съ половиной; за продажныя дробины 5 р. 20 к. — итого 144 р. 97 к. съ половиной. А у него Вязевского, при просмотрѣ въ той казенной канцеляріи, явилось въ разныхъ мѣшкахъ наличныхъ денегъ только 25 р. 99 к. и три четверти да плохихъ грошовиковъ 1 р. 18 к. Да оной же Вязевской принялъ въ бытность свою въ той казенной канцеляріи въ разныхъ годахъ, числахъ и мѣсяцахъ, собираемыхъ разными монахами изъ данныхъ имъ запечатанныхъ для сбора ящичковъ отъ добропдателей церковныхъ денегъ и по запискѣ руки его въ данныхъ онымъ монахамъ тетрадахъ, собираемыхъ въ кошельки на церковныя потребности, которыя слѣдовательно были по запискѣ отдавать ризничему, 40 р. 16 к. да талеръ польской мѣдной; на гошпиталь 26 р. 44³/₄ к. Итого кошелековыхъ, кромѣ талера, 66 р. 61 к. съ четвертью, прикладныхъ и кружечныхъ при гробѣ преподобнаго Сергія чудотворца 97 р. 98 к. съ четвертью, да не-

ходячихъ серебряныхъ 1 р. 73 к., плохихъ 22 к., червонецъ золотой иностранной, шелехъ цесарской мѣдной. Изъ кружки преподобнаго чудотворца Никона 4 р. 72 к., да одинъ червонецъ россійской; при гробѣ Серапіона чудотворца 43 р. 89 к. съ четвертью, пеходячихъ 2 к. При гробѣ преподобнаго Максима Грека 19 р.; отъ успенскаго кладезя 30 р. 97 к. съ половиной; за медь чудотворца Сергія 14 р. 96 к. Итого прикладныхъ, кромѣ пеходячихъ, плохихъ да червонца и шелеха, 211 р. 53 к. Всего кошелековыхъ и прикладныхъ—278 р. 14 к. съ четвертью“. Вотъ тѣ разнородныя статьи, отъ которыхъ стекались въ монастырскую казну доходы. На сколько монастырская казна Троицкой лавры была богата деньгами, видно изъ вышеозначеннаго дѣла о Вязевскомъ. По разслѣдованію этого дѣла въ Сыскномъ Приказѣ оказалось, что у Вязевского не хватило около двухъ сотъ рублей, о которыхъ онъ заявилъ, что эти недостающія деньги имъ прочтены, потому что въ продолженіе года съ небольшимъ „денежной суммы на всякія принадлежащія про расходы оной лавры потребности отдачею къ расходу употреблено болѣе 80 тысячъ рублей“ (№ 531). Монастыри, кромѣ оброчныхъ денегъ съ своихъ крестьянъ, и кромѣ хлѣба уроднаго и скота приплоднаго, собирали съ вотчинъ особые поборы, — напримѣръ, на каменное построеніе. Такъ крестьяне Троицко-Сергіевой лавры, нижегородскаго уѣзду, села Копосова, показали, что вотчинный управитель приказный Антонъ Башиловъ взыскалъ съ нихъ „разныхъ денежныхъ доходовъ и найму въ Троицко-Сергіеву лавру на каменное построеніе работниковъ“ (№ 1901). Нѣкоторые монастыри, вѣроятно, слишкомъ отягчали крестьянъ разными сборами и работами, такъ что тѣ бросали свои дома и искали облегченія въ бѣгахъ, на чужбинѣ. Такъ стряпчій Калязина монастыря Страшкова доносилъ: „разныхъ сель и деревень крестьяне и дѣти, покинувъ тяглые свои жеребьи впустѣ, многіе бѣжали, не хотя платить податей и монастырской работы работать, и живутъ въ бѣгахъ“ (Прот. № 83, л. 123).

Владѣя всѣми мірскими благами, монастыри стремились устроить свою жизнь по-барски и сдѣлать ее безпечальною. Трудомъ своихъ крѣпостныхъ, монастыри, какъ мы уже видѣли, создавали „каменные построенія“ и воздвигали высокія каменные стѣны съ бойницами. Каждый монастырь поселялъ подъ своими стѣнами „подмонастырскую слободу“, чтобы имѣть всегда подъ руками готовую для монастырскихъ послугъ силу. У нѣкоторыхъ монастырей такихъ служныхъ слободъ было по нѣскольку. Напримѣръ, у Троицкой лавры служныя слободы образовали нѣсколько самостоятельныхъ приходоу, изъ коихъ каждый имѣлъ свое земское управленіе (№ 3407). Въ служныхъ слободахъ жили разные монастырскіе „служебники“ и „слуги“ какъ то: повара, кучера, воловики, неводчики, подьячіе, стряпчіе, канцеляристы и пр. Всѣ эти должности состояли въ монастырскомъ штатѣ и составляли

звание или рангъ. Они такъ и писались: „дѣйствительный воловикъ“, дѣйствительный певодчикъ“; или: „взялъ на росписку сыпъ отставнаго воловика“ такой-то (№ 637). При нѣкоторыхъ монастыряхъ заведены были разныя ремесла, при которыхъ мастерами состояли не монахи, а тѣже крѣпостные крестьяне. У мастеровъ всегда были ученики, набираемые изъ крестьянскихъ дѣтей. Напримѣръ: „бьютъ челомъ богомольцы Донскаго монастыря, архимандритъ Кирила съ братіей, что у іеродіакона положенная имъ рухлядь подъ балнию въ окно выкрадена, въ которомъ воровствѣ изобличились монастырскіе наши служебники-портные Артемій Евстифѣевъ да Якимъ Лаврентьевъ, да столярнаго дѣла ученики Никита Васильевъ да Ивась Петровъ“ (№ 374, л. 1). У того же монастыря были мастера „мѣднаго шандальнаго дѣла“ и у нихъ ученики (№ 552). Ново-дѣвичій монастырь имѣлъ своихъ красильщиковъ и ткачей (№ 3540). Нѣкоторые монастыри даже курили вино. Такъ архимандритъ Донскаго монастыря, сообщая въ Сыскной Приказъ о кражѣ разной рухляди, между прочимъ, писалъ: „да монастырскихъ двѣ трубы мѣдныя винныя украденыжъ“ (№ 374, л. 1). Кромѣ штатныхъ служебниковъ всякаго рода и мастеровыхъ, монастыри брали изъ своихъ вотчинъ крестьянъ для всякихъ работъ и для сторожевой службы. И эти крестьяне обременялись тяжелыми работами. Для примѣра выпишемъ сказку памѣстника Андроньева монастыря, о Маркела, въ которой онъ сообщилъ Сыскному Приказу: „находящимся въ томъ монастырѣ сторожамъ, тогожъ монастыря крестьянамъ, которые, кромѣ сторожевой должности, по прежнему обыкновению, днемъ всякую монастырскую работу дѣлали, также дрова рубили и по кельямъ носили и воду возили, а въ ночное время были на караулѣ, велѣно пособить и плотникамъ для ново-вылитаго колокола на колокольню досокъ снизу поднимать“ (№ 4517, л. 80). Такимъ образомъ эти монастырскіе крестьяне ни днемъ, ни ночью не знали покоя: днемъ работали на монастырскомъ дворѣ и дрова носили по кельямъ и воду возили, а ночью должны были ходить дозоромъ, охранять спокойствіе монашествующей братіи. И такая тяжелая работа крестьянъ была въ монастырѣ *за обычай*. Кромѣ разнаго рода служебниковъ, при нѣкоторыхъ монастыряхъ, въ особенности при Троицко-Сергіевой лаврѣ, былъ большій штатъ слугъ. Слуги эти были не крѣпостные монастырей, а лица свободныя и часто изъ привилегированныхъ состояній. Они опредѣлялись въ монастыри на пропитаніе и въ силу самаго опредѣленія становились монастырскими слугами. Всѣ они обязаны были нести монастырскія службы, которыя назначало имъ монастырское начальство, сообразно званію и чину опредѣленнаго на пропитаніе лица. Такъ отставной солдатъ Кириловъ сказалъ на допросѣ: „по отставкѣ имяннымъ указомъ опредѣленъ онъ въ Троицкій монастырь на пропитаніе, въ которомъ и обрѣтался на караулахъ и получалъ съ монастыря по третямъ жалованье“ (№ 2496,

л. 12). Все монастырскіе слуги дѣлились на конныхъ и пѣшихъ. Такъ Свято-Троицко-Сергіевой лавры слуга Иванъ Ивановъ Троицкой писалъ въ своемъ челобити въ московскую губернскую канцелярію: „я именованный съ 1704 по 1742 г. служилъ подьячимъ безъ всякаго подозрѣнія въ разныхъ командахъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ Кронштатѣ и въ прочихъ дальнихъ посылкахъ, въ которыхъ претерпѣвалъ неспосныя нужды. И за ту мою вѣрную и безподозрительную службу, за старостію моею, по прошенію моему, опредѣленъ отъ святѣйшаго синода въ Троицко-Сергіеву лавру въ конные слуги“ (№ 3407, л. 8). Въ другомъ дѣлѣ говорится: „того ради оныхъ разночинцевъ Троицко-Сергіевой лавры, Герасимова и Кузмина и отставного пѣшаго служку Опрсова для подлиннаго слѣдствія отослать въ Сыскной Приказъ“ (Прот. № 151, л. 49). Кроме того, монастырскіе слуги дѣлились по статьямъ: были слуги первостатейные и, вѣроятно, второстатейные и пр. Тотъ же монастырскій слуга, Иванъ Ивановъ Троицкой, о которомъ мы упоминали выше, писалъ въ своемъ челобити въ губернскую канцелярію еще слѣдующее: „въ 197 г. отецъ мой родной Иванъ Ѳедоровъ сынъ Троицкой, доносилъ родителю ея императорскаго величества блаженныя и вѣчнодостоинныя славы его императорскому величеству Петру Великому на вора и измѣнника Щекловитова и на его единомышленниковъ о зломъ ихъ и воровскомъ умыслѣ на высочайшую его императорскаго величества особу и на его императорскаго величества высочайшую фамилію и на бояръ во убіеніи, по которому отца моего доношенію оной Щекловитой при Свято-Троицкой лаврѣ казненъ смертію. И за ту отца моего ревностную службу, по имянному его императорскаго величества указу, пожалованъ онъ къ полевымъ полкамъ въ капитаны. Потомъ былъ въ городѣ Усмани воеводою. Въ 1710 г., по имянному его императорскаго величества указу, повелѣно быть ему въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ въ числѣ первостатейныхъ слугъ“ (№ 3407, л. 8).

Изъ вышесказаннаго видно, что монастырская корпорація, во первыхъ, стремилась къ довольству, собирая доходы съ своихъ вотчинъ, а потомъ со всеѣхъ православныхъ христіанъ способами, рассчитанными на ихъ вѣру и любовь къ монастырской святынѣ; во вторыхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи и деньги и крѣпостныхъ, монастыри устроили свою земную жизнь такъ, что устранили отъ своей братіи всякій трудъ, кромѣ молитвы. Тѣмъ не мѣѣе монашествующая братія, въ своей частной жизни, стремилась и съ своей стороны къ стяжанію, презирала всякій трудъ и старалась внести въ свою келейную жизнь удобства, спокойствіе и удовольствія. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію внутренней монастырской жизни, считаемъ нужнымъ сказать о монастырскихъ насельникахъ.

Монастыри, какъ мы отчасти уже видѣли, вмѣщали въ своихъ стѣнахъ не одинъ только монашествующій элементъ. Въ монастыряхъ,

въ XVIII столѣтїи, жило много такъ называемыхъ вкладчиковъ и вкладчиць. Эти лица, по соглашенію съ монастырскими властями, вносили монастырю условленную сумму денегъ, покупали или сами строили себѣ келью и, такимъ образомъ, поселялись въ стѣпахъ монастыря. Нѣкоторые изъ такихъ вкладчиковъ жили въ монастыряхъ съ своей прислугой, съ крѣпостными. Такъ женка Василиса показала: „ходила она по знакомству, для гулянья, въ Рождественскій монастырь къ вкладчицѣ дѣвкѣ Пелагеѣ и въ разговорахъ она ей говорила: „была-де она въ томъ монастырѣ у вкладчицы же вдовы Лукиной и весьма-де она плачетъ, что нынѣ тому другой годъ сбѣжала отъ нея крѣпостная дѣвка Анна Прокофьева, покравъ пожитковъ болѣе тысячи рублей“ (Прот. № 111, л. 447). Кроме того, въ монастыряхъ жили бѣлицы — женщины-мірянки, опредѣленные въ монастыри на пропитаніе, „на монастырскія порціи“ (И. С. З. 1739 г. февр. 19). Бѣлицъ не постригали въ монашество, и онѣ носили свою свѣтскую одежду (№ 3120, л. 396). Въ монастыряхъ жили и вдовья солдатки, которыя помѣщались туда тоже на пропитаніе. На этотъ предметъ были спеціальныя указы, что видно изъ одного протокола, въ которомъ записано: „понеже о постриженіи женъ купецкихъ людей въ монастыри указу не имѣется, а имѣется указъ объ опредѣленіи престарѣлыхъ солдатскихъ женъ“ (Прот. № 77, л. 10). Все эти лица не обязаны были подчиняться правиламъ монашескаго житія: они только пользовались отъ монастырей помѣщеніемъ и порціями. Каждое такое лицо жило такъ, какъ ему хотѣлось, и занималось тѣмъ, что находило для себя подходящимъ: инныя вели торговлю, другія занимались подневными работами, инныя пускали даже въ свои кельи жильцовъ. Такъ, напримѣръ, солдатка Алена Егорова показала въ Сыскномъ Приказѣ: „перешла она жить въ Страстной монастырь къ живущей въ томъ монастырѣ въ кельѣ торговкѣ солдатской женкѣ Акулинѣ Васильевой, коя ей знакома, потому что торгуетъ на Неглинной въ лавкѣ, а она Алена торгуетъ на Неглинной же походя ветошьемъ“ (№ 3508, л. 14). Затѣмъ, въ монастыряхъ, у старцевъ и стариць, жили для разныхъ услугъ всякаго рода наймиты — мірскіе люди. Напримѣръ, въ Вознесенскомъ монастырѣ у старицы Улен Хитровой жила „въ работѣ“ женка Меланья Алексѣева (Прот. № 78, л. 88). Колодникъ Кудрявцевъ сказалъ на допросѣ: „польской онъ націи, мѣстечка Чесоусы, изъ котораго вывезенъ въ малыхъ лѣтахъ города Бѣлева маркитаптами Селезневымъ и Япцовымъ. И по вывозѣ оной Селезневъ отдалъ его въ Воздвиженскій монастырь дѣвичій теткѣ своей игуменьѣ Патрикеѣ Анкудиновой и жилъ у ней семь лѣтъ“ (Прот. № 80, л. 79). Егоръ Васильевъ сынъ Шерита показалъ: „имѣется онъ города Переславля малороссіянинъ, а въ Москвѣ живетъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ въ кельѣ игумена; Максимъ Ивановъ Семьячицкій польской націи, города Львова, пятой мѣсяцъ живетъ въ Воздвиженскомъ

монастырѣ въ кельѣ игумена, въ поварахъ“ (№ 2355). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ монастырскихъ стѣнахъ часто жили солдаты, командированные туда для содержанія карауловъ — у тюремъ, у казенныхъ денегъ, у пороховыхъ казенныхъ складовъ, у келій, въ которыхъ помѣщались подсудимые или ссыльные знатныя лица, и пр. (Прот. №№ 421. и 72, л. 18). Всѣ эти насельники, не принадлежавшіе къ монашествующей братіи и не связанные монастырскими правилами, вносили за монастырскія стѣны свой образъ жизни, свои привычки, свои страсти и пороки. Монашествующая братія, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ этими лицами, естественно должна была, — можетъ быть, незамѣтно для себя, — усвоивать ихъ образъ жизни, привычки и страсти. Наконецъ, и сама монашествующая братія не вся проникнута была стремленіемъ къ идеаламъ иночества. Многие шли въ монастыри не по призванію, не по влеченію къ уединеннымъ подвигамъ ради исکانія царства Божія, а поступали туда по нуждѣ, вельдетвіе какихъ-нибудь угнетающихъ обстоятельствъ. Монастыри въ то время принимали въ число своей братіи всѣхъ безъ разбора. Такъ разстрига-мснахъ и тюремный утеклець Василій (по мірекому званію) показалъ на допросѣ въ Сыекномъ Приказѣ : „пошелъ онъ по Стромынкѣ и пришелъ въ монастырь Св. Николая чудотворца, что словоет Берлюково, къ іеромонаху, который въ томъ монастырѣ за строителя, Александру. И пришедъ объявилъ ему, что онъ былъ монахъ и разстриженъ по силѣ указу за постриженіе въ противность указу. И жилъ въ томъ монастырѣ двѣ недѣли. И тотъ іеромонахъ Александръ, прочтя молитву, положилъ на него клобукъ да камлавку для того, что-де, по силѣ указовъ, на разстриженныхъ монашеское платье по прежнему накрывать вельдно. И вельдлъ ему Василью въ томъ монастырѣ жить“ (№ 1000, л. 29). Разстрига Никифоръ сказывалъ въ Сыекномъ Приказѣ: „будучи онъ въ домѣ своемъ съ женою своею Лукерьею Лаврентьевою ужиналъ и сидѣли за столомъ. И въ то время, въ безмѣрномъ своемъ пьянствѣ, тое жену свою зарѣзвалъ ножемъ безъ всякой къ ней досады. И онъ-де, испужався того, изъ двора своего бѣжалъ и пришелъ въ вологодской уѣздъ, въ Каменной монастырь, и того монастыря игумень архимандритъ Іона постригъ его и далъ ему имя Никапоръ“ (Прот. № 73, л. 126). Іеромонахъ Воздвиженскаго монастыря Аптоній, спрошенный въ качествѣ свидѣтеля по поводу убійства игумена того монастыря Теофила, сказаль о себѣ: „прежде сего, въ 1735 г., былъ онъ въ приводѣ въ московской полиціи въ сказываніи въ пьянствѣ „слова и дѣла“ ложно. Изъ команды отосланъ въ тайную канцелярію, оттуда въ св. сиподъ, а изъ сипода въ Сыекной Приказъ, гдѣ ему по училеніи наказанія кнутомъ, сосланъ въ Сибирь на вѣчное житье, а изъ Сибири, по милостивому указу 1745 г., изъ города Тобольска, съ даннымъ ему паспортомъ, освобоженъ, съ ксторымъ и явился въ св. сиподѣ и опредѣленъ по прежнему въ

іеромонаха“. Другой монахъ Бородинъ того же монастыря сказывалъ: „обрѣтался онъ напередъ сего въ московскомъ купечествѣ и отъ того купечества уволенъ онъ по прошенію и отъ московскаго магистрата имѣть пашпортъ. Года съ три живетъ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, отъ котораго сидитъ онъ въ часовнѣ близъ того монастыря труженикомъ. Прежде сего, тому лѣтъ 20, былъ въ приводѣ въ тайной канцеляріи въ сказываніи за собою „слова и дѣла“ ложно; былъ наказанъ кнутомъ и свобожень. Да еще тому лѣтъ съ 18-ть разыскиванъ онъ въ Нижнемъ-городѣ за то, что онъ въ безумствѣ своемъ зарѣзалъ было того города Троицкаго монастыря іеродіакопа, только тотъ іеродіаконъ былъ не зарѣзанъ“ (№ 2353). Изъ этихъ выписокъ видно, что поименованныя въ нихъ лица поступили въ ряды монашествующей братіи не по влеченію къ монастырскимъ подвигамъ, а потому, что рассчитывали въ стѣнахъ монастыря укрываться отъ преслѣдованія. Естественно, всѣ эти лица, чуждые монастырскихъ цѣлей, и въ монастырѣ направляли свою жизнь по теченію мірской волны. И дѣйствительно, монашеская жизнь XVIII столѣтія отклонилась отъ тѣхъ строгихъ правилъ духовнаго міросозерцанія и суроваго аскетизма, которыя завѣщаны были благочестивыми подвижниками египетскихъ и палестинскихъ пустынь: мысль монашествующаго брата о Богѣ затерялась и исчезла въ суетныхъ поискахъ мірскихъ благъ, удобствъ и удовольствій; молитвенный вопль кающейся души замиралъ и гложь среди мірскихъ страстей. Монашествующій братъ XVIII столѣтія одержимъ былъ стремленіемъ къ роскоши и собиранію сокровищъ. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ мірскимъ людямъ. Такъ архимандритъ Донскаго монастыря съ братіей допосеніемъ въ Сыскной Приказъ объявили: „30-го ноября 1760 г. явилось, что ризница отперта и не явилось архимандричей шапки лучшей, которая коштвана цѣною до тысячи рублей“ (№ 4517, л. 1). Слѣдовательно, у архимандрита было нѣсколько шапокъ и притомъ дорогихъ. Другой примѣръ: „бьетъ челомъ каедральнаго Чудова монастыря уставщикъ іеромонахъ Алексѣй: 1746 г. мая 21 дня, незнаемые люди воровскіе выломали изъ чулана, который забранъ былъ досками, двѣ доски, и въ немъ лежали книги и деньги и всякая моя скарба, и отомкнувъ ларець, покрали монеть 200 р., два перстня золотыхъ съ алмазами, и мелкими монетами 4 р. (№ 1517, л. 3). Вотчинной коллегіи копействъ Петръ Соболевъ въ разспросахъ винился, что у монаха Θεолога покралъ въ трехъ портяпныхъ мѣшечкахъ монеть рублевиковъ и полтинниковъ по 100 р. въ каждомъ, да въ дзу мѣшечкахъ бархатныхъ, въ красномъ и черномъ, мелкихъ серебряныхъ денегъ 50 р., да 10 червонныхъ московскихъ; платъ шелковой персидской, да бѣлыхъ рубковыхъ три платка, въ томъ числѣ одинъ обшитъ кругомъ лентой черной, другой съ кружевомъ бѣлымъ; двѣ книжки печатныя молитвословець да святцы въ красномъ сафьянѣ

по обрѣзу золотомъ, евангеліе письменное неполное“ (Прот. № 94, л. 59). Для удовлетворенія своего корыстолюбія монахи пользовались всякими средствами: нѣкоторые отдавали, напримѣръ, свои деньги въ ростъ и принимали заклады. Такъ, въ доношеніи стряпчаго Троицко-Сергіевой лавры Приклонскаго написано: „1735 г. марта 25 дня прислали изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря власти для объявленія въ Смыкномъ Приказѣ бывшаго подьячаго Гусельщикова, который, будучи въ томъ монастырѣ, заложилъ дворъ свой со всякимъ строеніемъ тогожъ монастыря іеромонаху Варлааму Белевиту въ двадцати рубляхъ и далъ ему Белевиту своеручное закладное письмо, въ которомъ написалъ: ежели показанныхъ заемныхъ денегъ онъ Гусельщиковъ на срокъ не заплатитъ, то лишень онъ того своего двора, — у котораго письма подписаны свидѣтели: тогожъ монастыря судебной іеромонахъ Исакій Чередѣевъ, іеродіаконъ Іосифъ да подмонастырскаго приходу церкви Іліи Пророка попъ Иванъ Гавриловъ“ (Прот. № 120, л. 46). Іеромонахъ Давидъ, учитель Закономоспасской „Славяно-греко-латинской школы“ объявилъ однажды монастырскимъ властямъ, что у него покрадено имущества: „денегъ 41 р. съ полтиною, 17 червонцевъ иностранныхъ, закладныхъ стакановъ серебряныхъ большихъ четыре — чеканныхъ, а изъ нихъ два на ножкахъ, четвертый гладкой“ (№ 324, л. 21). Обѣ эти выписки ясно свидѣтельствуютъ, что монахи отдачу денегъ подъ залоги считали дѣломъ не только не запрещеннымъ монастырскими уставами, но и не предозудительнымъ: они открыто объявляютъ о своемъ дѣяніи и идутъ въ судъ съ увѣренностію въ своей правотѣ. Такимъ образомъ этотъ видъ любостыжанія монаховъ практиковался открыто и считался не противорѣчащимъ цѣлямъ монашескаго житія.

Стремленіе монашества къ собиранію имущества, безъ сомнѣнія, имѣло своей конечной цѣлью устроить келейную жизнь съ удобствомъ и довольствомъ. Дѣйствительно, въ описываемое нами время, монашеская жизнь была не только безпечальна, но и обставлена всякими удобствами, даже роскошью. Начальственные лица монастыря занимали хорошія и просторныя, въ нѣсколько покоевъ, помѣщенія; держали, кромѣ послушниковъ, по нѣскольку человѣкъ наемной и крѣпостной прислуги, имѣли своихъ наемныхъ поваровъ, которые готовили кушанье отдѣльно отъ прочей монастырскаго братіи (№ 2353). Слѣдовательно, сами начальствующія лица, которыя должны были являть собою примѣръ для подчиненной своей братіи, далеки были отъ мысли объ аскетизмѣ и строгомъ исполненіи правилъ монашескаго житія. Также окружала свою жизнь всеми удобствами и простая, не начальственная братія. Напримѣръ: у старицы Вознесенскаго монастыря Апфісы Бутурлиной жили въ услуженіи солдатская жена Анна Архипова и кухарь Иванъ (Прот. № 70, л. 35). Эти лица жили въ самомъ монастырѣ, въ помѣщеніи Бутурлиной. Такимъ образомъ, кромѣ того, что старицы

смыкной приказъ.

имѣли свою прислугу, допускалось и нисколько не считалось зазорнымъ житіе въ ихъ кельяхъ мужскаго элемента. У іеромонаховъ и іеродіаконовъ Троицко-Сергіевой лавры, по приказу властей, были въ услуженіи мальчики—дѣти монастырскихъ солдатъ. Эти мальчики проводили время безъ всякихъ строго опредѣленныхъ занятій и свободное время посвящали игръ въ карты и зернь (№ 3053). У монаха Софронія Ѳедоровича Щербатова, жившаго въ Андреевскомъ монастырѣ, что въ Пѣвницахъ, было нѣсколько человѣкъ келейниковъ, которые звали Софронія своимъ „господиномъ“ (№ 95, л. 3). Чистоты нравственной, какою блистали древніе монастыри, въ XVIII ст. не замѣчается: о строгой аскетической жизни, о усыпной молитвѣ, „о востоянномъ дѣланіи“ монаха на спасеніе своей души, о смиреніи—теперь и помину не стало. Петръ Великій въ дополненіи къ духовному регламенту писалъ: „чистъ, наипаче монашескій, который въ древнія времена былъ всему христіанству яко зеркало и образъ покаянія и исправленія, во времена сія во многая безчинія развратися“ (И. С. З. № 4022, 1722 г. 31-го мая). И это обвиненіе монашества не голословное: подтвержденіе его давала сама жизнь. Для доказательства приведемъ нѣсколько извлеченій изъ процессовъ Сынскаго Приказа, характеризующихъ внутреннюю жизнь монастырей. Напримѣръ: 1735 г. брянскаго Петропавловскаго монастыря казначей Пафнутій Случевскій писалъ въ своемъ доношеніи: „того-жь-де году, августа 6-го дня, онаго монастыря монахъ Ааронъ Жоховъ, незнаемо съ какого умыслу, въ вечеру, за полчаса почи, его казначея скверно по-матерно бранилъ и называлъ его неподобными словами—плутомъ, воромъ и измѣнникомъ; и чтобъ-де повелѣно было онаго монаха Аарона во всемъ вышеписанномъ распросить. А ежели-де въ чемъ стапетъ заираться, и онъ-де казначей на улику представитъ свидѣтелей“. И по опредѣленію брянскаго духовнаго правленія монахъ Ааронъ допрашиванъ, а допросомъ показалъ: „умыслу-де у него Аарона на него казначея никакого и ни съ кѣмъ согласія не бывало. А по-матерно, скверно, неподобными словами бранилъ-ли и называлъ-ли его казначея плутомъ, воромъ и измѣнникомъ, про то-де онъ Ааронъ не памятуеть, того-де ради, что того вечера былъ весьма пьянъ. А плутовства-де и воровства и измѣны никакой онъ Ааронъ за нимъ казначеемъ ничего не знаетъ. А казначей, іеромонахъ Пафнутій, выслушавъ того допроса, уличалъ, что-де онъ монахъ Ааронъ въ отвѣтъ своемъ сказалъ, якобы онъ его казначея скверно, по-матерно бранилъ-ли или не бранилъ, такожь плутомъ, воромъ и измѣнникомъ называлъ-ли или не называлъ, того-де онъ Ааронъ не памятуеть, что-де того вечера былъ весьма пьянъ,—и то-де онъ Ааронъ показалъ неправду, отбывая своего неистовства и наказанія, а въ то время слышали онаго монастыря монахи—Савватій, Кириапъ, да караульный солдатъ отъ артиллеріи Григорій Чеснокъ, да пономарь монахъ Іаковъ.

И того жъ числа показанные свидѣтели допросами показали: „оной-де монахъ Ааронъ показаннаго казначея, незнаемо за что, на монастырѣ бранилъ по-матерно, скверно, неподобными словами, и называлъ-де его плутомъ, воромъ и измѣнникомъ. Такія слова они все слышали, а въ какую силу его казначея онъ Ааронъ называлъ плутомъ, воромъ и измѣнникомъ, про то-де они не извѣстны“. Въ поданномъ въ канцелярію брянскаго духовнаго правленія доношеніи монаха Аарона написано: „августа 6-го дня 1735 года, въ вечеру, былъ-де онъ Ааронъ въ монастырѣ и въ разговорахъ съ помянутымъ-де казначеемъ возымѣлась-де у него ссора за несправленіе его монастырскихъ порцій, такожь-де и щей не велѣлъ въ вечеру варить, а въ заговѣнъ-де заговлялись безъ рыбы. И въ той-де ссорѣ бранилъ онъ Ааронъ его казначея плутомъ, воромъ и измѣнникомъ по названію того жъ монастыря монаха Никодима, что-де онъ Никодимъ называлъ его казначея многократно измѣнникомъ и не въ одномъ-де мѣстѣ: будучи въ монастырѣ и на мельницѣ. И по тѣмъ-де словамъ называлъ его казначея и онъ Ааронъ измѣнникомъ, что-де онъ казначей и помынѣ того порицанія себѣ не снесъ и нигдѣ о порицаніи не билъ челомъ. А онъ-де Ааронъ не доносилъ объ ономъ порицаніи, что ожидалъ отъ него жъ Никодима еще прибавленія о такихъ же за нимъ казначеемъ порицательныхъ словъ. А что-де онъ Ааронъ показалъ въ первомъ своемъ допросѣ, якобы его казначея бранилъ-ли, или не бранилъ скверно, по-матерно, неподобными словами, и якобы его казначея плутомъ, воромъ и измѣнникомъ называлъ ли, или не называлъ,—и то-де онъ Ааронъ показалъ отъ немалаго страхованія и отъ великихъ побоевъ палкою имъ казначеемъ, тогожъ числа пришедъ къ нему въ келью“. По опредѣленію духовнаго правленія велѣно о всемъ допроситъ монаха Никодима, который тогожъ числа былъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: „онъ монахъ Никодимъ того казначея Пафнутія измѣнникомъ называлъ на монастырской мельницѣ, того ради, что-де тогожъ Петропавловскаго монастыря архимандритъ Моисей, будучи въ церкви во время вечерняго пѣнія въ недѣлю Вай, тогожъ 1735 г., его казначея называлъ измѣнникомъ и неприсяжнымъ человѣкомъ, стоя въ своемъ властительномъ мѣстѣ, при немъ-де Никодимъ да при іеромонахѣ Іоакимъ, и послѣ-де названія тѣхъ словъ и вечерняго пѣнія онъ казначей призывалъ-де его Никодима и іеромонаха Іоакима для ужина и говорилъ-де онъ казначей, что-де какъ подастъ онъ на архимандрита доношеніе, вы-де пожалуйте, не запритесь. И потому-де называнію архимандричью его казначея онъ Никодимъ называлъ измѣнникомъ, а дѣйствительно-де онъ Никодимъ за нимъ казначеемъ никакихъ измѣнъ не знаетъ, и не доносилъ-де онъ Никодимъ нигдѣ для того, что онъ казначей хотѣлъ подать доношеніе отъ себя“. И того-де августа 12-го дня, по приказанію брянской канцеляріи, велѣно въ назывѣ показаннымъ архимандритомъ

Моисеємъ въ недѣлю Ваій 1735 г. во время вечерняго пѣнія въ церкви измѣнникомъ и неприсяжнымъ человекомъ допросить его казначей отъ всѣхъ обстоятельно, а о присяжной должности въ канцеляріи духовнаго правленія справиться: оный казначей въ 1730 или 1732-мъ годѣхъ въ вѣрности ея императорскаго величеству для присяги былъ-ли? Такожъ показаннаго отъ него Никодима свидѣтеля, тогожъ монастыря іеромонаха Іоакима, ежели оный казначей въ чемъ учнетъ заператься, допросить съ обстоятельствомъ же. А по справкѣ въ Брянскѣ, въ канцеляріи духовнаго правленія значится, что оный казначей іеромонахъ Пафнутій у присяги не былъ въ 1730 г. за отлучкою въ Москву, а въ 1732 г. оный казначей, будучи дьячкомъ, у присяги былъ и подписался на присяжномъ листѣ... По приказанію канцеляріи духовнаго правленія показанный казначей іеромонахъ Пафнутій допрашиванъ, а въ допросѣ объявилъ: въ прошломъ 1735 г., въ недѣлю Ваій, помянутой архимандритъ Моисей, будучи въ церкви во время вечерняго пѣнія, какъ пачался читать 9-й часъ, говорилъ-де ему казначею, что-де живетъ у него казначей незнаемо какой человекъ безъ позволенія его архимандрита—не бѣглой ли какой солдатъ,—и оный-де казначей сказалъ ему архимандриту, прося прощенія, что пріѣлъ-де безъ его позволенія брянскаго градскаго николаевскаго дѣйствительнаго діакона Іакова Емельянова сына его Дмитрія, яко своего роднаго племянника, а не бѣглаго солдата, ради ученія потпаго пѣнія. И оный-де архимандритъ, осердясь въ то время на него казначея, назвалъ его казначея „измѣнничешка, неприсяжный человекъ“; чего ради оный казначей безъ позволенія его архимандрита свойственниковъ въ келью свою принимаетъ, понеже-де, по указомъ, свойственниковъ принимать и держать при себѣ не велѣно, и чтобы-де о такомъ его казначея самовольномъ въ келью свою свойственниковъ приему ему архимандриту чего бы по силѣ указовъ не причтено бы было къ виновности и платежу штрафа. И оный-де казначей, слыша отъ него архимандрита такое словесное истязаніе, помянутаго-де племянника своего Дмитрія изъ кельи выслалъ. И того-де вечера помянутыхъ Никодима и іеромонаха Іоакима, въ помянутую недѣлю Ваій, ужинать въ келью свою оный казначей ихъ призвалъ. И по зову его казначееву оные монахъ Никодимъ и іеромонахъ Іоакимъ были, и оный-де казначей имъ, что въ назывѣ его имъ архимандритомъ „измѣнникъ“, подасть доношеніе,—такія слова говорилъ. Но токмо оный казначей на него архимандрита не доносилъ, справясь съ печатнымъ указомъ, который-де состоялся и напечатанъ въ прошломъ 1730 г., апрѣля 10-го дня. Такожъ и на показаннаго-де монаха Никодима оный казначей въ назывѣ его на мельницѣ измѣнникомъ не доносилъ по силѣ вышеозначеннаго же указа да и для-де того, что оный монахъ Никодимъ весьма человекъ непотребныхъ поступки, пьяница, за которые-де его непорядочные поступки и пьян-

ство онъ Никодимъ при собраніи всей братіи былъ-де наказанъ плетью неоднократно, о чемъ-де имѣются руки его подписки, которому де ни въ чемъ и вѣрить не подлежитъ. А на показаннаго-де монаха Аарона онъ казначей подалъ доношеніе, не стерпя поносительныхъ и ругательныхъ его словъ и чтобы-де ему казначею отъ такого-де его монаха Аарона пьянства и непорядочныхъ поступковъ какой виновности не причтено было, понеже-де ему казначею въ небытности архимандрита Моисея, по отъѣздѣ по указу изъ Св. Синода въ Москву для слѣдствія въ комиссію, приказанъ монастырь и дана ему казначею отъ архимандрита Моисея инструкция для содержанія монаховъ и о прочемъ, чтобы были изъ монастыря монахи не отходны по силѣ указу, въ чемъ одного монастыря вся братія въ слышаніи и исполненіи того указа и подписалась своеручно при немъ-де архимандритѣ. И онъ-де монахъ Ааронъ вѣдомо озорникъ и пьяница, который и напредъ сего при собранныхъ всей братіи за озорничество и пьянство и непорядочные поступки плетью наказанъ же неоднократно и ему-де казначею всегда чинился непослушенъ. А что-де онъ монахъ Ааронъ показалъ, яко бы онъ казначей ввечеру не велитъ щей варить, такожь будто въ заговѣнье заговлялся безъ рыбы и будто за то съ нимъ казначею ссору возымѣлъ и пазывалъ его плутомъ, воромъ и измѣнникомъ, — и то онъ Ааронъ не по монашеству показалъ ложно, отбывая за озорничество и за пьянство наказанія. А онъ-де казначей измѣнникомъ ни гдѣ не былъ и чтобы-де повелѣно было означенныхъ озорниковъ и пьяницъ, монаха Аарона и монаха Никодима, наказать, какъ о такихъ непотребныхъ чернецахъ ся императорскаго величества указѣ повелѣваетъ, чтобы-де отъ такихъ непорядочныхъ отъ монахи поступковъ въ случающихся архимандрицкихъ отлучкахъ другимъ чернецамъ такихъ поступковъ чинить бы было по повадно“... II по опредѣленію брянской канцеляріи духовнаго правленія велѣно—чинить имъ монахамъ Никодиму и Аарону плетью нещадное наказаніе при собранныхъ того монастыря всей братіи, дабы... „жили по званію своего монашескаго обѣщанія трезвенно и благочинно, не пьянствовали-бъ и противныхъ обѣщанію своему поступковъ впредь чинить не дерзали-бъ; и наказавъ сослать въ приписные къ Петропавловскому монастырю пустыни на полгода при указѣхъ, въ которыхъ написать къ оныхъ монастырей строителямъ, а въ небытность ихъ кому монастыри приказаны съ братіей, дабы оные монахи Никодимъ и Ааронъ въ тѣхъ монастырѣхъ между церковнаго пѣнія содержаны были въ тягчайшихъ монастырскихъ трудѣхъ и быть бы имъ изъ тѣхъ монастырей, по силѣ указовъ, не исходнымъ подъ опасеніемъ за отпускъ истязанію (№ 421). „Черезъ полгода монахи Никодимъ и Ааронъ возвращены были, вѣроятно, опять въ Петропавловскій монастырь изъ мѣстъ ихъ направленія, потому что въ слѣдующемъ 1736 г. о Никодимѣ воз-

никло новое дѣло: онъ обвинялся въ убійствѣ Корнилія, монаха Петропавловскаго монастыря. Самъ Никодимъ такъ разсказалъ о своемъ преступленіи. „1736 г. ноябрю 27 дня послѣ обѣди, ходилъ онъ изъ онаго монастыря съ монахомъ Корниліемъ да съ трудникомъ Омою Магначевымъ да старостою Гришинымъ въ монастырскую слободку Починки въ домъ тогожъ монастыря къ крестьянину Федору Осипову обѣдать по зову его, понеже у него были поминки. И у того крестьянина они обѣдали и были все пьяны, и послѣ обѣда они пришли все въ монастырь. И тогожъ числа, во второмъ часу ночи, пошелъ онъ Никодимъ изъ кельи, отъ стужки, въ хлѣбню и легъ было спать. Тогда монахъ Корнилій подходилъ къ нему многократно и бранилъ матерны и называлъ воромъ и непотребнымъ челоуѣкомъ. И за то онъ Никодимъ въ пьянствѣ монаха Корнилія билъ по щекамъ“. Свидѣтели показали, что Никодимъ билъ Корнилія „пинками и уступки“. Корнилій отъ побой умеръ (№ 472). Еще одна выписка изъ дѣлъ Сынскнаго Приказа: Николаевскаго Песношскаго монастыря іеродіаконъ Варсофій, что нынѣ разстрига Василій Болотовъ, съ трехъ розысковъ, показалъ: былъ онъ Суздальскаго уѣзда вотчины Спасо-Ефимьева монастыря, деревни Воронцовой крестьянской смиръ, а потомъ постриженъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ тому нынѣ четвертый годъ. И въ подушномъ окладѣ онъ написанъ въ той деревнѣ Воронцовой. И августа 9-го дня, послѣ литургіи, пошелъ онъ Болотовъ изъ того Песношскаго монастыря, съ прочими іеромонахи, въ монастырскую вотчину въ село Рогачево для гулянья и покупки всякой провизіи на потребу себѣ. И будучи въ томъ селѣ Рогачевѣ, зашелъ онъ Болотовъ на кружало и купя шилъ вино. И на тожъ кружало пришелъ того села крестьянинъ Петръ Ивановъ пьяный и учалъ его Болотова бранить всячески и, ухватя за волосы, сшибъ съ ногъ и таскалъ по землѣ, и прилучившіеся на томъ кружалѣ рыбаки его Болотова отпjali. И потомъ пришелъ онъ въ томъ же селѣ на монастырскій дворъ къ строителю Антонію Симонову для объявленія о бою его; и оной строитель велѣлъ его Болотова дворнику посадить въ цѣпь за то, что безъ вѣдома его ходилъ за монастырь. И былъ онъ въ цѣпи часа съ три. И оной строитель велѣлъ его съ цѣпи спустить. И какъ онъ спущенъ съ цѣпи, пошелъ на то же кружало и, выпивъ пива на двѣ копѣйки, съ того кружала сошелъ и хотѣлъ идти въ монастырь, — и того жъ монастыря рассыльщикъ, взявъ его Болотова и приведши въ монастырскій дворъ, посадилъ въ тюремную избу, а по приказу того строителя, или собою, про то не знаетъ. И держанъ былъ въ той тюрьмѣ до вечеренъ. И по благовѣсту вечернему выпустилъ его помянутый дворникъ и повелъ въ монастырь. И какъ-де пришли они въ его Болотова келью, и тотъ дворникъ отъ него ушелъ и сказалъ про него строителю, что будто онъ Болотовъ у тюремной избы двери выломалъ; и за то оный

строитель прислалъ къ нему Болотову монастырскаго слугу Капустина да сторожа Никитина, и въ то время онъ Болотовъ былъ пьянъ. И пришедъ, они ему Болотову говорили, что-де, по приказу строительскому, велѣно его посадить въ цѣпь. И онъ Болотовъ посадить себя въ цѣпь не дался и говорилъ, чтобы его отослать въ Троицко-Сергіевскій монастырь; а буде стануть сажать въ цѣпь по неволѣ и онъ Болотовъ заколетъ ножемъ, чтобъ они отъ него отъ пьянаго пошли прочь. И они Капустинъ и Никитинъ объявили о томъ строителю Антонію, по которому ихъ объявленію тотъ строитель за полчаса до ночи пришелъ къ нему Болотову въ келью съ ними Капустинымъ и Никитинымъ и съ другими людьми. И говорилъ тотъ строитель тѣмъ служителемъ, чтобъ его Болотова посадили въ цѣпь. И онъ Болотовъ говорилъ строителю, чтобъ его отвезти въ Троицко-Сергіевскій монастырь для того, что онъ строитель въ бою его Болотова разсужденія не учинилъ. И тотъ строитель, ухватя у кельи полѣно, учалъ его бить и приговаривалъ: „вотъ тебѣ Троицкій монастырь“. И онъ Болотовъ, ухватяжъ полѣно, сталъ отъ себя борониться и кричалъ: „поди прочь!“, и съ тѣмъ полѣномъ бросился на строителя, а Капустинъ бросился на него Болотова и хотѣлъ у него изъ рукъ вырвать полѣно, и онъ Болотовъ ножемъ, который былъ у него въ лѣвой рукѣ, оного Капустина покололъ въ правый бокъ во пьянствѣ, а не съ умыслу.“ Состоялось опредѣленіе: бить кнутомъ и отдать въ монастырь (Ср. № 56 л. 164). Этихъ трехъ выписокъ изъ дѣлъ Сыскаго Приказа слишкомъ достаточно для того, чтобы въ должной мѣрѣ охарактеризовать все благолѣпіе монашескаго житія въ XVIII-мъ столѣтіи. Праздность, которою такъ богаты были тогда все русскіе монастыри, и довольство до избытка всеми предметами насущной потребности были причиной, породившей уклоненіе монашествующей братіи отъ начертанныхъ ей цѣлей: монахъ стремился вонъ изъ-за монастырскихъ стѣнъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, безъ сирова у властей, шелъ въ міръ, на торжища, въ фартину „для гулянья.“ Разгулъ монашествующей братіи выражался пьянствомъ, буйствомъ и смертоубійствомъ „въ пьянствѣ,“ такъ что для монастырей явилась необходимость обзавестись „тюремными избами,“ цѣпями и плетями, чтобы при участіи этихъ пособниковъ поворотить заблудшую братію отъ растлѣннаго міра къ Богу и заставить ее исполнять данные ею обѣты—молитвы, поста и покаянія. Но мѣры пристрастія не достигали своей цѣли: не заставитъ насильно молиться того, въ комъ нѣтъ и желанія и внутренняго содержанія для молитвы. Къ этому нужно еще прибавить что и самыя власти, на обязанности которыхъ лежало и словомъ и примѣромъ руководить братію на пути монашескихъ добродѣтелей, подчасъ совершенно профанировали эти добродѣтели. Мы видѣли, какъ архимандритъ Моисей бранилъ казначея въ церкви, съ своего властительскаго мѣста, —

брали въ то время, когда и онъ и братія собрались въ домъ Божій для молитвы. Грубость нравовъ у пѣкоторыхъ монастырскихъ властей выражалась крайней жестокостью. Напримѣръ: въ промеморіи изъ духовной дикастеріи, присланной въ Сыскной Приказъ съ двумя колодниками, выборными крестьянами вотчины Лужецкаго монастыря, можайскаго уѣзда, села Мышкина, написано: „1734 г. передъ масляною, того монастыря архимандритъ Діонисій того села Мышкина крестьянина Ивана Матвѣева билъ плетью, снявъ рубаху, трикратно и прибилъ до смерти, отъ которыхъ его побой оной крестьянинъ умре. Онъ же архимандритъ, тому назадъ четвертой годъ, заставилъ дворника Якова Никитина въ монастырскомъ саду косить траву, который, кося траву, не усмотря подкосилъ оснанныхъ подростковъ. И за то его дворника онъ архимандритъ, взявъ колъ, прибилъ до смерти, о чемъ вѣдано было того монастыря всей братіи“. Въ духовной дикастеріи архимандритъ показалъ: „того крестьянина конюхи сѣкли, по въ рубашкѣ и не снявъ ея, однажды, а не трикраты, за вину его, что онъ не отдалъ деньги солдату на покупку мундира. А померъ крестьянинъ черезъ три мѣсяца. Дворника Никитина за вышеписанную вину наказывалъ въ монастырѣ, и послѣ того наказанія онъ жилъ мѣсяцевъ семь совсѣмъ здоровъ.“ Въ подтвержденіе своей жалобы крестьяне слались на монастырскую братію, слугъ и на всѣхъ крестьянъ. Архимандритъ въ оправданіе показалъ: „истцы въ своемъ доказательствѣ сказали на него ложно, хотя оклеветать его архимандрита злоумышленно, якобы онъ того Матвѣева билъ плетью трикраты, снявъ рубаху; и оной Матвѣевъ наказанъ по приказу его архимандрита конюхами, по монастырскому обычаю, подлинно однократно, а не трикратно; и оной Матвѣевъ умре волею Божескою, а не отъ побой. И въ томъ де онъ шлется на отца его Матвѣева духовнаго, по па Захарія“. А относительно дворника Никитина шлется архимандритъ на жену его да сына, который въ то время былъ малолѣтнимъ „А того монастыря на братію, слугъ и служебниковъ, на которыхъ тѣ истцы слались, ему архимандриту слаться не возможно, и имъ-де истцамъ по тому челобитію вѣрить не надлежитъ, понеже... того монастыря братія и слуги, по ложному ихъ на него архимандрита въ неслуженіи доношенію, по посланному изъ духовной дикастеріи указу, въ томъ монастырѣ наказаны плетью. А на крестьянъ ему архимандриту слаться не подлѣжитъ же, понеже оны всѣ на него челобитчики“. Состоялось опредѣленіе: челобитчиковъ наказать—дать двадцать ударовъ кнутомъ и, взявъ приводныя деньги, отдать того монастыря стряпчему (Пр. № 56, л. 201). Эта промеморія духовной дикастеріи даетъ очень яркую картину монастырской жизни, ея нравовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, говоритъ о значеніи въ монастыряхъ архимандритовъ.

Чтобы дорисовать образъ монастырей XVIII-го ст., нужно сказать еще объ отношеніи монастырей къ своимъ крѣпостнымъ, а также —

объ отношеніи монастырей, какъ вотчинниковъ, къ другимъ таковымъ же вотчинникамъ.

Монастыри владѣли крѣпостными на тѣхъ же правахъ, на какихъ владѣли ими и дворяне. Крѣпостной всецѣло принадлежалъ монастырю и въ этомъ отношеніи былъ вещью, которою монастырь распоряжался по крайнему произволу, не отвѣчая ни передъ кѣмъ за свои распоряженія и дѣйствія. Судъ не признавалъ жалобъ крестьянъ на притѣсненія и жестокости со стороны монастырскихъ властей. Это мы видѣли отчасти изъ вышеприведенной выписки изъ дѣлъ Сызкскаго Приказа: выборные отъ крестьянъ Лужецкаго монастыря слались въ своей жалобѣ на архимандрита на всю монастырскую братію и на всехъ крестьянъ. И самъ архимандритъ Діонисій, въ своемъ объясненіи, не отрицалъ въ сущности того факта, что онъ жестоко наказалъ крестьянина только за то, что тотъ недосмотря подкосилъ осиповые побѣги. Судъ однако не призналъ такіа дѣйствія архимандрита подлежащими суду; слѣдовательно, утвердилъ за нимъ право жестоко обращаться съ крѣпостными и еще наказалъ кнутомъ крестьянъ за то, что они осмѣлились признать жестокія отношенія къ нимъ архимандрита за такіа дѣянія, которыя должны быть наказуемы законами. Послѣдствіемъ такого положенія дѣла часто было то, что монастырскіе крестьяне, не стерпя притѣсненій и разныхъ побой, бѣжали кто куда могъ, или открыто возмущались противъ монастырскихъ властей. Для примѣра приведемъ выписку изъ дѣла „о задержанныхъ вотчины Донскаго приписнаго Шарожкина монастыря, перемышльскаго уѣзду, села Варваренокъ, о старостѣ Карпѣ Сопкинѣ да о Миронѣ Шаровѣ съ товарищи, которые держатся по челобитью того Донскаго монастыря архимандрита Иларіона съ братіею о учиненномъ отъ нихъ, старосты съ товарищи, въ томъ селѣ набатномъ бою и въ приходѣ многочисленнымъ собраніемъ на монастырскій дворъ и въ бою упомянутаго Шарожкина монастыря строителя іеромонаха Іоасафа и служителей, отъ которыхъ побой оной строитель лежалъ одиннадцать недѣль и умре. „А въ челобитьи архимандрита Донскаго монастыря съ братіею написано: „приписнаго ихъ Шарожкина монастыря строитель іеромонахъ Іоасафъ былъ того монастыря въ селѣ Варваренкахъ на монастырскомъ дворѣ и при немъ были того монастыря служители: подъячій Александръ Ивановъ, слуга Лука Мелептьевъ, конюхи—Аввакумъ Захаровъ, Леонцій Карпѣевъ и Гаврила Шлинъ. И того села Варваренокъ староста Левонъ Семеновъ (изъ деревни Петровскаго) со крестьяны, умысля по согласію того села съ попомъ, собрався многочисленнымъ, въ вечеру почали бить въ набать, и пришедъ приступали къ монастырскому двору. И онъ строитель съ служителями, видя ихъ крестьянъ вымышленный приходъ, заперся въ монастырскихъ хороммахъ. И они крестьяне разобрали у монастырскаго двора заборъ, взошли на дворъ и ночью приступали къ тѣмъ монастырскимъ хороммамъ для

взятья его стронтеля и окна все выбили и съ чердака верхъ сломали, и въ набать невѣдомо для какого своего вымыслу били во всю ночь. И поутру онъ староста Левонъ и крестьяне, взявъ изъ тѣхъ хоромъ его стронтеля и оныхъ служителей, били дубьемъ смертными побои... О томъ его стронтельскомъ бою и служителей писалъ въ Донской монастырь Николаевскаго монастыря, что въ Черемышлѣ, игумень Варлаамъ, что оный стронтель и служители отъ крестьянъ биты лежатъ и едва будутъ живы и прислалъ къ нимъ въ монастырь бою ихъ осмотръ". Для слѣдствія посланъ былъ отъ Донскаго приписнаго Тихонова монастыря стронтель іеромонахъ Іосифъ, и оный Іосифъ писалъ, что „битого стронтеля и служителей по осмотру допрашивалъ и оной-де стронтель и служители показали о томъ о всемъ подлинно. И оной староста Левонъ и все крестьяне къ тому слѣдствію противностию своею, узнавъ свою вину, къ нему не дошли"... А въ распросѣ и съ двухъ пытокъ староста Карпъ Сонкинъ винылся и сказалъ: „какъ-де съ приписнаго къ Донскому Шарожкина монастыря стронтель іеромонахъ Іоасафъ съ служителями въ село ихъ Варваренки прѣвзжалъ, и будучи на монастырскомъ дворѣ, онъ стронтель да подьячей спрашивали его Сонкина да поселскаго монаха Дорофея да сторожа Филипа Мамонова — для чего они имъ не сказали, какъ пошли въ Донской монастырь на нихъ стронтеля да на подьячего бить челомъ во крестьянскихъ обидахъ? И за то били ихъ монаха Дорофея и сторожа, также и его Сонкина плетями. И послѣ-де тѣхъ побой, сошедъ онъ Сонкинъ съ монастырскаго двора и по злобѣ на него стронтеля и подьячего и служителей, что они его били плетями, согласясь того села съ крестьяниномъ Шаровымъ и умыслили, чтобъ стронтеля и служителей за ту обиду бить смертно, и для того бою онъ Сонкинъ велѣлъ крестьянину Комарову бить въ набать, по которому набатному бою того села Варваренокъ крестьяне на монастырскаго дворъ сошлись все, а по старосту Левона Семенова въ деревню Петровскую, чтобы онъ немедленно былъ съ крестьяны въ ихъ Варваренки, посылавъ Якова Шарова. И какъ изъ деревни Петровской староста Левонъ со крестьяны, также и изъ другихъ деревень крестьяны по набатному бою на монастырскаго дворъ пришли человекъ съ двѣсти; и въ то время выборной деревни Цогорѣловки Михайла Васильевъ привезъ въ ихъ село Варваренки вина ведра съ два и того-де вина они напились все пьяны. И онъ Сонкинъ старостѣ Левону и всемъ крестьяномъ говорилъ, что-де они намѣрены стронтеля и служителей за обиду, что ихъ били плетями, бить смертно. И собравшіеся крестьяне по тѣмъ словамъ къ монастырскимъ хоромамъ приступали и у хоромъ въ окнахъ окончины выбили и съ чердака кровлю сломали. А стронтель-де и съ служителями въ то время сидѣли запершись въ чердакѣ. И староста-де Левонъ Семеновъ со крестьяны взошли въ чердакъ и его стронтеля и подьячего и служителей изъ чердака взявъ свели на крыльцо; и въ то время онъ Сонкинъ по злобѣ, ухвата

строителя, отвелъ въ копышню и заперъ; а служителя-де Луку Мелентьева, по приказу ихъ, били палками и топунками крестьяне. А подьячего Александра Иванова крестьянинъ Мартынь Михайловъ, ухватя за волосы, и съ крыльца повалилъ въ многолюдство, и крестьяне его подьячего били палками и топунками топтали. И послѣ бою подьячего опъ Соикинъ пошелъ въ копышню и, взявъ строителя, привелъ въ собраніе къ крестьяномъ и велѣлъ его строителя за обиду, что его Соикина билъ плетью, крестьяномъ бить, котораго-де строителя крестьяне били палками и топунками топтали и за волосы таскали“. Это показаніе Соикина подтвердилось другими крестьянами, которые откровенно все рассказали о своихъ дѣйствіяхъ. По этому дѣлу состоялось такое опредѣленіе Сыскаго Приказа: „къ воровству и къ бою и ко всякой противности заводчика старосту Карпа Соикина казнить смертію—въ томъ селѣ Варваренкахъ повѣсить; а другихъ крестьянъ за ихъ воровство въ томъ селѣ бить кнутомъ, дабы, на то смотря, другимъ такъ воровать было не повадно, и отдать Донскаго монастыря стряпчему“ (Пр. № 82, л. 21).

Далѣе скажемъ объ отношеніяхъ монашествующаго духовенства къ другимъ вотчинникамъ. Земельные и другіе споры монастыри и ихъ крестьяне тоже стремились рѣшать силой, вооруженной свалкой, какъ это, на примѣръ, видно изъ слѣдующаго дѣла: Въ челобитьи, Переяславской провинціи Рязанскаго, вотчины Богословскаго монастыря, старосты села Попадьяна да Высокаго написано: „присланные-де изъ монастырскаго приказа дворянинъ Борисъ Всеволодской да копейскъ Иванъ Якимовъ, которые присланы противъ челобитья Рязанскаго архіерея стряпчего со крестьяны для межеванья земли съ ними,—и опъ-де Всеволодской и Якимовъ съ архіерейскими судьями—съ экономомъ іеромонахомъ Герасимомъ и съ дѣтьми его, да дякомъ Афанасьемъ Кулбицкимъ, да ихъ же архіерейскіе подьячіе—Иванъ Озеровъ, Епифанъ Антоповъ, и стряпчей Панкратъ Баженовъ, съ дѣтьми боярскими—съ Алексѣемъ Пименовымъ и съ прочими служители, многолюдствомъ выѣзжали и читали указъ, чтобъ быть къ тому дѣлу майору Семену Рагозину. И незнаемо для какого вымыслу, не дождався оного Рагозина, съ драгуны и съ вышенисанними экономомъ, дякомъ и служителями и приставами и съ копыхи и съ крестьяны человекъ съ три тысячи, съ ружьемъ, пріѣхавъ на монастырскую землю и, не сыскавъ подлинно, поставили столбы по ихъ монастырскаго землѣ и убили-де крестьянъ ихъ до смерти, а иныхъ били и ранили, которые-де лежатъ при смерти человекъ съ тридцать и больше; а иные пропали безвѣстно. Да они же, на оной же ихъ землѣ, изъ конскаго ихъ стада выбрали лучшихъ лошадей, взяли къ себѣ“. По осмотру явилось мертвыхъ пять, двадцать девять битыхъ, а иные ранены пулями. Въ той же провинціи билъ челомъ дому Рязанскаго архіерея стряпчей Василій Игнатьевъ: означеннаго-де Бого-

словскаго монастыря келарь старецъ Ермопъ съ служебники и со крестьяны человѣкъ съ тысячу и больше помянутому дворянину при понятыхъ вервей тянуть и столбовъ-де ставить не пустили и съ половины той спорной земли сбили, и крестьянъ-де ихъ били смертнымъ боемъ; и тѣ-де битые крестьяне привезены въ Переславль Рязанскій къ осмотру, а иные пропали безвѣстно. А въ челобитьи вотчинъ Богословскаго монастыря старость написало: „стряпчей-де Игнатъевъ привелъ къ осмотру и запискѣ Рязанскаго архіерея крестьянъ будто битыхъ, а въ челобитьи-де своемъ написали, будто оныхъ крестьянъ били крестьяне Богословскаго монастыря, въ томъ-де числѣ привезъ мертвое тѣло—не бито и знаку ни какого не явилось, и то-де тѣло все сгнило, глаза и борода все облезло и глаза выпали. И знатно-де, то тѣло они вырыли изъ земли“. „А по осмотру на томъ тѣлѣ бою и рапъ никакихъ нѣтъ, только знатно—вынято изъ земли, или гдѣ поднято, а зраку человѣческаго не видать, и глаза выгнили, волосы и борода и лице все оползло, и руки и ноги отгнили и знатно, что умре давно“. А въ допросѣ Рязанскаго архіерея стряпчей и крестьяне сказали, — стряпчей: „архіерейскаго дому подьячей Борисовъ отдалъ ему явочную челобитную и съ тою челобитною онъ пошелъ, а мертвое тѣло и битыхъ крестьянъ велѣлъ къ осмотру везти за собою. А то-де тѣло гдѣ взято, того-де онъ не вѣдаетъ, для того что на той дракѣ не былъ“. А крестьяне сказали: „подъ селомъ-де Попадъинымъ, какъ пріѣзжалъ межевщикъ, и въ то-де число учинилась съ Богословскими крестьяны ссора — отъ Богословскихъ крестьянъ, а не отъ архіерейскихъ. А были-де на томъ межеваньи и дракѣ архіерейскихъ вотчинъ крестьяне селъ Малиницъ, Оедоровскаго, Троицкаго и Глѣбова, а сколько человѣкъ не упомянуть. А на ту-де драку сгоняли ихъ архіерейскаго дому слуги и копухи, по приказу эконома старца Герасима да дьяка Кулбицкаго. И сами де они — экономъ и дьякъ на той дракѣ были и принуждали ихъ, чтобъ они были Богословскихъ крестьянъ до смерти. А который-де крестьянинъ села Болдинокъ Θεоктистъ Авдѣевъ, — и тотъ де крестьянинъ умре до той драки за день и погребенъ былъ въ селѣ Болдинкахъ у церкви Бориса и Глѣба... и то тѣло приказали отвезть къ осмотру они же экономъ и дьякъ. А какъ-де то тѣло вынимали изъ земли, то они слышали отъ подводчика Трофима Автономова“. А Автономовъ, съ подъему, сказалъ: „которое-де мертвое тѣло привезено крестьянина Θεоктиста Авдѣева къ осмотру, и тотъ-де крестьянинъ умре до драки за два дня и погребенъ былъ въ селѣ Болдинкахъ. А какъ-де учинилась драка во время межеванья, и въ то-де число того села Болдинокъ прикащикъ Алексѣй Нимеповъ да староста Ефимъ Денисовъ велѣли то тѣло мертвое изъ земли вырыть и вырывъ навалили ему на телѣгу и велѣли везти въ городъ; а наваливали то тѣло въ томъ селѣ на архіерейскомъ дворѣ. А судья-де экономъ Герасимъ да дьякъ Кул-

бицкой и прикащикъ и староста были съ ними жъ на томъ дворѣ“. По требованію Переславской провинціальной канцеляріи тѣхъ оговоренныхъ—эконома и прочихъ отъ дому онаго архіерея не прислано, а требовано, чтобъ то дѣло отослать къ майору Рагозину. И по тому дѣлу, по помѣтѣ оной провинціи assessора Караидѣева, архіерейскіе крестьяне освобождены (№ Пр. № 75 л. 93). Такимъ образомъ, монастырь и архіереи для рѣшенія права на спорную землю собрали цѣлыя арміи, изоружили рогатинами, ружьями и дрсколіемъ и стали драться, не смотря на то, что разобрать ихъ присланъ былъ межевщикъ и майоръ Рагозинъ. Монастырскій и архіерейскій экономы старцы, предводительствуя своими полчищами, велѣли битъ противника „до смерти“.

Монашествующая братія не несла никакихъ государственныхъ денежныхъ налоговъ и была освобождена отъ государственныхъ и общественныхъ повинностей натуральныхъ. Но монастыри, какъ юридическія лица, живущіе въ государствѣ и обществѣ, несли нѣкоторыя службы и повинности, которыя можно раздѣлить на обязательныя для всѣхъ монастырей и случайныя.

Монастыри обязаны были принимать и содержать на свой счетъ всѣхъ лицъ дворянскаго сословія, которыя по старости, увѣчью и болѣзни не могли уже нести службы государству, а равно и отставныхъ солдатъ. Правительство опредѣляло также въ монастыри, на монастырскія порціи, вдовъ офицеровъ и солдатскихъ женъ. Кромѣ того, монастыри были мѣстомъ ссылки для престарѣлыхъ преступниковъ, которыхъ ссылатъ на каторгу было нельзя. По этому предмету 1701 г. декабря 19 дня состоялся указъ: „велѣно, по имянному указу, крестьянъ дву человекъ“, какъ записано въ опредѣленіи Сыскаго Приказа, „которые въ Преображенскій приказъ за старостію и за увѣчьемъ для ссылки въ каторгу не приняты, и ихъ за вины ихъ отослать въ Монастырской приказъ и велѣть ихъ, заковавъ въ кандалы, держать въ монастырѣ въ вѣчной работѣ, въ какой они чинъ годятся. Также буде и впредь такіе люди явятся въ какихъ воровствахъ, а за старостію и за увѣчьемъ на каторгу будетъ ссылатъ не возможно, такихъ людей ссылатъ по тому жъ въ воровствахъ въ Монастырской приказъ въ работу *) (Пр. № 78 л. 35). „Наконецъ, монастыри изъ доходовъ, получаемыхъ съ вотчинъ заопредѣленныхъ, обязаны были удѣлять соотвѣтствующую доходу сумму на госпитали и училища (№ 531). Всѣ эти повинности были обязательны для всѣхъ монастырей. Были еще повинности частныя, касающіяся только нѣкоторыхъ монастырей и притомъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ находились тюрьмы для колодниковъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ. Такая тюрьма была, напримѣръ, при московскомъ Андроніевѣ монас-

*) Этого указа въ Полномъ Собраніи законовъ нѣтъ.

тырѣ. Тимофѣй Куракинъ, бывшій за сержанта невежаго пѣхотнаго полка 4-й роты, сказывалъ въ Сыскномъ Приказѣ: „командированъ онъ былъ изъ дежурства въ Андроніевъ монастырь для содержанія колодниковъ ярославскаго пѣхотнаго полка съ поручикомъ... Въ томъ Андроніевомъ монастырѣ, въ бѣдности, колодникъ Иванъ Рябой кричалъ во всю бѣдность, что за нимъ Рябымъ есть ея императорскаго величества слово и дѣло по первому пункту... На допросѣ Рябой сказалъ „слово и дѣло сказывалъ ли—не помнить, для того, что тотъ день былъ онъ весьма пьянъ“ (Пр. № 72, л. 22). Кромѣ того, въ монастыри присылались для содержанія подъ арестомъ подсудимые дворянскаго сословія. Эти лица помѣщались не въ тюрьмахъ, а въ монастырскихъ кельяхъ и состояли подъ надзоромъ и охраной монастырскихъ служебниковъ. Такъ подьячій Симонова монастыря Петръ Ерофѣевъ показалъ въ Сыскномъ Приказѣ: „31-го мая 1730 г. былъ онъ въ томъ монастырѣ въ особой кельѣ, на караулѣ у полковника Василія Ржевскаго, для присмотру всякихъ писемъ, и въ то время пришелъ къ нему крестьянинъ Никита Афанасьевъ и говорилъ: все-ль у него Петра здорово и не было-ль присылки отъ дворца о полковникѣ Ржевскомъ?“ (Пр. № 72, л. 18). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, вѣроятно, только въ пограничныхъ, правительство устранивало склады для военныхъ принадлежностей. Такой складъ „пороховой ея императорскаго величества казны“ былъ въ Петропавловскомъ монастырѣ, что Брянскаго уѣзда, Поцымской волости, на Андриановой горѣ (№ 421).

Что касается до того, чѣмъ монастыри служили обществу — для отвѣта на этотъ вопросъ документы Сыскаго Приказа не даютъ достаточно ясныхъ свѣдѣній. Есть краткія указанія на то, что при нѣкоторыхъ монастыряхъ были богадѣленные дома, въ которыхъ призревались старыя и немощныя люди, разнаго рода увѣчные и слѣпые. Такая, напримѣръ, богадѣльня была при Ново-Спасскомъ монастырѣ, о которой имѣются въ дѣлахъ такого рода свѣдѣнія: стряпчій Ново-Спасскаго монастыря привелъ въ Сыскной Приказъ крестьянскаго сына монастырскаго вотчины Горшкова, 23 лѣтъ, по слѣпотѣ жившаго въ монастырскаго богадѣльнѣ, обвиняя его въ кражѣ у богадѣленнаго слѣпаго одного рубля и двухъ рублахъ. Горшковъ сознался только въ томъ, что ту кражу, по подводу его, совершилъ фабричный ученикъ Кириловъ, да онъ же обокралъ каменщикову жену Дмитріеву, которую Горшковъ зналъ „по знакомству такому, что она ходила въ ту богадѣльню для блуднаго воровства“ (№ 3794). Кто могъ поступать въ эти монастырскія богадѣльни: всякій ли членъ русскаго общества нуждающійся въ призреваніи, или только крестьяне и служебники того монастыря, отъ котораго была устроена и содержалась богадѣльня, — разъясненій на эти вопросы мы не встрѣтили въ дѣлахъ Сыскаго Приказа. Во-вторыхъ, при нѣкоторыхъ монастыряхъ были учреждены

школы для обученія юношества. Такъ напимѣрь, при Законоспасскомъ монастырѣ была славяно-греко-латинская школа, въ которой обучались по преимуществу дѣти духовенства. Эта школа была въ описываемое время важнымъ разсадникомъ просвѣщенія. Въ 1735 г. она именуется академіей. Такъ коллегія экономіи въ своей выпискѣ изъ дѣла объ ученикѣ Максимѣ Волковѣ говоритъ: „по поданному московской славяно-греко-латинской академіи ректора, Спасскаго училищнаго монастыря архимандрита Стефана Калиновскаго, доношенію“ и пр. (№ 324). Учащіеся назывались и просто учениками, и студентами. Такъ учитель іеромонахъ Давидъ Данилевичъ говоритъ въ своемъ отзывѣ: „марта 28-го дня 1735 г. пошелъ онъ, по врученному ему званію, для обученія студентовъ“ и пр. (Ів.). Учителями въ Законоспасской академіи были монахи и лица не посвященные еще въ священство. Академія дѣлилась на нѣсколько школъ: были тамъ — фара и ипѣма, русская школа; встрѣчаются названія: „школа третья, четвертая“ и пр. Такъ, тотъ же Давидъ Данилевичъ, утверждая, что ученикъ фары Волковъ сознался въ покражѣ у него пожитковъ, ссылается на свидѣтелей — „ученика русской школы Никифора Осипова да на учениковъ третьей школы Ивана Ершова и четвертой школы Ивана Узюрова“. Кромѣ поименованныхъ, были, безъ сомнѣнія, и другія школы, или классы, совокупность которыхъ и составляла академію. Мы считаемъ пужнымъ указать здѣсь на нѣкоторые обычаи, относящіеся ко внутренней жизни академіи. Студенты академіи были просто школьники, которые всецѣло подлежали патріархальной власти учителей и ректора. Дѣманшяя расправа со студентами была самая простая: провинившихся сѣкли розгами, плетью, иногда били и палицею по спинѣ, по бокамъ и по пяткамъ, били рукой по лицу, сажали въ хлѣбню [на „чѣпъ“ и пр. Затѣмъ былъ еще въ Законоспасской академіи и такой обычай: каждый учитель выбиралъ себѣ изъ студентовъ келейника, который долженъ былъ исполнять все послуги для учителя: топить печи, готовить кушанье и пр. Эти патріархальные обычаи хорошо рисуются въ слѣдующемъ прошеніи ученика фары Максима Волкова, сына Благовѣщенскаго собора придѣльнаго попа Прокопія, котораго выбралъ себѣ въ келейники учитель фары и ипѣмы іеромонахъ Давидъ Данилевичъ. „По указу Вашего Императорскаго Величества въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ въ латинской школѣ имѣлся я въ ученіи латинской школы“, писалъ въ Сенатъ ученикъ Волковъ, — „и въ 1735 г. марта 28-го числа, съ утра, въ школѣ учитель іеромонахъ Давидъ и я съ своею братією школьниками школьному обученію обучался безвыходно. И по школьному ученію онъ учитель Давидъ велѣлъ мнѣ идти и быть при келейныхъ сѣнѣхъ у печи для приготовленія кушанья. И по той послыскѣ изъ школы ходилъ я и у сѣнныхъ дверей чѣпъ сломлену усмотрѣлъ и обратно вскорости къ нему учителю въ школы приобѣжавъ сказать, и оный

учитель, изъ школы пришедъ въ келью свою, ничего мнѣ не сказывалъ. И послѣ того, по повелѣнію его учителя, школьными учениками Ивановъ Ершовымъ съ товарищи отведенъ я въ хлѣбную и держанъ въ чѣпи. И послѣ того передъ еомимономъ привели меня въ чѣпи къ архимандриту Стефану, у котораго и оный учитель былъ; и оный архимандритъ говорилъ мнѣ: „у учителя училися пролажа“. И на тѣ рѣчи я отвѣтствовалъ, что о пролажѣ отъ учителя не слышалъ и учился того дня въ школѣ съ нимъ безвыходно. И оный архимандритъ своею рукою записку писалъ на календарной страницѣ и велѣлъ мнѣ руку приложить. И тою записку просилъ я прочесть и за то оный архимандритъ ударилъ меня въ щеку и за волосы таскалъ и, взявъ у учителя Давида трость, билъ меня по спинѣ и по бокамъ смертнымъ боемъ и принуждалъ меня, чтобы руку приложилъ,—за которыми онаго архимандрита побоями, въ безпамятствѣ, не прочтя записи, руку приложилъ и отосланъ я на той же чѣпи въ хлѣбную за карауломъ. И того-жъ марта 29-го числа изъ хлѣбной оными школьниками, Ершовымъ съ товарищи, приведенъ я въ пустую палату къ префекту и учителю Давиду, и по повелѣнію ихъ префекта и учителя оными школьниками раздѣтъ я и лежачей держанъ и битъ я плетью смертными побоями по спинѣ и по бокамъ до крови, и допытывались—не имѣю ли я согласія со школьниками, которые посылаются на Уфу. И бивъ, оставили въ той же пустой палатѣ подъ карауломъ. И того-жъ числа, въ третьемъ часу ночи, оный префектъ и учитель, пришедъ пьянымъ обычаемъ въ пустую палату, велѣли тѣмъ же школьникамъ бить меня плетью, которые и били меня плетью смертными побоями до крови и потомъ розгами и палицею по пятамъ и принуждали подписаться“ и пр. Повѣренный Данилевича увѣрялъ на судѣ, что отвѣтчикъ Волковъ „наказываеъ розгами легостно“. Въ подтвержденіе своей жалобы на жестокіе побои Волковъ сослался на духовника, іеромонаха Іосифа, котораго оный позвалъ для исповѣди и причастія. Духовникъ, увидѣвъ его избитаго и не исповѣдавъ, пошелъ къ префекту и учителю и говорилъ имъ, что они били Волкова „непорядочными побоями“. На это префектъ и учитель сказали духовнику: „у насъ идутъ свои розыски, не его-де дѣло“ (№ 324). Такимъ образомъ начальство и учителя Заиконоспасской академіи исправляли студентовъ отечески, „легостно“. По дѣламъ Сыскаго Приказа не видно—въ какомъ объемѣ преподавались предметы въ монастырскихъ училищахъ и какіе это были предметы; но несомнѣнно то, что монастырскія школы давали духовенству и обществу грамотныхъ людей, а славяно-греко-латинская академія выпускала людей съ высшимъ образованіемъ. Лица, окончившіе курсъ въ этой академіи и принявшіе монашество составляли высшій, ученый элементъ въ монашествующей средѣ. Но эти лица, поступая въ монастыри, терялись въ темной массѣ тогдашняго мона-

шества, которое состояло все изъ простецовъ, не выдавшихъ никакой науки: нѣкоторые изъ монашествующей братіи знали читать и писать, а другіе чужды были и этой благодати. Нѣкоторые монастыри такія должности, какъ казначей, возлагали на людей не знавшихъ простой грамоты, слѣдовательно до такой степени мало было грамотной монашествующей братіи. Такой примѣръ былъ въ г. Вологдѣ, въ Галактіоновой пустыни, или Духовъ монастырѣ, гдѣ „по совѣту братскому“, избранъ былъ въ казначей сапожникъ монахъ Сергій, неграмотенъ, который обокралъ въ послѣдствіи монастырскую казну, похитилъ много серебряной церковной утвари и бѣжалъ (№ 357).

VI.

БѢЛОЕ ДУХОВЕНСТВО.

Замѣщеніе церковныхъ должностей. — Привилегіи. — Крѣпостные у духовныхъ лицъ. — Церковныя вотчины. — Источники доходовъ духовенства. — Участіе духовенства въ общественныхъ дѣлахъ. — Судъ и управленіе духовенства.

Бѣлое духовенство въ XVIII-мъ столѣтіи составляло особенное словіе съ кастическимъ характеромъ: должности священниковъ и діаконвъ занимали исключительно лица духовнаго происхожденія, — по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ Сыннаго Приказа мы не встрѣтили ни одного случая, когда священнослужительскую должность занимало бы лицо изъ другаго сословія; можетъ быть, эти случаи были, но они составляли исключеніе изъ общаго правила. Способы замѣщенія священно и церковно-служительскихъ должностей были въ то время очень разнообразны: или само духовное начальство выбирало и посылало въ приходы лицъ, достойныхъ занять ту или другую должность; или приходы переходили, по преемству, отъ отца къ дѣтямъ; нѣкоторыя лица просто покупали мѣста, — по крайней мѣрѣ такой способъ практиковался церковно-служителями. Такъ дьячокъ церкви Космы и Даміана, въ Москвѣ, сказалъ на допросѣ: „отецъ его служилъ на Тверской, у Арсенія чудотворца, а онъ тому другой годъ купилъ себѣ дьяческое мѣсто у Космы и Даміана на второй Кузнецкой улицѣ (№ 408, л. 43). А дьячокъ Никита Сидоровъ „купилъ себѣ 1743 г., въ Москвѣ, на Мясницкой улицѣ, у церкви Фрола и Лавра, дьячковское мѣсто той церкви у дьячка, который нынѣ посвященъ въ пона, за сорокъ за два рубля“ (№ 965, л. 13). Наконецъ, нѣкото-

рые приходы, въ особенности сельскія общины, сами выбирали себѣ лицъ для занятія священно-служительскихъ и причетническихъ должностей. Такъ поповъ сынъ Алексѣй Алексѣевъ заявилъ въ Смыкномъ Приказѣ при допросѣ, что онъ „желаетъ быть діакономъ и отъ міру имѣется у него о удостойствѣ его въ дьяконы заручная челобитная, токмо куда надлежитъ не подана за неимуществомъ его“ (№ 2718). Степанъ Алексѣевъ „былъ, по выбору города Костромы жителей, у собору Успенія Пресвятыя Богородицы во дьячкахъ два года“ (Прот. № 80, л. 145).

Будучи служителями церкви, поставленными руководить православныхъ христіанъ въ познаніи догматовъ вѣры и насаждать въ ихъ сердцахъ правила христіанскихъ добродѣтелей, священно-служители и несли только эту одну службу. Служить въ церкви—было ихъ единственнымъ назначеніемъ въ государствѣ, поэтому они освобождены были отъ всякихъ податей и сборовъ и какихъ-либо натуральныхъ повинностей на государство. Это было привилегіей духовенства. Но эта привилегія была личная, принадлежала только тѣмъ, которые посвящены были въ священно-служительскій чинъ. Дѣти священно-служителей имѣли только право на занятіе священническихъ и діаконыхъ должностей, въ силу своего духовнаго происхожденія, но вытекающими изъ этихъ должностей льготами совсѣмъ не пользовались. Дѣти поповъ платили подушныя подати и отбывали натуральныя повинности государству, наряду съ другими тяглецами. Такъ напри- мѣръ: сержантъ Родіонъ Лошкінъ, бывшій счетчикомъ въ банкѣ для дворянъ, показалъ: „уроженецъ онъ казанской губерніи, вятской провинціи, города Хлынова, села Полнискаго, церкви Николая чудотворца поповъ сынъ и въ 1737 г. отданъ въ солдаты“ (№ 3662, л. 3). Такими же тяглецами, въ описываемое нами время, были и всѣ церковно-служители. Дьячковъ сынъ Иванъ Вершилинъ, напри- мѣръ, показалъ: „отецъ его московскаго уѣзду вотчины Высоко-Петровскаго монастыря, села Воскресенскаго, Битягово тожъ, при той церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ, за которымъ монастыремъ въ томъ селѣ, какъ отецъ его, такъ и онъ въ подушномъ окладѣ написаны и оныя подушныя деньги платятъ повсягодно“ (№ 965). Церковникъ погоста Николая чудотворца, что на Мерской, Афанасій Ивановъ „въ подушномъ окладѣ написанъ былъ при той церкви и платежемъ положенъ на коломенской трехбаталіонный полкъ“ (Пр. № 113, л. 154). Такъ же какъ и подушныя подати, церковнослужители отбывали государству и натуральныя повинности, напри- мѣръ, рекрутство. Дьячокъ Михайла Ивановъ сказкой показалъ: „Сергѣя Алексѣева онъ знаетъ, потому что онъ ему племянникъ, которой напередъ сего былъ московскаго уѣзду вотчины князя Черкаскаго, села Городницъ, при церкви пономаремъ, а въ 1735 г. оный Сергѣй съ прочими церковниками изъ того села взятъ въ солдаты“ (№ 494, л. 94).

Священно и церковно-служители въ то время пользовались правомъ имѣть крѣпостныхъ. Напримѣръ: дьячокъ Яковъ Вельтищевъ, веневскаго уѣзда, села Юдина, доносилъ, что „того села попъ Максимъ Борисовъ держалъ въ своемъ домѣ пришлого бѣглаго челоуѣка Ивана Ѳедорова, который жилъ у него лѣтъ съ восемь, и жепилъ его на своей домашней крѣпостной дѣвкѣ“ (Прот. № 70, л. 79). Дьячокъ церкви Космы и Даміана, въ Москвѣ, билъ челомъ въ Сѣскномъ Приказѣ, что „крѣпостной его крестьянскій сынъ Петръ Якимовъ, покравъ пожитки, бѣжалъ“ (Прот. № 111, л. 400). Слѣдовательно такое право присвоено было всемъ лицамъ духовнаго проихожденія. Духовенство владѣло и вотчинами, населенными крестьянами. Въ описываемое нами время нѣкоторыя церкви, въ особенности столичныя и городскія, владѣли вотчинами. Эти-то вотчины и были въ пользованіи духовенства. Онѣ дробились на „дѣли“ или „подѣли“, сообразно чинамъ духовенства: протопопамъ выдѣлялась большая дѣля, простымъ попамъ, служащимъ въ одной церкви съ протопопами, меньше: дьяконамъ — еще меньше и т. д. Эти дѣли такъ и переходили въ пользованіе отъ одного лица къ другому, заступавшему мѣсто перваго. Напримѣръ: въ Сѣскномъ Приказѣ разматривалось въ 1738 г. дѣло „крестьянина Благовѣщенскаго собора, что въ Москвѣ, бывшаго протопопа Ивана Семенова, которой вотчиной послѣ него владѣеть протопопъ же Петръ Григорьевъ“ (№ 407, л. 9). „Слушано дѣло о колодникѣ Благовѣщенскаго собора подѣли ключаря Ермолая Яковлева, московскаго уѣзду, деревни Сысоевой, о крестьянинѣ Андронѣ Перфильевѣ: нанялся онъ везти изъ Москвы города Серпухова посадскихъ людей до города Керенска и далъ по себѣ поруку Сысоя Лазарева, чтобъ везти ихъ въ добромъ здоровьи. Въ Керенскѣ остановились на дворѣ посадекаго челоуѣка, да на томъ же дворѣ стояли вотчины Благовѣщенскаго собору Керенскаго уѣзду села Большой Ижморя подѣли дьякона Кондратя Иванова крестьяне“ и проч. (Прот. № 77, л. 11). Такимъ образомъ у Благовѣщенскаго собора были вотчины не только въ московской провинціи, но и въ другихъ мѣстахъ, далеко отъ Москвы. У бѣлаго священства были еще другаго рода крѣпостные — приписанные къ церквамъ изъ платежа подушныхъ денегъ. По бывшимъ ревизіямъ, правительство положило въ подушный окладъ всехъ церковниковъ, дѣтей духовенства, не состоящихъ на службѣ и всякихъ праздношатающихся людей. Нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, въ томъ числѣ и причетниковъ, оно записало за помѣщиками, какъ это видно изъ указа правительствующаго сената Сѣскному Приказу, въ которомъ говорится: „по многимъ приговорамъ правительствующаго сената, разныхъ городовъ дьячкамъ въ подачѣ ея императорскому величеству челобитенъ о выключеніи ихъ изъ-за помѣщиковъ и изъ подушнаго оклада запрещено“ (Прот. № 81, л. 130); другіе же изъ положенныхъ въ подуш-

ный окладъ лицъ приписаны были къ церквамъ (Прот. № 113, л. 154). Были случаи, что нѣкоторые изъ платежа подушныхъ денегъ приписаны были даже къ причетникамъ. Эти-то лица и составляли крѣпостныхъ духовенства. Но оно имѣло ихъ только до 1744 года. Въ этомъ году, декабря 13-го, состоялся указъ правительствующаго сената, которымъ велѣно: „оныхъ написанныхъ въ прежнюю перепись за протопопами и попами и прочими причетники изъ-за нихъ выключать и приписывать тѣхъ сель или за другихъ ближнихъ отъ тѣхъ мѣстъ помѣщиковъ, за кѣмъ они быть пожелаютъ. Которые-жъ изъ таковыхъ написанныхъ за протопопами, попами и причетники пожелаютъ въ купечество и цехи, и оныхъ магистраты и ратуши, по ихъ промысламъ и ремесламъ, принять пожелаютъ же, таковыхъ приписывать къ купечеству цѣлыми семьями, а выборомъ изъ нихъ годныхъ въ купечество и цехи не имать, дабы оставшіе затѣмъ престарѣлые, которыхъ и помѣщики никто изъ платежа подушныхъ денегъ не возьмутъ, безъ положенія не остались. Буде же коихъ магистраты и ратуши не примутъ, а помѣщика, за кѣмъ они быть желаютъ, сами они не объявятъ, таковыхъ, по силѣ инструкціи, приписывать къ тѣмъ или другимъ ближнимъ селамъ и деревнямъ цѣлыми семьями, кто ихъ изъ платежа подушныхъ денегъ взять пожелаетъ“ (№ 3407).

Главнымъ источникомъ содержанія духовенства и самымъ богатымъ были, безъ сомнѣнія, церковныя вотчины и „вкладные дома.“ Кромѣ нихъ, духовенство пользовалось добровольными дачами прихожанъ за разныя требы церковныя: за вѣчаніе, за исповѣдь и причастіе, похороны и пр (№ 5095) Въ церковные праздники священники ходили „со святыней.“ Городское духовенство ходило въ эти праздники не только къ своимъ прихожанамъ, но къ людямъ и другихъ приходоѡ. Напримѣръ: дьяконъ церкви Космы и Даміана, въ Москвѣ, показалъ, что онъ „крестьянина Михайлова знаетъ, потому что къ нему хаживали со святыней, ибо попу той церкви оной крестьянинъ сынъ духовной, а не прихожанинъ (№ 408 л. 20)“. Нѣкоторое духовенство имѣло обычай еще ходить по прихожанамъ „для поклона.“ Такъ Нестеръ Ивановъ, поповъ сынъ, сторожъ при церкви Николая Чудотворца, говорилъ на допросѣ, между прочимъ, что въ воскресный день ходилъ онъ той церкви съ викарнымъ попомъ да съ дьякомъ по приходскимъ людямъ для поклона, у которыхъ напился пьянъ“ (№ 1764, л. 4). Городское духовенство въ имущественномъ отношеніи было состоятельнѣе сельскаго, потому что пользовалось и доходами съ приписныхъ къ церквамъ вотчинъ, и большими доходами съ прихожанъ. Сельское же духовенство не пользовалось особеннымъ благосостояніемъ. Въ подтвержденіе приведемъ свѣдѣнія объ имуществѣ сельскаго попа. Напримѣръ, у попа, коломенскаго уѣзда, села Гвоздни покрадены пожитки: коровья сосновая небольшая, въ коей

было пожитковъ—крашенины свѣтлой два аршина, потемнѣй одинъ аршинъ; шубка женская крашенинная, подложена бѣлой холстиной, синяя съ пуговицами мѣдными, изъ которыхъ у подола нѣтъ шести пуговицъ, подолъ опушенъ покроемъ зеленою; холста льняного тонкаго три аршина; два клубка небольшихъ—одинъ сѣрой пряжи суконной, другой синей портяной несученой; еще два клубка—одинъ синей нитокъ сученыхъ, второй красной несученой, въ немъ игла; три цѣвки бѣлыя портяной, два мотка бѣлыя-жъ спутанные; платокъ шитой по концамъ бумагою красною и кружева; рубашка женская черная небольшая; два покрома—зеленой и красной; платокъ ветхой по концамъ съ бумагою; платокъ бѣлой весь; портки маленькіе ветхіе, поясъ шерстяной красной; косникъ дѣвичей, полотенце льняное, по концамъ въ два ряда кружево; холстовъ небольшіе концы—льняного ровного 4 ар., льняного посуровѣй—3 ар., льняного побѣлѣй—2 ар., льняного тонкаго 3 ар.; полотенце льняное, по концамъ въ два ряда красною бумагою; рубашка крестьянская мужская льняная ровная съ пуговицей мѣдной; рукавъ рубашки ветхой съ бумагою красной (№ 4769).

Сельское духовенство жило крестьянскою жизнью и совершенно сливалось съ крестьянской общиной, такъ что было необходимымъ членомъ ея. Во многихъ вотчинахъ, когда собиралась мірская сходка по какому-нибудь дѣлу, то призывали на нее и духовенство (№ № 3870, 5739). Всѣ „покормежныя письма,“ выдаваемые крестьянской общиной своему сочлену, свидѣтельствовались приходскимъ священникомъ—его рукоприкладствомъ. И эти письма имѣли законную силу: съ ними крестьяне вездѣ принимались въ работу и пропускались на околицахъ и заставахъ. Крестьянинъ Ларивонъ Ивановъ сказывалъ, что онъ „простою своею отъ имени того села Бибирева прикащика покормежное письмо написалъ и къ тому письму вмѣсто тогожъ села попа подписался“ (Прот. № 86, л. 85). Иногда сельскіе священники прикладывали руки къ покормежнымъ письмамъ за старосту; такое письмо заканчивалось, напримѣръ, такой формой: „письмо писалъ церковной дьячокъ Василій Тихоновъ. Къ сему покормежному письму церкви Николая Чудотворца попъ Тихонъ Кондратьевъ, вмѣсто старосты по его велѣнію, руку приложилъ“ (№ 8, л. 12). Священники свидѣтельствовали также нравственныя качества своихъ прихожанъ и это свидѣтельство принималось на судѣ какъ доказательство благонадежности или недоброкачества лица. Судъ нерѣдко обращался къ духовенству за сказкой о лицахъ, находящихся подъ судомъ. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа встрѣчаются, напримѣръ, такія сказки и одобренія отъ духовенства: „и въ одобреніи того крестьянина подписался оного приходу попъ“ (№ 2388, л. 2). При обыскахъ о какомъ-нибудь подсудимомъ духовенство всегда являлось свидѣтелемъ. Напримѣръ: „во обыску написано: по Евангельской заповѣди Господни и

подъ страхомъ смертныя казни порознь города Дмитрова священникъ и причетники..... сказали, что оногo Дмитрова кушцовъ (имена) знаютъ „и что они добрые люди и ни въ какихъ подозрѣнiяхъ не были“ (№ 2382. л. 7). Священники въ иныхъ случаяхъ были даже отвѣтчиками за членовъ сельской общины. Напримѣръ: если доѣздъ не находилъ въ вотчинѣ людей, которыхъ требовалъ судъ, то въ сыску ихъ онъ бралъ иногда пона. Напримѣръ: „посланнымъ доѣздомъ показано, что воровскихъ людей въ той вотчинѣ не излѣхали, а въ сыску взяли того села пона и четырехъ крестьянъ,“ говорится въ одномъ дѣлѣ (Прот. № 84, л. 47). Сельскiй священникъ представлялъ собою иногда что-то въ родѣ полицейскаго начальства, административной власти. О какомъ нибудь происшествiи въ сельской общинѣ, напримѣръ, объ убiйствѣ, о мертвомъ тѣлѣ и пр., мiръ объявлялъ священнику и звалъ его для осмотра. И священники исполняли требованiе мiра. Такъ крестьяне Ладыгинныхъ объявили въ полицiймейстерской канцелярiи: „сосѣда ихъ помѣщика Протасова староста о томъ мертвомъ тѣлѣ объявилъ попу Афанасью Антипову, а потомъ и помѣщиковъ ихъ Ладыгинныхъ сельца Мошоки староста пошелъ, о томъ же мертвомъ тѣлѣ объявилъ тому же попу. И по тому объявленiю, прiѣхавъ оной попъ и съ сыномъ своимъ дьякономъ въ то ихъ сельцо Мошоку, оное мертвое тѣло осматривалъ и велѣлъ обмывши положить въ гробъ и везти въ Москву для объявленiя въ губернской канцелярiи (№ 2, л. 7). Участвуя въ сельской общинѣ въ качествѣ лицъ первыхъ, такъ сказать, начальства, сельское духовенство, въ тоже время, подчинялось распоряженiямъ сельскаго мiра, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ принималъ противъ духовенства полицiйскiя мѣры: бралъ подъ арестъ и даже наказывалъ на мiрскомъ сходѣ. Такъ напримѣръ, села Волосова, вотчины Желябужскаго, козловскаго уѣзда, „попъ приличился во многихъ непотребствахъ не по сану священства: похвалялся испортить брата своего и зятя, которые жаловались мiру; въ которыхъ похвальныхъ словахъ онаго села прикащикъ взялъ того села пона подъ караулъ на помѣщичiй дворъ“ (Прот. № 100, л. 41). Веневскаго уѣзда села Юдина, вотчины князя Долгорукова, дьячокъ Яковъ Вельтищевъ доносилъ, что священникъ Максимъ Борисовъ „опасая себя отъ перепищиковъ за бѣглого работника платежа и штрафа и умывивъ съ шурипомъ своимъ, велѣлъ тому работнику сушить овинъ и дождался почнаго времени, тотъ свой овинъ зажегъ парочно. А тотъ-де работникъ былъ въ то время подъ овиномъ. Стали кричать о пожарѣ конюхъ и крестьяне и видѣли того работника около одонья обгорѣлаго. Прибѣжали попъ съ шуриномъ съ топорами и убивъ работника, бросили въ огонь подъ овинъ. Объ этомъ прикащику Родивиллову и старостѣ съ мiрскими людьми извѣщали. И по тому извѣсту оной прикащикъ оногo пона посадилъ подъ караулъ и держалъ трои сутки и, взявъ съ него пона великiя взятки, изъ-подъ

караула свободилъ; а о томъ смертномъ убивствѣ дѣла не произвелъ и въ городъ записки не учинилъ. И послѣ того ему дьячку и всеѣмъ сродникомъ его прикащикъ угроживалъ, чтобъ о томъ никому не извѣщали, а если онъ прикащикъ увѣдаетъ — какое слово пройдетъ и за то приметъ отъ него прикащика наказаніе“ (Прот. № 70, л. 79). Дьячокъ села Покрова говорилъ на допросѣ, „что онъ на дву человекъ на крестьянъ непристойными словами покленалъ напрасно, по злобѣ, что били его на мірекомъ сходѣ батоги“ (Прот. № 12, л. 118). Въ крѣпостныхъ вотчинахъ, кромѣ того, духовенство было въ полномъ распоряженіи у помѣщиковъ. Такъ Переславля Затѣскаго, вотчины разныхъ помѣщиковъ села Зиновьева, церковный дьячокъ Яковъ Григорьевъ показалъ на судѣ: „тому нынѣ года три приходилъ онъ въ Москву того жъ села Зиновьева къ помѣщику, къ майору Степану Андрееву Шенелеву для прошенія означеннаго села на попу объ обидѣ во изгнаніи его отъ церкви“ (Прот. № 102, л. 89). Дьячокъ искалъ суда не у духовной власти, а у помѣщика. Иногда слѣдствія по проступкамъ и преступленіямъ духовныхъ лицъ помѣщики производили сами и допрашивали священниковъ съ пристрастіемъ (Прот. № 100, л. 41). Нѣкоторые помѣщики приказывали сельскимъ священникамъ исправлять ихъ порученія и являться даже въ свѣтскіе суды для разныхъ дѣлъ. Такъ княгиня Кантемірова писала своему бурмистру въ село Ижевское: „по сему нашему указу ѣхать бы тебѣ, бурмистръ, съ попомъ Иларіономъ въ Переяславль Рязанскій подать явочное челобитье въ побѣгѣ крестьянъ Ивана Копька да Ефима Шекунова немедленно и съ того челобитья прислать копію; такожь которыя на прикащика графскаго Андрея Васильева и на крестьянъ, прислать точныя копіи потомужъ, и прежнія челобитныя отыскать и прислать немедленно намъ; а явочныя подать заднимъ числомъ и о томъ просить у Епифана Семеновича Суворова, чтобы онъ не оставилъ“ (№ 1826). Попъ Иларіонъ пужень былъ, чтобы ѣхать въ городъ съ бурмистромъ, только въ качествѣ письмоводителя: онъ долженъ былъ, вѣроятно, и челобитье сочинить и затѣмъ списать копіи съ бумагъ, которыя требовала къ себѣ Кантемірова. И попъ Иларіонъ долженъ былъ ѣхать — отговариваться нельзя было; указъ Кантеміровой бурмистру говоритъ категорически: „ѣхать бы тебѣ, бурмистръ, съ попомъ Иларіономъ“ Въ этомъ указѣ выражено прямое повелѣніе попу ѣхать въ городъ. Кантемірова не сочла даже нужнымъ обратиться съ просьбой или приказаніемъ къ самому попу, а сдѣлала распоряженіе объ этомъ чрезъ своего бурмистра. Изъ этого само собою вытекаетъ заключеніе, что Кантемірова смотрѣла на попу, какъ на своего крѣпостнаго, который обязанъ былъ исполнять приказанія ея, какъ своей госпожи. Такимъ образомъ сельское духовенство de facto было въ зависимости отъ вотчинниковъ и сливалось въ этомъ отношеніи съ подвластной властью сельской общины.

Все духовенство судомъ и управленіемъ подлежало своему духовному начальству. Высшую инстанцію духовнаго управления и суда составлялъ свѣтѣйшій правительствующій синодъ. Затѣмъ все духовное вѣдомство дѣлилось на епархіи; въ каждой изъ нихъ во главѣ духовенства стоялъ архіерей, которому тянуло судомъ и расправой все духовенство той епархіи. Для дѣлопроизводства при архіереяхъ существовали „аріерейскіе дома“, — домашнія, такъ сказать, архіерейскія консисторіи, и бумаги исходящія писались „изъ архіерейскаго дому“. Напримѣръ: „изъ коломенскаго архіерейскаго дому показано“ и пр. (Прот. № 85, л. 51). Епархія, въ свою очередь, дѣлилась на уѣздныя управления, центрами которыхъ были уѣздный городъ и пригороды. Протопопъ города управлялъ, вѣроятно, духовенствомъ всѣхъ пригородовъ, входящихъ въ составъ уѣзда. Такъ распопа Михайла Афанасьевъ, который держался въ Сыскномъ Приказѣ „въ сказываніи за собою слова и дѣла, говорилъ на допросѣ: 1731 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ, симбирскаго уѣзда, пригородка Корсуни, протопопъ Григорій Яковлевъ, не знаемо для чего, запечаталъ церковь, въ которой онъ имѣлъ служеніе. И приходскіе люди села Дмитріевскаго требовали отъ него, по какому указу оную церковь запечаталъ. И онъ протопопъ имъ сказалъ, что ту церковь запечаталъ онъ для того, будто за нимъ Афанасьевымъ имѣется важное ея императорскаго величества дѣло и будто онъ Афанасьевъ о вѣрности ея императорскому величеству и у присяги не былъ. А онъ Афанасьевъ у присяги былъ. Да онъ же протопопъ, въ то время, когда надлежитъ о здравіи ея императорскаго величества отправлять молебное пѣніе, о томъ, по обыкновенію ихъ, повѣстки ему Афанасьеву не присылавать, также и формы о возношеніи титула и имени ея императорскаго величества ему не давалъ. А вѣдомства означеннаго протопопа въ другихъ церквяхъ у поповъ объ оной формѣ да иныя отъ него протопопа имѣлись, за которыя-де при отдачѣ тѣхъ формъ онъ протопопъ бралъ взятки деньгами и прочимъ“ (Прот. № 85, л. 24). Уѣздныя духовныя управления, съ протопопомъ во главѣ, имѣли канцеляріи. Тотъ же распопа Афанасьевъ заявлялъ, что „онъ же протопопъ присылалъ къ нему незнаемо какого подьячаго, будто съ указомъ, и тотъ де-подьячій объявлялъ ему Афанасьеву, якобы велѣно ему Афанасьеву за блудное дѣло отсѣчь голову, а тѣло сжечь“ (ibid). Протопопы, безъ сомнѣнія, имѣли только административную власть, но не судебную. Первую инстанцію духовнаго суда составляли архіерейскіе дома, а въ Москвѣ — дикастерія. На рѣшенія этихъ мѣстъ духовенство апеллировало въ свѣтѣйшій синодъ. И на свѣтѣйшій синодъ, вѣроятно, можно было апеллировать. Подтвержденіемъ этого можетъ служить дѣло о пѣкоемъ Иванѣ Васильевѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „да онъ же Васильевъ, не бивъ челомъ въ свѣтѣйшемъ правительствующемъ синодѣ, марта 14 дня 1729 г., въ верховный тайный

совѣтъ подалъ прошеніе, и за ту его продерзость учинено наказаніе плетью“ (Прот. № 85, л. 35). Изъ дѣла видно, что Афанасьевъ наказанъ за то, что обратился съ жалобой прямо въ верховный тайный совѣтъ, минуя святѣйшій синодъ, не соблюлъ, значитъ, инстанціи по суду. Слѣдовательно, если бы онъ подалъ жалобу сначала въ святѣйшій синодъ, то, въ случаѣ неправильнаго рѣшенія послѣдняго, могъ бы обратиться съ жалобой въ верховный тайный совѣтъ, куда обращались съ кассацией на рѣшенія всѣхъ судебныхъ и административныхъ учреждений. По всѣмъ преступленіямъ, относящимся до религіи и церкви, духовная власть сама опредѣляла наказаніе, безъ участія свѣтскаго суда. Такъ напримѣръ: на того же Васильева „изъ коломенскаго архіерейскаго дому показано (въ святѣйшій синодъ) въ исканіи травы, отъ которой замки срываются, и въ другихъ его воровствахъ“, за что, по опредѣленію синода, Васильевъ посланъ „въ каширскую архіерейскую вотчину въ вѣчную работу“ (Прот. № 85, л. 51). Предварительное слѣдствіе по всѣмъ дѣламъ о духовенствѣ производилъ духовный судъ, и когда обвиняемое лицо доходило до пытки, то оно отсылалось къ свѣтскому суду. Съ этого момента съ лица снимался духовный санъ. Въ протоколѣ о распопѣ Михаилѣ Афанасьевѣ говорится: „о спатрахильныхъ грамотахъ, послѣ присланнаго изъ святѣйшаго правительствующаго синода указу, показаннаго распопу Михайлу Афанасьева пытать и при пыткѣ спрашивать, гдѣ онъ подлинно спатрахильныя грамоты взялъ“ (Прот. № 85, л. 26). Изъ дѣла видно, что Афанасьевъ сталъ распопой съ того только момента, когда духовный судъ рѣшилъ отослать его къ свѣтскому. Всѣ церковно-служители и дѣти священно-служителей, какъ не духовные, судились въ свѣтскихъ судахъ. Это правило, впрочемъ, вошло въ дѣйствіе, вѣроятно, только съ 1744 г. Въ этомъ году состоялся указъ, по которому „церковныхъ причетниковъ, не священническаго чина по оговорамъ въ воровствахъ велѣно въ свѣтскихъ судахъ слѣдовать“ (№ 3856, л. 37). Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда духовное лицо отсылалось для розысковъ къ свѣтскому суду, этотъ послѣдній, смотря по виновности подсудимаго, самъ уже опредѣлялъ ему наказаніе и о своемъ рѣшеніи только сообщалъ духовному вѣдомству (№ 363).

VII.

КРЕСТЬЯНЕ.

Крестьянская община.—Общинное пользованіе землей.—Судебно-сыскныя и полицейскія обязанности селской общины.—Старосты, выборные, сотскіе, десятскіе и пятидесятскіе какъ представители вотчиннаго и полицейскаго управленія въ общинѣ.—Государственные налоги и сборы съ крестьянъ — Повинности натуральныя. — Сборы на вотчинниковъ.—Барщинскія работы и обязанности крестьянъ. — Промыслы и ремесла. — Семья.

Крестьяне въ описываемое нами время всё были крѣпостными людьми дворянъ, монастырей, казны и пр. Въ предыдущихъ главахъ, въ особенности въ главѣ „о дворянахъ“, мы сказали объ отсутствіи у крестьянъ всякихъ правъ—личныхъ и имущественныхъ; поэтому въ настоящей главѣ мы не будемъ уже касаться этого предмета. Здѣсь мы обратимъ вниманіе на соціально-бытовыя черты крестьянской жизни: характеръ крѣпостной общины, ея судебно-сыскныя и полицейскія обязанности, государственныя повинности и сборы съ крестьянъ: оброки, сборы и барщинскія работы на владѣльцевъ, наконецъ нѣкоторыя особенности крестьянской семейной жизни.

Общинное начало, изстари присущее русскому народу, крестьяне-землевладѣльцы пронесли чрезъ всю исторію и сохранили до нашихъ временъ. Казалось бы, закрѣпощеніе крестьянъ должно было подрить и уничтожить это начало; однако оно не утратилось и въ періодъ крѣпостничества. Безъ сомнѣнія, крѣпостная община много разнилась отъ вольно-народной. Эта послѣдняя была самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, съ правами собственной расправы и суда въ своихъ предѣлахъ. Надъ ней не было другой власти, кромѣ государственной. Въ другомъ положеніи очутилась крѣпостная община. Самымъ актомъ прикрѣпленія крестьянъ создано отрицаніе самостоятельной крестьянской общины и принадлежащихъ ей правъ самоуправленія и суда. Помѣщикъ не могъ допустить, чтобы его крѣпостные властію своего самоуправления и суда ограничивали его желанія и требованія. Крѣпостная община должна была сдѣлаться послушнымъ и безгласнымъ исполнителемъ воли владѣльца и потому сохранила только фізіономію вольно-народной. Пространство ея стало ограничиваться вотчиной: каждое село и деревня, принадлежащія владѣльцу, образовали отдѣльную общину. Часто въ одномъ селѣ, принадлежавшемъ нѣсколькимъ владѣльцамъ, было нѣсколько общинъ, именно столько, сколько въ немъ было владѣльцевъ; и каждая изъ нихъ часто имѣла свою, отличную отъ другихъ, форму управленія. Вся жизнь общины стала регулироваться по волѣ вотчинника. Отличительныя черты крѣпостной общины были слѣдующія:

1) Крестьянскій міръ имѣлъ въ общественномъ пользованіи землю. Владѣлецъ выдѣлялъ изъ своего имѣнія участокъ прямо на всѣхъ своихъ крестьянъ, а не для каждаго тягла отдѣльно. Свѣдѣній, подтверждающихъ это положеніе, встрѣчается много въ дѣлахъ Сыскаго Приказа. Такъ на примѣръ: въ приказѣ производилось дѣло о вооруженномъ столкновеніи крестьянъ двухъ дворцовыхъ деревень — Аришиной и Мининой. Изъ слѣдствія выяснилось, что столкновеніе это произошло изъ-за приписныхъ къ ихъ деревнямъ земель: вотчинное управленіе сначала отвело одну пустошь въ пользованіе всѣхъ крестьянъ деревни Аришиной; а на другой годъ велѣло ее приписать къ деревнѣ Мининой; Аришину же велѣло удовлетворять землею другихъ деревень (№ 2065). Такое же столкновеніе произошло между крестьянами Бестужева, села Рождественскаго, и крестьянами села Софьина. Крестьяне Бестужева говорили, что софьинскіе крестьяне сдѣлали наѣздъ не на помѣщичьи, а на ихъ крестьянскіе луга, принадлежащіе всѣмъ крестьянамъ села Рождественскаго (№ 4405). Архіерейскій крестьянинъ Павловъ подавалъ, по мірекому приговору, челобитье о завладѣніи деревенской землей (№ 496). Синодальный крестьянинъ села Зыкова говорилъ на судѣ, что у нихъ есть мірекая роща, которую они заповѣдали для своихъ крестьянскихъ нуждъ (№ 14). Крестьяне деревни Соболей, принадлежавшей графу Головину, говорили, что крестьяне того же Головина, села Скопина, „пришли на землю, которая дана отъ господина ихъ крестьянамъ ихъ деревни Соболей на пашню, и ту землю насильствомъ стали пахать“ (№ 2386). Эти выписки достаточно объясняютъ, что крестьяне пользовались землей, лугами и разными угодьями сообща. Затѣмъ община дѣлила пахатную землю на участки, по числу наличныхъ тяголь. Каждый тягольный членъ общины получалъ участокъ по жеребью. Поэтому крестьяне того времени говорили всегда: села онъ такого-то „и сидитъ въ томъ селѣ на своемъ крестьянскомъ жеребьѣ“ (№№ 112, 2102 и пр.). Что касается до луговъ, то пользованіе ими было различно: или крестьяне всѣ сообща косили луга и послѣ дѣлили сѣно „на пан“, или ежегодно дѣлили ихъ на жеребьи, и тогда каждый самъ косилъ доставшійся ему участокъ (№ 3775).

2) Изъ права пользованія землей сообща для крѣпостной общины само собою вытекало право судить своихъ членовъ и распоряжаться ими. Право это со стороны общины выражалось: а) въ наблюденіи за поведеніемъ своихъ членовъ. Она слѣдила, чтобы члены ея не наносили ей имущественнаго вреда частыми побѣгами, отлучками, поджогами и пр., или вреда нравственнаго — пьянствомъ, развратомъ, непослушаніемъ и пр. Всѣхъ членовъ, замѣченныхъ въ разныхъ непорядочныхъ дѣяніяхъ, община или стремилась исправить посредствомъ наказаній или совѣмъ выключить, „отъявить“ изъ своего общества. Своё рѣшеніе община приводила въ исполненіе или своею властію,

или жаловалась по начальству — вотчинной и правительственной властямъ. Крестьяне Троицко-Сергіевой лавры, напримѣръ, жаловались властямъ на своего односельца Лобозова, что „онъ и жена его бѣжали изъ той ихъ деревни, а въ городъ Суздаль по ихъ воровствамъ отъ оговорныхъ изъ той вотчины взяты и держаны были правые крестьяне, отчего учинились той вотчинѣ не малые убытки. И впредь оной Лобозовъ похваляется учинить той вотчины крестьяномъ вѣщніе убытки, а жена его хвалится: „я-де не такъ, что мой мужъ, но и бѣльшіе учиню той вотчинѣ убытки“. На основаніи такой жалобы всѣхъ крестьянъ, монастырскія власти просили тайную контору, гдѣ судился Лобозовъ съ женой: „ежели Лобозовъ съ женой будутъ освобождены, то они для того монастыря не надобны въ отчину“ (№ 396). Прикащикъ Безобразова и всѣ крестьяне жаловались на своего сочлена, что „онъ живетъ непорядочно, никого не слушаетъ, чинитъ противности, часто отлучается и часто пьянствуетъ“ (№ 2396). Дворцовой деревни Котурова крестьянинъ Алексѣй Петровъ, по побѣгѣ „за непорядочные поступки отъ той деревни отъ крестьянъ отъявлецъ“ (№№ 1295, 4746). Изъ права сельской общины наблюдать за поведеніемъ своихъ сочленовъ само собою вытекала обязанность слѣдить за отлучками ихъ изъ вотчины. У общины былъ обычай, чтобы члены ея отлучались изъ вотчины не иначе, какъ съ ея позволенія: въ своихъ показаніяхъ въ Сыскномъ Приказѣ крестьяне нерѣдко выражаются такъ о своихъ отлучкахъ изъ вотчинъ: „отлучился онъ безъ вѣдома старосты и прочихъ крестьянъ“, или „отлучился онъ съ вѣдома старосты съ крестьяны“. Были случаи, что прикащики даже иногда заявляли міру о своей отлучкѣ изъ вотчины (№ 1659). На этомъ основаніи и покормежныя письма крестьянамъ выдавались съ согласія всего міра „отъ старосты со крестьяны“ (№ 3326 и пр.).

3) На крѣпостной общинѣ лежали судебно-сыскныя и полицейскія обязанности. Эти обязанности можно подвести подъ слѣдующія рубрики: а) міръ крѣпостной общины принималъ отъ своихъ сочленовъ и отъ постороннихъ лицъ заявленія о преступленіяхъ и проступкахъ, совершавшихся въ районѣ общины или по сосѣдству, — напримѣръ: о лѣсныхъ порубкахъ, о наѣздахъ наряднымъ дѣломъ, о кражахъ, грабежахъ, убійствахъ, о найденныхъ мертвыхъ тѣлахъ и пр. Свѣдѣній по этому предмету въ дѣлахъ Сыскаго Приказа весьма много. Для примѣра приведемъ нѣсколько. Такъ: церковный сторожъ на принужденіе попа жалуется „приходскимъ людямъ“ (№ 4098). Пятнадцать человекъ вооруженныхъ крестьянъ пришли „на мірской сходъ“ и заявили о совершенномъ ими убійствѣ своего помещика (№ 4825). Крестьянка заявляетъ „старостѣ и всѣмъ крестьяномъ“ своего села, что воровскіе люди увезли ея мужа въ лѣсъ (№ 4088). Крестьянскій сынъ Антонъ заявляетъ старостамъ, выборнымъ

и все́мъ крестьянамъ своего села объ убійствѣ имъ своего отца (№ 1211). Лѣсной сторожъ заявилъ старостѣ и крестьянамъ своей деревни о порубкѣ лѣса воровскими людьми и объ отнятїи топора (№ 4201). Изъ этихъ выписокъ видно, что заявленія о преступленїяхъ и проступкахъ дѣлались все́мъ крестьянамъ, или, какъ говорилось, старостѣ со крестьяны. Есть также указанія и на то, что если заявленіе дѣлалось начальствующему въ общинѣ лицу, то это послѣднее переносило заявленіе на міръ и собирало по этому случаю сходъ (№ 5254). Были, впрочемъ, случаи, когда начальствующее лицо, не сообщая сдѣланныхъ ему заявленій все́мъ крестьянамъ, само принимало надлежащія мѣры по заявленію. Такъ староста села Крїжей, извѣстившись, что крестьянинъ, его односелецъ, купилъ холсты завѣдомо краденые и не объявилъ о томъ „ни ему старостѣ, ни крестьяномъ“, билъ его батогами (№ 152). б) Какъ скоро крестьянская община получала свѣдѣніе о преступленїяхъ и проступкахъ, она тотчасъ принимала мѣры для сыска и поимки виновныхъ. Напримѣръ: на домъ крестьянина дворцовой гжелской волости, присуда села Измайлова, Успенской половины, деревни Глѣбовой, напали воровскіе люди, обворовали его и при этомъ крестьянину чинили побои. Крестьянинъ тотчасъ заявилъ объ этомъ сотскому Гребневу и просилъ его „о чиненїи ему помощи для поимки воровъ“. Гребневъ, вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ, сейчасъ же пошелъ къ сотскому деревни Егорьевской, Красноперову, для заявленія о совершившемся преступленїи и требовалъ „общаго за тѣми воровскими людьми въ погоню крестьянъ наряда“. Красноперовъ тою же ночью пошелъ для наряда крестьянъ своего вѣдомства. „И по близости ихъ жительства оба сотскіе нарядили для погони разныхъ деревень десятискихъ и рядовыхъ крестьянъ человекъ сотъ до двухъ и, собравшись все́ обще, по проводу объявителя, ходили проселочными дорогами и лѣсами верстъ семь и болѣе, и за тѣми ворами тотъ поискъ чинили цѣлыя сутки. Прощедъ Каминское болото, въ глухомъ мелкомъ лѣсу, нашли привязанныхъ къ деревьямъ двухъ лошадей, а воровскихъ людей не изошли“ (№ 5730). Въ одномъ помѣщичьемъ селѣ появились подозрительные люди. Какъ увѣдомились объ этомъ староста и двое писарей, сбѣли всю деревню для преслѣдованія и поимки этихъ людей (№№ 5171 и 754). Одна крестьянка заявила старостѣ и все́мъ крестьянамъ, что воровскіе люди увезли ее мужа въ лѣсъ, и по ее заявленію все́ крестьяне ходили искать своего исчезнуваго собрата (№ 4088). Въ одномъ дѣлѣ говорится такъ: „міромъ усмотрѣли и взяли подъ арестъ“ подозрѣваемаго въ преступленїи человека (№ 5043). Были случаи, что сельская полиція брала подъ арестъ, напримѣръ, проѣзжаго гренадера за то, что онъ „чинилъ побои крестьянской женкѣ“ (№ 3250). в) Лицо, совершившее преступленіе или подозрѣваемое въ немъ, приводилось „предъ народное собраніе“, или на сходку. Здѣсь производились ему предварительные допросы. Во

просы ставилъ обыкновенно староста или какое нибудь другое, выборное отъ общины, лицо (№№ 152, 1458). Иногда производили допросы все крестьяне. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа встрѣчаются, на примѣръ, такіа выраженія: „все крестьяне той деревни собрались на сходъ и стали спрашивать крестьянскую женку, куда дѣлся ея мужъ“ (№ 3134). Или: „крестьяне взяли подъ арестъ своего односельца и допрашивали о мертвомъ тѣлѣ“ (№ 567, 1351, 4751, 5361 и пр.). Предварительные допросы предъ народнымъ собраніемъ производились иногда съ пристрастіемъ. Такъ, на примѣръ, староста и выборные одного села представили на мірской сходъ крестьянина конокрада и здѣсь допрашивали его и били батогами (№ 5254). Въ другомъ случаѣ, мірской сходъ допрашивалъ троихъ крестьянъ въ церковной кражѣ и при допросѣ билъ плетью (№ 4598). Сельская община призывала къ отвѣту иногда лицъ не своего вѣдомства. Такъ, однажды, староста села Вознесенскаго собралъ мірской сходъ, на которомъ участвовало и сельское духовенство, и на этотъ сходъ „призвалъ къ отвѣту“ прикащика сосѣдняго села „для отводу воровскаго слѣду“. (№ 3870). Когда на предварительныхъ допросахъ обвиняемаго являлась необходимость сдѣлать обыскъ и вымку поличнаго, то онъ производился немедленно при участіи выборнаго и полицейскаго сельскаго начальства вмѣстѣ съ другими крестьянами. Равнымъ образомъ міръ производилъ домовые обыски при поимкѣ укрывшихся воровъ и разбойниковъ. Такъ на примѣръ: староста и сотскій села Дурнихи, „собралъ всехъ крестьянъ“, погнались за конокрадами и въ одномъ селѣ, лежавшемъ на пути ихъ погони, учинили по домамъ „обыски воровъ“ (№ 5171). По нѣкоторымъ преступленіямъ судъ и оканчивался на мірскомъ сходѣ, и здѣсь по мірскому приговору опредѣлялось виновному наказаніе. Дѣло, такимъ образомъ, не получало дальнѣйшаго движенія и не поступало въ правительственные суды. Такъ однажды прикащикъ, староста и выборные, по приговору мірскому, взяли на мірской сходъ трехъ крестьянъ, наказали ихъ плетью за самовольную отлучку и воровство (№ 2471). Староста и выборный села Битягова представили на мірской сходъ крестьянина, обвиняемаго въ кражѣ. Міръ постановилъ наказать виновнаго батогами и отпустить (№ 5254). Но въ большинствѣ случаевъ крестьянская община о преступленіяхъ, совершавшихся въ ея районѣ, доносила вотчинной и правительственной власти. Доношенія и челобитныя въ этихъ случаяхъ подавались то отъ мѣстныхъ сельскихъ начальниковъ, то отъ всей общины, иногда же подъ такого рода бумагами подписывались и сельское начальство и все члены общины. Такъ крестьяне деревни Глѣбовой и Егорьевской, отправившіеся на поискъ воровъ, въ глухомъ лѣсу нашли привязанныхъ къ деревьямъ двухъ лошадей и въ этотъ же разъ поймали въ лѣсу двухъ подозрительныхъ людей. „Тѣхъ лошадей и людей привели они вѣдомства ихъ къ сборной избѣ на казенной дворъ,

и объявили земскому и при томъ будущимъ той же ихъ волости старостамъ, да при присланныхъ изъ московской губернской канцеляріи для сбора подушныхъ денегъ двухъ солдатахъ, да Успенской пѣловины при священникѣ. И тѣ приводные люди, по приказу старосты, сотскихъ, десятскихъ и всѣхъ рядовыхъ крестьянъ, отданы подъ карауль, пока не сыщется хозяинъ тѣхъ лошадей. На третьи сутки, будучи на томъ дворѣ и на сборѣ, той ихъ волости старосты и крестьяне, за несобъявленіемъ къ означеннымъ приводнымъ лошадямъ хозяевъ, написали въ той сборной казенной избѣ объ отводѣ и для объявленія тѣхъ лошадей села Измайлова къ управительскимъ дѣламъ доношеніе, и то доношеніе писалъ той сборной казенной избы земской, и къ тому доношенію впервые руки приложилъ за крестьянъ успенскій дьячокъ. И тогожь числа для отвозу объявленія отъ всего мірскаго приговору посланы десятскіе съ шестью крестьянами“ (№ 5730). Изъ одной дворцовой волости подано было доношеніе отъ лица старосты, сотскаго, пятидесятскаго, земскаго „той волости со крестьяны“ (№ 4751).

Къ судебнo-сыскнымъ и полицейскимъ обязанностямъ сельской общины нужно отнести еще слѣдующія: а) поголовную подачу сказокъ при обыскахъ о членахъ общины, иногда о членахъ и ближайшихъ сосѣднихъ общинъ; б) поставку нужныхъ лицъ къ суду и в) принятіе членовъ общины изъ суда „на вотчинную росписку“. Всѣ эти обязанности возлагались на сельскую общину по распоряженіямъ правительственной судебной власти; но эти распоряженія имѣли свое основаніе въ самомъ свойствѣ крестьянскаго быта, именно—въ общинной формѣ его устройства. Сельская община, какъ мы видѣли, слѣдила за поведеніемъ своихъ членовъ, она знала образъ жизни и характеръ каждаго изъ нихъ; слѣдовательно она одна имѣла возможность дать точныя свѣдѣнія о своихъ сочленахъ. На этомъ основаніи правительственный судъ и обращался съ обыскомъ о подсудимыхъ къ сельской общинѣ, которая, поэтому, обязана была давать сказки о качествахъ лица, своего сочлена, на котораго указывалъ судъ. Равнымъ образомъ крестьянская община слѣдила за тѣмъ, чтобы ея сочлены не отлучались изъ вотчины безъ мірскаго дозволенія; по этому самому судьи и обращались къ общинѣ съ приказаніемъ поставить въ судъ требуемое лицо. Въ этомъ отношеніи обязанности крестьянской общины простирались даже до того, что она должна была поставлять въ судъ своихъ помѣщиковъ. Напримѣръ: помѣщица Анисимова не являлась въ судъ, поэтому ея староста съ прочими крестьянами обязаны были подпиской, „чтобы оной ихъ помѣщицѣ явиться въ Сыскной Приказъ“ (№ 1619). Наконецъ, изъ обязанности сельской общины слѣдигъ за поведеніемъ своихъ членовъ само собою вытекало распоряженіе правительственнаго суда отдавать ей на росписку бывшихъ подъ судомъ ея членовъ. Въ опредѣленіи суда писалось категорически, — напримѣръ, такъ: „наказавъ, отдать

на вотчинную росписку“. Въ концѣ опредѣленія писался наказъ объ обязанности общины слѣдить за отданнымъ ей на росписку лицомъ, „чтобъ впредь ему такъ не воровать“ (№№ 832, 3135).

Для управленія вотчинными и мірекими дѣлами сельская община выбирала разныхъ должностныхъ лицъ, изъ коихъ каждому поручала спеціальныя обязанности. Такія должностныя лица были: земскіе старосты, выборные, сотскіе и пятидесятскіе. Очертимъ каждую изъ этихъ должностей въ отдѣльности.

Старосты. Въ большей части дѣль Сыскаго Приказа находятся свѣдѣнія, что земскіе старосты выбирались міромъ, „по мірскому приговору“ (№№ 2407, 2613, 4966, 5254); слѣдовательно, община выбирала старость изъ своей среды, изъ рядовыхъ крестьянъ, выбирала такихъ, на которыхъ надѣялась, что они усердно и точно будутъ заботиться объ общественныхъ интересахъ. Но такой свободный выборъ старость дѣлали только тѣ общины, которымъ не препятствовала въ этомъ вотчинная власть. Въ большинствѣ случаевъ вотчинники сами ставили старость, или указывали крестьянамъ лицо, которое они должны были выбрать въ эту должность (№№ 1138, 2670). Вотчинники въ этомъ случаѣ руководствовались своими интересами и нерѣдко въ какую-нибудь свою вотчину присылали въ старосты крестьянина изъ другихъ своихъ вотчинъ. Община не могла смѣнять такихъ старость. Обязанности старость, и выбранныхъ общиной и поставленныхъ вотчинной властью, были одинаковы. Старосты вообще „имѣли смотрѣніе надъ крестьянами.“ Въ частности это „смотрѣніе“ распадалось на слѣдующія обязанности: а) старосты обязаны были собирать разнаго рода подати, оброки и поборы (№№ 246, 1149, 2585, 3135 и пр.); на нихъ лежала отвѣтственность за своевременные взносы этихъ податей и оброковъ: за неисправность въ этомъ отношеніи старосты подвергались разнымъ взыскаціямъ, штрафамъ и содержались въ правительственныхъ учрежденіяхъ подъ карауломъ (№№ 412, 2305, 3707). Старосты, съ своей стороны, имѣли право подвергать неисправныхъ плательщиковъ разнымъ правежамъ (№ 2585). Въ принятіи подушныхъ и оброчныхъ денегъ старосты давали отписки, съ одной стороны, крестьянамъ—плательщикамъ, а съ другой вотчинной власти или посланнымъ отъ нея лицамъ (№№ 527, 3702, 3797). б) На обязанности старость лежало веденіе хозяйственной части въ порученныхъ ихъ смотрѣнію вотчинахъ. Въ этомъ отношеніи старосты должны были замѣнять собой глаза и волю самого вотчинника. Староста долженъ былъ распоряжаться нарядомъ крѣпостныхъ на полевныя, сѣнокосныя и всякія другія работы; долженъ былъ смотрѣть за лѣсами и всякими угодыями (№№ 1262, 2157, 2678, 3937 и пр.). У старосты хранились ключи отъ господскихъ житницъ (№ 675). Однимъ словомъ, староста обязанъ былъ распоряжаться въ вотчинномъ хозяйствѣ всѣмъ и притомъ такъ, чтобы приносить вотчиннику прибыль. Но всѣмъ

своимъ дѣйствіямъ старосты давали отчетъ вотчинной власти: эго они дѣлали или посредствомъ отписокъ, или сами являлись къ владѣльцамъ въ мѣста ихъ жительства и лично докладывали свой отчетъ по смотрѣнію надъ имѣніемъ (№№ 1262, 1578, 3931). в) На земскихъ старостахъ лежали также судебно-сыскныя и полицейскія обязанности по вотчиннымъ дѣламъ. Мы видѣли выше, что эти обязанности всецѣло принадлежали всей сельской общинѣ; но старосты были представителями власти вотчиннаго управленія, поэтому всѣ эти обязанности касались и ихъ, разумѣется, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Старосты были, во первыхъ, такіе органы, чрезъ которые сельскій міръ извѣщался о тѣхъ или другихъ преступленіяхъ, совершившихся въ районѣ его общины: нельзя было кому-нибудь доносить о случаяхъ преступленій прямо всему міру,—для этого нужно было, чтобы міръ постоянно былъ въ сборѣ; поэтому эти доношенія шли прежде къ старостѣ, какъ мірскому представителю, а староста сообщалъ объ нихъ „всѣмъ крестьянамъ“ (№№ 315, 2001, 4214) (см. сказанное объ этомъ выше). Во вторыхъ, староста былъ органомъ исполнительный во всемъ томъ, что міръ постановлялъ и что исходило отъ вотчинной и правительственной власти: въ этомъ отношеніи община давала имъ полномочіе относительно всего того, что касалось до правъ и обязанностей по исполненію судебно-сыскныхъ и полицейскихъ требованій. На основаніи такихъ полномочій земскіе старосты обязаны были наблюдать, чтобы внутри и въ окрестностяхъ ввѣренной имъ смотрѣнію вотчины и въ лѣсахъ не было шатающихся и подозрительныхъ людей; въ случаѣ появленія таковыхъ они должны были ихъ ловить и представлять вотчинной или правительственной власти. Такъ въ одномъ дѣлѣ Сыскаго Приказа есть свѣдѣніе, что „по силѣ указовъ и по наряду старосты“ серпейскихъ вотчинъ графа Головкина, осенью 1750 г. „отправлено было пять человекъ крестьянъ для осмотра въ помянутыхъ вотчинахъ и въ лѣсныхъ дачахъ графа, пѣтъ ли тамъ какихъ пришлыхъ людей и пристапи воровскимъ людямъ“ (№ 2514). Въ другомъ случаѣ староста приказалъ крестьянамъ схватить ввѣрившихъ въ село подозрительныхъ людей, которые впоследствии оказались разбойниками (№ 531). Однажды крестьяне села Стромни поймали бѣглыхъ и представили ихъ старостѣ, и этотъ послѣдній препроводилъ ихъ въ Москву къ помѣщику (№ 1736). Старосты представляли преступниковъ и прямо въ Сыскной Приказъ (№ 1653). Иногда земскіе старосты замѣняли собой общину по отношенію къ судебно-сыскнымъ обязанностямъ. Такъ напримѣръ правительственный судъ отдавалъ подсудимыхъ на росписку только земскому старостѣ (№ 2517). Или: если суду нужны были оговорные и преступники, то, за отсутствіемъ ихъ или укрывательствомъ, онъ бралъ „съ сыску ихъ“ земскихъ старостъ. Въ этомъ случаѣ судъ писалъ въ сыскныхъ памятяхъ: „ежели оговорныхъ не извѣдутъ, то въ сыску ихъ взять

старосту, выборнаго, или лучшихъ крестьянъ (№№ 2035, 3707). Далѣе, старосты должны были являться для осмотра мертвыхъ тѣлъ и заявлять объ нихъ властямъ (№№ 20, 928, 940). Иногда же они единично производили судъ и расправу надъ членами своей общины (№№ 5464). г) На обязанности старостъ лежало созывать сходъ, когда какое-нибудь дѣло подлежало обѣужденію и приговору всей общины. д) Наконецъ, старосты выдавали „выводныя грамоты“ дѣвкамъ и женкамъ своей общины (№ 3931), а равно покормежныя письма крестьянамъ.

Выборные. Эти должностныя лица, такъ же какъ и старосты, выбирались и міромъ, и ставились вотчинною властью (№ 4808). Должность выборнаго была, по видимому, ниже старосты. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ дѣлахъ Сыскаго Приказа, можно заключить, что староста приводилъ свои распоряженія въ дѣйствіе чрезъ выборнаго, и этотъ послѣдній былъ подчиненъ первому. Напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ говорится, что выборный, взявъ у старосты ключи отъ барскихъ житницъ, выдавалъ крестьянамъ гречиху для посѣва (№ 675). Въ другомъ дѣлѣ помѣщичій крестьянинъ говоритъ въ своемъ показаніи: „имѣлся онъ по приказу господина его выборнымъ, и сельскимъ старостой высланъ былъ въ Москву“ (№ 4808). Такимъ образомъ, выборный былъ, такъ сказать, помощникомъ старосты. На этомъ основаніи у него были и тѣ полномочія по веденію вотчинныхъ и общественныхъ дѣлъ, какія присвоены были старостѣ. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа есть однако указанія и на то, что о разныхъ преступленіяхъ заявлялось прямо выборному, минуя старосту (№№ 724, 3705). Выборные самолично отпускали крестьянъ въ городъ. Такъ монастырскій крестьянинъ села Ознобишина отпущенъ былъ выборнымъ въ Москву „для взятія къ прочитанію покормежнаго письма“ (№ 3700). Есть наконецъ указаніе въ дѣлахъ Сыскаго Приказа, что выборный, вмѣстѣ съ сотскимъ и десятскимъ, должны были первые и независимо отъ старосты объявлять о разныхъ случаяхъ, совершившихся въ ихъ общинѣ (№ 5361).

Сотскіе. Въ эту должность всегда выбирались крестьяне по мірскимъ приговорамъ; слѣдовательно, въ назначеніи ихъ не участвовала вотчинная власть. Но крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ Сыскаго Приказа намъ не встрѣтилось ни одного указанія, чтобы въ сотскіе назначали вотчинники. Лица выбранныя міромъ „ходить въ сотскихъ“, утверждались въ этой должности губернской канцеляріей; поэтому сотскіе назывались „опредѣленными“ отъ той канцеляріи (№ 3775). Каждому лицу, поставленному въ сотскаго, губернская канцелярія выдавала инструкцію, которою опредѣлялись обязанности, присвоенныя его должности. Вслѣдствіе этой инструкціи сотскіе сносились непосредственно съ самой губернской канцеляріей или дѣлали доношенія въ „комисарство“ (№№ 2119, 3664). Такимъ образомъ, должность сотскаго была спеціально полицейская и обязанности его относились исключительно къ

области полицейской. Обязанности эти, начертанныя въ инструкціяхъ, сотскіе передаютъ такъ въ своихъ показаніяхъ въ Сыскномъ Приказѣ: „имѣется онъ соцкимъ для усмотрѣнія и поимки воровъ и прочаго“ (№ 1295); „велѣно имъ, ежели гдѣ явятся какіе воровскіе люди, таковыхъ отвозить, куда надлежитъ“ (№ 3463); „по силѣ данной мнѣ инструкціи, велѣно въ сотнѣ моей смотрѣніе имѣть, чтобы какъ воровъ, разбойниковъ, пристанища воровскихъ людей, бѣглыхъ солдатъ, драгунъ, матрозовъ и рекрутъ и всякаго непотребства не было“ (№ 5556); „велѣно ему смотрѣніе имѣть надъ крестьяны, чтобы не было шуму и драки, и убивства и никакого непотребства“ (№ 1164). Въмѣстѣ съ этимъ на обязанности сотскихъ было, заодно со старостою, арестовать крестьянъ за отлучку изъ мѣста жительства (№№ 1063, 2471, 4170); также вмѣстѣ съ старостой приводитъ подсудимыхъ въ Сыскной Приказъ, въ губернскую и воеводскую канцелярію и комисарство (№№ 1653, 2191, 3175, 3463, 3664, 5556). Есть указанія въ дѣлахъ Сыскаго Приказа, что сотскіе принимали участіе въ дѣлахъ вотчиннаго устройства или хозяйства. Такъ сотскій дворцоваго села Здвиженскаго говорилъ: „по указу, сотскій съ товарищи выбрали, по мірскому приговору, для поселенія въ Битюцкіе лѣса, тогожь села крестьянина“ (№ 1548). Область распорядженій сотскихъ была шире, чѣмъ земскихъ старостъ: эти послѣдніе имѣли смотрѣніе за дѣлами только одной вотчины, иногда съ приписными деревнями, принадлежавшими одному и тому же владѣльцу; а сотскіе имѣли въ своемъ завѣдываніи нѣсколько селъ и деревень, принадлежавшихъ разнымъ владѣльцамъ. Такъ сотскій, жившій, въ имѣніи Толстаго, въ селѣ Капустинѣ говорилъ: „въ вѣдомствѣ его въ сотнѣ имѣются разныхъ помѣщиковъ отчины“ (№ 3475). Сотскій фабриканта Земскаго принималъ объявленіе отъ крестьянина вотчины помѣщика Кутузова о пойманномъ грабителѣ и препроводилъ преступника въ губернскую канцелярію (№ 3664). Иногда въ цѣлой волости, заключавшей въ себѣ нѣсколько селъ и деревень, былъ одинъ сотникъ: таковы были волости Селинская и Вохонская (№№ 2065, 3175).

Пятидесятскіе и десятскіе. Въ эти должности выбирались крестьяне тоже по мірскому приговору (№№ 806, 1164, 2613, 3475), и утверждались въ своихъ должностяхъ губернской канцеляріей. Имъ, такъ же какъ и сотскимъ, выдавались инструкціи, опредѣляющія ихъ обязанности (№ 3463). Пятидесятскіе и десятскіе были помощниками сотскихъ, „товарищами“,—по крайней мѣрѣ такъ называли ихъ сами сотскіе (№ 1548). Вслѣдствіе этого и обязанности ихъ были совершенно одинаковы съ обязанностями сотскихъ. Такъ пятидесятскіе и десятскіе пойманныхъ бѣглыхъ представляютъ въ губернскую канцелярію (№ 4013), доносятъ о найденномъ мертвомъ тѣлѣ старостѣ, или прямо высшему начальству (№№ 1578, 5361). Крестьяне доносили иногда о мертвомъ тѣлѣ пятидесятскимъ (№ 2485); они же

задерживали пьяныхъ, разрѣшали крестьянамъ отлучки изъ своего села (№№ 4161, 5772); отводили проѣзжимъ чрезъ ихъ село людямъ крестьянскіе дворы для ночлега (№ 5308). Такимъ образомъ обязанности пятидесятскихъ и десятскихъ были чисто полицейскія.

Перейдемъ къ описанію податей, оброковъ и всякаго рода повинностей, которые отбывала крестьянская община.

Крестьяне были единственное сословіе, которое работало и доставляло средства для правительства и для вотчинниковъ: оно служило двумъ господамъ: крестьянство обложено было платежемъ на государство податей и разныхъ денежныхъ сборовъ. Эти платежи были различныхъ видовъ и наименованій: а) подушныя подати. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа встрѣчаются свѣдѣнія, что подушный сборъ былъ семигривенный (№ 2036). Но это была норма, назначенная правительствомъ съ каждой ревизской души. Между тѣмъ, нѣкоторымъ общинамъ приходилось платить съ души болѣе 7-ми гривень, потому что иногда ко времени платежа въ общинѣ въ наличности было меньше душъ, чѣмъ сколько ихъ значилось въ ревизскихъ сказкахъ. Въ этихъ случаяхъ сельская община всю сумму подушныхъ денегъ, причитающуюся со всѣхъ ревизскихъ душъ общины, раскладывала по равнымъ частямъ на число своихъ наличныхъ тягольныхъ членовъ. Поэтому въ дѣлахъ Сыскаго Приказа очень часто встрѣчаются такія показанія крестьянъ: „платить подушныя противъ братіи своей сельчанъ въ равенствѣ“ (№№ 1505, 22); „платить съ прочими крестьяны, съ своей братіей, въ равенствѣ“ (№ 403). Монастырской вотчины десятникъ, бывшій дѣловальникомъ подушнаго сбора, говорилъ однажды пьяному крестьянину: „надлежало бы тебѣ заплатить подушныя деньги по расположенію мірскому“ (№ 567). Эта разверстка опредѣленныхъ правительствомъ податей и поборовъ между наличными членами сельской общины необходима была въ особенности потому, что общинѣ приходилось иногда платить за дворовыхъ и дѣловыхъ людей, разныхъ бобылей, не пользовавшихся земельнымъ надѣломъ, и за скудныхъ людей (№№ 159, 458, 1688). б) Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа упоминаются „всякіе поборы по указомъ“ и рекрутскія деньги. Такъ помѣщикъ, продавшій другому своего крестьянина, писалъ въ продажной записи, что онъ до будущей ревизіи будетъ платить за проданнаго подушныя деньги и рекрутскія складки, и всякіе по указомъ поборы (№ 5563). Крестьяне села Лескова говорили про одного крестьянина, что „въ нынѣшній рекрутскій наборъ въ складчину, которую ему приписывать и приложиться велѣно, не прикладывается“ (№ 3084). Наконецъ в) крестьяне отбывали экстренные, случайные государственные налоги: платежъ денегъ на проѣздъ въ села исполнительной экзекуціи надъ членами общины (№ 1432); платежъ вытпыхъ и пошлинныхъ денегъ за несостоятельныхъ преступниковъ-односельцевъ. Такъ Сыскаго Приказа послалъ однажды указъ вѣдомства дворцовой коюшенной канцеляріи къ управительскимъ дѣламъ

московскаго уѣзда пахринской волости: „по доношенію Сысканаго Приказа изъ дворцовой конюшенной канцеляріи въ указѣ объявлено: по требованію-де Сысканаго Приказа о взысканіи расположенныхъ по производившимся о разбоѣ въ вотчинѣ сенатора князя Алексѣя Дмитріевича Голицина дому вдовы крестьянской Алены и о смертныхъ убивствахъ, да и о кражѣ изъ дому купца Никона Сабуровскаго пожитковъ дѣламъ—вытнхъ и пошлинныхъ денегъ всего 96 руб. 84 коп., пахринской волости деревень Вельтищева и Реткиной за крестьянъ Трофима Ларионова, Давилу Степанова (обвиненныхъ въ убійствѣ и грабежѣ) той волости съ крестьянъ и о присылкѣ опыхъ денегъ въ Сысканой Приказъ, въ село Пахрино къ волостному правленію изъ дворцовой конюшенной канцеляріи указъ посланъ, и по указу ея императорскаго величества и по резолюціи Сысканаго Приказа велѣно о скорѣйшемъ взысканіи вышеописанныхъ вытнхъ и пошлинныхъ денегъ и о присылкѣ ихъ въ Сысканой Приказъ по сему ея императорскаго величества указу“ (№ 3560).

Подушныя подати и всякіе государственныя сборы въ селахъ и деревняхъ собирались непосредственно старостами, выборными, прикащиками и другими начальственными въ вотчинахъ лицами, или лицами спеціально для этого дѣла поставленными, называвшимися сборщиками и цѣловальниками (№№ 567, 412, 2862, 3135, 3641). Собранныя деньги доставлялись изъ вотчинъ помѣщикамъ, а этими послѣдними—въ губернскую канцелярію (№ 3641), или отвозились прямо въ городъ—въ провинціальныя, дворцовыя и губернскаія канцеляріи „къ подушному сбору“ (№№ 2375, 3010); иногда подушныя платились „на штатномъ дворѣ“ (№ 158); нѣкоторые крестьяне говорятъ въ своихъ показаніяхъ, что они платятъ подушныя на такой-то полкъ: напримѣръ, монастырскій крестьянинъ говоритъ, что онъ „подушныя подати, вмѣстѣ съ своею братією, повсягодно платитъ на первой московскій полкъ“ (№ 413). Правительственныя учрежденія, завѣдывавшія денежными сборами, выдавали „отписки“ или квитанціи въ пріемъ подушныхъ и другихъ сборовъ (№ 4969).

Кромѣ денежныхъ платежей, крестьяне отбывали государству разныя натуральныя повинности. Въ дѣлахъ Сысканаго Приказа называются на слѣдующія натуральныя повинности: а) починка мостовъ на проѣзжихъ дорогахъ. Такъ помѣщицкии крестьяне владимірскаго уѣзда чинили мостъ на рѣкѣ Ворѣ „для проѣзду сыщика, пранорщика Лебедева, съ командою“ (№ 5361); вотчины Троицко-Сергіевой-лавры, села Кесцова, сотскій съ крестьянами ходили для починки мостовъ по большой московской дорогѣ (№ 5024). б) Выправка коннаго набора драгунскихъ и подъемныхъ лошадей. Такъ прикащикъ помѣщика галическаго уѣзда, Майкова, говорилъ въ Сысканомъ Приказѣ, что онъ пріѣхалъ въ Москву для отдачи за вотчины господина своего съ числа душъ драгунскихъ и подъемныхъ лошадей (№ 1563). в) Пе-

ревозка казеннаго хлѣба: крестьяне костромскаго уѣзда дворцовой даниловской волости говорили, что они высланы изъ той волости „для отвозу въ Москву казеннаго хлѣба“ (№ 2585). г) Въ дѣлахъ Сысканаго Приказа упоминается просто о какихъ-то казенныхъ работахъ, для которыхъ нужна крестьянину лошадь. Такъ крестьянка Кабанова, у которой взять былъ въ Приказъ сынъ съ лошадыю, писала въ своей челобитной: „отчего я именнованная въ положенной на меня по тяглу казенной и крестьянской работѣ, за неимѣніемъ лошади, несу великую тягость“ (№ 2685). Наконецъ д) главная натуральная повинность, лежавшая на крестьянахъ, была рекрутчина. Для отдачи въ рекруты крестьяне назначались или самими вотчинниками (№№ 145, 694, 3084), или по мірскому приговору (№№ 614, 1449). Всѣ записанные въ рекруты обмундировывались на счетъ сельскаго общества и отъ него же получали содержаніе на шесть мѣсяцевъ (Прот. № 56, л. 201).

Крестьяне, кромѣ государственныхъ денежныхъ сборовъ и повинностей, отбывали и помѣщикамъ оброки и разнаго рода сборы деньгами и натурой; а другіе, взаимѣнъ оброковъ, отбывали разныя барщинскія работы. Этого предмета мы отчасти касались уже въ главахъ о дворянскомъ сословіи и монастырской корпораціи, а теперь скажемъ объ немъ нѣсколько подробнѣе, насколько даютъ намъ свѣдѣнія дѣла Сысканаго Приказа. Нѣкоторые вотчинники отпускали своихъ крестьянъ на оброкъ и вслѣдствіе этого не было у нихъ въ вотчинахъ никакихъ барскихъ работъ. Такъ помѣщикъ Потуловъ говоритъ, что въ вяземской его деревнѣ Родилевѣ „работъ, кромѣ оброку, никакихъ не имѣется“; на оброкъ же „сидѣла“ и другая его вотчина владимірскаго уѣзда (№ 2868). У Нарышкина и Квашина также всѣ вотчины были на оброкъ №№ 91, 139). Другіе вотчинники отпускали на оброкъ только нѣкоторыхъ изъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ людей (№№ 281, 711, 2132, 2175, 2191, 2483). Размѣръ этого оброка у разныхъ вотчинниковъ былъ различенъ: онъ опредѣлялся по волѣ самого вотчинника. Такъ есть свѣдѣніе, что крестьяне одного помѣщика платили оброку по 1 р. 5 к. съ души (№ 2036); новоприписной къ помѣщику крѣпостной съ тремя сыновьями платилъ помѣщику въ годъ по 6 и по 7 рублей (№ 3084); одинъ монастырскій крестьянинъ говорилъ, что онъ платитъ въ годъ оброку по 40 коп. (№ 479). Кромѣ оброчныхъ денегъ, точно опредѣленныхъ на каждый годъ, съ крестьянъ брались экстренные поборы. Такъ два оброчные крестьянина упрекали старосту, что онъ собираетъ съ нихъ много лишнихъ денегъ на вотчинные расходы (№ 4874). Иногда помѣщики собирали съ крестьянъ хлѣбомъ, масломъ и другими сельскими продуктами. Такъ помѣщица Синявина послала своего двороваго человѣка въ вотчину для выправки съ крестьянъ запасовъ (№ 1559). Прикащикъ Зиновьева говорилъ, что онъ собиралъ съ крестьянъ „господскіе столовые при-

пасы—мясо, коровье масло и проч.; но помѣщичьихъ денежныхъ доходовъ, также и оброчныхъ денегъ съ тѣхъ крестьянъ не собиралъ никакихъ, понеже ему не было на то помѣщичья наказа“ (№ 3641). Служитель помѣщичій, который за дѣлы ходитъ, собиралъ съ крестьянъ деньги и припасы для дачи взятокъ въ сѣвской провинціальной канцеляріи (№ 2812). Монастырскій служба Троицко-Сергіевой лавры показалъ на допросѣ: „1-го декабря 1762 г. ѣздилъ онъ въ село Рахманово, самъ собою, для сбора съ крестьянъ въ честь — нови хлѣба, кто что дастъ“; въ томъ же селѣ ѣздилъ съ той же цѣлью другой монастырской служба, который имѣется въ селѣ Кесовѣ у записки (№ 5095). Такимъ образомъ, вотчинники производили съ крестьянъ самые разнообразныя поборы, которые устанавливали сами.

Что касается до барщинскихъ работъ, то и онѣ были на столько разнообразны, на сколько были разнообразны желанія вотчинниковъ. Крестьяне уваживали господскія поля, пахали ихъ, сѣяли и собирали хлѣбъ; затѣмъ молотили его и проч., также справляли всѣ сѣнокосныя работы (№№ 312, 496, 2436, 2915, 4352). Кромѣ обработки полей и луговъ, крестьяне посылались, напримѣръ, „для рубки хмѣлеваго тычья“ (№ 1262); отправлялись въ Москву и Петербургъ для „строенія домовъ ихъ помѣщика“ (№№ 3105, 3367); сидѣли вино въ клейменныхъ кубахъ про барскій запасъ (№ 1144); крестьяне князя Ромодановскаго изъ елифанскаго уѣзда возили въ Москву запасы, а по сдачѣ запасовъ они же оставлены были для возки дровъ и льду. Помѣщику Астафьеву отправленъ былъ изъ арзамасскаго уѣзда въ Москву большой обозъ, а изъ Москвы этотъ обозъ посланъ былъ въ ярославскій уѣздъ къ сыну Астафьева, по сдачѣ тамъ запасовъ крестьяне посланы были въ подмосковную вотчину того помѣщика для возки лѣса на строеніе хоромъ (№ 956); крестьяне помѣщика Хрущова возили изъ Глухова въ Москву куфы съ виномъ (№ 111); одинъ помѣщикъ часто посылалъ своихъ крестьянъ изъ суздальскаго уѣзда въ даниловскій и черниговскій уѣзды для работъ (№ 2197); изъ московскаго уѣзда помѣщикъ посылалъ своихъ крестьянъ въ саранскую вотчину для работъ (№ 977); крестьяне вызывались изъ дмитровскаго уѣзда въ Москву для сыска и поимки бѣглыхъ ихъ помѣщика (№ 694). Однимъ словомъ, дѣла Сыскаго Приказа указываютъ на множество разнообразныхъ видовъ барщинскихъ работъ и повинностей крестьянъ. Крѣпостные должны были исполнять все, что пожелается вотчиннику, или его прикащику. При отбываніи барщинскихъ работъ у нѣкоторыхъ вотчинниковъ соблюдалась очередь крестьянамъ. Такъ одинъ крестьянинъ, обвинявшійся въ Сыскаго Приказѣ въ убійствѣ выборнаго, въ свое оправданіе сказалъ, что убилъ „того выборнаго за то, что онъ наряжалъ его на барскую работу не въ очередь“ (№ 3582). Одинъ дворовой жаловался помѣщику, что староста наряжалъ его безъ очереди въ городъ для взятъя

отписокъ въ принятіи рекрутъ, а также подымать барскихъ лошадей, которыя не могли вставать отъ голоду (ibid). Но часто, на нѣкоторыя работы, особенно лѣтомъ, крестьяне наряжались поголовно, цѣлыми семьями, безъ соблюденія очереди (№ 4944). Въ дѣлахъ Сылскаго Приказа встрѣчаются такого рода показанія крестьянъ: „помѣщикъ заставляеть всякую работу работать повсяднєвно, со всякимъ принужденіемъ“ (№ 1195). Помѣщики, принуждая своихъ крестьянъ исполнять барщинскія работы, наряжали ихъ для этого даже въ большіе праздники. Такъ одинъ помѣщикъ, въ Троицынъ день, заставляеть своихъ крестьянъ, „чтобъ въ хмѣль тычины вкапывать“, на что крестьяне говорили, чтобъ ихъ отъ того уволить, а даль бы имъ сроку въ огородахъ своихъ землю спяхать; помѣщикъ, осердясь, за то билъ ихъ палкою (№ 2745). Въ дѣлахъ Сылскаго Приказа есть указаніе на тотъ порядокъ, какой практиковался въ производствѣ барщинскихъ работъ при поголовномъ нарядѣ. Такъ староста Аксенова, нарядивъ передъ госпожинками все село для жатъя яроваго хлѣба, самъ пріѣхалъ на поле и размежевалъ тотъ хлѣбъ по тягламъ (№ 2684). Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что крестьяне прежде всего должны были обрабатывать господскія поля, а свои воздѣлывали тогда, когда оставались свободныя часы отъ барскихъ работъ.

Для своего обихода крестьяне сѣяли рожь, овесь, ячмень и другіе хлѣба. Нѣкоторые изъ нихъ вывозили для продажи свой хлѣбъ на рынки, на сельскіе торги и ярмарки. Нерѣдко возили рожь, овесь и проч. для продажи въ отдаленныя пункты. Напримѣръ: крестьяне изъ московскаго уѣзда возили свой хлѣбъ для продажи въ Петербургъ (№ 3278). Такимъ образомъ, разнаго рода хлѣбъ былъ у крестьянъ предметомъ торговли. Нѣкоторые крестьяне занимались огородничествомъ и садоводствомъ, какъ промысломъ (№ 2388). Крестьяне тульской и калужской губерній воздѣлывали пеньку для продажи (№№ 2451, 2909, 111). Крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей промышляли лѣсными припасами и издѣліями изъ дерева, — напримѣръ: дровами, бревнами, углями, грибами, лыками, лубьями и проч. (№№ 940, 28, 355, 3305, 3141); дѣлали для продажи кадунки, ложки, чашки и проч. (№№ 3305, 4700); изготовляли колеса, обручи и многія другія издѣлія (№ № 3126, 4455). Нѣкоторые крестьяне промышляли арендой мельницъ (№ 3398); откупомъ съ воевъ пошлинныхъ денегъ съ продажнаго товара (№ 133), конной таможи (№ 2882), питейныхъ сборовъ (№ 3326), перевозомъ чрезъ рѣки и проч. (№ 1254). Крестьяне принимали также разные подряды какъ у частныхъ лицъ, такъ и у казны. Напримѣръ: на копальныя работы, на рытье прудовъ и устройство плотинъ (№ 1184); на поставку бѣлаго камня (№ 3326); на постройку церквей (№ 3066). Одинъ крестьянинъ порядился „у строившихся въ Москвѣ каменныхъ апартаментовъ сената (№ 3024) и проч.

Многіе крестьяне содержали по селамъ, городамъ и въ столицѣ постоянные дворы, при которыхъ верѣдко имѣли „лавки со всякимъ мелочнымъ товаромъ, сѣномъ и харчемъ“ (№№ 3326, 2790, 660 и др.). Промышляли также извозничествомъ — легковымъ и товарнымъ (№№ 415, 5281). Наконецъ, крестьяне занимались разными ремеслами: плотничествомъ (№ 479), каменными работами, штукатурными, выдѣлкою кирпича и печнымъ мастерствомъ (№№ 140, 768, 3797); нѣкоторые содержали кузницы, въ которыхъ производили всякія кузнечныя и слесарныя работы: дѣлали мѣдные гвозди, мѣдныя серги и перстни на продажу (№№ 1657, 1491); занимались также серебрянымъ мастерствомъ и при серебряныхъ мастерскихъ выдѣлывали мѣдную фольгу и производили оловянную посуду (№№ 3797, 4384); нѣкоторые имѣли мастерскія сусальнаго золота и серебра (№ 608). Иные занимались выдѣлкою кожъ и овчинъ (№№ 4401, 3865 и др.); рукавичнымъ мастерствомъ, валяніемъ суконъ и шерстяныхъ сапогъ (№№ 3326, 5471, 4699); шорнымъ и сѣдельнымъ мастерствомъ (№ 3546); ленточнымъ производствомъ, портняжнымъ и сапожнымъ мастерствомъ (№№ 2034, 753, 3546). Кромѣ вышесказанныхъ промысловъ, нѣкоторые крестьяне отправлялись въ отхожіе промыслы только на нѣкоторое время, напримѣръ — на лѣто: для пайма въ пастухи, бурлаки и проч. (№ 2001). Изъ всего сказаннаго видно, что крестьяне, кромѣ земледѣлія, добывали средства къ жизни промыслами и ремеслами.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о крестьянской семьѣ. Дѣла Сыскаго Приказа даютъ намъ свѣдѣнія о слѣдующихъ ея формахъ: 1) отецъ и сыновья женатые съ ихъ дѣтьми жили иногда совместно, на одномъ дворѣ, имѣли все общее хозяйство и имущество. Если семья была велика по числу членовъ, то она жила въ двухъ избахъ (№ 698). 2) Нѣсколько братьевъ родныхъ и двоюродныхъ жили иногда въ общемъ домѣ, не въ раздѣлѣ (№№ 2862, 1144, 355 и др.). Однимъ словомъ, изъ дѣлъ Сыскаго Приказа видно, что нѣкоторые крестьяне не дробили семьи. Но большинство этихъ дѣлъ даютъ свѣдѣнія о раздѣлахъ взрослыхъ членовъ семьи, о житіи ихъ отдѣльными дворами (№№ 686, 983, 4477 и др.). Есть свѣдѣнія, что даже 18-ти лѣтній сынъ отдѣленъ былъ отъ отца и жилъ своимъ дворомъ (№ 5633). Наконецъ, въ дѣлахъ Сыскаго Приказа есть указанія на существованіе въ крестьянствѣ сводныхъ семей, которыя составлялись изъ лицъ чужихъ другъ другу, не связанныхъ между собою узамъ кровнаго родства. Такъ одинъ крестьянинъ говорилъ, что онъ, будучи переселенъ по своей охотѣ въ другую деревню, жилъ тамъ на крестьянскомъ дворѣ обще съ другимъ крестьяниномъ (№ 3775). Другой крестьянинъ, дворцовый, такъ разсказалъ о своей жизни въ чужомъ дворѣ: по смерти отца своего, онъ съ матерью, братомъ и племянникомъ и съ тяглымъ жеребьемъ принялись въ домъ ихъ же деревни къ крестьянину съ такимъ договоромъ, что жить у него 10

лѣтъ; а „по жити, ежели указомъ велѣно будетъ раздѣлиться, взять отъ него всякаго пожитку и тягла половину“ (ibid). Эта послѣдняя выписка ясно указываетъ на существованіе въ крестьянскомъ міру сводныхъ семей, образовавшихся не въ силу кровнаго родства, а на основаніи договора. Въ дѣлахъ Сыскаго Приказа намъ не встрѣтилось объясненія того, сами ли и добровольно члены крестьянской общины сходились для совмѣстнаго жительства, образовали сводную семью; или же сама вотчинная власть сводила маломочныхъ своихъ крестьянъ въ одинъ дворъ для наилучшаго успѣха въ трудѣ. Но несомнѣнно то, что договоры сводной семьи составлялись при участіи вотчинной власти. Это видно изъ слѣдующихъ словъ вышеприведенной выписки: „жить ему у него десять лѣтъ, а по жити, ежели указомъ велѣно будетъ раздѣлиться, взять отъ него всякаго пожитку и тягла половину.“ Въ этомъ договорѣ крестьяне положили себѣ срокъ—десять лѣтъ для совмѣстнаго жительства и труда и только по истеченіи этого срока имѣли право раздѣлиться. Само собой разумѣется, что если бы крестьяне заключили между собой договоръ домашнимъ порядкомъ, то онъ не имѣлъ бы законной силы и не былъ бы обязательенъ для вотчинной власти, которая могла бы нарушить его и раиѣе срока, какъ составленный безъ ея вѣдома и участія. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ власть не могла уничтожить договоръ раиѣе срока, а только „по жити“, то есть по истеченіи десяти лѣтъ, могла раздѣлить сводную семью.

VIII.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

I.

Учрежденіе Сыскаго Приказа, какъ судебного мѣста. — Вчинаніе дѣлъ. — Обязанности истцовъ. — Сыскъ обвиняемыхъ: по повѣстнымъ письмамъ, свѣскимъ памятямъ и наказамъ.

Въ — первый годъ царствованія императрицы Анны Иоанновны, правительствующій сенатъ пришелъ къ мысли — учредить въ Москвѣ два спеціальныхъ судебныхъ органа: Судный и Сыскаго Приказы. Въ докладѣ своемъ государыи сенатъ такъ мотивировалъ необходимость этихъ органовъ: „понеже нынѣ на Москвѣ вашего императорскаго величества резиденція и губернія московская противъ другихъ губерній весьма превосходитъ; къ тому же какъ высшихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей, которые имѣютъ деревни въ другихъ губерніяхъ, большая часть живетъ на Москвѣ,—и за тѣмъ не токмо въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, но и въ одномъ губернскомъ прав-

леніи исправиться никакъ не можно и челобитчики долговременно волочатся“ (И. С. З. № 5521). Такимъ образомъ, учрежденіе Суднаго и Сыскаго Приказовъ вызвано массою дѣлъ судебныхъ, которыя вѣдались въ губернской канцеляріи и съ которыми она одними своими силами „исправиться“ не могла. Марта 20 дня 1730 г. государыня одобрила докладъ сената, а 22-го іюля издала указъ объ учрежденіи Приказовъ Суднаго и Сыскаго. Въ этомъ указѣ, между прочимъ, говорится: „въ Сыскомъ Приказѣ быть татиннымъ, разбойнымъ и убивственнымъ дѣламъ, и которые воры и разбойники пойманы будутъ въ Москвѣ и приведены въ полицейскую канцелярію, тѣхъ записавъ, того-жъ времени отсылать въ Сыскной Приказъ, а въ той канцеляріи никакимъ розыскамъ не быть... на неправое вершеніе въ Сыскомъ Приказѣ розыскныхъ дѣлъ бить челомъ въ юстиць-коллегіи. Тако-жъ ни въ какой коллегіи и канцеляріи дѣлъ розыскныхъ ничѣмъ не вѣдать“. Такимъ образомъ, Сыскому Приказу велѣно было вѣдать судомъ и слѣдствіемъ важныя уголовныя преступленія, — такія, за которыя налагались тяжкія наказанія: ссылка въ Сибирь, въ крѣпости и на заводы „въ работу вѣчно“, а также натуральная и политическая смерть. Но въ послѣдствіи Сыскной Приказъ производилъ слѣдствія и опредѣлялъ наказаніе по менѣе тяжкимъ преступленіямъ: напримѣръ, по побѣгамъ крѣпостныхъ отъ своихъ господъ, когда бѣглецы не сносили съ собою никакихъ чужихъ пожитковъ. Наконецъ, Сыскной Приказъ производилъ слѣдствія по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, которыя поручены были вѣдѣнію духовнаго суда. Много изъ такихъ дѣлъ онъ производилъ одинъ, безъ соучастія духовнаго суда, хотя за обвиняемыми ни воровства, ни убійства не было показано. Такимъ образомъ, послѣ первоначальнаго указа, кругъ дѣятельности Сыскаго Приказа значительно расширился. Съ 1734 года, вслѣдствіе указа правительствующаго сената изъ конторы, за № 1444, Сыскной Приказъ сталъ пересыльнымъ центромъ колодниковъ со всей Россіи, осужденныхъ въ ссылку въ Оренбургъ и въ Сибирь „къ умноженію тамъ русскихъ людей“ (№ 257, л. 1 и 5).

Дѣла въ Сыскомъ Приказѣ начинались, во-первыхъ, по исковымъ челобитьямъ потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ. Во многихъ случаяхъ исковому челобитью предшествовало явочное. Оно играло важную роль въ процессѣ: на основаніи Уложенія 21 глава, 51 статья, обвиняемымъ, напримѣръ, въ „покраденныхъ вещахъ“ не производили пытокъ, если не было подано явочнаго челобитія о покражѣ. Исключеніе допускалось только тогда, когда обвиняемый пойманъ былъ на мѣстѣ преступленія и взятъ съ полными: тогда подавалось въ Сыскной Приказъ прямо исковое прошеніе, въ которомъ выставлялся перечень пожитковъ, покраденныхъ или пограбленныхъ. Были, впрочемъ, случаи, когда и преступникъ взятъ былъ на мѣстѣ преступле-

нія, но все-таки о происшествіи подавалось „извѣтное“ или явочное челобитье. Это было тогда, когда лицо, представившее въ судъ преступника, не имѣло полномочія начать искъ и ходить за дѣломъ. Напримѣръ: сельскій староста представилъ въ Сыскной Приказъ смертоубійцу, Матвѣя Никитина съ товарищемъ, и при этомъ подалъ явочное челобитье, въ которомъ просилъ: „впредь до слѣдствія держать ихъ (преступниковъ) подъ карауломъ. А о томъ смертномъ убивствѣ и въ бою Бубнова и крестьянъ господина моего и въ отнятіи пожитковъ, получа отъ господина своего повелѣніе, буду бить челомъ и искать, гдѣ надлежитъ и доказывать свидѣтелями“ (Д. № 5, л. 2). Явочныя челобитья подавались въ Сыскной и Судной Приказы, въ провинціальныя, воеводскія и полицеймейстерскія канцеляріи и даже въ сѣзжій дворъ. Разрѣшеніе принимать явочныя челобитья сѣзжимъ дворамъ давалось, вѣроятно, полицеймейстерской канцеляріей. Такъ Сыскной Приказъ однажды спрашивалъ петербургскую полицеймейстерскую канцелярію: „отъ той полицеймейстерской канцеляріи на сѣзжихъ дворахъ явочныя челобитныя и доношенія, помимо той канцеляріи, принимать велѣно-ль?“ (Д. № 36, л. 22) Истцы, подавая въ Сыскной Приказъ исковыя прошенія, всегда упоминали въ нихъ о подачѣ явочныхъ челобитныхъ, а Сыскной Приказъ, принявъ исковое прошеніе, требовалъ всегда подлиннаго явочнаго челобитья отъ тѣхъ учреждений, куда оно было подано истцомъ. Такъ напримѣръ, полицеймейстерская канцелярія, увѣдомляя Сыскной Приказъ о посылкѣ явочнаго челобитья, писала: „и оное подлинное явочное челобитье изъ переплетной книги выпято и послано въ Сыскной Приказъ, а въ той явочной книгѣ съ оной челобитной оставлена точная копія“ (Д. № 102, л. 75). Въ искомомъ прошеніи челобитчики описывали суть преступленія, потомъ обозначали имя и фамилію преступника, или вообще лица, на которое имѣли „невѣрку“; наконецъ прописывали доказательства своего иска. Дѣло начиналось въ Сыскомъ Приказѣ съ того момента, когда исковое прошеніе было принято присутствіемъ. Въ этомъ случаѣ на прошеніи дѣлалась подпись секретаря или актуаріуса: „записавъ въ книгу, взять къ дѣлу, а приводнаго принявъ отдать подъ караулъ и въ чемъ надлежитъ распросить и, выписавъ изъ указовъ, предложить къ слушанію“.

Во вторыхъ, много дѣлъ производилось въ Сыскомъ Приказѣ по указамъ, промеморіямъ и доношеніямъ различныхъ правительственныхъ учреждений, въ которыя такъ или иначе попадали обвиняемые. Правительственныя учрежденія всегда доставляли въ Сыскной Приказъ самихъ колодниковъ-подсудимыхъ, и вмѣстѣ съ ними препровождали предварительное дознаніе и даже слѣдственное производство. Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время всякое учрежденіе, какъ скоро приводился въ него преступникъ, считало долгомъ тотчасъ произвести дознаніе и слѣдствіе съ допросами подсудимому и даже съ при-

страстиемъ, подъ кошками. Послѣ дознанія и слѣдствія учрежденіе, по закону, препровождая колодника въ Сыскной Приказъ, вмѣстѣ съ тѣмъ присылало и все слѣдственное дѣлопроизводство объ немъ, сопровождая его въ началѣ промеморіей или доношеніемъ, въ которыхъ и изначились сущность преступленія и результаты слѣдствія, а въ концѣ — описью всѣхъ бумагъ, касающихся возникновенія дѣла и слѣдствія. Всѣ правительственныя учрежденія присылали бумаги въ подлинникъ, иногдаже и въ копіяхъ, но это было исключеніемъ, которое допускалось по закону, только въ тѣхъ случаяхъ, когда по этимъ дѣламъ „кромѣ розыску, подлежатъ иныя слѣдствія и рѣшенія.“ Въ этомъ смыслѣ въ 1731 г., августа 4-го дня, изданъ былъ указъ, которымъ велѣно: „колодниковъ, которые подлежатъ къ розыскамъ, дабы отъ тѣхъ колодниковъ, также и отъ челобитчиковъ споровъ и въ справкахъ продолженія и сомнѣнія не было, въ тотъ Приказъ (Сыскной) отсылать съ подлинными касающимися до нихъ дѣлами. А которыя подлинныя дѣла отослать будетъ не можно, за тѣмъ что по нимъ, кромѣ розыску, подлежатъ иныя слѣдствія и рѣшенія, и изъ тѣхъ выписывать подлинникомъ то, что надлежитъ и закрѣпя отсылать; а за чѣмъ отослать всего подлиннаго дѣла не мочно, въ промеморіяхъ показывать именно. И о томъ изъ правительствующаго сената въ коллегіи и канцеляріи и конторы указы послааны“ (Д. № 77, л. 2). Когда дѣло, вмѣстѣ съ колодникомъ, поступало изъ какого-нибудь учрежденія въ Сыскной Приказъ, то на промеморіи или доношеніи этого учрежденія дѣлалась надпись секретаря или члена присутствія: „записавъ въ книгу, взять по повѣстью, дѣло приять по описи, а колодника отдать подъ караулъ и присланныя распросныя рѣчи прочитавъ ему передъ судьями и ежели колодникъ при чтеніи тѣхъ распросныхъ рѣчей спорить ни въ чемъ не будетъ, то выписавъ изъ указовъ, предложить къ слушанію (Д. № 95, л. 2). Если предварительныя дознанія и слѣдствія, доставленныя въ Сыскной Приказъ изъ другихъ учрежденій, были достаточно полны и обстоятельны и если, при чтеніи ихъ, обвиняемый не спорилъ и ничего изъ нихъ не отрицалъ, тогда Сыскной Приказъ, не продолжая слѣдствія, полагалъ свое рѣшеніе по дѣлу. Когда же Сыскной Приказъ находилъ слѣдствіе неполнымъ, и — главное — обвиняемый, при чтеніи распросныхъ рѣчей, на нихъ не утверждался, тогда слѣдствіе начиналось снова, „А буде колодникъ станетъ спорить, то переспросить его вновь „обстоятельно“, писалось въ резолюціи на присланномъ въ Сыскной Приказъ дѣлѣ (Д. № 95, л. 2). Дѣла изъ духовныхъ судебно-административныхъ учреждений присылались въ Сыскной Приказъ главнымъ образомъ, во первыхъ, для окончательнаго слѣдствія, — именно тогда, когда слѣдствіе въ духовномъ судѣ дошло до такого предѣла, когда подсудимый „въ изъясненіе доподлинной правды“ не могъ миновать розыску съ пытокъ; во-вторыхъ, дѣла присылались для окончательнаго приговора въ тѣхъ случаяхъ,

когда важность преступления требовала такого наказания, которое, по силѣ законовъ, могло быть постановлено только свѣтскимъ судомъ.

•Наконецъ, въ-третьихъ, Сыскной Приказъ самъ отыскивалъ преступниковъ и начиналъ противъ нихъ дѣла. При Сыскномъ Приказѣ въ разныя времена состояли на службѣ „доносители“, изъ коихъ нѣсколько лѣтъ былъ „вещшимъ доносителемъ“ извѣстный Ванька-Кайнъ; обязанностью ихъ было—открывать преступления и ссыскивать воровъ и разбойниковъ, и ихъ пристани. По извѣтамъ и доношеніямъ этихъ своихъ служаекъ, при посредствѣ своей команды, Сыскной Приказъ ловилъ разныхъ оговоренныхъ лицъ и розыскивалъ ихъ по всеѣмъ правиламъ тогдашняго судопроизводства. „Доносители“ были главными факторами того, что Сыскной Приказъ самъ начиналъ преслѣдованіе преступленій и начиналъ у себя дѣло противъ преступниковъ. Были также случаи, когда онъ привлекалъ къ суду и по извѣтамъ караульныхъ солдатъ; иногда же, очень впрочемъ рѣдко, извѣтчиками являлись частныя лица, которыя видѣли совершеніе преступления или слышали о немъ, но не потерпѣли отъ него. Частныя лица, въ особенности „подлаго“ (низшаго) состоянія, боялись заявлять о совершившемся гдѣ-нибудь преступленіи, потому что они въ большинствѣ случаевъ сами подвергались допросамъ съ пристрастіемъ и розыскамъ (Д. № 4248, л. 28). „Докацику — первый клуть“, гласитъ поговорка, которая, вѣроятно, и составила на Руси въ то давнопрошедшее время.¹

За подачею истцомъ исковой челобитной и за приводомъ отвѣтчиковъ, „на приводцевъ“ тотчасъ налагались нѣкоторыя обязательства. Во-первыхъ, они должны были кормить въ тюрьмѣ приведенныхъ ими обвиняемыхъ. Въ указѣ 1731 годъ, марта 5 дня, по этому предмету читаемъ: „кто кого приведетъ или битъ челомъ стапетъ въ какомъ дѣлѣ, что онаго держать въ Приказѣ или тюрьмѣ надобно, то оный кормить его долженъ. Сіе подъ денежнымъ штрафомъ положить судьямъ; и буде кто изъ челобитчиковъ кормить не станетъ, и его къ оному принудить, а буде не похочетъ, то, объявя вышнему надъ собою суду, оныхъ выпустить“ (Д. № 5610, л. 45). Во-вторыхъ, истцы должны были „ходить за дѣломъ“ и давать деньги на гербовую бумагу. Неисполненіе этихъ условій со стороны истцовъ влекло за собою прекращеніе иска. Въ Уложеніи 21 л., 30 ст. сказано: „буде кто кого приведетъ и съ личнымъ, а за дѣломъ ходить не будетъ двѣ недѣли, и такимъ велѣно въ искахъ отказывать“ (Д. № 6). Приводные освобождались въ такомъ случаѣ отъ задержанія и отдавались „на росписки“. Такъ въ одномъ опредѣленіи Сысканаго Приказа читаемъ: „а по тому дѣлу касающіеся крестьяне Гаврила да Иванъ Соловьи, за нехожденіе истца и за недачею кормовыхъ денегъ, чтобъ съ голоду помереть не могли, отданы на росписки“ (Д. № 3571). На искомомъ прошеніи въ Сыскномъ Приказѣ иногда

дѣлалась такая помѣта: „а въ хожденіи за дѣломъ и въ дачѣ колоднику кормовыхъ денегъ и на произведеніе дѣла гербовой бумаги означеннаго челобитчика обязать подпискою“ (№ 399, л. 1). Челобитчики давали, напримѣръ, такіа подписки: 1743 г. января дня, въ Сыскномъ Приказѣ дому полковника Егора Лукина сына Милокова, служитель Иванъ Меньшой сказалъ, что по поданной отъ господина его челобитной, при которой приведенъ человекъ господина его Яковлевъ съ поличнымъ, хожденіе имѣть опъ будетъ и помянутому колоднику кормовыя деньги, такожъ и на произвожденіе дѣла простую и гербовую бумагу давать станеть безъотговорочно. А ежели опъ Меньшой за опымъ дѣломъ хожденія имѣть и кормовыя деньги, такожъ гербовую и простую бумагу давать не станеть, и за то учинить ему что указомъ повелѣно будетъ“ (Ibid.). Недача денегъ на гербовую бумагу, если не прекращала совсѣмъ иска, то затягивала дѣло на долгое время. Напримѣръ: съ 1731 г. у князя Еникѣева было дѣло въ Сыскномъ Приказѣ съ копистомъ печатной конторы Бурымъ. Первый обвинялъ Бураго въ разбитіи его дома. Дѣло тянулось нѣсколько лѣтъ. Жена Бураго подала въ правительствующій сенатъ челобитье, въ которомъ заподозрила Сыскной Приказъ въ „поноровкѣ“ Еникѣеву и „въ похлебствѣ“. Въ 1738 году образована была особая коммиссія для изслѣдованія этого дѣла. Между тѣмъ Еникѣевъ пересталъ ходить за дѣломъ и давать деньги на гербовую бумагу. Коммиссія затребовала отъ Сыскаго Приказа все дѣлопроизводство Еникѣева съ Бурымъ, но Приказъ медлилъ его отсылкой. Въ 1739 г. правительствующаго сената контора послала Сыскному Приказу указъ, въ которомъ спрашивала: „имѣющееся въ томъ Приказѣ дѣло о Буромъ въ учрежденную коммиссію отослано-ль, а буде не отослано— для чего?“ Сыскной Приказъ сдѣлалъ у себя справку, въ которой было прописано: „показанное дѣло въ учрежденную коммиссію не отослано за нехожденіемъ челобитчиковъ и за недачею на отправленіе гербовой бумаги“. Съ этой справкой ходилъ изъ Сыскаго Приказа правительствующаго сената въ контору подканцеляристъ Поповъ „и казалъ се секретарю Сергѣеву, которую тотъ у него и принялъ, а за нехожденіемъ челобитчиковъ и за недачею гербовой бумаги отговариваться не велѣлъ, а приказалъ о томъ подлинное дѣло къ слѣдствію въ учрежденную коммиссію отправлять немедленно на простой бумагѣ, понеже-де то дѣло велѣно слѣдовать именнымъ ея императорскаго величества указомъ, и челобитчиковъ сыскивать“ (Д. № 528, л. 105). Такимъ образомъ на пестцахъ лежало три обязанности по отношенію къ суду: содержать обвиняемыхъ въ тюрьмѣ, ходить за дѣломъ и давать деньги на гербовую бумагу.

Здѣсь кстати скажемъ о томъ, что потерпѣвшіе отъ преступленія лица или сами начинали и вели судебный процессъ, или уполномочивали на это другихъ лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ потерпѣвшіе да-

вали отъ себя или вѣрюція письма или подавали въ Сылской Приказъ вѣрительныя челобитныя, въ которыхъ просили допустить къ хожденію за дѣломъ то лицо, которому они даютъ полномочіе. У вотчинниковъ, — у всѣхъ почти, были свои люди, „кои за дѣлы ходятъ“, — этимъ людямъ, давали вотчинники прямо вѣрительное письмо за своею подписью, или на всѣ дѣла, которыя у нихъ случатся, или только на одинъ процессъ. Приведемъ образчикъ такого письма книжки Барятинской, которое она дала своему крѣпостному человѣку: „Евѣ Масловъ. Понеже нынѣ пойманъ бѣглою нашъ человѣкъ Осипъ Екушевъ, и того ради привести тебѣ его въ Сылской Приказъ и о принятіи его, такожь о распросѣ подать челобитную и по тому дѣлу имѣть хожденіе, а къ челобитной и къ чему надлежитъ руку прикладывать. А я тебѣ по опому дѣлу вѣрю и что учинишь нынѣ и впредь спорить и прекословить не буду. *Кнеія Лукерья борятинская*“ (Д. № 715, л. 2). Вѣрюція письма, данныя для веденія одного процесса, приобщались къ бумагамъ этого процесса. Повѣренныя челобитыя писались такъ: „Есть у меня никакойшаго дѣло въ Сылскомъ Приказѣ (о томъ-то), а за показаннымъ дѣломъ, вмѣсто себя, ходить и искать и челобитныя подавать въ Сылской Приказъ я вѣрю (такому-то) и что по дѣлу учинено будетъ и я никакойшій ни въ чемъ прекословить не буду. Всемилостивѣйшая Государыня! да повелитъ державство ваше сіе мое повѣренное челобитые принять и записать. И дабы повелѣно было ему (фамилія довѣреннаго) вмѣсто меня за показаннымъ дѣломъ ходить и искать, того ради что я во всемъ ему вѣрю“ (Д. № 62, л. 77). На вѣрительномъ прошеніи въ Сылскомъ Приказѣ дѣлалась помѣта: „вышеозначеннаго повѣреннаго обязать сказкою по указу по означенному дѣлу онъ ходатайствовать будетъ ли“ (Д. № 9, л. 82).

.Истцы, подавая челобитыя, иногда сами приводили въ судъ отвѣтчиковъ, а иногда только указывали ихъ мѣстожительство или пристань и просили Приказъ сыскать виновныхъ. Происходило это отъ того, съ одной стороны, что потерпѣвшіе не могли взять сами преступниковъ, потому что тѣ или успѣли скрыться, или отбились отъ поимки; а съ другой — отъ того, что обвиняемые были люди привилегированнаго состоянія, или занимали видное положеніе: такихъ истцы не могли приводить сами въ судъ, и ихъ сыскивалъ Сылской Приказъ, которому были даны обширныя полномочія, для сыска и привода въ судъ обвиняемыхъ и оговорныхъ лицъ. Въ 1730 году, сентября 10 дня, въ правительствующемъ сенатѣ состоялся „приговоръ“, которымъ велѣно: „по доношенію Сылскаго Приказа, въ Москвѣ и во всѣхъ командахъ генералитету и прочимъ полковымъ командирамъ, такожь и отъ московской губернской канцеляріи въ забираиіи въ тотъ Приказъ оговорныхъ людей не токмо запрещеніе чинить, но и подчиненнымъ ихъ приказать, чтобы они, не доклады-

вая имъ тѣмъ посланнымъ всякое вспоможеніе безъ препятствія и замедленія чинили; а кого и по какому оговору возмутъ, о томъ въ команды послѣ сообщать письменно. И по указу ся императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ приказали: 1) ежели въ которыхъ провинціяхъ и въ городѣхъ, окромѣ губерніи Московской, по посланнымъ изъ того Приказа двумъ указамъ исполненіе и отвѣтствіе не учинятъ, то Сыскному Приказу съ третьими указами послать парочныхъ, а прогонныя деньги и посланнымъ ѣздъ брать съ воеводъ, а буде по третьимъ указомъ исполненія и отвѣтствія не учинятъ, то Сыскному Приказу, не описываясь губернаторамъ, дабы въ томъ продолженія не было, о штрафованіи воеводъ подавать въ Сенатъ доношеніе. А Московской губерніи въ города изъ того Приказа не посылать, а о чемъ надлежитъ—требовать изъ московской губернской канцеляріи, а за неисправленіе воеводъ штрафовать московскому генераль-губернатору по силѣ губернаторской инструкціи 5-го пункта. 2) Во всѣ команды и солдатскія слободы изъ военной, на фабрики—изъ коморъ, на хамовой дворъ—изъ адмиралтейской конторы подтвердить, чтобы впредь посланнымъ изъ Сыскаго Приказа о взятіи оговорныхъ лицъ никакого препятствія и замедленія отнюдь не чинили, а отводили не докладывая командирамъ, по вышеписанному Правительствующаго Сената указу 1730 г. А ежели впредь такіе явятся, что до взятія оговорныхъ не допустить и учинятъ къ утечкѣ ихъ поводъ, за то имъ по слѣдствію Сыскаго Приказа подать въ Сенатъ рапортъ“ (Д. № 22, л. 309). А въ сенатскомъ указѣ 1733 г., января 8 дня, эти полномочія Сыскному Приказу вновь подтверждены. Въ указѣ сказано: „какъ въ высшихъ, такъ и въ нижнихъ правленіяхъ и судахъ вездѣ государственныя и челобитчиковы дѣла, по регламентамъ и указамъ, производить со всякою чистою и безпристрастною совѣстью, безъ продолженія; а въ Сыскаго Приказъ указомъ повелѣваетъ всякаго чина людей, ктобъ какого званія ни былъ, по оговору кто потребуется, присылать безъ остановки и не докладывая вышнихъ командировъ“ (Ibid. л. 232).

При сыскѣ и приводѣ надобныхъ Сыскному Приказу лицъ, онъ посылалъ повѣстныя письма, сыскныя памяти и указы. *Повѣстныя письма* посылались Сыскнымъ Приказомъ, во-первыхъ, истцамъ, чтобы они ходили за дѣломъ и не причиняли суду своими неявками „въ рѣшеніи дѣлъ продолженія“. Такихъ повѣстныхъ писемъ посылалось истцамъ три! Для примѣра возьмемъ одно изъ дѣлъ. Подканцеляристъ губернской канцеляріи Буторинъ привелъ въ Сыскаго Приказъ свою крѣпостную женку, про которую писалъ въ челобитной, что она разъ у него сбѣжала и при побѣгѣ снесла разныхъ его пожитковъ „не малое число“, но что онъ нашелъ ее и заставилъ по-прежнему служить при себѣ. „А нынѣ“, писалъ Буторинъ, оная женка, невѣдомо съ какого злаго умыслу, подсыпала ему отравнаго

зѣля въ вино и въ квасъ, отъ чего меня рвало многожды“, — и просилъ противъ его челобитья жепку разсиротить и учинить по указамъ. Истцы обязаны были ходить за дѣломъ „по вся дни“, а Буторинъ не являлся цѣлую недѣлю. Сыскной Приказъ постановилъ „послать для повѣстки въ нехождение за дѣломъ истацу повѣстное письмо“. Драгунъ московскаго пиквдрона Остаповъ ходилъ съ этимъ письмомъ къ Буторину, но его не засталъ, а казалъ письмо женѣ его, которая „обѣщалась прислать“ мужа въ Сыскной Приказъ. Но Буторинъ не явился. Послано было второе повѣстное письмо, тоже съ драгунномъ; истець опять не явился. Судьи Сыскаго Приказа опредѣляли выписать изъ Уложения и изъ указовъ статьи, касающіяся нехождения истцовъ за дѣломъ, — именно, уложенную 21 гл 30 ст., съ которой напечатано: „которые люди приведутъ кого съ поличнымъ и скажутъ, что то поличное ихъ, и приведчи о указѣ не учнутъ бить челомъ двѣ недѣли, и тѣмъ людемъ въ томъ по государеву указу отказывать“, и слова изъ Указа 1731 г.: „колодниковъ долговременно безъ рѣшенія дѣлъ держать не велѣно подъ опасеніемъ штрафа“. Послѣ этого къ истацу съ повѣстнымъ письмомъ посланъ былъ изъ Сыскаго Приказа подканцеляристъ, но истець опять не явился. Сыскной Приказъ опредѣлилъ: „женку Целагею Михайлову изъ Сыскаго Приказа свободить — отдать ему Буторину съ роспискою, а ежели не возьметъ, отослать въ домъ его и для того послать подьячего по наказу и велѣть при понятыхъ оставить въ домъ его Буторина и о томъ дозвѣдъ подать въ Сыскномъ Приказѣ, понеже по указамъ 1724 и 1731 г. колодниковъ безъ рѣшенія дѣлъ держать не велѣно; а онъ Буторинъ за дѣломъ не ходитъ и приводной своей женкѣ кормовыхъ денегъ не даетъ.“ Копиистъ Протопоповъ, посланный съ наказомъ, подалъ въ Сыскной Приказъ дозвѣдъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „для отдачи женки на дворъ ея помѣщика Буторина ходили и съ роспискою отдавали, которой Буторинъ съ роспискою той женки не взялъ, а потому я Протопоповъ тое его женку оставилъ у него на дворѣ, а при томъ были понятые“ (Д. № 714, л. 7). Во вторыхъ, повѣстные письма посылались иногда и отвѣтчикамъ, обвиняемымъ. Такое письмо, на примѣръ, посылалось купцу Капустину, обвиняемому своей тещей въ кражѣ у ней денегъ и серебряной посуды. „Съ онымъ повѣстнымъ письмомъ ходилъ, — отвѣчалъ посланный солдатъ въ Сыскномъ Приказѣ, — и въ домъ того Капустина засталъ, который, прочеть оное повѣстное письмо, сказалъ, что-де явится въ Сыскномъ Приказѣ сего октября 31 дня“ (Д. № 62, л. 46). Отвѣтчикамъ повѣстное письмо посылалось только одинъ разъ. Въ случаѣ неявки въ судъ по этому письму, по отвѣтчика посылалась „сыскная память“.

Изъ дѣлъ Сыскаго Приказа видно, что сыскною памятью, какъ и повѣстнымъ письмомъ, позывались въ судъ лица привилегированныхъ состояній: дворяне, купцы, подьячіе и даже люди этихъ лицъ,

когда нужно было взять ихъ со двора ихъ господина. Сыскная память была еще, такъ сказать, въкливовой мѣрой позыва въ судъ: посланные съ нею не смѣли входить во дворъ, гдѣ жить сыскиваемый, а должны были ждать, когда онъ сойдетъ со двора на улицу и тогда представлять сыскную память и вести сыскиваемого въ судъ. Если самъ сыскиваемый не сходилъ со двора, тогда брали въ сыску его того, кто сойдетъ. Но сыскная память составляла уже болѣе энергичную мѣру позыва въ судъ. Солдаты, посланные съ нею, должны были ходить ко двору сыскиваемого три дня. Науримѣръ, въ дѣлахъ Сыскаго Приказа постоянно встрѣчаются такія объявленія солдатъ, посылаемыхъ для сыску: „оной солдатъ въ Сыскомъ Приказѣ явился и сказалъ, что онъ: съ тою данною сыскною памятью ходилъ по три дни, токмо онаго (фамилія сыскиваемого) нигдѣ не сыскалъ, а изъ двора не сходитъ, а на дворъ съ тою сыскною памятью идти ему солдату невозможно“. Если солдатамъ, посланнымъ съ сыскною памятью, удавалось найти сыскиваемого, или кого-нибудь изъ его дома, на улицѣ, то они должны были брать его и вести въ судъ. Въ томъ случаѣ, если сыскиваемый отобьется отъ поимки солдатъ, послѣдніе должны были заявлять объ этомъ окольнымъ людямъ, на основаніи статей Уложенія, въ 10-й главѣ 139 ст. котораго напечатано: „будетъ приставъ по приставной отвѣтника, или его людей, поймаетъ у воротъ его, или гдѣ на улицѣ и станетъ по немъ просити поруки къ суду, или позоветъ его въ городъ, и тотъ отвѣтникъ или человѣкъ его у пристава отобьется и пристава въ томъ мѣстѣ, гдѣ они отъ него отобьются, являть на нихъ окольнымъ людямъ“ (Д. № 62, л. 19). Съ сыскной памятью посылались всегда солдаты, состоящіе на службѣ при Сыскомъ Приказѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ подканцеляристы. Если сыскиваемый укрывался съ солдатъ, кои посланы были по него съ сыскною памятью, то въ Сыскомъ Приказѣ составлялось такое опредѣленіе: „для взятія (такого-то) послать изъ Сыскаго Приказа подьячаго съ солдаты по наказу, понеже оной (сыскиваемый) по повѣсткамъ въ Сыскной Приказъ самъ не явился и отъ посланныхъ солдатъ, которые посланы по него были съ сыскною памятью, укрывается“ (Д. № 62, л. 48). Такимъ образомъ Сыскной Приказъ употреблялъ для привода въ судъ обвиняемыхъ или оговоренныхъ уже послѣднюю свою мѣру — сыскъ „по наказу“.

„Наказъ“, какъ рѣшительная мѣра привода въ судъ сыскиваемыхъ лицъ, была уже, такъ сказать, насиліемъ надъ тѣмъ, кто добровольно, по первымъ поzywамъ, не хотѣлъ являться къ отвѣту. „По наказу“ посылались всегда подьячій съ солдатами и съ понятыми — окольными людьми, которые входили въ домъ, обыскивали его, и если находили искомое лицо, то силой вели его въ судъ; если не находили, то брали „въ сыску его въ томъ домѣ кого изойдутъ“. Посылка „по наказу“ называлась „доѣздомъ“. Этотъ приводъ въ судъ совершался

уже „по указу Ея Императорскаго Величества“, а не простимъ, хотя и форменнымъ, позывомъ Сыскаго Приказа. Вотъ, наприм., образецъ наказа: „указъ ея императорскаго величества Сыскаго Приказа канцеляристу Попову. Взявъ съ собою солдатъ, идти тебѣ за Москву-рѣку, въ приходъ церкви Николая чудотворца, что слыветь на Пунышахъ, на дворъ гостиниой сотни кунца Данилы Астафьева сына Томилина, а не доходя того двора, взять съ собою понятыхъ сколько человекъ пригоже, и при тѣхъ понятыхъ взять на томъ дворѣ означеннаго Данилу Томилина... И о томъ доѣздѣ за своею и понятыхъ людей за руками объявить его въ Сыскомъ Приказѣ. А, будучи при томъ, обидь и налоговъ отнюдь никому не чинить — подьячему по генеральному регламенту, а солдатомъ по военному артикулу“ (Д. № 9, л. 143). Когда Сысконой Приказъ отправлялъ „доѣздъ“ въ провинцію, то провинціальному воеводѣ писалъ указъ, въ которомъ прописывалъ поводы смысла означенныхъ въ указѣ лицъ и требовалъ отъ воеводы вспоможенія доѣздной командѣ. А этой послѣдней Сысконой Приказъ давалъ инструкцію на то, что „чинить ей въ пути“. Вотъ образецъ такой инструкціи: „по указу ея императорскаго величества Вологодскаго полка солдатомъ (такимъ-то) чинить по нижеслѣдующему: 1) припавъ вамъ въ Сыскомъ Приказѣ ея императорскаго величества указъ, запечатанной въ пакетъ въ Тульскую провинціальную канцелярію, да одну ямскую подводу отъ Москвы до Тулы и назадъ до Москвы прогонныя деньги одинъ рубль двадцать восемь копѣекъ, да колодника Ивана Рожина въ пожныхъ и ручныхъ кандалахъ, ѣхать въ Тулу неукоснительно; 2) пріѣхавъ въ тотъ городъ, означенной указъ подать въ Тульскую провинціальную канцелярію немедленно; 3) и по подачѣ того указу въ томъ городѣ Тулѣ при понятыхъ, по указыванью онаго Рожина, взять въ томъ городѣ города Серпухова посадскихъ двухъ человекъ: Петра Шишку, да другаго посадскаго человека какъ зовутъ по дѣлу не показано, а дома ихъ и пожитки, все переписавъ, запечатать и отдать того города воеводѣ съ роснискою, а взятыхъ колодниковъ, заковавъ въ ручные и пожные кандалы, привезть въ Сысконой Приказъ; 4) вамъ же на вышеписанныхъ оговорныхъ людехъ доправить прогонныя деньги да ѣздъ вашъ, что по указу надлежитъ, и оныя прогонныя деньги привезть въ Сысконой Приказъ; 5) вышеписанныхъ колодниковъ везти вамъ со всякимъ опасеніемъ и смотрѣть накрѣпко, дабы изъ-за караулу вашего кто утечки не учинилъ. А становиться съ тѣми колодниками для ночеванія въ селѣхъ и деревняхъ, въ коихъ имѣется дворовъ довольное число, и имѣть у тѣхъ колодниковъ въ ночные часы караулъ и на часахъ былъ бы огонь во всю ночь. А ножей бы и другаго тому подобнаго у тѣхъ колодниковъ ничега не было, и пить вина и пива имъ не давать, для того осматривать ихъ въ сутки подважды, дабы отъ того въ пути шуму и драки не было; 6) пріѣхавъ въ Москву, взя-

тыхъ колодниковъ и прогонныя деньги и опись дворами и пожиткамъ объявить въ Сыскномъ Приказѣ при доѣздѣ безъ утайки; 7) будучи въ пути и при взятѣ оговорныхъ, обидѣ и налоговъ никому не чинить; 8) по дорогѣ жителямъ означенныхъ солдатъ и колодниковъ для почлегу пускать и откупщикомъ чрезъ мосты пускать же безъ всякой платы, не удерживая нигдѣ ни малаго времени; 9) а ежели по сей инструкціи что пренебрежете, и за то учинено вамъ будетъ по военному артикулу“ (Д. № 102, л. 30). Доѣзды были грозой для обывателей, въ особенности сельскихъ. Иногда жители цѣлой деревни, незнающіе за собой никакой вины, разбѣгались и укрывались гдѣ попало, какъ только прослышатъ про доѣздъ. Грозой онъ былъ, во первыхъ, потому, что весьма часто забиралъ лицъ безъ разбора, кто попадется, — лицъ ни въ чемъ не виновныхъ, которыя долго, иногда нѣсколько годовъ, томилась въ тюрьмахъ и даже подвергались мученіямъ застѣнка. Сыскной Приказъ не рѣдко, особенно по оговорамъ колодниковъ, посылалъ доѣздъ съ крайне неясными указаніями лицъ, которыхъ нужно взять, а равно мѣсть ихъ жительства. Такъ напр., подканцеляристу Андрееву данъ былъ слѣдующій наказъ: „взявъ солдатъ и колодника Сидорова, ѣхать тебѣ по Серпуховской дорогѣ въ село, которое село отъ Москвы разстояніемъ съ 20 верстъ, а чье то село — по дѣлу не показано, и взять въ томъ селѣ, по указыванію Сидорова, крестьянина Сергѣя, а чей сынъ — не показано, для распросу. А ежели въ томъ домѣ того оговорнаго не получите, то въ сыску его взять въ томъ селѣ старосту, или выборнаго, также въ томъ домѣ осмотрѣть взятой на разбоѣ лошади — мерина бура, у котораго хвостъ рубленъ“. Посланный донесъ: „колодникъ Сидоровъ указалъ по той дорогѣ въ вотчинѣ адмиралтейской коллегіи совѣтника Якова Хитрова въ селѣ Кіовѣ крестьянскій дворъ Кузьмы Степанова и въ томъ домѣ означеннаго Сергѣя не нашли, а взяли того Кузьмы сына его Петра. Поличнаго въ томъ домѣ ничего не явилось. Да въ томъ же селѣ взяли крестьянскаго старосту Федора Еремина“ (Д. № 648). Другой примѣръ: вахмистръ Ромалъ Ваторнинъ доносилъ доѣздомъ: „велѣно мнѣ съ пятнадцатю драгуны и съ разбойникомъ Овсяниковымъ ѣхать въ село Федурново и взять, по указыванію Овсяникова, крестьянина Саву, а отечество не показано; да деревни Никольской, которая отъѣхавъ верстъ съ двадцать въ сторону, крестьянина Петрова. И въ тѣ села мы ѣздили“... Далѣе вахмистръ говорилъ въ доѣздѣ, что они не сыскали ни Савы, ни Григорья, а взяли женъ крестьянъ тѣхъ селъ Савы и Григорья. Жена Савы показала на допросѣ, что мужа ее Савельемъ зовутъ, а жена Григорья (60 лѣтъ) сказала, что мужъ ея за годъ до сего померъ. Обѣ эти женки Савы и Григорья держались въ Сыскномъ Приказѣ долго (Д. № 3707). Съ другой стороны, доѣздные солдаты и драгуны причиняли обывателямъ насилія и грабежи. Для примѣра выпишемъ слѣдующее до-

несеніе штатскаго дѣйствительнаго совѣтника Зыбина: „сего мая 27-го дня“, доносилъ онъ присутствію, „племянникъ мой родной Василій Зыбинъ писалъ ко мнѣ письмо, въ коемъ сказывалъ, что-де отъ Москвы въ 50 верстахъ наѣхалъ онъ на рѣкѣ Клязьмѣ на драгунъ и при нихъ-де двѣ или три телѣги; и тѣ драгуны ему Василью сказали, что они посланы изъ Сыскаго Приказа для взятія оговорныхъ. И встрѣтились съ ними два человѣка на двухъ лошадяхъ въ телѣгахъ и тѣ драгуны, остановя ихъ, били плетьюми. И оной-де племянникъ у тѣхъ драгуновъ спросилъ: „за что ихъ бьютъ?“ И они-де драгуны сказали, что „шлякеры и повеземъ-де ихъ въ Москву“. И потомъ отпустили. А слыналъ-де онъ отъ постороннихъ, что съ тѣхъ мужиковъ тѣ драгуны сняли около 16-ти рублей. И хотѣлъ-де онъ сказать посланному съ ними подьячему, только оной подьячей на телѣгѣ лежалъ весьма пьянъ и его не добудился. И для изслѣдованія о такихъ драгунскихъ блудняхъ письмо предлагаю при семъ“ (Пр. № 99, л. 145). Наконецъ, посланные „по наказу“ подьячіе и солдаты ходили не только въ тотъ домъ, гдѣ жилъ сыскиваемый, но сыскивали его перѣдко и по разнымъ обывательскимъ домамъ, гдѣ, по ихъ какимъ-нибудь свѣдѣніямъ и предположеніямъ, могъ онъ быть въ данное время. Судьи Сыскаго Приказа иногда не хотѣли оказывать ни малѣйшаго уваженія къ домашнему очагу обывателей и приказывали вторгаться въ дома даже тогда, когда тамъ праздновались какія-нибудь семейныя торжества, или оплакивались какія-нибудь семейныя несчастія. Въ подтвержденіе приведемъ одну слѣдующую выписку: „По указу ея Императорскаго Величества и по данному изъ Сыскаго Приказа наказу“, доносилъ того же Приказа канцеляристъ Колобовъ, — „велѣно мнѣ съ извѣтчикомъ Иваномъ Визжухиннымъ, взявъ съ собою солдатъ, идти въ Таганку, по указыванію того Визжухина, на дворъ московской полицмейстерской канцеляріи бывшаго подьячего Егора Петрова и при понятыхъ взять въ томъ домѣ оговорнаго Ивана Филипова съ женою его Матреною Ильиною. А буде ихъ не получите, то взять показаннаго Егора Петрова, или кого въ томъ домѣ получите. И ежели того Петрова въ томъ домѣ его не получимъ, то идти на Воронцовское поле въ приходъ церкви Живоначальныя Троицы въ домъ, гдѣ имѣлась свадьба, а въ томъ домѣ взять того Филипова, или кого получимъ. И по тому наказу я Колобовъ съ извѣтчикомъ Иваномъ Визжухиннымъ, взявъ съ собою имѣющихся въ Сыскомъ Приказѣ московскаго драгунскаго шквадрона каптенармуса, драгунъ четырехъ человѣкъ да понятыхъ, по указыванію Визжухина, на дворъ показаннаго подьячего Петрова ходили и въ томъ домѣ вышепоказанныхъ оговорныхъ Ивана Филипова съ женою, такожъ и того подьячего Петрова не изопли, а взяли въ томъ домѣ вотчины Василія Лодыженскаго крестьянина Алфера Панова. И оный Пановъ сказалъ мнѣ, что-де подьячей Петровъ пошелъ

на свадьбу въ приходѣ церкви Живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ, а къ кому и о дворѣ сказалъ, что не знаетъ. И мы, взявъ съ собою въ понятые (такихъ-то) и провѣдавъ посторонними людьми дворъ, на которомъ имѣлась свадьба и женился геодезистъ Аванасій Ивановъ, и въ томъ домѣ показанныхъ оговорныхъ Ивана Филипова и жены его, такожъ и подьячего Егора Петрова и жены его не изошли, а изошли въ томъ домѣ того подьячего Петрова брата Ивана, взяли его и пошли съ того двора. И оной взятой подьяческой братъ указалъ, что по улицѣ отъ насъ шла женка, про которую сказалъ, что оная женка брата его Егора жена, а его Иванова сноха, Матрена Прокофьева, — и мы тое женку взяли и оная женка сказала, что-де мужъ ся Егоръ Петровъ имѣется въ домѣ того геодезиста въ гостяхъ. И взявъ съ собою въ понятые Гостиная двора сторожа, и съ нимъ, такожъ и со всѣми, ко двору показаннаго геодезиста ходили и требовали объ отдачѣ показаннаго подьячего Егора Петрова, который, знатно, у оного геодезиста былъ въ не безъ-похоропки. И оной геодезистъ сказалъ намъ, что того подьячего у него нѣтъ, и жена его бранила меня неподобною бранью при оныхъ понятыхъ и при каптенармусъ. И потомъ вышеозначеннаго подьяческаго брата Ивана отпустили, а вышеозначенныхъ взятыхъ — Алфера Панова и подьяческую жену предъявляемъ при семъ доѣздѣ“ (Д. № 88 л. 49). Изъ этого допущенія подьячаго Колобова видно, что онъ, явившись въ домъ, гдѣ была свадьба, искалъ главнымъ образомъ не оговорнаго Филипова, а подьячаго Петрова, который виноватъ былъ только тѣмъ, что у него въ домѣ жилъ постоемъ оговорный. Колобовъ, какъ видно изъ дѣла, два раза произвелъ на свадебномъ пиру переполохъ, — и все изъ-за того только, чтобы взять Петрова „въ сыску“ Филипова. „Взятые въ сыску“ обвиняемыхъ или оговорныхъ по дѣлу „правыхъ людей“ или „лучшихъ крестьянъ“ практиковалось Сыскнымъ Приказомъ постоянно, — и бралъ онъ безъ разбору: и тѣхъ, коихъ допущалось брать закономъ, и тѣхъ, коихъ брать законъ запрещалъ безусловно. Напримѣръ, малолѣтнихъ до тринадцати лѣтъ „брать въ сыску“ не велѣно было: 1730 г. 6-го ноябрю самъ Сыскной Приказъ постановилъ по этому предмету такое опредѣленіе: „ежели для взятія оговорныхъ куда будутъ посланы, то посланнымъ въ наказѣхъ писать, чтобъ брать оговорныхъ, и буде оговорныхъ не получатъ, то брать кого получатъ, токмо кромѣ малолѣтнихъ; а ежели кромѣ малолѣтнихъ никого взять не получатъ, то брать и малолѣтнихъ, которыхъ по приводѣ не спрашивать, а докладывать объ нихъ присутствующимъ“. Дальше объяснено: „а именно, меньше тринадцати лѣтъ брать не велѣтъ, а которые приведены будутъ свыше пятнадцати и въ пятнадцать лѣтъ, таковыхъ допрашивать“ (№ Пр. 70, л. 32). Между тѣмъ, посланные по наказамъ, и послѣ вышеприведеннаго опредѣленія присутствующихъ, брали въ сыску оговорныхъ

даже дѣтей, и Сыскной Приказъ принималъ ихъ. Напримѣръ, капраль драгунскаго шквадрона разъ показалъ въ своемъ доѣздѣ: „а взяли у Макарова сына Михайлу, а отъ роду ему 10-ть лѣтъ, а у Петрова взяли брата, а отъ роду ему 11-ть лѣтъ“ (Д. № 103, л. 54). По резолюціи Сыскаго Приказа присутствующихъ приводныхъ велѣно взять подъ карауль. Другой примѣръ: въ сыску дьякона города Зарайска соборной церкви содержались въ Сыскномъ Приказѣ малолѣтнія дѣти: сынъ Василій и дочь Ирина, которой было 5-ть лѣтъ. Секретарь государственной юстицъ-коллегіи Маковъ пожелалъ взять ихъ на росписку и подалъ въ Сыскной Приказъ челобитную. Черезъ нѣкоторое время Василья ему отдали, а объ Ирину Приказъ сообщилъ, что она „волею божіей умре“ (Д. № 1000 л. 292). И не только брались доѣздами въ сыску оговорныхъ такія лица, которыхъ брать не велѣно, но судьи Сыскаго Приказа допрашивали этихъ лицъ и даже съ пристрастіемъ, подымая на виску. И послѣ уже допросовъ они составляли опредѣленіе, что такихъ лицъ брать и держать не велѣно, — и освобождали ихъ. Судьи, безъ сомнѣнія, знали всѣ законы опредѣляющіе ихъ дѣятельность, но они, нерѣдко, какъ будто старались забывать эти законы и дѣйствовали по своему произволу. Для примѣра выишемъ одно опредѣленіе Сыскаго Приказа: доѣздомъ приведена была женка сапожника Иванова Анна Григорьева, „понеже оной сапожникъ Ивановъ довелся сыскаться по оговору вора и церковнаго татя Ѳедора Молчапова въ церковной татѣбѣ, и послылками его Иванова не сыскано, и взята оная жена его въ сыску его, которая въ распросѣ и въ застѣнкѣ съ подъема на вискѣ сказала... а какъ ее посланные взяли, и тогда мужъ ея пошелъ въ городъ для покупки съѣтнаго харчу и съ того времени не бывалъ и нынѣ гдѣ она Анна не знаетъ и гдѣ его искать — не вѣдаетъ, и мужъ ея на какомъ воровствѣ былъ ли, того она не знаетъ и воровства за нимъ никакого не вѣдаетъ. А въ указѣ 177 г. въ 113 ст. написано: „которыхъ оговорныхъ людей, татей и разбойниковъ и убійцевъ и всякихъ воровскихъ людей, по указу и по Уложению, доведется взять, а тѣ воры учнутъ отъ изычной молки бѣгать и векорѣ ихъ сыскать будетъ не мочно, и тѣхъ оговорныхъ людей матерей и женъ и дѣтей не имать и не держать, — того ради приказали: женку Анну Григорьеву изъ Сыскаго Приказа свободить“ (№ Пр. 77, л. 113). Изъ протокола не видно, какія основанія имѣли въ виду судьи для допросовъ женки Анны Григорьевой съ пристрастіемъ, когда по указамъ и брать-то ее въ Сыскной Приказъ не велѣно было. Очевидно, они руководствовались въ этомъ случаѣ своимъ произволомъ или, можетъ быть, особенной ревностью къ разясненію дѣла. Нѣкоторые изъ взятыхъ „въ сыску“ оговорныхъ освобождались изъ Сыскаго Приказа на росписки съ обязанностью поймать и привести въ судъ сыскиваемыхъ. Когда имъ удавалось поймать и привести въ судъ оговорныхъ, то они подавали челобитье,

чтобы сысканнаго на нихъ „больше не взыскивать“. Сыскной Приказъ опредѣлялъ: „означеннаго оговорнаго на нихъ впродъ не взыскивать“ (№ Д, 6, л. 158).

Изъ всѣхъ вышеприведенныхъ матеріаловъ, касающихся сыска обвиняемыхъ и оговорныхъ, между прочимъ, видно, что при позывѣ ихъ въ судъ Сыскной Приказъ соблюдалъ постепенность: прежде посылалъ повѣстные письма, потомъ сыскныя памяти и наконецъ уже наказы. Несоблюденіе такой постепенности въ позывѣ было причиной жалобъ со стороны позываемыхъ и подозрѣнія „въ поворокѣ и въ похлебствѣ“ судей противной сторонѣ. Напримѣръ, купецкій человекъ города Гжатска, котораго сыскали прямо по наказу, говоритъ въ своемъ челобитѣ: „и по тому прошенію (противной стороны) надлежало послать трижды по сыскной памяти, а потомъ по наказу, и подлежало бы имъ понятыхъ опредѣлить для взятія по указамъ — тутошнихъ Гжатской пристани обывателей добрыхъ людей, а не девяти уѣздовъ, также и не бурлаковъ и харчевниковъ, которые учили скопомъ и сговоромъ дешной разбой, и оныхъ понятыхъ и сыскать нигдѣ и никакъ не возможно“ (Д. № 11 л. 62). Эта выписка указываетъ, между прочимъ, на то, что судъ иногда употреблялъ рѣшительную мѣру привода въ судъ обвиняемыхъ, минуя мѣры предварительныя. Изъ дѣла опять не видно, почему въ иныхъ случаяхъ судьи Сыскнаго Приказа употребляли въ дѣло прямо самую рѣшительную мѣру привода въ судъ обвиняемыхъ, именно — наказъ. Впрочемъ, когда нужно было привести въ судъ людей „подлаго“ состоянія, только и употреблялась одна мѣра — наказъ: съ ними „вѣжливенько“ не поступали и не посылали къ нимъ ни повѣстныхъ писемъ, ни сыскныхъ памятей: ихъ просто ловили гдѣ попало. При сыскѣ этихъ людей почти никогда не соблюдалось главное условіе „взятія“ по наказу, именно — участіе въ доѣздѣ понятыхъ: въ этихъ случаяхъ посылалась отъ Сыскнаго Приказа команда солдатъ или драгунъ подъ предводительствомъ какого-нибудь старшаго солдатскаго чина, которая по указыванію языка или доносителя сыскала и забирала „воровъ“.

II.

Допрось обвиняемаго. — Повыткики. — Свидѣтели. — Допрось съ пытки. — Признаніе. — Оговорные. — Повальный обыскъ. — Очныя ставки. — Отдача на росписку. — Сроки для сыска. — Пытка оговорнымъ. — Злоупотребленіе пыткой. — Приговоры суда. — Экзекуція. — Волокита.

Когда обвиняемый былъ въ рукахъ суда, его тогчасъ брали подъ караулъ, а челобиты или дѣло объ немъ сообщалось въ повытье. Съ этой минуты обвиняемый становился колодникомъ. Опросъ колодника

во взводимомъ на него преступленіи производился иногда въ тотъ же день, а иногда черезъ нѣсколько дней. Если колодникъ былъ присланъ въ Сыскной Приказъ изъ какого-нибудь правительственнаго учрежденія вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, то вмѣсто роспросу читались предъ присутствующими его роспросныя рѣчи, данныя въ томъ учрежденіи, откуда онъ присланъ. И если колодникъ на этихъ рѣчахъ утверждался и ни въ чемъ не спорилъ, то Сыскной Приказъ часто не производилъ больше слѣдствія. Въ противномъ же случаѣ слѣдствіе начиналось снова. Первоначальный допросъ колоднику происходилъ передъ присутствующими и прокуроромъ, — такъ подлежало быть по закону, — но чаще всего онъ совершался въ повѣты, передъ повѣтчикомъ. На первоначальномъ допросѣ часто встрѣчается такая помѣта: „приводный допрашиванъ и роспросныя рѣчи его передъ присутствующими и прокуроромъ чтены и онъ утверждался на семъ допросѣ и ничѣмъ не спорилъ“ (Д. № 714 л. 2). „Произвожденіе дѣлъ“ поручалось въ то время разнымъ канцеляристамъ, которые, въ силу этого порученія, производили и допросы подсудимымъ и давали очныя ставки. Это ясно видно изъ слѣдующаго опредѣленія присутствующихъ въ Сыскномъ Приказѣ: „въ присутствіи усмотрѣно, что содержащійся при Сыскномъ Приказѣ колодникъ распопа Ефимъ Никоновъ битъ и подъ глазами сине и голова избита, чего ради спрашиванъ: „кто его такъ билъ?“ И оной распопа сказалъ, что де билъ его протоколистъ Иванъ Мошницъ, давая ему съ содержащимся по тому дѣлу поручикомъ Пальмою безъ присутствія очныя ставки. А по справкѣ онос о распопѣ дѣло и поручикѣ Пальмѣ производитъ секретарь Поповъ да канцеляристъ Оомищъ, а тому протоколисту Мошнину по тому дѣлу произвожденія никакого приказанія не имѣлось... Того ради, на страхъ, чтобъ ему Мошнину, такъ и другимъ канцелярскимъ служителямъ такъ дерзновенно чинить и не къ своей должности вступать было не повадно, учинить ему штрафъ: битъ предъ собраніемъ присутствія въ двѣ палки“ (Д. № 2493). Изъ этого опредѣленія видно, что тѣ канцеляристы, которымъ было отдано „для произвожденія“ какое-нибудь дѣло, могли и допрашивать лицъ „по тому дѣлу касающихся“. По обычаю того времени, повѣты были всегда, такъ сказать, первымъ хозяиномъ находящимся въ его производствѣ дѣлъ, а канцеляристы этого повѣты были главными распорядителями какъ дѣлами, такъ и колодниками: они вѣдали колодниковъ и въ судейской палатѣ и въ тюрьмѣ, распорядились заковкой и расковкой ихъ, отпускомъ въ городъ „для прошанія милостыни“ и для разныхъ надобностей. Въ силу этого обычая, канцеляристы часто, если не постоянно, дѣлали колодникамъ и роспросы, когда это нужно было повѣтью или приказано было присутствіемъ. Мы здѣсь выпишемъ кстати одно извлеченіе изъ дѣла, которое ясно обрисовываетъ значеніе повѣтчиковъ въ Сыскномъ Приказѣ, ихъ вліяніе на направленіе процессовъ и отношеніе къ подсудимымъ и

истцамъ. Князь Еникѣевъ, у котораго было дѣло въ Сыскномъ Приказѣ „о разбоѣ его дому копінстомъ Бурымъ“, подалъ челобитную, а въ ней между прочимъ писалъ: „то дѣло мое было сначала въ по-вытѣхъ у канцеляриста Петра Донскаго, а потомъ невѣдомо какимъ случаемъ, безъ моего прошенія, явилось въ повытѣхъ у канцеляриста Петра Челищева, который изъ дворянъ. И знатно онъ Челищевъ оное мое дѣло взялъ отъ Донскаго самовольно, вымысля для своего лихоимства, чего ради отъ него Челищева ко оному разбойнику Бурому стало происходить якобы дружба и поноровка, что по дѣлу ясно. А мая 25 дня 1734 г., по опредѣленію Сыскаго Приказа, велѣно допросить разбойника оного жену въ написаніи къ отсылкѣ въ Тамбовъ къ отцу его Бурого, къ разбойнику и смертному убійцѣ, составнаго письма къ укрывательству воровства его. А означенный Челищевъ оной разбойничей жены *не допрашивалъ* и означенное опредѣленіе уничтожилъ, знатно дружа и паровя имъ — разбойнику Бурому и женѣ его, токмо время до времени ведетъ оное дѣло къ продолженію. А мая 29 оной Челищевъ подалъ на меня челобитную, якобы въ называніи его воромъ и плутомъ, и за тѣмъ своимъ челобитиемъ онъ Челищевъ, злодѣйствуя мнѣ и безчестя озарнически, того-жъ мая 31 дня, какъ я нижайшій пришелъ въ оной Приказъ, велѣлъ меня въ Приказѣ солдатомъ держать за карауломъ, самовольно, невѣдомо за что; о чемъ я нижайшій на оную его Челищева самовольную дерзость просилъ присутствующаго господина майора Ступишина и оной майоръ велѣлъ меня свободить. Да оной же Челищевъ, паки злодѣйствуя мнѣ нижайшему, невѣдомо какого ради вымыслу, а уже знатно и видно, что дружа и паровя оному разбойнику Бурому и женѣ его и согласуя ихъ къ укрывательству воровства ихъ, 31 мая, взявъ оного разбойника и жену его разбойничью соединительно изъ тюрьмы въ Приказъ и посади подлѣ себя, говорилъ съ ними невѣдомо какія рѣчи тайно, о чемъ я объявлялъ словесно секретарю Бушуеву при другихъ его товарищахъ и вышеобъявленное его Челищева по моему дѣлу произвожденіе и поступки, какъ видно, производимо все неправдою, и ясно видно его ко мнѣ посягательство и нападеніе, а тому моему дѣлу продолженіе, и за тѣмъ мнѣ напрасная волокита и убытки“ (Д. № 528, л. 67).

Первый допросъ подсудимому, — происходилъ ли онъ передъ присутствующими, или въ повытѣхъ, — былъ всегда цѣлой біографіей. Подсудимый долженъ былъ разсказать свою жизнь иногда съ самаго младенчества, прежде нежели станеть отвѣчать на вопросы по обвиненію. Вотъ, напримѣръ, форма распроса: „Лукьяномъ его зовуть, Григорьевъ сынъ, а по прозванію Марьянъ, стъ роду ему 60 лѣтъ. Отецъ его былъ поварь дворцовый. Отца его, тако-жъ и его Марьяна родина въ Москвѣ, за Арбатскими воротами, въ приходѣ церкви Бориса и Глѣба, что на Поварской, въ домѣ дворянина Зотова, а ка-

кой его рангъ—неизвѣстенъ. Отецъ его Марьина въ давнихъ годѣхъ волею Божіей умре; а онъ Марьинъ опредѣленъ былъ по указу, на Сытный дворецъ въ повары, гдѣ и былъ лѣтъ съ 30-ть, и тому третій годъ, по прошенію его, за старостию и глухотою, отъ оногo дворца отставленъ и опредѣленъ во опредѣленную отъ дворца богадѣльню, которая имѣется у Боровицкаго моста, въ которой обрѣтается и понынѣ и получаетъ Ея Императорскаго Величества денежное жалованье и времянно торгуетъ на Арбатѣ. Въ перепись и свидѣтельство мужеска полу душъ онъ Марьинъ явленъ и сказка объ немъ подана, а подушныхъ денегъ съ себя не платитъ“. Дальше слѣдуетъ отвѣтъ по взводимому на него обвиненію. Въ заключеніе перваго показанія писалось: „прежь сего въ приводѣхъ нигдѣ не былъ ни по какимъ дѣламъ. А въ семь роспросѣ онъ сказалъ всю сущую правду и ничего не утаилъ, а буде сказалъ что ложно, и за то указала бы ея императорское величество учинить ему указъ, чему онъ достоинъ“ (Д. № 89 л. 25). Послѣ допроса обвиняемаго осматривали и на допросномъ листѣ писались результатъ осмотра и примѣты: „а по осмотру явился не подозрителенъ“; или „явился подозрителенъ—бить кнутомъ“,—тогда спрашивали, когда и за что бить. Если обвиняемый бить былъ въ какомъ-нибудь правительственномъ учрежденіи, то Сыскной Приказъ провѣрялъ показаніе обвиняемаго; требовалъ изъ того учрежденія справку — дѣйствительно-ли такой-то бить тамъ и за такую ли подлинно вину, какую онъ сказалъ въ Сыскномъ Приказѣ.

На этомъ первоначальный допросъ оканчивался. Но были случаи, когда отвѣтчики на всѣ предложенные имъ вопросы „противъ челобитья“, оставались безъ отвѣта „упрямствомъ своимъ“. Этихъ упрямецъ Сыскной Приказъ держалъ семь дней подъ карауломъ и потомъ опять спрашивалъ. Если и въ этотъ разъ обвиняемый не отвѣчалъ на вопросы, то судъ прямо обвинялъ его. Въ этихъ случаяхъ Сыскной Приказъ руководствовался указомъ 208-го года, декабря 24 дня, въ которомъ говорится: „буде противъ чьего исцова челобитья отвѣтчикъ въ Приказъ сысканъ будетъ, а отвѣчать упрямствомъ своимъ и о срокъ бить челомъ не станеть, и того отвѣтника держать въ Приказѣ, записавъ — въ которомъ числѣ, противъ чьего челобитья, въ какомъ иску въ Приказъ онъ взять будетъ. И будетъ тотъ отвѣтчикъ, сидя въ Приказѣ семь дней, противъ истцова челобитья отвѣту не учинить же, и того отвѣтника въ томъ исцовомъ иску безъ допросу его обвинить, о чемъ подлинно значить въ томъ указѣ“ (Д. № 36. и 22). Съ такихъ подсудимыхъ, тоже безъ суда, брали исцовъ искъ.

Если челобитчикъ доказывалъ свой искъ свидѣтелями, то приводные имъ свидѣтели спрашивались вслѣдъ за допросомъ обвиняемаго. Передъ допросомъ свидѣтелямъ давалась слѣдующая присяга: „азъ нижеименованный общаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ въ томъ, что, въ чемъ я предъ судомъ буду

спрашиванъ, покажу самую истинную правду, какъ доброму и вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу и подданному благопристойно есть“... (№ Д. 2496, л. 25) Свидѣтелямъ давались очныя ставки съ обвиняемымъ передъ присутствующими. Были случаи, когда самихъ свидѣтелей пытали „во изысканіе доподлинной правды“ „Свидѣтелей, Михалкова людей, во изысканіе истины,—Федора Иванова пытати, а малолѣтняго Изота Фадѣева сѣчь розгами и допрашивать: отчего подлинно оной Михалковой смерть приключилась—отъ битья ли, или чего другаго, и не напрасно ли они, и не по злобѣ-ль какой па оного помѣщика ихъ показываютъ“, записано въ одномъ дѣлѣ (№ 4248, л. 319). Но эти случаи были исключительные. Указанное дѣло возбуждено было Аксаковой, которой внука была за мужемъ за помѣщикомъ Михалковымъ и умерла отъ истязаній мужа. Аксакова позвала въ судъ людей Михалкова, видѣвшихъ, какія истязанія чинилъ надъ своей женой ихъ помѣщикъ. Люди Михалкова, вызванные въ качествѣ свидѣтелей со стороны Аксаковой, подтвердили, что помѣщикъ ихъ истязалъ свою жену; а другіе люди Михалкова отрицали эти истязанія. Имъ даны были очныя ставки, и всѣ утвердились на своихъ показаніяхъ. Въ виду разногласій людей одного и того же помѣщика и рѣшено было этими людьми розыскивать „истинную правду“. Въ этомъ случаѣ люди, показывавшіе противъ своего помѣщика, сочтены были уже не свидѣтелями, а какъ бы извѣтчиками. А извѣтчиковъ пытали нерѣдко, какъ указано въ предыдущей главѣ. Послѣ очныхъ ставокъ съ обвиняемымъ, съ свидѣтелей брали приводныя деньги и отпускали ихъ.

На этомъ оканчивался первый актъ слѣдствія. За тѣмъ выписывались изъ Уложенія и указы статьи, подходящія къ преступленію приводнаго, на основаніи которыхъ онъ подлежалъ розыску. Есть много дѣлъ Сыскаго Приказа, гдѣ приводные винились во взводимомъ на нихъ преступленіи, но эта повинка не освобождала ихъ отъ застѣпка. Въ Сыскомъ Приказѣ составлялось такое опредѣленіе: „по повинкѣ его пытати по указу и при розыскѣ спрашивать о всемъ обстоятельно и въ другихъ воровствахъ“. Въмѣстѣ съ уложенными статьями и указными, повелѣвающими пытати приводныхъ, обвиняемыхъ въ татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, Сыскаго Приказъ нерѣдко выписывалъ и указы о сознаніи подсудимыхъ, освобождающемъ ихъ отъ розыску. Вотъ эти указы: 1720 г. февраля государь Петръ Великій словесно указалъ: „которые всякихъ чиновъ люди въ какихъ дѣлахъ въ первыхъ своихъ допросѣхъ сказывали вины свои, то тѣ ставить въ повинныя. А которые съ улики и розыску, тѣхъ въ дѣло и повинныя не ставить. И сей Его Императорскаго Величества указъ лейбъ-гвардіи майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ съ прочими офицеры приказали въ канцеляріи вѣдомства своего записать въ книгу“ (Д. № 3032, л. 10). Другой указъ. „Въ „процессахъ“ во 2-й главѣ напечатано: когда кто признаеть чѣмъ онъ виновенъ есть, тогда доказу

не требует, понеже собственное признаніе лучше свидѣтельство все-го свѣта“ (Д. № 5640. л. 44). Хотя Ссыскной Приказъ и выписывалъ эти статьи изъ указовъ, въ виду повинки подсудимаго съ перваго допроса, по все-таки опредѣлялъ пытать его — нѣтъ ли за нимъ какого другаго воровства. Отъ пытки освобождались, на основаніи „военнаго артикула“, 6 гл. 10 п. процессовъ: „шляхта, служители высокихъ особъ, старые 70-ти лѣтъ, недоросли и беременныя жены. Всѣ сіи никогда пытки подвержены не бываютъ, развѣ въ государственныхъ дѣлахъ и въ убійствахъ, однако жъ съ подлинными о томъ доводами“ (Д. № 2496. л. 15). На основаніи опредѣленія присутствующихъ — розыскивать обвиняемаго, его брали въ застѣнокъ. При розыскѣ въ застѣнкѣ должны были быть присутствующіе съ секретарями и истцы. Последнихъ судъ извѣщалъ повѣстками о днѣ розыска подсудимаго и требовалъ, чтобы они въ Ссыскной Приказъ были. Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько извлеченій изъ дѣлъ. Напримѣръ: драгуны, посланные съ ссыскной памятью къ канцеляристу Яковлеву, явившись съ Ссыскной Приказъ, сказали: „оного Яковлева получили они въ духовной дикастеріи, который, прочесть тою ссыскную память, сказалъ, что-де онъ Яковлевъ въ иску своемъ воленъ — „хочу ищю, или не ищю“, а въ Приказъ-де онъ пойдетъ“. Ссыскной Приказъ постановилъ: „а прежде того розыску, по силѣ „новоуказной“ статьи 191 гл., оному канцеляристу Яковлеву наканунѣ повѣстить, чтобы онъ при томъ розыскѣ былъ“ (Д. № 542. л. 27). За неявкой истцовъ къ розыску — онъ отлагался. „Василій Кулаевскій для вторичнаго розыску взять въ застѣнокъ, а не розыскиванъ, для того, что по сему дѣлу отъ отвѣтчика князь Василья князь Федорова сына Дулова челоуѣкъ его, который былъ при первомъ розыскѣ, Ларіонъ Герасимовъ, въ Ссыскной Приказъ по повѣскѣ не явился“ (№ 77. л. 9). Судъ послалъ по повѣреннаго князя Дулова кописта Андрея Бокова, который, воротившись, сказалъ, что „въ домъ Дулова ходилъ и служители того дома сказали, что повѣреннаго въ домъ нѣтъ: утромъ ушелъ въ городъ, а зачѣмъ — не знаютъ. И онъ Боковъ имъ сказалъ, чтобы онъ сего числа въ Ссыскной Приказъ явился, попеже содержащемуся по дѣлу его господина Дулова съ капитаномъ Шишкинымъ колоднику Кулаевскому того числа будетъ розыскъ, и они служители тому повѣренному сказать хотѣли“. Подъ этой сказкой въ этотъ же день записано: „и августа 9-го дня, по полуночи въ 12 часовъ, въ Ссыскомъ Приказѣ князь Дуловъ и повѣренный отъ него Иванъ Мурзинъ и челоуѣкъ его Дулова Ларіонъ Герасимовъ и другіе его люди никто не явились. Слушавъ сего дѣла о содержащемся колодникѣ Кулаевскомъ... А о бытіи при вторичномъ розыскѣ отъ отвѣтчика князь Дулова повѣренной и служители его по повѣсткѣ не явились, — и того ради приказали: его Кулаевскаго пытать вторично и безъ него отвѣтчика, понеже по двѣ повѣсткамъ никто отъ него не явились. А по ука-

зу Ея Императорскаго Величества, колодниковъ безъ рѣшенія долговременно держать запрещено“ (ibid.). Изъ этой выписки видно, что розыскъ подсудимому давался, за отсутствіемъ истцовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ и отвѣтчиковъ), только въ томъ случаѣ, когда они не явились въ судъ по повѣсткамъ.

Если подсудимый съ перваго розыску оговорилъ кого-нибудь въ соучастіи въ преступленіи, въ „вѣдѣствѣ“ про него или про воревскіе пожитки, въ подговорѣ, въ укрывательствѣ краденаго или разбойнаго и въ покункѣ завѣдомо и безъ порукъ, въ жительствѣ у кого-нибудь безъ паспорта и безъ объявленія на сѣвѣжемъ дворѣ и проч.; то этихъ оговорныхъ Сыскной Приказъ сыскивалъ, на основаніи статей Уложенія. Съ послапными „для сыску“ отправляемъ былъ и колодникъ „для указанія“ мѣстожительства оговорныхъ и ихъ самихъ! Нѣкоторые оговорные являлись сами и подавали челобитья, что они оговорены напрасно, что они „поди добрые“ и просили „обыскать“ ихъ повальнымъ обыскомъ. Сыскной Приказъ всегда исполнялъ челобитья объ обыскѣ. Большой обыскъ для оговорнаго имѣлъ важное значеніе: одобренный по обыску совершенно освобождался отъ суда — и безъ росписки, и безъ порукъ. Для примѣра приведемъ извѣщеніе объ обыскѣ. По челобитю купца Томилина, оговореннаго колодникомъ Павловскимъ въ подговорѣ къ побѣгу за польскій рубежъ, въ Сыскномъ Приказѣ состоялось опредѣленіе — „обыскать его Томилина обыскомъ.“ Для этой цѣли за секретаря Сергѣю Попову дана была слѣдующая инструкция: „Взявъ съ собою канцеляриста Нефеда Попова да трехъ человекъ солдатъ, идти за Москву-рѣку и учинить по сей инструкціи слѣдующее: 1) Понеже по имѣющемуся въ Сыскномъ Приказѣ слѣдующемуся розыскному дѣлу майора Тимофея Грибоѣдова, по которому содержится оноу Грибоѣдова человекъ Михайла Павловскій, который въ распросѣ и съ розысковъ вицился въ побѣгѣ изъ дому означеннаго помѣщика своего и въ прочихъ воровствахъ, да въ побѣгѣ изъ-за караулу Сысканаго Приказа, и показалъ, что-де онъ изъ Сысканаго Приказа утечку учинилъ по подговору 1-й гильдіи купца Данилы Томилина и прикащиковъ его; а оной - де Томилинь говорилъ ему Павловскому: ежели-де онъ утечку изъ-за караулу учинить, то-бъ въ домъ его и на заводы не приходилъ, а шель бы какъ возможно за рубежъ въ Польшу. 2) А Томилинь прошеніемъ объявилъ, что-де воръ Павловской изъ Сысканаго Приказа бѣжалъ и въ то время онъ Томилинь былъ весьма болѣнъ, и не токмо въ то самое время, и прежде того время онъ Томилинь, а именно съ мая по октябрь 1738 г. за своею болѣзнію не токмо его Павловскаго подговаривать могъ, но и съ двора своего въ тѣ числа никуда не сѣзжачъ. Да и того прихода, гдѣ онъ Томилинь жительство имѣеть, приходскіе попы и причетники объ немъ показали, что оной Томилинь въ то самое время былъ весьма болѣнъ

и въ церковь Божию не выходилъ. И просилъ онъ Томилинь, чтобъ не повелѣно было того Павловскаго ложнымъ, воровскимъ, составленнымъ на него рѣчамъ, вѣрить, повелѣно бѣ было о немъ Томилинь, что онъ человекъ добрый, обыскать повальнымъ обыскомъ московскими жителями. 3) А въ Уложеніи 21 гл. въ 33 ст. написано: „которые воры, тати и разбойники, сидя въ тюрьмѣ до полугода и учнутъ говорить, затѣвая воровствомъ, какую татинную и разбойную молку на иныхъ людей для своей корысти, а сперва въ роспросѣ и съ пытокъ про то на нихъ не говаривали, и тѣмъ ихъ язычнымъ молкамъ не вѣрить, чтобъ въ томъ неповиннымъ людямъ тягости и убытка не учинить.“ И въ „новоуказной“ 177 г. 21 ст. нанечатано: „которые разбойники послѣ роспросу и пытки учнутъ сидѣть въ тюрьмѣ двѣ недѣли, а въ тѣхъ двухъ недѣляхъ на иныхъ людей разбою говорить не учнутъ, а послѣ двухъ недѣль, затѣвая воровствомъ какую разбойную молку, учнутъ говорить на иныхъ людей для своей корысти, а сперва въ роспросѣ и съ пытокъ про то на нихъ не говорили, и тѣмъ ихъ язычнымъ молкамъ не вѣрить, чтобъ неповиннымъ людямъ тягости и убытку не учинилось.“ И въ новоуказной же 31 ст. 177 г. написано: „Будетъ въ обыску ихъ одобрять, тѣхъ свобожать безъ порукъ и животы имъ отдавать и выти на нихъ не имать.“ Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Сыскаго Приказа, велѣно о вышеписанномъ купецкомъ человекѣ Данилѣ Томилинь, по силѣ вышеписанныхъ уложенныхъ и новоуказныхъ статей, обыскать повальнымъ обыскомъ московскими жителями, близъ его жительства, добрыми и знатными людьми, тебѣ за секретаря Сергѣю Попову съ канцеляристомъ въ томъ, что онъ Томилинь человекъ доброй ли и въ какихъ подозрѣніяхъ приличествующихъ къ воровству не бывалъ ли. И тотъ обыскъ объ немъ Томилинь, по силѣ означенныхъ уложенныхъ пунктовъ, учинить для того, что означенный Томилинь прошеніями объявляетъ, что человекъ онъ доброй и дабы ему Томилину отъ того напраснаго поклепу торговаго своего промыслу не отстать и отъ податей не лишиться и въ знатномъ купечествѣ въ порицаніи не быть. 4) И учиня тотъ обыскъ, за своєю и обыскныхъ людей руками при доношеніи предъявить въ Сыскаго Приказѣ. А будучи въ томъ обыскѣ, обидѣ и разоренію никому не чинить подъ опасеніемъ штрафа и другу не дружить, и недругу не мстить, а учинить въ правду, по силѣ Уложенія 10 гл. 161 ст.“ За секретаря Сергѣй Поповъ подалъ въ Сыскаго Приказѣ слѣдующій обыскъ: „1741 г. января дня, выслушавъ вышеписанной инструкціи, нижеподписавшіеся сказали, что-де 1-й гильдіи купецъ Данила Остафьевъ сынъ Томилинь человекъ онъ добрый и ни въ какихъ подозрѣніяхъ, приличествующихъ къ воровству, не бывалъ и ни отъ кого объ немъ ни о какихъ непотребствахъ не слыхалъ. И въ сей сказкѣ сказали самую сущую

правду, а ежели сказали ложно и въ томъ отъ кого изобличены будемъ, и за то учинить намъ чему будемъ по указу достойны“ (подпись обыскныхъ людей). Этимъ обыскомъ купецъ Томилинь избавленъ былъ отъ привода въ Сыскной Приказъ (Д. № 22 л. 613).

Приведенныхъ въ Сыскной Приказъ оговорныхъ записывали въ книгу и брали подъ карауль, а потомъ допрашивали „противъ оговору“ подсудимаго. Если у оговорныхъ и подсудимыхъ окажется разнорѣчіе въ показаніяхъ, то имъ давали очныя ставки: „а ежели межъ ними учинится споръ, давать очныя ставки по указу,“ обыкновенно писалось въ резолюціи суда о допросѣ оговорныхъ. Очныя ставки оговорнымъ и подсудимымъ давались по преимуществу въ застѣнкѣ, въ томъ расчетѣ, что оговорные, при видѣ орудій пытки, почувствуютъ страхъ и вслѣдствіе этого принесутъ чистосердечную повинку (№ 5 л. 67). Оговорныхъ, иногда и обвиняемыхъ, когда за ними „приличалось“ неважное преступленіе, или когда противъ нихъ не было достаточно ясныхъ уликъ, судъ опредѣлялъ отпускать изъ-за караула, но не иначе какъ на „знатныя росписки,“ съ тѣмъ чтобы, „какъ въ Сыскной Приказъ спросятъ, поставить неукоснительно,“ или „ставиться имъ въ Приказъ по вся дни.“ Иногда передъ отпускомъ на росписки по повѣтямъ посылалось „справочное письмо,“ въ которомъ писалось: „Сыскаго Приказа канцеляристомъ, подканцеляристомъ и коніистомъ, справясь по дѣламъ, подъ симъ подписать—до содержащагося во ономъ Приказѣ колодника (фамилія) не имѣется-ль какихъ дѣлъ и отъ колодниковъ не показано-ль на него какихъ оговоровъ“ (№ Д. 712 л. 63). Такая же справка по повѣтямъ дѣлалась и тогда, когда подсудимый, по рѣшенію судей, совсѣмъ освобождался отъ суда на „чистыя“ поруки. Въ роспискахъ „порутикамъ“ и самому оговорному или подсудимому ставились такія обязательства: „за тою роспискою ставиться ему въ Сыскномъ Приказѣ по вся дни (или „когда спросятъ“) и безъ указа изъ Москвы никуда не съѣхать. А ежели онъ за тою роспискою въ Сыскномъ Приказѣ ставиться не станетъ и безъ указа изъ Москвы съѣдетъ, и за то на немъ и на росписчикахъ его взять по тому дѣлу исцовъ искъ и съ того иску пошланы по указу безъ всякихъ отговорокъ. А буде оный оговорный (или приводный) волею Божіею умреть, то не объявля о томъ въ Сыскномъ Приказѣ, не погребать, а ежели не объявля то мертвое тѣло погребутъ, то потомужь на росписчикахъ его взять исцовъ искъ и съ того иску пошланы.“ Или писалось такъ: „и за то ему и росписчикамъ его учинить, что указомъ ея императорскаго величества повелѣно будетъ.“ Когда взятый на росписку скроется, то росписчики по немъ просили у суда право сыскивать его. Сыскной Приказъ давалъ имъ три указныхъ срока: первый на двѣ недѣли, второй на мѣсяць и третій—на два мѣсяца (Д. № 88 л. 36). Если въ эти сроки росписчики не доставляли скривнесся лицо, за которое „въ поставкѣ“ они поручились,

то Сыскной Приказъ взыскивалъ съ нихъ по указу. Въ преступленіяхъ тяжкихъ оговорные, на основаніи уложенныхъ статей 21 гл., подлежали тоже пыткѣ, когда приводный съ розыску вины съ нихъ не сговорилъ, и такимъ образомъ выносили нерѣдко три указныя пытки. Послѣ трехъ пытокъ приводному назначались иногда еще двѣ пытки, если оговорные отрицали съ розыска взведенный на нихъ оговоръ, и при этомъ давались опять очныя ставки. Если съ этихъ пытокъ приводный не сговаривалъ вины оговорныхъ, то и ихъ опять подвергали розыску; если же сговаривалъ, то оговорныхъ освобождали изъ суда на росписки, или на поруки.] Приведемъ примѣръ: колодникъ Еринъ розыскиванъ былъ трижды и со всѣхъ розысковъ подтверждалъ свой оговоръ на крестьянъ Конька, Шекунова и др. Но тѣ съ трехъ же розысковъ въ оговорныхъ рѣчахъ на нихъ не вицались. Сыскной Приказъ постановилъ: „Ерина изъ подлинной правды еще пытать дважды и при томъ онымъ Коньку съ товарищи въ спорныхъ рѣчахъ давать очныя ставки. И ежели оный Еринъ съ тѣхъ пытокъ въ ономъ своемъ показаніи утвердится, то изъ подлинной же правды пытать еще и упомянутыхъ Конька съ товарищи.“ Еринъ на слѣдующей пыткѣ свои оговорныя рѣчи съ Конька и его товарищей сговорилъ, поэтому они не были пытаны. Судъ постановилъ—Ерина сослать въ Сибирь, а Конька съ товарищами освободить (Д. № 1826).

Пытка въ то время считалась самымъ лучшимъ средствомъ къ узнанію правды отъ подсудимыхъ, добытые при ея посредствѣ результаты считались неопровержимыми и на нихъ основывалось опредѣленіе суда о виновности или невинности подсудимаго. Между тѣмъ опредѣленно точныхъ узаконеній и правилъ относительно примѣненія и употребленія пытокъ не было. По дѣламъ Сыскаго Приказа видно, что судъ въ иныхъ случаяхъ пыталъ подсудимаго только однажды, а въ другихъ, и по преступленіямъ не особенно тяжкимъ, производилъ три пытки. Судьи не объясняли, почему они пытали одинъ разъ, или трижды. Здѣсь кстати замѣтить, что пытками иногда распоряжались помѣщики въ дѣлахъ своихъ крестьянъ и людей, которыхъ они сами приводили для слѣдствія въ Сыскной Приказъ. Они допускали то одну, то двѣ, то и три пытки обвиняемымъ. Напримѣръ: майоръ Дохтуровъ, котораго человекъ судился въ Сыскаго Приказѣ въ побѣгѣ и „отпирательствѣ холопства“ и былъ пытанъ, подалъ въ Приказъ челобитье, въ которомъ между прочимъ написалъ: „а инѣ, снисходя христіанской должности и не желая крови, о розыскѣ показаннаго бѣглаго человека не челобитчикъ“ (№ Прот. 77, л. 60). Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ привелъ въ Сыскной Приказъ своихъ людей, обвиняя ихъ въ умыслѣ убить его прикащика, польскаго шляхтича Шабеку. Люди два раза были пытаны. Князь Куракинъ подалъ потомъ челобитье, въ которомъ писалъ: „въ Сыскной Приказъ приведены люди мои въ учивенныхъ въ домѣ моемъ про-

дерзостяхъ, о которыхъ по дѣлу ясно, и изъ нихъ трое и розыскиваны, а нынѣ я больше имъ розыску не требую, а за продерзости ихъ въ домъ ко мнѣ они не надобны,—и дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, а людей моихъ за тѣ ихъ продерзости повелѣть сослать въ работу въ Сибирь, или Оренбургъ; а когда изъ нихъ кто мнѣ будетъ впредь надобенъ, о томъ вашему императорскому величеству буду бить челомъ тогда, а при ссылкѣ ихъ повелѣть имъ объявить, что надлежало было за продерзости ихъ еще розыску и наказанію—и опое имъ я унущаю“ (Д. № 723). Сыскной Приказъ обязанъ былъ исполнять волю помѣщика по отношенію къ тѣмъ людямъ, которыхъ онъ приводилъ самъ и отъ которыхъ самъ и потерпѣлъ какой-нибудь ущербъ или вредъ.

Указныхъ пытокъ считалось три; если колодникъ перемѣнялъ свои рѣчи, то пытки повторялись. Приведя въ застѣнокъ, колодника поднимали на виску и били „допросными палками“ и „палкою „одноручкою“; по это считалось не настоящей пыткой, а „допросомъ съ пристрастіемъ“. При первой пыткѣ, почти исключительно, били колодника кнутомъ, поднявъ на виску: давали ударовъ двадцать. При второй пыткѣ число ударовъ увеличивалось иногда, а иногда оставалось то же; при третьей же—число ударовъ кнутомъ доходило до сорока. На третьей пыткѣ часто, кромѣ „битья кнутомъ“, колодника жгли огнемъ: водили по спинѣ и по животу зажжонными сухими вѣниками. Между тѣмъ не было специальныхъ узаконеній относительно того, въ какихъ случаяхъ и по какимъ преступленіямъ пужно употреблять одну пытку или три. Пытали, когда было „довольное подозрѣвіе“. Въ „военномъ артикулѣ“ была попытка указать, когда нужно пытать и когда повторять пытки до трехъ разъ. Въ 6-й гл. процессовъ, въ 3-мъ пунктѣ напечатано: „пытка употребляется въ дѣлахъ видимыхъ, въ которыхъ есть преступленіе. Но въ гражданскихъ дѣлахъ прежде пытать не мочно, пока въ самомъ дѣлѣ злодѣйство наружѣ не объявится; развѣ когда свидѣтель въ большихъ и важныхъ дѣлахъ гражданскихъ въ сказкѣ своей въ лицѣ измѣнится, то пытанъ бываетъ“. Въ 7-мъ пунктѣ: „Буде же кто по довольному подозрѣвію пытанъ будетъ и на пыткахъ во всемъ повинится, потомъ же въ судѣ отъ своей сказки отречется, предлагая, что онъ отъ пытки въ томъ повинится принужденъ былъ, тогда можетъ онъ паки пытанъ быть, понеже учиненное признаніе паки его въ новое подозрѣвіе приводитъ,—и такимъ образомъ можетъ и въ третій разъ пытанъ быть. А ежели трижды пытку снесетъ и паки отречется, то уже онаго болѣе допрашивать не надлежитъ, по взявъ у него полное число порукъ, чтобъ ему всегда, когда потребенъ въ судѣ, явиться, также и присягу, что учиненное надъ нимъ истязаніе ни на комъ не отмѣщать, свободить, токмо отъ злодѣйства весьма не уволить, понеже временемъ новья

могутъ явиться подозрѣнія, и тогда сего паки къ пыткамъ привести надлежитъ“ (Д. № 2278, л. 59). Но и вышеприведенные пункты не ясны и неопредѣленны. Эта неопредѣленность въ дѣлѣ примѣненія и употребленія пытокъ сознава была еще Петромъ Великимъ. Въ 1722 г. апрѣля 20 присутствуя въ Сенатѣ, онъ „указалъ рассмотреть, понеже и въ малыхъ дѣлахъ пытки чинятъ и таковымъ, на которыхъ только мнѣніе имѣютъ. И чтобъ оное унять и по его императорскаго величества указу, Правительствующій Сенатъ приказали: какимъ образомъ о томъ поступать, учиня въ юстицъ-коллегіи мнѣніе дать въ Сенатъ“ (Д. № 3157). Учинено ли было какое мнѣніе въ юстицъ-коллегіи по указу Сената, объ этомъ въ дѣлахъ Сыскаго Приказа свѣдѣній намъ не встрѣтилось. Но изъ тѣхъ же дѣлъ видно, что въ назначеніи пытокъ судъ поступалъ по своему произволу и нерѣдко злоупотреблялъ ими: производились иногда ужасныя пытки, такъ что колодники въ тотъ же день умирали. Напримѣръ: крестьянинъ Булыдинъ, судившійся за продажу чужой лошади, взятъ былъ въ застѣнокъ въ раннія обѣдни и поднятъ на виску, его били „допросными палками“, сѣкли нѣсколько разъ кнутомъ и „между тѣмъ битьемъ на спину сыпали пепель горячій и лили студеною воду и сухой вѣникъ надъ спиною жгли“. Булыдинъ не винился. Его сняли съ виски только въ вечерни „и веденъ былъ онъ въ тюрьму подъ руки едва живъ, и какъ его въ тюрьму посадили, то оный Булыдинъ, бывъ живъ съ четверть часа, умре“ (Д. № 1605, л. 83). Злоупотребленія пытками въ Сыскомъ Приказѣ вызвало въ 1733 г. установленіе при немъ прокурорскаго надзора. Въ протоколѣ Приказа за этотъ годъ записано: „понеже въ присланномъ изъ Правительствующаго Сената въ Сыскаго Приказа ея императорскаго величества указѣ объявлено: въ предложеніи-де въ Сенатъ статскаго совѣтника Анисима Маслова написано: прошедшаго-де марта 5-го числа сего 1733 г. юстицъ-коллегіи прокуроръ Сабуровъ репортовалъ его въ непорядочныхъ розыскахъ въ Сыскомъ Приказѣ, по челобитью статскаго совѣтника Квашнина-Самарина, по распросу его бѣглаго крестьянина. А отчасти-де извѣстно, что въ Сыскомъ Приказѣ и прежде по другимъ дѣламъ такіе непорядочные розыски и пытки чинились; того ради не повелѣно-ль будетъ покаместъ объ опредѣленіи въ тотъ Приказъ прокурора указомъ его, притомъ также и при другихъ такихъ розыскныхъ дѣлахъ смотрѣніе имѣть, по примѣру Суднаго Приказа, вышеозначенному прокурору Сабурову, дабы такіе розыски и пытки могли чиниться порядочно, какъ указы повелѣваютъ, безъ напраснаго невинныхъ мученія и кровопролитія“ (№ Прот. 98, л. 50).

Были даже случаи, что присутствующихъ Сыскаго Приказа Сенатъ штрафовалъ за злоупотребленіе пытками. Напримѣръ: „по имянному ея императорскаго величества указу велѣно—по дѣлу московскаго купца Никиты Луковникова за напрасныя, противъ его показанія, работ-

нику его Ивану Куимову розыски, которые дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Зыбинъ и маіоръ Степанъ Ступишинъ въ Сыскномъ Приказѣ чинили по опредѣленіямъ своимъ, въ противность уложенной 21 гл, 54 п. и указовъ,—за то у оныхъ Зыбина и Ступишина отнять по одной рангѣ, а секретаря, который то дѣло производилъ, написать въ канцелярскія. Да сверхъ того, взять съ нихъ штрафы: съ Зыбина 500 руб., со Ступишина и секретаря по 200 р. А купцу Луковникову, что онъ помянутаго Куимова неправыми своими прошеніи привелъ до розыску, учинить наказаніе—бить кнутомъ нещадно и взять штрафъ двѣ тысячи рублей, изъ которыхъ дать Куимову въ вознагражденіе пятьсотъ рублей и чтобъ его впредь не порицать, дать правой указъ“ (№ Прот. 116, л. 91).

Когда подсудимый проходилъ всѣ пытки, назначенныя судомъ, и когда судьи считали обстоятельства дѣла достаточно ясными, тогда они составляли окончательный приговоръ. Въ послѣднемъ протоколѣ прописывалось преступленіе, въ которомъ обвинялся колодникъ, исчислялись всѣ доказательства, добытыя слѣдствіемъ, за тѣмъ выписывались изъ „Уложения“, изъ „новоуказныхъ статей“, изъ „военнаго артикула“ и изъ указовъ статьи, опредѣляющія степень наказуемости виновнаго, и, наконецъ, самое опредѣленіе наказанія. Приговоры свои по такимъ преступленіямъ, которыя не влекли за собой особенно тяжкихъ наказаній, Сыскной Приказъ самъ приводилъ въ исполненіе. О тѣхъ колодникахъ, которые осуждены были къ смертной казни или политической смерти, Сыскной Приказъ обязанъ былъ сообщать въ Правительствующій Сенатъ. Это велѣно было ему указомъ 1726 г. октября 8 дня. Между тѣмъ, Сыскной Приказъ и другія учрежденія отступали иногда отъ означеннаго указа. Въ 1744 г., марта 17-го, онъ повторенъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ Правительствующаго Сената юстицъ-коллегіи. Въ Правительствующемъ Сенатѣ усмотрѣно, что въ губерніяхъ, и провинціяхъ, и въ городѣхъ, тако жъ и въ войскѣ и въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи смертныя казни и политическую смерть чинятъ не по надлежащимъ винамъ, а другихъ и безвинно, того ради, по указу ея императорскаго величества, Правительствующій Сенатъ приказали: для лучшаго о томъ усмотрѣнія изъ всѣхъ коллегій и канцелярій, губерній и провинцій и командъ о какихъ осужденныхъ къ смертной казни или политической смерти колодникахъ, за что они осуждены, присылать въ Сенатъ обстоятельныя и перечневыя выписки, а до полученія на то указовъ экзекуціи тѣмъ колодникамъ не чинить. Такожъ и впредь которые колодники на смертную казнь или политическую смерть осуждены будутъ, о томъ присылать въ Сенатъ о винахъ ихъ обстоятельныя и перечневыя выписки, а до полученія на то указовъ экзекуціи не чинить. Юстицъ-коллегіи учинить по сему ея императорскаго величества указу“ (Д, № 1605, л. 77).

Колодника, осужденнаго къ смертной казни, отводили изъ тюрьмы въ „покаянную избу“, гдѣ онъ долженъ былъ провести въ уединеніи послѣдніе дни жизни. Къ осужденному посылался священникъ, который исповѣдывалъ его и увѣщевалъ въ послѣднія минуты покаяться передъ Богомъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ и просить Его милосердія. Наканунѣ казни по городу разсылались объявленія объ экзекуціи. Приведемъ здѣсь одно изъ нихъ: „понеже по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію Сыскаго Приказа, велѣно по розыскному депежному дѣлу, красносельской слободы посадскаго человека Кузьму Капылова за литые воровскихъ мѣдныхъ пятикопѣшниковъ казнить смертію — залить горло; а та экзекуція будетъ февраля 11-го дня, то-есть въ пятницу, близъ села Краснаго, и ежели кто похочетъ той экзекуціи смотрѣть, и тѣ бѣ люди шли къ показанному мѣсту“. Для исполненія этой экзекуціи посылался изъ Сыскаго Приказа секретарь съ инструкціей: „взять съ собою канцеляриста да солдатъ сколько человекъ пристойно и заплочныхъ мастеровъ да колодника Капылова, котораго, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію Сыскаго Приказа, велѣно казнить смертію. А буде оный воръ при оной экзекуціи станетъ сказывать ея императорскаго величества „слово и дѣло“ и тому не вѣрять, понеже по указу ея императорскаго величества 1730 г. апрѣля 10-го дня, ... и пр. (Д. № 102, л. 66). Посланный секретарь, по окончаніи экзекуціи, донесъ Сыскному Приказу, что колодникъ Капыловъ „казненъ—залили горло и отсѣкли голову для скорой смерти“.

Въ заключеніе очерка матеріаловъ, касающихся судопроизводства Сыскаго Приказа, выпишемъ нѣсколько извлеченій изъ дѣлъ о судебной „волокиѣ“. Хотя „волокиѣ“ не относится, такъ сказать, къ техникѣ судопроизводства, но не лишнимъ будетъ указать на нее какъ на характеристику судебных нравовъ того времени. Иныя дѣла тянулись въ Сыскномъ Приказѣ лѣтъ десять и больше; нерѣдко бывало, что начинали ихъ и вели нѣсколько лѣтъ одни истцы, а продолжали наследники. Много въ дѣлахъ Сыскаго Приказа челобитій отъ колодниковъ, въ которыхъ они плачутся, что „содержутся въ тюрьмѣ многое число лѣтъ, въ узахъ желѣзныхъ окованы, помираютъ голодною смертію и пришли во всеконечное разорѣніе, а рѣшенію своему не видятъ конца“. Нѣкоторые истцы, вслѣдствіе судебской волокиѣ, совсѣмъ прекращали иски. Вотъ, напримѣръ, челобитіе князя Василья Петровича Голицына: „по оному моему дѣлу отъ начала челобитыя въ Сыскномъ Приказѣ, отъ 1731 г. по 1739 г., по подаваемымъ челобитнымъ и по многимъ моимъ и людей моихъ докучнымъ просьбамъ не токмо указаго окончательнаго рѣшенія могъ получить, но по опредѣленію онаго жъ Сыскаго Приказа о взисканіи сказки, чтобъ помянутыхъ воровъ и смертоубійць для роспросу и розыску въ Сыскной Приказѣ сыскать—и того чрезъ показанное дол-

гое время получить не могъ; отчего чрезъ оное упущеніе и отъ такой долговременной волокиты получилъ я себѣ напрасныя немалые убытки. И, не хотя уже такихъ напрасныхъ убытковъ незаконно претерпѣвать, принужденъ былъ оного своего праваго дѣла отрѣшиться“ (Д. № 37 л. 74). Причину этой волокиты челобитчики видѣли въ корысти, въ похлѣбствѣ, въ „примѣткахъ“ и вообще въ лихоимствѣ всѣхъ служившихъ въ Сылскомъ Приказѣ, которые въ иныхъ дѣлахъ находили для себя доходную статью, поэтому и тянули ихъ. Самъ Правительствующій Сенатъ замѣчалъ эту волокиту во всѣхъ тогдашнихъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. „А другія мѣста—писалъ онъ въ своемъ указѣ, присланномъ въ Сылской Приказъ 1736 г. октября 29 числа,— не только въ слушаніи и рѣшеніи дѣла волокиты чинили, но и по слушаніи нѣкоторыя одними приговорами, закрѣпою волочили до дву лѣтъ, не страшась въ такомъ пренебреженіи наитягчайшаго гнѣва ея императорскаго величества“. Правительствующій Сенатъ видѣлъ причину волокиты въ томъ, что присутствующіе не высказывали въ своихъ присутствіяхъ указныхъ генеральнымъ регламентомъ часовъ и вообще манкировали служебнымъ временемъ. Онъ перѣдко угрожалъ тяжкими штрафами за нерадѣніе въ дѣлахъ и „пренебреженіе“, но всѣ его усилія принудить присутствующихъ разныхъ учреждений къ должному и добросовѣстному исполненію дѣлъ были безуспѣшны. Въ вышеприведенномъ же указѣ Сенатъ писалъ: хотя „по указамъ ея императорскаго величества за подписаніемъ собственныхъ руки и изъ кабинета ея императорскаго величества, какъ въ интересныхъ, такъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и счетахъ и доимкахъ повелѣно исправно чипить — не токмо подъ денежнымъ штрафомъ, наказаніемъ и ссылкой, „но и подъ смертнымъ осужденіемъ, — и по тѣмъ указамъ до нынѣ самымъ дѣйствіемъ во исполненіе не учинено; а отговорки ихъ принять уже никакой и законной причины имѣть не возможно“ (№ Прот. 56 л. 220). Вообще указовъ, и самыхъ строгихъ, принуждающихъ судей къ радѣнію и исправленію дѣлъ по совѣсти, шло изъ Сената много, но они „въ самое дѣйство“ никогда „не происходили“ и судьи, во все время существованія Сылскаго Приказа, волочили дѣла „множественное число лѣтъ“.

РОЗЫСКНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ

ПРИ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

1763—1782 годовъ.

I Своднїя объ ея учрежденїи.

Имяннымъ указомъ 15 декабря 1763 года повелѣно было— „Розыскному Приказу въ Москвѣ не быть“, а подлежавшїя этому Приказу дѣла вѣдать въ „особо учрежденной при Московской губернской канцелярїи экспедиціи“ (И. С. 3 т. XVI 11989, п. 20). Отсюда возникаетъ прежде всего вопросъ, была ли до того времени при Московской губернской канцелярїи Розыскная Экспедиція, расширенная означеннымъ указомъ только чрезъ присоединеніе къ ней дѣлъ Сыскаго Приказа, или же она учреждена имъ вновь и является такимъ образомъ продолженіемъ Сыскаго Приказа, только въ иной формѣ и подъ другимъ названіемъ. Вопросъ этотъ не рѣшается ни самимъ указомъ 15 декабря 1763 года, ни даже приложенною къ нему книгою штатовъ и поэтому остается открытымъ. Отвѣтъ на него даютъ документы самой Розыскной Экспедиціи, а именно, прежде всего журналъ ея отъ 22 ноября 1764 года (№ 2 лл. 722—775). Въ этомъ журналѣ заключается краткая исторїя послѣднихъ лѣтъ Сыскаго Приказа, отчетъ объ его упраздненїи и о переходѣ дѣлъ въ Розыскную Экспедицію, а равно ея штаты, кругъ вѣдомства и дѣлопроизводство. Полнота и ясность изложенїя этой журнальной записи, а также ея значеніе представляютъ намъ помѣститъ ее здѣсь дословно:

„1764 года, ноября 22 дня Розыскная Экспедиція, слушавъ учиненной выписки, въ которой показано: По имянному 1730 году, іюля 22 дня указу повелѣно въ Москвѣ быть Сыскаму Приказу и велѣно вѣдать татїянныя, разбойныя и убивственныя дѣла; которые воры и разбойники пойманы будутъ въ Москвѣ и приведены въ полицеймейстерскую канцелярїю, тѣхъ, записавъ, того жъ времени отсылать въ Сыскаго же Приказъ. По силѣ того указу тотъ Приказъ съ того 1730 даже по сей 1764 годъ имѣлся, въ которомъ находились: главной судья, коллежскихъ совѣтниковъ и въ должности ихъ надворныхъ совѣтниковъ, ассесоровъ по два, итого по пяти персонъ и прокуроръ, секретарей четыре, протоколисть одинъ, канцеляристовъ четырнадцать, копїистовъ двадцать; точїю съ тѣми секретарями и приказными служителями по множеству въ томъ Приказѣ розыскныхъ и строгихъ дѣлъ исправиться было никакъ невозможно, отъ чего въ произведенїи дѣлъ происходила крайняя остановка и для того о прибавкѣ секретарей и приказныхъ служителей въ 1750-мъ году представлено было

отъ того Приказу Правительствующему Сенату доношеніями, по указу не получено; а въ 1753 и 1756 годахъ въ томъ Приказѣ сочинены журналы, въ коихъ объявлено, что въ томъ Приказѣ по крайней необходимой надобности падлежитъ быть секретарямъ пяти человѣкамъ, протоколисту одному, актуаріусу одному, регистратору одному, архиваріусу одному, канцеляристамъ двѣнадцати, копистамъ тридцати человѣкамъ, для исповѣди и причащенія колодниковъ попу одному, сержанту одному, капралу одному, нижнихъ чиновъ служителямъ: сторожамъ четыремъ, заплечнымъ мастерамъ шести, для разсылокъ солдатамъ шести человѣкамъ и о томъ сочинены были штаты и на разсмотрѣніе при доношеніи въ Правительствующій Сенатъ посланы, токмо о томъ изъ Правительствующаго Сената указу не прислано. Однако въ томъ Приказѣ по необходимости многотрудныхъ и чрезвычайныхъ слѣдственныхъ, строгихъ и интересныхъ дѣлъ, о каковыхъ чрезъ представленія безъизвѣстно и Правительствующему Сенату, имѣлось секретарей и правящихъ оную должность по восьми и по семи, и по шести человѣкъ приказныхъ служителей: регистраторъ, актуаріусъ, архиваріусъ, канцеляристовъ по 14-ти, подканцеляристовъ по 15-ти, копистовъ по 20-ти человѣкъ и болѣе, по и тѣми по множеству въ томъ Приказѣ дѣлъ тогда исправленіе происходило съ крайнею нуждою, о чемъ неоднократно и Правительствующему Сенату и того Сената конторѣ донесено было и изъ нихъ по нѣкоторымъ рѣшеніямъ приказные служители въ прибавокъ изъ разныхъ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ и опредѣляемы были, точію къ тѣмъ дѣламъ необыкновенные и неспособные и за тѣмъ производство по дѣламъ происходило съ немалымъ продолженіемъ, отъ чего тотъ Приказъ имѣлъ на себя не малое нареканіе, на послѣдокъ же находилось: секретарей четыре человѣка, канцеляристовъ двѣнадцать, подканцеляристовъ десять, копистовъ одиннадцать человѣкъ. А въ 1763 году, декабря 15 дня, по имянному ея императорскаго величества указу Розыскному Приказу быть не велѣно, а велѣно дѣла онаго вѣдать Московской губернской канцеляріи и для того при оной губернской канцеляріи учредить Розыскную Экспедицію, въ которой по состоявшемуся и апробованному ея императорскимъ величествомъ штату повелѣно быть секретарямъ двумъ, протоколисту одному, регистратору одному, канцеляристамъ четыремъ, подканцеляристамъ шести, копистамъ шести, сторожамъ двумъ, заплечнымъ мастерамъ двумъ. А хотя же по учиненнымъ штатамъ въ каждомъ мѣстѣ число людей и на нихъ годовая сумма положена, но, какъ часто бываетъ, что изъ канцелярскихъ служителей одинъ другаго способнѣе и прилежнѣе въ дѣлахъ, то и должны, по силѣ 1725 году указу, президенты и прочіе, кто надъ которою канцелярією дирекцію имѣеть, смотря по трудамъ и достоинству канцелярскимъ служителямъ жалованье, равнымъ образомъ и число ихъ—по количеству дѣлъ приба-

вить или убавить, только бы никогда положенной штатной суммы не превосходило; сіе разумѣется о такихъ, кои противъ офицеровъ ранговъ не имѣютъ, а имѣющихъ противъ офицеровъ ранги получаютъ непремѣнно по ихъ окладамъ. По силѣ того указа и штату въ оной Экспедиціи оставлено было: секретарей два, а именно—Василій Бѣлкинъ и Дмитрій Аверкіевъ, изъ которыхъ Аверкіевъ минувшаго мая 3 дня взятъ во учрежденную при Правительствующемъ Сенатѣ комиссію о лихоимствѣ и взяткахъ гдѣ и нынѣ находится и чрезъ неоднократно отъ оной Экспедиціи въ Московскую губернскую канцелярію, а изъ оной въ Правительствующій Сенатъ представленія, его, Аверкіева, въ ту Экспедицію къ дѣламъ и нынѣ не прислано; а Бѣлкинъ Правительствующимъ Сенатомъ отъ Санктъ-Петербургскихъ департаментовъ опредѣленъ къ дѣламъ въ высекую провинціальную канцелярію, который отъ оной Экспедиціи сего 1764 году, сентября 17 дня, и отбылъ; и тако за тѣмъ распредѣленіемъ оныхъ секретарей, по опредѣленію оной Экспедиціи, секретарскую должность правятъ находящіеся въ оной Экспедиціи актуаріусъ Пафнутьевъ, минувшаго мая съ 6-го, регистраторъ Алексѣй Никифоровъ сентября съ 17 числа и нынѣ добropорядочно и прилежно, изъ которыхъ Пафнутьевъ до того съ 1756 году, октября 14 дня правилъ протоколистскую должность и о произведеніи его въ протоколисты въ разныхъ годахъ, мѣсяцахъ и числахъ отъ бывшаго Сыскаго Приказа въ Правительствующій Сенатъ и отъ Розыскной Экспедиціи въ Московскую губернскую канцелярію о предъявленіи объ ономъ въ Правительствующій Сенатъ доношенія, точно объ ономъ ни откуда указа не получено; а сего же 1764 году, сентября 21 дня, при указѣ Правительствующаго Сената Московскихъ департаментовъ въ оную экспедицію присланъ въ протоколистскую должность произведенный Правительствующимъ Сенатомъ отъ С.-Петербургскихъ департаментовъ секретарь Максимъ Перхуровъ, а Никифоровъ сего жъ 1764 году, іюня съ 10-го сентября по 17-е число правилъ протоколистскую должность добropорядочно, и въ тѣ чины они, Пафнутьевъ и Никифоровъ, произведены въ 1760 году; а сего 1764 году, октября 21 дня, по требованію оной экспедиціи, при указѣ изъ Московской губернской канцеляріи въ оную экспедицію къ дѣламъ присланъ секретарь Иванъ Сирскій, который и нынѣ въ оной экспедиціи находится, да приказныхъ служителей—регистраторъ одинъ, канцеляристовъ четыре, подканцеляристовъ шесть, копистовъ шесть, да къ нимъ въ помощь по необходимой нуждѣ для убѣжанія того, чтобъ въ отправленіи дѣлъ упущенія послѣдовать не могло, сверхъ штата, по силѣ означеннаго 1763 году, декабря 15-го дня, указа, опредѣлено быть канцеляристамъ пяти, кописту одному противъ вышеннаго числа, сколько уже на послѣдокъ было по штату положено—меньше—секретарей два, канцеляристовъ три, подканцеляристовъ четыре, копистовъ четыре. А генваря 15-го числа, по имян-

ному жъ ея императорскаго величества указу повелѣно дошедшимъ колодникамъ пытки производить въ губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ, а въ приписныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ пытокъ производить не велѣно, по которому указу изъ приписныхъ Московской двѣнадцати городовъ дошедшіе до пытокъ колодники въ тое экспедицію присылаются, а въ бывшей Сыскной Приказъ изъ тѣхъ канцелярій колодниковъ не токмо для пытокъ, но не для чего присылаемо не было. А въ бывшемъ же Сыскномъ Приказѣ было въ приводѣ и присылкѣ колодниковъ и изъ нихъ въ свободѣ и въ отсылкѣ въ разныя присутственныя мѣста и въ ссылку на каторгу, а именно: въ 1761 году въ приводѣ и въ присылкѣ 1437, въ свободѣ и въ отсылкѣ 536, въ ссылку въ Сибирь и въ Оренбургъ 829, и того 1365; въ 1762 году въ приводѣ и въ присылкѣ 1158, въ свободѣ и въ отсылкѣ 386, въ ссылку въ Сибирь и въ Оренбургъ 596, и того 982; въ 1763 году въ приводѣ и въ присылкѣ 1747, въ свободѣ и въ отсылкѣ 971, въ ссылку въ Сибирь и въ Оренбургъ 659, и того 1630. Въ Розыскной Экспедиціи въ 1764 году въ приводѣ и въ присылкѣ 1356, въ свободѣ и въ отсылкѣ 393, въ ссылку въ Сибирь и въ Оренбургъ 407, и того 800. А нынѣ въ оной Розыскной Экспедиціи содержится колодниковъ, а именно: по дѣламъ слѣдующіе (подслѣдственныхъ) 270, малолѣтнихъ въ воровствахъ 13, въ неплатежѣ выти и пошлинь 9, въ Московскую губернскую канцелярію о винахъ представлено одиннадцать, по взятымъ въ Правительствующій Сенатъ дѣламъ 7; по взятымъ же въ Юстиць-Коллегію дѣламъ 7, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ въ ссылку въ Сибирь и въ Оренбургъ 186, оставшихъ отъ ссылки, о которыхъ представлено въ губернію—одинъ, опредѣленныхъ въ Розыскной Экспедиціи 519, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ для содержанія до указа изъ Сенатской Конторы одинъ, изъ Юстиць-Коллегіи 28, изъ Камеръ-Коллегіи одинъ, изъ Московской полиціи 7, итого 37, всего 556, въ томъ числѣ женскаго пола сто десять. Приказали: тайному совѣтнику и Московской губерніи губернатору и кавалеру Ивану Ивановичу Юшкову подать доношеніе, въ которомъ объявить, что опредѣленными по штату секретарями и приказными служителями по текущимъ въ Розыскной Экспедиціи дѣламъ исправиться никакъ невозможно, ибо Москва съ уѣздомъ обширностью и людствомъ несравненна не только съ Санктъ-Петербургомъ, но и ни съ которымъ городомъ, понеже въ той Москвѣ и уѣздѣ помѣщиковъ и у нихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, также и купцовъ, и фабрикъ, и въ нихъ работныхъ людей весьма множественное число, которые дворовые и работные люди нерѣдко чинятъ кражи и бѣгутъ, а нѣкоторые и воруютъ и по поимкѣ для надлежащаго въ силѣ указа изслѣдованія присылаются въ Розыскную Экспедицію и привожены бывають, почему имъ допросы и по тѣмъ допросамъ тѣ, коихъ они оговаривають скрываются и по сыску и тѣмъ оговорнымъ допросы и увѣщанія къ

слѣдствію происходятъ. А сверхъ того и изъ приписныхъ къ Московской губерніи городовъ многіе колодники, кои доходятъ до пытокъ въ тое Экспедицію для тѣхъ пытокъ присылаются, понеже по имянному ея императорскаго величества, января 15 дня 1763 году, указу въ тѣхъ городѣхъ пытокъ чинить не велѣно, почему тѣмъ присылающимся, во первыхъ, увѣщаніе опредѣленнымъ для того священникомъ, а потомъ и пытки производятся безъ потерянія времени; да и, кромѣ того, изъ многихъ Московской и прочихъ губерній и провинцій, и городовъ, состоящихъ по тракту къ Сибири, по вся годы присылается въ тое Экспедицію въ разные мѣсяцы и числа для ссылки въ Сибирь къ перчинскимъ серебрянымъ заводамъ немалое число колодниковъ, которые изъ той Экспедиціи и отправляются не въ одно, но въ разныя времена и о всемъ томъ сочиняются и подписываются присутствующими журналы и по нихъ многое исполненіе чинится, къ тому же послѣ прежнихъ присутствующихъ осталось перѣшленныхъ дѣлъ и колодниковъ, какъ выше значится, немалое число. Хотя Экспедиція, усмотря то, что въ оной, какъ колодниковъ, такъ и объ нихъ дѣлъ столь немалое число происходитъ, по крайней и необходимой нуждѣ сверхъ штата опредѣлила въ прибавокъ показанное число приказныхъ служителей и въ томъ, чтобъ секретари и приказные служители по дѣламъ отправленіе и въ слѣдствіяхъ къ рѣшенію окончаніе чинить какъ наискорѣе возможно, не продолжая, стараніе и понужденіе имѣеть, однако и изъ-за того въ томъ продолженіе чинится и колодниковъ время отъ времени умножается, да и впредь чаятельно тожъ быть можетъ по причинѣ той, что колодниковъ въ свободѣ бываетъ не столько, сколько вновь прибываетъ, но противъ того числа съ немалымъ излишествомъ и то все не отъ чего иного происходитъ, но за крайнимъ противъ прежняго числа малолюдствомъ секретарей и приказныхъ служителей, коими еще безъ прибавки всесовершенно въ дѣлахъ скорѣйшее слѣдствіе производить и въ положенный онымъ имяннымъ февраля 10 дня указомъ срокъ о колодникахъ рѣшений чинить никакимъ образомъ невозможно и для убѣжанія того, чтобъ за малоимѣніемъ секретарей и приказныхъ служителей въ произведеніи и рѣшеніи дѣлъ дальняго продолженія, а колодникамъ задержанія быть не могло, по крайней необходимой нуждѣ подлежитъ сверхъ положеннаго по штату числа еще прибавить секретаря одного, приказныхъ служителей—канцеляристовъ и подканцеляристовъ трехъ, копистовъ четырехъ и имъ, такожь и вышеписаннымъ, опредѣленнымъ оною Экспедиціею за штатомъ приказнымъ служителямъ на дачу жалованья опредѣлить сумму по объявленнымъ въ штатѣ окладамъ, ибо по множеству колодниковъ и объ нихъ дѣлъ для объявленныхъ всесовершенныхъ невозможностей меньше того безъ потерянія времени исправиться будетъ нельзя, ежели же повелѣно будетъ только оное число—секретаря и приказныхъ служителей, а на дачу имъ

жалованья суммы сверхъ штата опредѣлено не будетъ, то тѣмъ приказнымъ служителямъ положеной по штату суммы въ дачу доставаться будетъ противъ показанныхъ въ штатѣ окладовъ не токмо вполы, но и гораздо менѣе и тако имъ такимъ малымъ жалованьемъ содержать себя будетъ нечѣмъ и опасно, чтобы они, видя себя въ крайнемъ недостаткѣ, не могли коснуться къ взяткамъ, а сверхъ того необходимо потребно для разсылокъ по сыскамъ и прочимъ случающимся дѣламъ крайнихъ надобностей при той Экспедиціи быть сержанту одному, капралу одному, солдатамъ шести человекамъ съ надлежащимъ жалованьемъ, понеже оныхъ по штату не положено, и по такой нуждѣ для оного посылаются изъ находящихся при той Экспедиціи на караулѣ полевыхъ полковъ. А о награжденіи чинами вышесказанныхъ нынѣ правящихъ секретарскую должность актуаріуса Пафнутаева и регистратора Никифорова за прилежное ихъ къ дѣламъ какъ въ бывшемъ Сыскномъ Приказѣ, такъ и нынѣ въ Розыскной Экспедиціи предъ прочими труды и понятія въ оныхъ, и искусства, и безпорочную службу благоволено бѣ было представить въ Правительствующій Сенатъ Санктъ-Петербургскихъ департаментовъ, а паче то все предать въ наилучшее разсмотрѣніе ему, господину тайному совѣтнику, кавалеру и Московской губерніи губернатору Юшкову“.

Цѣль этого журнала очевидна: онъ составленъ для разъясненія вопроса объ увеличеніи штатовъ въ Розыскной Экспедиціи, но въ тоже время даетъ общій обзоръ устройства и кругъ дѣятельности Розыскной Экспедиціи. Кромѣ штатовъ и краткой исторіи послѣднихъ лѣтъ Сыскаго Приказа, мы имѣемъ возможность почерпнуть изъ этого журнала еще слѣдующія свѣдѣнія: 1) Розыскная Экспедиція учреждена по упраздненіи Сыскаго Приказа, взамиѣнъ его (...и для того при той губернской канцеляріи учредить Розыскную Экспедицію“...) и служила какъ бы его продолженіемъ, такъ что кругъ вѣдомства Сыскаго Приказа всецѣло, даже съ вѣкоторыми добавленіями, перешель къ Экспедиціи. 2) Штаты Розыскной Экспедиціи были сокращены противъ штатовъ Сыскаго Приказа. 3) Чины бывшего Сыскаго Приказа были въ большинствѣ оставлены для занятій въ Экспедиціи. 4) Чиновниковъ Экспедиціи утверждали Московскіе департаменты Сената, они же и переводили ихъ на другія должности и въ другія правительственныя учрежденія. 5) Къ Экспедиціи были приписаны двѣнадцать воеводскихъ канцелярій, въ которыхъ не имѣли права производить пытокъ (къ Сыскаму Приказу приписныхъ канцелярій не было), а всѣхъ колодниковъ, дошедшихъ до розысковъ, должно было посылать въ Экспедицію. 6) Экспедиція была центральнымъ пересылочнымъ мѣстомъ ссыльныхъ въ Сибирь и Оренбургъ. 7) Всѣ нерѣшенные въ Сыскаму Приказѣ дѣла перешли въ вѣдѣніе Экспедиціи, гдѣ ихъ оканчивали. 8) Экспедиція была подъ вѣдѣніемъ Московской губернской канцеляріи и губернатора. Кромѣ того, интересно свѣдѣніе о многочисленности пре-

ступленийъ въ Москвѣ и въ уѣздѣ, а также нѣкоторыя статистическія данныя о количествѣ колодниковъ, содержащихся въ Сыскномъ Приказѣ и Экспедиціи съ 1761 по 1764 года. Такимъ образомъ съ перваго же раза намъ становится яснымъ какъ происхожденіе, такъ и кругъ вѣдомства и силы вновь учрежденной въ 1764 году Розыскной Экспедиціи.

На основаніи вышесказаннаго имяннаго указа 15 декабря 1763 года при Московской губернской канцеляріи (№ 1 л. 430), вмѣсто упраздненнаго Сыскаго Приказа (№ 1 л. 823), была учреждена Розыскная Экспедиція, принявшая при посредствѣ Московской губернской канцеляріи дѣла Сыскаго Приказа, какъ это видно, изъ слѣдующаго указа Юстиць-Коллегіи:

„Указъ Ея Императорскаго Величества изъ Государственной Юстиць-Коллегіи 1764 году, генваря 16 дня, въ бывшій Сыскаго Приказъ“.

„По Имянному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся въ прошломъ 1763 году, декабря 15 дня, за подписаніемъ собственной ея императорскаго величества руки, между прочимъ по 20-му пункту, повелѣно Розыскному Приказу въ Москвѣ не быть, а онаго дѣла вѣдать въ особо учрежденной при Московской губернской канцеляріи Экспедиціи, какъ о томъ въ штатѣ показано, а посему, въ силу объявленнаго имяннаго ея императорскаго величества указу, имѣющіяся въ опомъ дѣла и о колодникахъ представить въ тое губернскую канцелярію въ скорости и впредь болѣе оному именованіи *Приказомъ*, тако же и въ оную Юстиць-Коллегію по тѣмъ дѣламъ ничѣмъ, кромѣ той губернской канцеляріи, представленія не имѣть“ (№ 2 л. 394).

Этотъ указъ главнымъ образомъ объявляетъ Сыскному Приказу о томъ, что съ переименованіемъ его въ Розыскную Экспедицію все апелляціонное производство передается въ Московскую губернскую канцелярію и, кромѣ того, косвенно указываетъ на то, что вновь учреждаемая Экспедиція просто перемѣнила названіе и штаты Сыскаго Приказа, оставаясь на томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, въ послѣднее время Сыскаго Приказа находился у калужскихъ воротъ, близь землянаго вала, гдѣ по упраздненіи его, помѣстилась и Розыскная Экспедиція (№ 89 л. 36; № 48 л. 491).

Экспедиція находилась подъ вѣдѣніемъ и главнымъ надзоромъ московскаго губернатора (№ 41 л. 271) и подъ непосредственнымъ подчиненіемъ и „*апелляційей*“ Московской губернской канцеляріи (№ 3 л. 3), но въ то же время она не сливалась вполнѣ съ губернской канцеляріей, какъ бы особое отдѣленіе ея, а составляла совершенно самостоятельное учрежденіе (№ 2 л. 314); такъ, на примѣръ, былъ въ Экспедиціи „*протоколистъ Авапасевъ, который прежде находился при дѣлахъ въ Московской губернской канцеляріи*“ (№ 23 л. 180);

подобное выражение прямо указывает на то, что Экспедиция не слывалась в своемъ дѣлопроизводствѣ съ этой канцеляріей.

Въ январѣ 1764 года Сыскной Приказъ еще не былъ окончательно переименованъ въ Розыскную Экспедицію и въ бумагахъ называется еще „*бывшимъ Сыскнымъ Приказомъ*“; въ это время подготавливался только переходъ этого учрежденія подъ вѣдѣніе Московской губернской канцеляріи, которая съ января 1764 года начала вступать въ свои права; такъ:

„1764 года, генваря 13 дня, бывшего Сыскаго Приказа присутствующіе слушавъ присланной изъ Московской губернской канцеляріи сего генваря 8 дня съ журнала копіи, въ коей между прочимъ написано, что по высочайшему ея императорскаго величества имянному указу Розыскному Приказу быть не велѣно; а быть подъ вѣдомствомъ той губернской канцеляріи Розыскной Экспедиціи и по оному ея императорскаго величества высочайшему имянному указу въ той канцеляріи опредѣлено: отъ того бывшего Розыскаго Приказа въ оную канцелярію подать вѣдомости: 1) Кто нынѣ имѣются присутствующіе, секретари, приказные служители и прочихъ чиновъ люди и у кого какія у секретарей по экспедиціямъ, а у повѣтчиковъ по повѣтьямъ дѣла. 2) Колико рѣшенныхъ дѣлъ и по нимъ содержится колодниковъ, кто съ котораго году и по какимъ именно дѣламъ и зачѣмъ оныя дѣла не рѣшены, а колодники содержатся“ (№ 29 л. 27).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1764 года не встрѣчается болѣе названія „Сыскной Приказъ“; мѣсто его заступаетъ названіе: „Розыскная Экспедиція“, хотя иногда попадаетъ еще выраженіе: „бывшій Сыскной Приказъ, что нынѣ Розыскная Экспедиція“ (№ 3 л. 3). Въстѣ съ дѣлами и всѣ денежные суммы, оставшіяся въ Сыскномъ Приказѣ или находившіяся въ его распоряженіи, перешли въ вѣдѣніе Экспедиціи (№ 1 л. 822; № 29 л. 11).

Розыскная Экспедиція, какъ мы уже сказали, находилась во все время своего существованія у калужскихъ воротъ, близъ землянаго вала и состояла: 1) изъ зданія присутствія, раздѣлявшагося на судейскую, секретарскую, подьяческую палаты, и архивъ, 2) изъ острога, при которомъ находились „офицерская кардегардія“ и солдатская караульня (№ 1 л. 27; № 48 л. 19; № 154 лл. 21, 24). Подьяческая палата заключала въ себѣ отдѣльныя „повѣтья“, завѣдывавшія каждое опредѣленнымъ родомъ дѣлъ, напримѣръ „повѣтье о ссыльныхъ колодникахъ“ и пр. (№ 28 л. 341); кромѣ того былъ особый „приказный столъ“, гдѣ хранились и записывались всѣ получаемыя изъ разныхъ мѣстъ указы (№ 15 л. 180; № 27 л. 7).

Личный составъ.

При указѣ 1763 года, декабря 15, введены въ дѣйствиѣ и повышаны штаты какъ для губернской канцеляріи *), такъ и для учрежденной при ней Экспедиціи: „Въ Розыскной Экспедиціи, которая имѣетъ состоять подъ вѣдомствомъ той Московской губернской канцеляріи“ значится: „совѣтникъ одинъ, коллежскій ассесоръ одинъ, секретарей два, протоколистъ одинъ, регистраторъ одинъ, канцеляристовъ четыре, подканцеляристовъ шесть, копистовъ шесть, сторожей два и палачей два“. (Дѣла № 10 л. 1). Штатъ этотъ утвержденъ одновременно съ указомъ объ упраздненіи Сыскаго Приказа (№ 2 л. 294).

При переименованіи Сыскаго Приказа въ Розыскную Экспедицію многіе чины Приказа, какъ опытные и знающіе уголовныя законы и судопроизводство, были оставлены при должностяхъ и въ Экспедиціи, но такъ какъ штатъ этой послѣдней былъ меньше штата Сыскаго Приказа, то нѣкоторые изъ служившихъ въ этомъ Приказѣ остались безъ должностей. При открытіи впрочемъ Экспедиціи, вѣроятно, для скорѣйшаго окончанія и приведенія въ порядокъ дѣлъ, нѣкоторое время оставались на лицо всѣ судьи Сыскаго Приказа. Такъ, по новымъ штатамъ полагалось только двое присутствующихъ — одинъ совѣтникъ и одинъ ассесоръ, въ началѣ же 1764 года, уже послѣ переименованія Сыскаго Приказа въ Розыскную Экспедицію, засѣдало четверо судей: 1) въ должности главнаго судьи дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Беклемишевъ, 2) въ должности совѣтника на дворный совѣтникъ Петръ Михайловскій, 3) коллежскій ассесоръ Левъ Вельяминовъ-Зерновъ, 4) коллежскій ассесоръ Семенъ Абрамовъ (№ 29 л. 1, 31, 51, 58, 69, 75 и др.). Далѣе въ томъ же году значится трое судей: 1) коллежскій совѣтникъ Сергій Давыдовъ, 2) коллежскій ассесоръ Акимъ Савельевъ и 3) Иванъ Пономаревъ (№ 1 л. 779, 850). Кромѣ того, въ присутствіе первое время являлся прокуроръ Ѳедоръ Хвоцинскій (№ 29 лл. 19, 31, 51 и др.), тогда какъ по новымъ штатамъ прокуроръ состоялъ не при Экспедиціи, а при Московской губернской канцеляріи (Дѣла № 10 л. 1), а впослѣдствіи во все время существованія Экспедиціи въ засѣданіяхъ ея не значился.

Въ первое время по учрежденіи Экспедиціи судьи являлись на засѣданія въ 6-мъ часу утра (№ 29 л. 31, 41, 51 и др.), впослѣдствіи же во всѣ года присутствующіе собирались въ 8-мъ часу утра; присутствіе продолжалось до 2-го часа пополудни (№ 41 л. 23; № 48 лл. 15, 16, 793 и др.).

*) „Въ штатѣ показано: губернаторъ въ рангѣ 3-го или 4-го класса, губернаторскихъ товарищей въ рангѣ 5-го или 6-го классовъ два, прокуроръ одинъ, секретарей три, протоколистъ одинъ, регистраторъ одинъ, архивариусъ одинъ, канцеляристовъ восемь, подканцеляристовъ десять, копистовъ десять, переплетчикъ одинъ, ученикъ одинъ, сторожей три, палачъ одинъ“ (Дѣла № 10 л. 1.).

Уже въ половинѣ 1764 года новыя штаты были вполне введены со всею строгостью: присутствующихъ было только двое — Сергѣй Давыдовъ — въ должности совѣтника и Акимъ Савельевъ — въ должности ассессора (№ 1, л. 850). Нижнихъ чиновъ и служителей, согласно штатамъ, было двадцать четыре (№ 1, л. 115), именно:

Секретарей — 2,	съ жалованьемъ въ годъ	300 р.	всего	600 р.
Протоколистъ 1	"	"	"	200 р.
Регистраторъ 1	"	"	"	150 р.
Канцеляристовъ 4	"	"	по 130 р.	520 р.
Подканцеляристовъ 6	"	"	по 100 р.	600 р.
Копистовъ 6	"	"	по 60 р.	360 р.
Сторожей 2	"	"	по 18 р.	36 р.
Палачей 2	"	"	по 12 р.	24 р.

И того 2,490 р. *).

Жалованье это выдавалось по ассигновкѣ Статсъ-Конторы изъ Московской Рентерен (№ 1, л. 430), за вычетомъ на лазаретъ („госпиталь“) въ размѣрѣ 1 копѣйки съ рубля (№ 51, л. 2); вычтенныя на лазаретъ деньги отсылались въ Статсъ-Контору (№ 1, л. 430).

Кромѣ сказанныхъ чиновъ, при Экспедиціи состояли: 1) священникъ „для увѣщанія колодниковъ“ съ дѣлюю ихъ чистосердечнаго призванія, который былъ прикомандированъ на основаніи указа 1763 года, февраля 10-го (И. С. З. т. XVI ст. 11750), по промеморіи Московской Духовной Консисторіи, отъ замоскворѣцкаго сорока—церкви св. Николая чудотворца, что въ Голутвинѣ; за службу свою онъ получалъ годоваго жалованья 20 рублей (№ 3, л. 3); 2) караульные оберъ-офицеръ и прапорщикъ, которые командировались изъ разныхъ полковъ, стоявшихъ въ московскомъ округѣ и потому мѣнялись; караульные солдаты на основаніи указа изъ конторы Правительствующаго Сената 1752 года, августа 14 дня, бывшему Сыскному Приказу, командировались изъ полковъ въ количествѣ 200 — 250 человекъ для *стереженія* колодниковъ и „къ сыску оговорныхъ“ (№ 1, л. 439), подъ начальствомъ вышеупомянутыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ (№ 1, л. 439; № 48, л. 45); 3) при самомъ острогѣ — сержантъ (№ 1, л. 155); 4) при Экспедиціи лѣкарь (№ 48, л. 45) и 5) сержантъ „у смотрѣнія замковъ и печатей“ (№ 106, л. 248).

Чиновники и служители назначались и увольнялись по распоряженію губернатора (№ 48, л. 627), о чемъ дѣлалось представленіе черезъ Московскую губернскую канцелярію въ Правительствующій Сенатъ (№ 48, л. 245). Секретари имѣли въ своемъ завѣдываніи „экспедиціи“ какъ извѣстные отдѣлы занятій, заключающіе въ себѣ новытѣя, вѣдавшія извѣстный кругъ дѣлъ, подъ наблюденіемъ секретаря и подъ завѣдываніемъ канцеляриста (№ 48, л. 85); подканцеляристы

*) № 1, л. 430.

и кописты занимались въ повытьяхъ, при чемъ одинъ изъ копистовъ назначенъ былъ въ архивъ „у описи дѣлъ“ (№ 106, л. 94). Кромѣ обычныхъ занятій по повытьямъ, канцеляристы и подканцеляристы обязаны были поочередно дежурить при Экспедиціи (№ 76, лл. 3, 4, 5 и др.); одинъ изъ канцеляристовъ или регистраторъ избираемъ былъ на годъ, для исправленія должности прихода-расходчика (№ 1, л. 115, 822; № 15, л. 179), одинъ такъ же выбирался, на годичный срокъ, для занятій въ „Приказномъ столѣ“.

Награды и повышенія чиновъ Экспедиціи шли по представленію ея, черезъ губернатора (№ 48, л. 838), на утвержденіе Правительствующаго Сената; такъ же взысканія за проступки и упущенія по службѣ, напримѣръ, пониженіе въ должности до выслуги лѣтъ, происходили по опредѣленію губернатора, сообщавшемуся Экспедиціи въ указѣ изъ Московской губернской канцеляріи (№ 106, л. 94).

Изъ чиновъ Сыскаго Приказа, оставшихся за штатомъ, нѣкоторые, бывъ уволены, отправлены изъ Экспедиціи въ Московскую губернскую канцелярію, гдѣ имъ выдано было заслуженное жалованье, послѣ чего они были отосланы въ Герольдмейстерскую контору при Правительствующемъ Сенатѣ „для опредѣленія къ другимъ дѣламъ“ (№ 1, л. 567; № 2, л. 48); нѣкоторые же по просьбѣ были окончательно уволены, по сдачѣ дѣлъ, при чемъ имъ были выданы изъ Экспедиціи аттестаты (№ 5, л. 219), на основаніи слѣдующаго указа 1741 года, іюля 15: „Обрѣтающимся у дѣлъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и прочимъ чинамъ, которые у какого дѣла имѣются и впредь будутъ и смѣнятся или отрѣшены будутъ, то по смѣнѣ или по отрѣшеніи давать отъ тѣхъ командъ аттестаты въ томъ, что будучи они у тѣхъ дѣлъ порядочно-ль поступали и не имѣется-ль на нихъ отъ кого челобитень или какого подозрѣнія и еще, какъ указами повелѣно, окончень и совѣмъ ли исправлень. А ежели кто былъ въ какомъ подозрѣніи, или въ бытность его при дѣлахъ поступалъ непорядочно и счетовъ не окончилъ или есть неисправень, о томъ при отпускѣ ихъ изъ тѣхъ командъ отписывать имянно, а безъ такихъ аттестатовъ отъ тѣхъ командъ никому не отлучаться и командиръ безъ того ихъ не отпускалъ бы, дабы послѣ о томъ въ справкахъ затрудненія не было“ (№ 1, л.л. 377, 378).

Къ низшимъ служителямъ принадлежали и палачи, назначавшіеся какъ и всѣ прочіе по представленію Розыскной Экспедиціи Московской губернской канцеляріей; большею частію они выбирались по желанію изъ преступниковъ и передъ назначеніемъ въ эту должность требовалось засвидѣтельствованіе штатнаго палача Экспедиціи, что сказанный преступникъ „къ исправленію палачевской должности способенъ“ (№ 48, л. 104).

Поименованные выше присутствующіе судьи (Сергѣй Давыдовъ и Акимъ Савельевъ) пробыли на этихъ должностяхъ до 1770 года, въ

которомъ совѣтникомъ былъ назначенъ въ Экспедицію надворный совѣтникъ князь Барятинскій, а ассессоромъ Николай Вележевъ (№ 15, лл. 4, 5 и др.: № 41, л. 23). Изъ этихъ лицъ послѣдній пробылъ въ Экспедиціи въ сказанной должности до 1782 года, когда она была упразднена, и тогда переведенъ въ Палату Уголовныхъ Дѣлъ (№ 41, л. 23; № 48, лл. 7, 413, 793, 866; № 28, лл. 2, 611), что же касается совѣтника Николая Барятинскаго, то онъ пробылъ въ Экспедиціи до января 1782 года, когда на мѣсто его былъ назначенъ надворный совѣтникъ Александръ Бѣлосельскій (№ 28 л. 2; № 48 л. 7), переведенный 22-го апрѣля того же года въ Военную и Соляную Экспедицію (№ 28, л. 447), мѣсто же его занялъ полковникъ Алексѣй Панинъ (№ 28, л. 341; № 48, л. 413); въ томъ же году, 5-го августа, на мѣсто Панина назначенъ былъ на должность совѣтника коллежскій совѣтникъ Николай Болотовъ, оставшійся въ Экспедиціи до ея упраздненія (№ 28, л. 611; № 48, л. 793, 866 и ниже).

Не смотря на то, что Экспедиціею, какъ видно и изъ журнала ея 1764 года 22 ноября (№ 2, лл. 772—775), употреблено было много усилій и ходатайствъ касательно увеличенія ея штатовъ, всѣ эти старанія не привели рѣшительно ни къ какимъ результатамъ: штатъ 1763 года, декабря 15, оставался безъ всякаго измѣненія во весь періодъ существованія Розыскной Экспедиціи до самаго ея упраздненія (№ 23, лл. 521, 522; № 28, л. 447; № 51 лл. 15, 16). Губернаторъ въ силу своей власти хотя и назначалъ нѣкоторыхъ чиновъ сверхъ положеннаго штатомъ числа, но въ то же время убавлялъ изъ штатныхъ (№ 15, л. 190), такъ какъ сумма, ассигнованная на жалованье судьямъ, чиновникамъ и служителямъ Экспедиціи была таже, что и по указу 1763 года декабря 15-го, именно 3465 рублей безъ измѣненія (№ 25, лл. 521, 522).

Представимъ для примѣра штатъ и жалованье за года 1766 и 1777.

Въ 1766 году было:

Относительно жалованья судьямъ свѣдѣній нѣтъ.

Секретарей 2, жалованье въ годъ по 297 р., всего 594 р.

Въ должности секретаря протоколистъ	1	"	"	"	"	198	"	"	198	"
Въ должности секретаря регистраторъ	1	"	"	"	"	148	"	50 к.	148	р. 50 к.
Регистраторъ	1	"	"	"	"	100	"	—	100	"

За этими чинами слѣдовали канцеляристы съ жалованьемъ отъ 97 р. 92 коп. до 77 р. 22 коп. въ годъ, подканцеляристы съ жалованьемъ отъ 67 р. 31 к. до 59 р. 40 к. въ годъ, кописты съ жалованьемъ отъ 47 р. 52 коп. до 36 р. 21 коп. въ годъ, староста съ жалованьемъ по 17 р. 82 коп. и палачи съ жалованьемъ по 11 р. 88 коп. въ годъ (№ 51, лл. 15, 16).

10*

Въ 1777 году было:

Присутствующихъ 2,		жалованье обонмъ въ годъ всего	975 р.
Секретарей 2,		съ жалованьемъ въ годъ по 300 р.,	всего 600 р.
Въ должности секретаря протоколистъ	1	„ „ 199 р. 98 к.	199 р. 98 к.
Въ должности протоколиста регистраторовъ	2	„ „ 150 р. — „	300 р.
Въ должности протоколпста регистраторъ	1	„ „ 180 р. — „	180 р.
Архивариусъ	1	„ „ 129 р. — „	129 р.
Канцеляристовъ	10	отъ 129 р. до 49 р. 68 к.	288 р. 33 ¹ / ₄ к.
Подканцеляристовъ	2,	одинъ 66 р. др. 30 р. — „	96 р.
Копистъ	1	60 р. — „ — „	60 р.
Сторожей	2	по 18 р. — „ — „	36 р.
Палачей	2	по 12 р. — „ — „	24 р.

И того всего . 3,015 р. 31¹/₄ к.

Слѣдовательно, за всѣми уплатами оставалась еще экономія 449 рублей 68³/₄ коп. отъ положенной по штату суммы 3,465 рублей. Изъ сравненія этихъ данныхъ съ установленнымъ въ 1763 году, декабря 15, штатомъ видно, что губернаторъ, не выходя за предѣлы ассигнованной суммы по высочайше утвержденному штату Розыскной Экспедиціи, въ тоже время по своему усмотрѣнію распредѣлялъ между чинами жалованье и должности, даже убавлялъ положенную по штату сумму, такъ что выходило, подобно какъ въ 1777 году, что нѣкоторые канцеляристы получали жалованья меньше подканцеляристовъ и тому под. При выдачахъ жалованья, которыя производились по третямъ, кромѣ помянутаго выше вычета на госпиталь по 1 коп. съ рубля, производились такъ же вычеты „за отпускъ въ дома, за небытіе и недосидѣніе указанныхъ часовъ при своихъ мѣстахъ и за повышеніе чиновъ“ (№ 23 л. 522).

Предметъ вѣдомства.

Какъ видно уже изъ вышеприведеннаго журнала 1764 года, ноября 22-го (№ 2, лл. 772—775), Розыскная Экспедиція замѣнила собою Ссыскной Приказъ и въ тоже время всѣ функціи и весь кругъ вѣдомства Приказа, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, перешли къ Розыскной Экспедиціи. Въ томъ же журналѣ ясно очерчивается и та территория, на которую простиралась юрисдикція Розыскной Экспедиціи—именно городъ Москва и московскій уѣздъ; но, кромѣ того,

къ Экспедиціи было приписано еще двѣнадцать уѣздныхъ городовъ (№ 1, л. 823), преимущественно Московской губерніи (№ 1, лл. 27, 89), хотя въ то же время въ число этихъ приписныхъ вошли нѣкоторые города и другихъ смежныхъ губерній, наиримѣрь — гор. Кашира и Каширская воеводская канцелярія (№ 1, л. 456), гор. Малоярославецъ и Малоярославецкая воеводская канцелярія (№ 2, л. 338).

Въ то же время Экспедиція приняла на себя и окончаніе всѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ Сыскаго Приказа (№ 1, лл. 95, 101, 213), почему всѣ челобитчики по этимъ дѣламъ обращались уже съ просьбами и заявленіями въ Экспедицію (№ 1, л. 101); слушая и окончивая дѣла бывшего Сыскаго Приказа, Розыскная Экспедиція при рѣшеніи ихъ руководствовалась всѣми касательно этихъ дѣлъ присланными (если таковые были) указами изъ Юстиць-Коллегіи (№ 1, л. 239) и спосилась по поводу ихъ съ сей послѣдней посылая ей рапорты. Въ этомъ отношеніи замѣчается уклоненіе отъ обычнаго хода дѣлъ въ Экспедиціи, которая подчинена была всецѣло Московской губернской канцеляріи, а не Юстиць-Коллегіи (какъ Сыскаго Приказа).

Характеръ дѣлъ, входившихъ въ область вѣдѣнія Экспедиціи, опредѣленъ былъ самой формой судопроизводства: вѣдѣнію ея подлежали всѣ дѣла, въ которыхъ по уложенію 1649 года и по послѣдующимъ узаконеніямъ назначенъ былъ „розыскъ“, т. е. дѣла уголовныя, изслѣдуемая съ помощію пытокъ. Всѣ дѣла, имѣвшія характеръ гражданскихъ исковъ и взысканій вѣдались Суднымъ Приказомъ, который, въ случаѣ если при разбирательствѣ какого-либо подобнаго дѣла оказывалось необходимымъ употребить при дознаніи розыскъ, отсылалъ это дѣло для дальнѣйшаго производства въ Розыскную Экспедицію (№ 82, л. 66). Въ то же время всѣ другія правительственныя учрежденія, если подвѣдомственное имъ лицо, кто-либо изъ членовъ его семьи или крѣпостныхъ людей совершалъ уголовное преступленіе, — послѣ допросовъ отсылали ихъ въ Розыскную Экспедицію (№ 1, л. 161), такъ какъ всѣ означенныя учрежденія, въ томъ же числѣ, безъ сомнѣнія, и полицеймейстерская канцелярія, какъ мѣсто специальное, могли налагать полицейскія взысканія на провинившихся подвѣдомственныхъ имъ лицъ, но не могли судить уголовныхъ преступленій, гдѣ при дознаніи употреблялась пытка. Кроме того, и провинціальныя судебныя органы, находившіеся въ приписныхъ къ Экспедиціи городахъ, имѣя право производить слѣдствія объ уголовныхъ преступленіяхъ и налагать уголовныя наказанія, не должны были употреблять при этомъ слѣдствіи пытокъ, и, если по ходу дѣла являлось пужнымъ прибѣгнуть къ пыткамъ, обязаны были отсылать подлежащаго преступника съ копіей дѣла въ Розыскную Экспедицію; наоборотъ, если какой-либо истецъ подавалъ челобитную о какомъ-нибудь дѣлѣ въ Розыскную Экспедицію, здѣсь же по дознанію оказывалось, что розысковъ производить въ этомъ дѣлѣ нѣтъ надобности, а въ то же время выяснялось,

что данное челобитье по подсудности надлежало подать въ какую-либо изъ приписныхъ воеводскихъ канцелярій, то туда и отсылали дѣло (№ 1, л. 172) съ копіей первоначальнаго дознанія (по мѣсту жительства истца, отвѣтчика или по мѣсту совершенія преступленія).

Розыскная Экспедиція была всесловнымъ учрежденіемъ, т. е. вѣдавшимъ дѣла всѣхъ сословій, хотя и съ нѣкоторыми исключеніями, о которыхъ мы скажемъ ниже. Такъ, изъ дѣлъ видно, что подъ ея судомъ состояли: дворяне (№ 1, лл. 1—10; № 2, л. 309), духовныя лица, монашествующіе (№ 1, лл. 1—10; № 2, л. 778), отставные военные (№ 1, лл. 1—10), крестьяне какъ помѣщичьи (№ 1, л. 1—10, 83), такъ и дворцоваго вѣдомства (№ 1, л. 232), крестьяне монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ (№ 1, л. 61, 253, 401), дворцовые люди (№ 1, л. 45), купцы (№ 1, л. 45), фабричныя мастера и ученики (№ 1, лл. 23, 301), чиновники (№ 1, л. 357; № 14, л. 35; № 90, л. 14), разночинцы (№ 1, л. 261; № 2, л. 15), бѣглые солдаты (№ 1, л. 464), инородцы (№ 1, л. 87) и иностранцы (№ 29, л. 564; № 83, л. 83); въ тоже время, безъ сомнѣнія, суду Экспедиціи подлежали и преступленія, совершенныя семейными членами всѣхъ перечисленныхъ выше лицъ (№ 1, л. 46, 73, 109; № 2, л. 15, 778).

Въ частности преступленія, подлежащія вѣдѣнію Экспедиціи, могутъ быть подведены подъ слѣдующіе отдѣлы: 1) преступленія противъ жизни, здравія и тѣлесной неприкосновенности, 2) преступленія противъ казенной и частной собственности, въ обширномъ смыслѣ этого слова, 3) преступленія, носящія полицейскій характеръ.

I) Къ преступленіямъ первой категоріи относятся: 1) убійство во всѣхъ формахъ (№ 1, л. 1, 45, 89, 195, 299, 441) и какъ особый видъ его — дѣтоубійство (№ 1, л. 401; № 23, л. 198); 2) изнасилованіе (№ 2, л. 282); 3) причиненіе поврежденія здоровью неправильнымъ лѣченіемъ (№ 28, л. 38); 4) нанесеніе побоевъ, ранъ и увѣчій („бой“, „поколоніе“, „пострѣленіе“ и проч. № 1, лл. 113, 409, 576); 5) сюда же можно отнести какъ преступленіе, стоящее на рубежѣ между первою и второю категоріями дѣлъ—разбой (№ 1, лл. 27, 526).

II) Къ преступленіямъ втораго отдѣла относятся: 1) святотатство (№ 1, л. 109, 526); 2) преступленія противъ казенной собственности и государственныхъ регалій (№ 2, л. 376, 229; № 23, л. 319); 3) поддѣлки казенныхъ документовъ разнаго рода, паспортовъ, векселей и проч. (№ 1, л. 21, 207, 422; № 2, л. 23; № 28, л. 579); 4) грабежъ („отъемъ“, № 1, л. 267, 500); 5) кража съ поличнымъ (№ 1, лл. 23, 73, 83, 246, 106, 122); 6) мошенничество и подлоги (№ 1, лл. 262, 382; № 28, л. 618); 7) поджоги (№ 1, л. 95, 169); 8) взятіе для продажи завѣдомо краденыхъ и разбойныхъ пожитковъ (№ 2, л. 714); 9) подложная продажа и какъ видъ ея—подложная за-

продажа себя бѣглыми крестьянами и подложная продажа чужихъ людей въ рекруты, пріемъ и продажа бѣглыхъ людей (№ 1, лл. 51, 256; № 2, л. 214; № 50, л. 7).

III) Къ третьему отдѣлу относятся: 1) слѣдствія о волшебствѣ, имѣвшія въ то время чисто - полицейскій характеръ (№ 1, л. 279); 2) побѣги крѣпостныхъ отъ помѣщиковъ (№ 1, л. 87, 256, 265) и служащихъ отъ хозяевъ (№ 1, л. 23, 76); 3) побѣги арестантовъ изъ тюремъ („тюремные утеклцы“ № 1, л. 213); 4) покупка покраденнаго, хотя и безъ вѣдома, но въ то же время „безъ порукъ“ (№ 1, л. 252); 5) о тайномъ погребеніи найденнаго мертваго тѣла (№ 1, л. 117); 6) слѣдствія о мертворожденныхъ незаконныхъ дѣтихъ (№ 1, л. 314); 7) пристанодержательство и укрывательство добытыхъ преступленіемъ вещей (№ 1, л. 30, 265); 8) недонесеніе о преступленіяхъ какъ совершенныхъ, такъ и готовящихся (№ 1, л. 404); 9) угрозы (№ 2, л. 169); 10) проживаніе по чужому паспорту (№ 2, л. 376); 11) преслѣдованіе помѣщиковъ и хозяевъ „за неумѣренное наказаніе“ своихъ крестьянъ и рабочихъ (№ 104, л. 88) и тому под.

Преслѣдуя всѣ перечисленныя и подобныя имъ преступленія, Экспедиція, безъ сомнѣнія, въ то же время преслѣдовала и покушенія на нихъ (№ 1, л. 173), а также и всякаго рода соучастіе (№ 2, л. 67); иногда одно „бытіе“ при извѣстномъ преступленіи (№ 2, л. 30) или „умыселъ“ (№ 1, л. 526) на него влекли за собою арестъ и розыскъ. Преслѣдуя самое уголовное преступленіе, Экспедиція въ то же время брала на себя и гражданскія взысканія по тому же дѣлу, а также принимала „явочныя челобитныя“, извѣщавшія о побѣгахъ, грабежахъ и тому под. (№ 87, лл. 119, 193).

Положеніе Экспедиціи среди другихъ учрежденій.

Будучи всецѣло подчинена Московской губернской канцеляріи, Розыскная Экспедиція занимала невысокое положеніе въ ряду другихъ правительственныхъ учрежденій того времени. Почти всѣ учрежденія посылали ей указы; съ весьма немногими, какъ съ равными, она сносилась промеморіями и лишь въ очень ограниченное число учрежденій, какъ бывшихъ ниже ея, она могла посылать указы. Вотъ для примѣра, краткій перечень нѣсколькихъ, болѣе видныхъ, учрежденій, сносившихся съ Экспедиціей. Первое мѣсто изъ нихъ занимаютъ учрежденія, стоявшія выше Розыскной Экспедиціи и послывшія въ нее „повелительныя“ и простыя указы (или приказы); далѣе слѣдуютъ учрежденія, стоявшія на равной ступени съ Экспедиціей и сносившіяся съ ней промеморіями и наконецъ учрежденія низшія, въ которыя Экспедиція посылала указы.

I. Къ первымъ относятся:

1) С.-Петербургскіе и Московскіе Департаменты Сената (№ 1, л. 349).

- 2) Юстиць-Коллегія (№ 1, л. 47, 231).
- 3) Московская губернская канцелярія (№ 1, л. 271).
- 4) Бсѣ губернска канцеляріи (№ 15, л. 102).
- 5) Судный Приказъ (№ 82, л. 66).
- 6) Всѣ Коллегіи (№ 1, л. 116, 293, 314; № 82, л. 61; № 153, л. 3).
- 7) Главная Дворцовая канцелярія (№ 1, л. 283; № 41, л. 88).
- 8) Вотчинная Контора (№ 1, л. 387).
- 9) Статсъ-Контора (№ 2, л. 49).
- 10) Кригсъ-комиссаріатъ (№ 2 л. 229).
- 11) Полковныя канцеляріи (№ 2 л. 314).
- ✓ 12) Главная полицеймейстерская канцелярія (№ 48 л. 572).
- 13) Намѣстническія правленія (№ 48 л. 19, 759).

II. Ко вторымъ:

- 1) Артиллерійская и Фортификаціонная контора (№ 1, л. 13).
- 2) Духовныя консисторіи (№ 1, л. 277; № 2, л. 616).
- 3) Контора медицинской коллегіи (№ 107).
- 4) Учрежденный при инвалидномъ домѣ совѣтъ, который по указу Московской губернской канцеляріи спосился съ Розыскной Экспедиціей „сообщеніями“ (№ 48, л. 157).

III. Къ третьимъ:

- 1) Провинціальныя канцеляріи (№ 23, л. 109).
- 2) Воеводскія канцеляріи (№ 1, л. 27, 89).
- 3) Ратуши (№ 1, л. 283).

Дѣлопроизводство канцеляріи.

Розыскная Экспедиція раздѣлялась, какъ сказано выше, по своему помѣщенію на три отдѣленія: судейскую, секретарскую и подьяческую палаты: точно также и самое дѣлопроизводство ея раздѣлялось на: 1) слушаніе дѣла судьями, или присутствіемъ; 2) занятія секретарей по „секретарской экспедиціи“; 3) занятія канцеляріи по повѣстямъ подъ наблюденіемъ секретарей; къ каждой секретарской экспедиціи принадлежало нѣсколько повѣтвевъ. Отдѣльно отъ общаго производства дѣль стояли: занятія приходо-расходчика и производство въ „приказномъ столѣ“.

Все производство было письменное и велось въ двойкой формѣ: 1) по особымъ книгамъ, 2) по отдѣльнымъ бумагамъ, составлявшимъ дѣла. Въ книгахъ обыкновенно сосредоточивались дѣла одного характера или производство, записывавшееся въ одной формѣ, хотя бы касавшееся и разныхъ дѣль; дѣла же велись въ видѣ отдѣльныхъ тетрадей, заключавшихъ въ себѣ каждое производство по извѣстному поводу, такъ что одно дѣло не смѣшивалось въ этомъ отношеніи съ другими.

Книги канцеляріи Розыскной Экспедиціи, въ которыхъ заносилось производство, были слѣдующія:

1) *Книги журнальныя* (№№ 29 — 48). На каждый годъ полагалась особая книга, гдѣ по мѣсяцамъ и числамъ отмѣчалось: время прибытія присутствующихъ, продолжительность засѣданій, перечисленіе слушанныхъ дѣлъ, краткое изложеніе содержанія и резолюцій по каждому слушанному дѣлу. Если на какое-либо число надалъ день праздничный или табельный, свободный отъ присутствія, то и это помѣчалось въ книгѣ противъ даннаго числа, напримѣръ: „1764 года, января 25 дня, то есть воскресенье — присутствія не было“. Отсутствіе кого-либо изъ судей также помѣчалось съ объясненіемъ причины сему (напр. „за болѣзнь“ и тому под.); если по какому либо случаю доклада дѣлъ во время присутствія не было, то помѣчалось и это съ объясненіемъ причины. Журнальную книгу велъ протоколистъ или секретарь (№ 41, л. 27).

2) *Книги протоколовъ* (№№ 1 — 28). Въ этихъ книгахъ записывались въ хронологическомъ порядкѣ подробно все резолюціи присутствія на докладывавшіяся ему дѣла. Записи резолюцій въ этихъ книгахъ дѣлались по двойкой формѣ: а) въ формѣ журнальной, напримѣръ: годъ, мѣсяць, число. „Розыскная Экспедиція, слушавъ дѣло о“... затѣмъ подробно излагаются обстоятельства дѣла и, если требовалось, выписки изъ законовъ и указовъ, начиная съ уложенія 1649 года, относившіяся къ данному дѣлу... „Приказали“ — слѣдуетъ резолюція, подпись судей и докладывавшаго дѣло секретаря (№ 2, лл. 1—6, 7—9 и 7); в) въ формѣ протокольной, напр.: годъ, мѣсяць, число. „По указу Ея Императорскаго Величества учрежденная при Московской губернской канцеляріи Розыскная Экспедиція, слушавъ дѣла о“... затѣмъ изложеніе обстоятельствъ дѣла и выписки изъ законовъ и указовъ... „того ради Приказали“ (или „разсуждено“) — слѣдуетъ резолюція и подпись судей, а также секретаря, докладывавшаго дѣло (№ 1, лл. 13—22, 23—24 и др.). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ внизу помѣчалось: „подписано“ тогда-то; если же опредѣленіе это надлежало представлять на апробацію Московской губернской канцеляріи, то помѣчалось: „подписано и отдано ко апробаціи“ тогда-то (№ 1, лл. 46, 51, 59, 236 и др.); кромѣ того, помѣчалось, кто изъ чиновъ канцеляріи взялъ копию съ этого опредѣленія (№ 1, л. 24), такъ какъ копии съ опредѣленій за скрѣпкою секретаря (№ 29, л. 7) брались въ поvyтье, гдѣ велось данное дѣло, на которое положена известная резолюція и принимались къ нему. Даже иногда въ самыхъ протоколахъ или журналахъ послѣ резолюціи говорилось: „ко исполненію съ сего опредѣленія въ поvyтье дать копию“ (№ 28, л. 525).

3) *„Реестръ слушаннымъ дѣламъ“* (№№ 120, 121 и др.). Сюда заносились въ хронологическомъ порядкѣ въ сжатомъ и краткомъ видѣ слушанія дѣла и положенныя на нихъ присутствіемъ резолюціи.

Книга эта велась по слѣдующей формѣ: каждая страница ея была разлинована подъ рубрики: 1) №№ дѣлъ, 2) „какого года, мѣсяца и числа дѣло вступило“, 3) у кого изъ повѣтчиковъ ведется производство по этому дѣлу („у повѣтчика“), 4) по экспедиціи кого изъ секретарей („у секретаря“), 5) содержаніе дѣла, 6) время слушанія и резолюція присутствующихъ.

4) „Книга входящихъ съ резолюціями“, называвшаяся иначе: „Тетрадь записная присылаемымъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ указамъ, промеморіямъ, сообщеніямъ и доношеніямъ, и подаваемымъ челобитнымъ и репортамъ“ (№ 87). Самое названіе этой книги точно объясняетъ содержаніе ея; каждая страница была разграфлена подъ рубрики: 1) №№ дѣлъ, 2) числа, 3) мѣсяць съ означеніемъ содержанія бумаги, мѣста, откуда она прислана, или отъ кого подана и время слушанія, 4) резолюціи присутствія. Всѣ бумаги записывались въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія.

5) „Книги приводныя колодникамъ“ (№№ 82, 83, 84, 85, 86). Въ эти книги вносились имена всѣхъ поступающихъ въ острогъ Розыскной Экспедиціи колодниковъ, какъ представленныхъ для производства надъ ними слѣдствія, такъ и присланныхъ для пересылки въ Сибирь, Оренбургъ и прот. въ ссылку или въ работы. Страницы ихъ были разграфлены подъ рубрики: 1) у кого изъ повѣтчиковъ дѣла объ этихъ колодникахъ, 2) имена колодниковъ съ означеніемъ, откуда присланы или къмъ представлены и за какое преступленіе, 3) содержатся они, освобождены или сосланы.

6) „Книга свободная“, въ которую въ хронологическомъ порядкѣ заносились имена отпущенныхъ колодниковъ или сосланныхъ съ означеніемъ, взяты ли приводныя деньги (№ 76).

7) „Настольный списокъ о колодникахъ“. Главное отличіе этой книги отъ всѣхъ предыдущихъ заключается въ томъ, что тѣ велись по годамъ и на каждый годъ полагалась особая книга, „настойный же списокъ о колодникахъ“ заключалъ въ себѣ записи за нѣсколько лѣтъ, напримѣръ, настольный списокъ за 1772—1782 года, т. е. за цѣлое десятилѣтіе (№ 81). Онъ былъ разграфленъ подъ слѣдующія рубрики: 1) у кого изъ повѣтчиковъ дѣло о колодникахъ („у повѣтчика“), 2) по экспедиціи у кого изъ секретарей („у секретаря“),— 3) имена колодниковъ и означеніе ихъ преступленій („кто они таковы, въ чемъ винулись“), 4) время слушанія дѣлъ („какого года, мѣсяца и числа дѣло слушано“), 5) „куда и когда представлены или освобождены“ (въ этой графѣ номѣщались и отмѣтки о сношеніяхъ съ другими учрежденіями по даннымъ дѣламъ), 6) „на посланныя доношенія и указы отвѣтствовано-ль:“ здѣсь же записывались и конфірмаціи приговоровъ Экспедиціи, сдѣланныя Московской губернской канцеляріей; 7) „зачѣмъ дѣло продолжается или рѣшено?“ Всѣ эти записи дѣлались на разграфленныхъ двухъ страницахъ, иногда довольно подробно,

представляя собою такимъ образомъ всю исторію производства по дѣламъ запесенныхъ въ эту книгу колодниковъ.

8) „Книга записная Розыскной Экспедиціи опальнымъ пожиткамъ“ (№ 147), куда заносились въ формѣ реестра поступавшіе въ Экспедицію „опальные пожитки“, т. е. тѣ предметы, которые хранились въ качествѣ личнаго „для уличенія“ подсудимаго (покраденные пожитки, орудія взлома и тому под.).

Кромѣ исчисленныхъ, были еще особыя книги у приходорасходчика и въ приказномъ столѣ, о которыхъ будетъ сказано ниже, такъ какъ они составляли отдѣльное производство.

Изъ вышесказаннаго видно, что канцелярскій порядокъ въ Розыскной Экспедиціи состоялъ въ слѣдующемъ: каждое начинающееся дѣло, по челобитной ли частнаго лица, по требованію ли какого-либо правительственнаго учрежденія, должно было быть внесено во входящую книгу; если при этомъ присылаемо было обвиняемое лицо, то его записывали въ приводную книгу. Подаваемое челобитье должно было быть написано по формѣ на высочайшее имя, по пунктамъ, на гербовой бумагѣ; въ немъ требовалось точное обозначеніе просьбы истца, если же челобитье было о грабежѣ, кражѣ и тому под., то при немъ требовалось приложеніе точнаго реестра покраденнымъ пожиткамъ съ означеніемъ цѣны каждой вещи (№ 5, л. 55). Съ „истцовыхъ челобитныхъ“ по пріемѣ ихъ брались пошлины (№ 51, л. 200). На каждой входящей бумагѣ дѣлалась помѣтка о времени ея поступленія и о дальнѣйшемъ ея движеніи (напр. „отдать въ повѣтье, сообщить къ дѣлу“, „выписавъ — доложить немедленно“ и т. д.) Затѣмъ дѣло „для произведенія“ отдавалось въ повѣтье (№ 48, л. 101), гдѣ прежде всего изъ всякой бумаги, будь то челобитная или сообщеніе изъ другаго учрежденія, или рапортъ служащаго въ Экспедиціи и тому под., дѣлалась выписка съ объясненіемъ времени начатія дѣла, лица или учрежденія отъ котораго подана или поступила вышняя бумага, обстоятельствъ дѣла и, если то требовалось, выписка изъ соотвѣствующихъ законовъ и указовъ, начиная съ уложенія 1649 г.; въ такомъ видѣ секретарь представлялъ эту выписку къ слушанію присутствія (№ 29 л. 10), предварительно провѣривъ содержаніе бумаги и выписку изъ указовъ, чтобы не было пропусковъ или ошибокъ относительно закона. Присутствующіе судьи, выслушавъ докладъ, полагали резолюцію, которая записывалась въ формѣ протокола или журнала и помѣчалась въ требуемыхъ книгахъ и реестрахъ; копія съ резолюціи за скрѣпю секретаря отдавалась въ повѣтье „къ исполненію“ (№ 28 л. 525).

Если требовалось данное дѣло послать въ Московскую губернскую канцелярію къ апробаціи или на разсмотрѣніе, или въ какое-либо другое учрежденіе къ свѣдѣнію („для вѣдома“), то составляли „экстрактъ“ изъ дѣла, т. е. краткое, но точное изложеніе какъ

обстоятельствъ дѣла, такъ и производства съ указаніемъ на законы, которыми руководствовались судьи; копии съ экстракта оставлялись при дѣлѣ въ повѣты, подлинный же посылался куда слѣдовало (№ 23 л. 877).

Подобные экстракты составлялись иногда и для доклада присутствію въ случаѣ сложности или обширности дѣла, продолжительности производства и проч. За выпискою изъ законовъ и указовъ, за ихъ правильностью и полнотой слѣдилъ секретарь по своей экспедиціи, на отвѣтственности котораго это лежало.

Если кому-либо изъ чиновъ Экспедиціи давалось какое-нибудь порученіе, то они снабжались „инструкціей“, въ которой излагалось требованіе присутствія; по исполненіи даннаго порученія чиновникъ или служитель доносилъ о результатахъ присутствію рапортомъ или доношеніемъ.

Былъ еще особый родъ бумагъ подъ названіемъ „извѣстій“, въ которыхъ заключались отвѣты на разныя справки по дѣламъ, посылаемыя Экспедиціей въ другія учрежденія или въ свою очередь получаемыя ею, а также и заявленія частныхъ лицъ по разнымъ дѣламъ.

Каждое дѣло, какъ сказано выше, должно было составлять особую тетрадь, въ которой находились въ хронологическомъ порядкѣ рѣшительно все бумаги, относившіяся къ данному дѣлу, а также и копии съ бумагъ, посланныхъ по этому дѣлу въ другія учрежденія. Въ началѣ каждой тетради, заключавшей въ себѣ дѣло, иногда помещалась опись бумагамъ, составляющимъ это дѣло и количество листовъ какъ писанныхъ, такъ и неписанныхъ.

Особое производство было у приходо-расходчика и въ приказномъ столѣ. Приходо-расходчикъ, какъ было уже упомянуто, выбирался ежегодно изъ канцеляристовъ или регистраторовъ Экспедиціи (№ 49 л. 1) и отиравлялъ свою обязанность въ теченіи одного года, по прошествіи котораго на его мѣсто постоянно выбирался другой. Въ производствѣ приходо-расходчика были слѣдующія книги:

1) *Книга приходная шнуровая*, за печатью („счетный списокъ о приходахъ“), въ которую заносились въ хронологическомъ порядкѣ все поступившія въ Экспедицію суммы отъ различныхъ ассигновокъ и сборовъ (№ 50).

2) *Книга расходная шнуровая*, за печатью („счетный списокъ о расходахъ“), въ которую также въ хронологическомъ порядкѣ заносились все производившіяся уплаты и выдачи денегъ (№ 57).

3) „*Настольная*“ приходо-расходная книга (счетный списокъ о приходахъ и расходахъ). Въ этой книгѣ на лѣвой страницѣ записывался приходъ, на правой расходъ, при чемъ, какъ и въ обѣихъ предыдущихъ книгахъ, на каждой страницѣ подводили итогъ, транспортировавшійся на слѣдующую страницу (№№ 49, 51, см. также № 57, л. 6).

4) „Книга приходная Розыскной Экспедиции, съ разныхъ исходящихъ, печатнымъ пошлинамъ“ (№ 153). Книга эта въ известныя сроки отсылалась „для свидѣтельствванія счетовъ“ въ Ревизионъ-Коллегію, оттуда послѣ провѣрки возвращалась при указѣ въ Экспедицію „обратно для храненія и справокъ“ (№ 153, л. 3).

Приходо-расходчикъ обязанъ былъ вести точныя записи въ перечисленныхъ книгахъ и хранить денежную казну; онъ не имѣлъ права ни принять денегъ для записи въ приходъ, ни тѣмъ болѣе произвести выдачу денегъ или уплату, безъ особаго на каждый разъ точнаго указа присутствія за подписью судей (№ 41, л. 255; № 48 лл. 93, 94). Онъ завѣдывалъ покупкой и продажей гербовой бумаги, покупкою канцелярскихъ принадлежностей (чернилъ, бумаги, перьевъ и проч.), также покупкою дровъ, свѣчей, песку и т. под. предметовъ (№ 48, л. 269), на что ежегодно отпускалось изъ Московской губернской канцеляріи (№ 74, л. 6) согласно штатамъ 100 рублей въ годъ (№ 1, л. 822) и, не смотря на просьбы и представленія Розыскной Экспедиціи о прибавкѣ денегъ на оказанные расходы, прибавки сдѣлано не было. Приходо-расходчикъ могъ дѣлать всѣ эти покупки самостоятельно, для уплаты же за нихъ денегъ долженъ былъ доносить о томъ присутствующимъ, прося указа на уплату (№ 1, л. 822; № 41, л. 76). О всѣхъ сверхштатныхъ расходахъ и сверхштатныхъ ассигновкахъ Экспедиція посылала дополненія въ Московскую губернскую канцелярію, прося ея разрѣшенія (№ 1, л. 823).

По истеченіи года приходо-расходчикъ докладывалъ присутствію о всѣхъ бывшихъ въ томъ году приходахъ, расходахъ и остаткахъ, послѣ чего присутствіе ревизовало его по книгамъ, документамъ и счетамъ денежной казны и о результатахъ рапортовало въ Московскую губернскую канцелярію (№ 1, лл. 115, 116, 822; № 48, л. 85), а также посылало вѣдомости о доходахъ, расходахъ и доимкахъ въ Правительствующій Сенатъ (№ 41, л. 255; № 48, л. 85); самыя же книги и счета послѣ провѣрки и подписи присутствующихъ и секретарей отсылались въ Ревизионъ-Коллегію при доношеніи (№ 1, лл. 115, 116). Всѣ суммы отъ государственныхъ сборовъ, а такъ же отъ продажи гербовой бумаги представлялись въ Московское казначейство, въ пріемѣ которыхъ выдавалась квитанція, предъявлявшаяся приходо-расходчикомъ присутствію при докладѣ (№ 48, л. 593).

„Приказный столъ“ (№ 15, л. 180) завѣдывалъ преимущественно полученіемъ всѣхъ присылаемыхъ изъ разныхъ высшихъ учрежденій указовъ (№ 48, л. 157); указы эти предъявлялись присутствію и, если относились къ какому-либо производившемуся въ Экспедиціи дѣлу, то копіи съ нихъ отдавались въ поvyтье по нахожденію даннаго дѣла. Указы, получавшіеся касательно самаго порядка дѣлопроизводства, по резолюціи присутствія, объявлялись секретарямъ и всѣмъ чинамъ Экспедиціи съ подпискою (№ 29, л. 7, № 87, л. 101). Всѣ

получавшіеся въ приказномъ столѣ указы хранились и по истеченіи года переплетались въ хронологическомъ порядкѣ въ особую книгу, при чемъ именныя указы и прочіе, посившіе законодательный характеръ, отдѣлялись въ особую „указную книгу“ для справокъ. Въ приказный столъ поступали такъ же челобитныя чиновниковъ о выдачѣ имъ заслуженнаго жалованья (№ 29, л. 8) и подаваемыя различными лицами „явочныя“ челобитыя, которыя записывались въ особую книгу— „явочныя челобитныя“, хранившуюся въ приказномъ столѣ, гдѣ хранились и самыя явочныя челобитныя (№ 87, л. 69). „Явочныя челобитныя“ подавались „для вѣдома“ въ случаѣ побѣга крѣпостныхъ крестьянъ, безвѣстнаго отсутствія кого-либо изъ членовъ семьи или рабочихъ наемныхъ людей, съ цѣлью огражденія челобитчика отъ отвѣтственности, въ случаѣ совершенія бѣглецами или отсутствующими какого-либо преступленія; кромѣ того, явочныя челобитныя извѣщали о покражѣ какихъ либо вещей съ представленіемъ реестра имъ и тому под., съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ если эти пожитки найдутся, можно было легче и удобнѣе доказать свое право на нихъ; поэтому никакого производства по явочнымъ челобитнымъ не возникало.

Кромѣ указанныхъ случаевъ, явочныя челобитныя подавались и въ томъ случаѣ, когда челобитчикъ желалъ довести о намѣреніи или угрозахъ кого-либо, что онъ готовитъ извѣстное преступленіе. Напримѣръ: „Явочное челобитное вдовы Анны Ивановой дочери, капитана Синявина жены, вотчины ея московскаго уѣзда, сельца Ведищева двороваго ея человѣка Прокофія Базелева, о похвальныхъ словахъ о зажегѣ дому госпожи его и о зарѣзаніи госпожи его съ дѣтьми, съ людьми и со крестьянами“ (№ 87, л. 69).

Въ подобныхъ случаяхъ производства также не возникало, челобитныя же этого рода скорѣе служили для облегченія судопроизводства въ томъ случаѣ, если объявленное намѣреніе къ преступленію приводилось въ исполненіе; если же челобитчикъ хотѣлъ, чтобы по данному дѣлу произведенъ былъ розыскъ, то онъ долженъ былъ подать не явочное, а простое челобитье, при чемъ—или представить въ Экспедицію самаго подсудимаго, или просить „о сыску“ его. Явочныя челобитныя писались по формѣ на высочайшее имя по пунктамъ и оплачивались пошлиной въ размѣрѣ 25 копѣекъ съ челобитной (№ 49, л. 174; № 51, л. 70; № 87, л. 69).

О своей дѣятельности Розыскная Экспедиція обязана была посылать въ Московскую губернскую канцелярію и московскому губернатору ежемѣсячныя счеты. Въ этихъ счетахъ обозначалось время ежедневнаго прибытія судей и продолжительность присутствія, при чемъ особо обозначались дни праздничныя и табельныя какъ свободныя отъ присутствія и затѣмъ перечислялось сколько въ теченіи даннаго мѣсяца рѣшено было дѣлъ. Рѣшенные дѣла отличались по рубрикамъ: 1) дѣла

„по указамъ“, 2) дѣла „интересныя“ (т. е. тѣ, въ которыхъ замѣшанъ казенный интересъ, при чемъ безразлично возбуждались ли такія дѣла по инициативѣ частныхъ лицъ или казенныхъ учрежденій) и 3) дѣла „челобитчиковы“ (или „неинтересныя“), производство по которымъ велось на основаніи поданныхъ частными лицами челобитныхъ или бумагъ, присланныхъ учрежденіями, которымъ подвѣдомственны означенныя лица. Въ этихъ отчетахъ самое содержаніе дѣлъ не приводилось, обозначалось только количество ихъ просто цифрами (№№ 148—152, 156—160). Кроме того, Экспедиція доносила въ своихъ отчетахъ о количествѣ содержащихся при ней колодниковъ съ означеніемъ пола, о количествѣ выпущенныхъ за данный мѣсяцъ изъ острога, такъ же съ означеніемъ пола, и отмѣчала о своихъ сношеніяхъ съ другими правительственными учрежденіями (№ 156 и друг.).

Судебное слѣдствіе.

Слѣдующіе три основные принципа начертаны были въ руководство по уголовному судопроизводству того времени: 1) чтобы судъ былъ правый и безпристрастный, 2) чтобы данное преступленіе было по возможности всесторонне раскрыто, 3) чтобы законы примѣнялись однообразно и точно. На основаніи этихъ главныхъ началъ построены и порядокъ судопроизводства Розыскной Экспедиціи.

Какъ было сказано выше, присутствіе Экспедиціи по штатамъ 15 декабря 1763 года состояло изъ двухъ судей—одного совѣтника и одного ассессора, которые и разрѣшали все, вѣдавшіяся Экспедиціей, дѣла по докладамъ секретарей. Судья могъ тогда только засѣдать при докладѣ извѣстнаго дѣла и подавать свое мнѣніе, когда онъ не былъ въ томъ дѣлѣ лицомъ заинтересованнымъ, и слѣдовательно не могъ судить пристрастно; поэтому, если дѣлалось извѣстнымъ, что кто-либо изъ судей находится въ родствѣ съ подсудимымъ по извѣстному дѣлу или какимъ-либо образомъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ, то онъ устранялся отъ присутствія (№ 1, л. 230) на время разбирательства того дѣла, на мѣсто же его, такъ какъ требовалось при рѣшеніи дѣлъ непременно присутствіе двухъ лицъ, по назначенію Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената къ засѣданію командировался членъ какого-либо другаго правительственнаго учрежденія (№ 2, л. 600). Этимъ путемъ обезпечивалось безпристрастіе какъ приговора, такъ и всѣхъ распоряженій касательно производства слѣдствія.

Дѣла, какъ уже было упомянуто, раздѣлялись на *интересныя* и *челобитчиковы* или *неинтересныя* (№ 48, л. 866). Основаніемъ этого дѣленія было слѣдующее: интересными дѣлами назывались тѣ, въ которыхъ или былъ замѣшанъ казенный интересъ (хотя бы дѣло возбуждено было и частнымъ лицомъ), или дѣла, начатыя исключительно по требованію какого-либо правительственнаго

учрежденія; эти дѣла преслѣдовались *ex officio*. Дѣлами челобитчиковыми или неинтересными назывались тѣ, которыя не заключали въ себѣ казеннаго интереса и начинались по инициативѣ частныхъ лицъ или же хотя и по инициативѣ правительственныхъ учреждений, которымъ были подвѣдомственны эти лица, по только требованіе это адресовалось въ Экспедицію на основаніи поданной въ данное учрежденіе челобитной частныхъ лицъ, большею частію подвѣдомственныхъ тому учрежденію и искавшихъ у него защиты своего права; иногда даже такимъ порядкомъ присылались для слѣдствія крестьяне вотчинъ принадлежавшихъ подвѣдомственнымъ данному правительственному учрежденію лицамъ (№ 1, л. 393). Вообще — въ первомъ случаѣ стороною являлся казенный интересъ или правительственное учрежденіе, во второмъ частное лицо, ищущее защиты своихъ правъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло могло быть начато только при непремѣнномъ условіи поданія челобитной, написанной на высочайшее имя по пунктамъ, въ самую ли Экспедицію или въ другое правительственное учрежденіе, препровождавшее при сообщеніи отъ себя эту челобитную въ Розыскную Экспедицію. Подача челобитной и хожденіе по дѣлу были настолько необходимымъ условіемъ для начатія и веденія дѣла, что, если, напримѣръ, какое-либо частное лицо представляло преступника съ личнымъ и послѣ того долгое время „не било челомъ“, т. е. не подавало челобитья о начатіи дѣла, то, хотя иногда обвиняемому и дѣлали первоначальный допросъ, но все-таки послѣ „за нехожденіемъ истца“ (№ 1, л. 494; № 2, л. 724) отпускали на основаніи уложенія XXI главы п. 30 и именнаго указа 1763 года, февраля 10, п. 1., взявъ приводныя деньги и, если требовалось, нѣкоторыя пошлины (напр. за гербовую бумагу и проч.); при этомъ правосудіе обезпечивалось лишь тѣмъ, что при отпускѣ отдавали обвиняемаго на поруки съ обязательствомъ представить его „когда къ присутствію спросятъ“, по это послѣднее дѣлалось, впрочемъ, не всегда, а только при болѣе важныхъ преступленіяхъ. Такъ какъ „хожденіе за дѣлами“ было необходимо для безостановочности въ веденіи дѣла, то въ случаѣ, когда какое-либо лицо представлялось въ Экспедицію по обвиненію его цѣлой деревней или цѣлымъ обществомъ, то эта деревня или общество должны были выбрать изъ своей среды „депутата“, снабдивъ его довѣренностью для хожденія по дѣлу (№ 23, л. 109). Заинтересованная сторона, или истецъ могъ, впрочемъ, и не ходить за дѣломъ лично: онъ могъ назначить себѣ повѣреннаго по собственному выбору, хотя бы одного изъ своихъ крѣпостныхъ людей, и тогда для допущенія его въ качествѣ стороны по данному дѣлу долженъ былъ снабдить это повѣренное лицо особой бумагой за своей подписью; документъ носилъ послѣ названіе „*вѣрящаго письма*“ (№ 2, л. 102), въ коемъ точно обозначалось имя, отчество, фамилія и званіе довѣрителя, повѣреннаго и самое дѣло. Если повѣренный подавалъ челобитье

или являлся для хождения за дѣлами, не имѣя *втрящаго письма*, то челобитые принимали, его же самого обязывали въ извѣстный срокъ представить этотъ документъ, при чемъ обязательство записывалось въ особой формѣ, носившей названіе „сказки“ и подписывалось даннымъ повѣреннымъ (№ 1, л. 260).

Такимъ образомъ, для начатія каждаго дѣла были необходимы: а) или присылка требованія или увѣдомленія изъ какого-либо правительственнаго учрежденія, къ числу которыхъ относились какъ учрежденія обязанныя слѣдить за общественнымъ спокойствіемъ, т. е. полицейскія (воеводскія, провинціальныя, полицеймейстерскія канцеляріи и проч.), такъ и всѣ остальные, считая въ томъ числѣ сенатъ, юстицъ-коллегію и проч. (№ 1, лл. 47, 231, 273, 293, 390; № 2, лл. 177, 289, 316; № 5, лл. 11 — 29; № 15, л. 153), или б) челобитная частнаго лица, общества или учрежденія (№ 2, л. 181 и др.). Такъ какъ Розыскная Экспедиція была подчинена Московской губернской канцеляріи, то челобитныя частныхъ лицъ и даже требованія и увѣдомленія правительственныхъ учреждений перѣдко подавались или посылались въ губернскую канцелярію, которая уже, отправляя въ Экспедицію данное челобитіе или бумагу, указомъ предписывала дать имъ надлежащее движеніе (№ 1, лл. 277, 476); иногда дѣла начинались „по предложенію“ московскихъ губернатора и вице-губернатора (№ 28, л. 1). Кромѣ того, дѣла и слѣдствія возбуждались также по заявленію лицъ уполномоченныхъ слѣдить за спокойствіемъ общества и доносить о преступленіяхъ, напримѣръ, сотскіе изъ деревень приводили преступниковъ при челобитныхъ или доносили объ извѣстныхъ преступленіяхъ (№ 15, л. 13); что касается до городскихъ полицейскихъ чиновъ и полицейскихъ командъ, то они приводили взятыхъ ими лицъ не прямо въ Экспедицію, а сначала на сѣзжій дворъ или въ полицеймейстерскую канцелярію и уже отсюда отсылали обвиняемыхъ для слѣдствія въ Экспедицію (№ 1, лл. 246, 322) при препроводительной бумагѣ; точно также особые „сыщики“ не представляли взятыхъ ими лицъ въ Экспедицію, но приводили ихъ въ Московскую губернскую канцелярію, отсылавшую обвиняемаго въ Розыскную Экспедицію при указѣ о производствѣ слѣдствія (№ 5, л. 39).

Учрежденіе, возбуждавшее слѣдствіе по какому-либо дѣлу, или челобитчикъ, приносившій жалобу, не всегда въ тоже время представляли въ Экспедицію самого обвиняемаго, но перѣдко, извѣщая о совершенномъ преступленіи, просили сыскать виновнаго и произвести надъ нимъ слѣдствіе. Въ этомъ случаѣ, по докладу подобаго прошенія присутствующимъ, полагалась обыкновенно резолюція о розыскѣ обвиняемаго и о представленіи его въ Экспедицію; послѣднее выполнялось двоякимъ способомъ: 1) или чинами Экспедиціи, по инструкціи присутствія, 2) или другими правительственными и даже частными учрежденіями, по требованію Экспедиціи.

Въ первомъ случаѣ кому-либо изъ чиновъ или служителей Экспедиціи, съ вѣдома полицеймейстерской канцеляріи, давалась особая ин-струкція, уполномочивавшая его отправиться въ опредѣленное мѣсто, взявъ съ собою предварительно нѣсколькихъ человѣкъ изъ состоявшихъ при Экспедиціи солдатъ, и, арестовавъ при попятыхъ извѣстное лицо, представить его въ Экспедицію при доношеніи объ окончаніи порученія. Если бѣ командированный Экспедиціей чиновникъ или служитель—„нарочный“, какъ ихъ обыкновенно называли—не нашелъ розыскиваемаго виновнаго, то вмѣсто его предписывалось взять при попятыхъ же кого-либо изъ членовъ его семейства, даже изъ лицъ живущихъ въ одномъ съ нимъ домѣ — „въ сыску его“ (№ 2, л. 335); если то былъ крѣпостной крестьянинъ, то иногда обязывали помѣщика розыскать его и представить въ Экспедицію (№ 2, л. 322), или же „въ сыску“ брали кого-либо изъ крестьянъ же, всегда „изъ лучшихъ людей“, даже иногда старость, сотскихъ и проч. (№ 1, л. 299; № 2, л. 445; № 89, л. 102). Подобною мѣрою желали побудить общество или помѣщика употребить все усилія для скорѣйшаго розысканія виновнаго и представленія его къ слѣдствію. Взятыхъ „въ сыску“ держали въ тюрьмѣ наравнѣ съ прочими, состоявшими подъ судомъ“.

Если же Экспедиція желала или находила болѣе удобнымъ розысканіе обвиняемаго поручить какому-либо учрежденію, то посылала туда промеморію или указъ (смотря по положенію того учрежденія) съ требованіемъ сыскать и прислать извѣстное лицо. Съ подобными требованіями чаще всего Экспедиція обращалась въ полицеймейстерскую канцелярію (№ 1, л. 351), если мѣстожителство розыскиваемаго было или, по крайней мѣрѣ, предполагалось въ Москвѣ; когда же онъ жилъ въ другомъ городѣ или уѣздѣ, то обращалась съ тѣмъ же требованіемъ къ мѣстной воеводской или провинціальной канцеляріи (№ 2, л. 199; № 23, л. 109). Кромѣ того, если Экспедиціи извѣстно было, что розыскиваемое лицо подвѣдомственно какому-либо учрежденію, правительственному (медицинской канцеляріи, ямской конторѣ, камеръ-коллегіи и проч.) или частному (фабрикѣ, заводу) то посылала туда свое требованіе о присылкѣ этого лица къ слѣдствію (№ 1, л. 390; № 87, л. 71). Напримѣръ, лица купческаго сословія постоянно вытребовались чрезъ магистраты или ратуши (№ 3, л. 14; № 87, л. 2), лица духовнаго званія часто (хотя и не постоянно)—чрезъ духовное начальство или консисторіи (№ 3, л. 391).

Иногда Экспедиція обращалась къ Московской губернской канцеляріи съ просьбою „дабы повельно было“ послать куда слѣдуетъ указъ о сыскѣ и доставленіи въ Экспедицію данныхъ обвиняемыхъ (№ 23, л. 106); въ этомъ случаѣ распоряженія о сыскѣ дѣлались уже отъ Московской губернской канцеляріи и розысканныхъ присылали въ губернскую канцелярію которая и препровождала

ихъ при указѣ въ Экспедицію (№ 23, л. 75). Экспедиція обращалась къ Московской губернской канцеляріи и тогда, когда какое-либо учрежденіе не присылало требуемаго обвиняемаго и не отвѣчало даже на требованіе Экспедиціи; въ этомъ случаѣ губернская канцелярія писала отъ себя подтвержденіе даннаго требованія Экспедиціи (№ 2, л. 199; № 23, л. 109). Если магистратъ или ратуша не высылала требуемое Экспедиціей лицо купческаго сословія и даже не отвѣчали, то жалобы и просьбы о подтвержденіи адресовались Экспедиціей въ главный магистратъ (№ 2, л. 199). Если требуемое Экспедиціей лицо по произведеннымъ полицеймейстерской, воеводской канцеляріей или другими учрежденіями розыскамъ не могло быть отыскано, то учрежденія эти увѣдомляли о томъ Экспедицію (№ 48, л. 579; № 87, л. 2).

Для розысканія требуемыхъ лицъ Экспедиція прибѣгала также къ слѣдующему приему: она вызывала въ присутствіе извѣстныхъ лицъ, которымъ или по мнѣнію Экспедиціи, или по словамъ какихъ-либо постороннихъ лицъ извѣстно было мѣстожителство розыскиваемаго и спрашивала ихъ объ этомъ; показаніе ихъ записывалось и носило названіе „извѣстія“ (№ 1, л. 383). Въ случаѣ если это вызванное лицо знало о мѣстожителствѣ подсудимаго, то ему иногда поручали доставить его въ Экспедицію и тогда брали съ него подлинку (№ 1, л. 383).

Остается еще рассмотретьъ вопросъ объ одной категоріи лицъ, къ которымъ примѣнялись системы арестовъ — именно объ „оговоренныхъ“ (№ 1, лл. 96, 415), или, какъ ихъ еще называли, „взятыхъ по показанію“ (№ 1, л. 252). Мы уже знаемъ, какимъ образомъ начиналось слѣдствіе и какъ поступали для привлеченія къ суду лицъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, теперь же являются передъ судомъ новыя лица — соучастники въ преступленіяхъ, которыхъ узнали изъ показаній лицъ уже состоящихъ подъ слѣдствіемъ, изъ оговора подсудимыхъ. Этыхъ лицъ, какъ обвиняемыхъ въ соучастіи, подвергали прежде всего аресту, для розыска же ихъ и приведенія въ Экспедицію руководствовались вышеизложенными правилами объ арестѣ лицъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, т. е. или для ареста ихъ посылали „парочныхъ“ изъ служителей Экспедиціи, при инструкціи присутствія, или же ихъ вытребовали черезъ полицеймейстерскія, воеводскія, провинціальныя канцеляріи, магистраты или другія учрежденія, которымъ лица эти были подвѣдомственны (№ 1, л. 106; № 48, л. 89). Все, весьма впрочемъ небольшое, различіе заключалось въ томъ, что, если оговоренный жилъ въ Москвѣ или близъ нея, то Экспедиція, посылая своихъ служителей для арестованія этого лица, въ тоже время посылала съ ними закованнымъ самого подсудимаго, оговорившаго данное лицо, для указанія личности оговореннаго (№ 1, лл. 252, 265). При этомъ нужно замѣтить еще и то, что, если оговоренный жилъ да-

леко отъ Москвы или особенно въ другой губерніи, то Экспедиція не всегда вытребовала его въ Москву, но весьма часто посылала указъ въ мѣстную воеводскую канцелярію, чтобы тамъ сыскали и допросили данное оговоренное лицо, въ случаѣ же несомнѣнной виновности его или „если дойдетъ до розысковъ“, прислали бы его въ Москву къ суду Экспедиціи (№ 1, л. 106; № 2, л. 382). Последняя мѣра, вѣроятно, введена потому, что нерѣдко преступники оговаривали лицъ невиныхъ, напримѣръ—по злобѣ на нихъ и т. под. Должно упомянуть еще, что въ документахъ „оговорными“ называются иногда не соучастники въ преступленіи даннаго подсудимаго, но лица виновныя въ особыхъ преступленіяхъ, о которыхъ оговорившему подсудимому было извѣстно. Въ заключеніе разсмотрѣннаго вопроса объ арестахъ, приведемъ для примѣра, въ подлинникѣ, одну изъ формъ инструкціи служителямъ Экспедиціи, командировавшимся для ареста обвиняемыхъ:

„Инструкція изъ учрежденной при Московской губернской канцеляріи Розыскной Экспедиціи“.

„По указу Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссийской, находящемуся при оной Экспедиціи московскаго драгунскаго эскадрона капралу Сергѣю Петрову чинить нижеслѣдующее“:

1) „Взявъ тебѣ изъ обрѣтающихся при оной Экспедиціи драгунъ шесть человекъ, да содержащагося колодника Александра Бачукова, и съ ними ѣхать въ московскій уѣздъ, по каширской дорогѣ, въ монастырскую вотчину (а котораго монастыря—по дѣлу не показано), въ деревню Бѣляевку, коя разстояніемъ отъ Москвы, напримѣръ, версть съ семь, а не доѣзжая той деревни взять пристойное число понятыхъ стороннихъ людей и, по указыванію означеннаго колодника Бачукова, взять въ той деревнѣ Бѣляевкѣ крестьянина (а какъ зовутъ и чей сынъ не показано жъ) — токмо прозваніемъ Сирота, и по взятіи того крестьянина объявить во оной Экспедиціи немедленно при рапортѣ; а ежели онаго крестьянина Сироты въ домъ его не получите, то въ сыску его и въ поставкѣ взять его въ томъ домъ кого получите и объявить при рапортѣ“.

2) „Будучи при этомъ взятіи, обидъ и разоренія и налогъ отнюдь никому не чинить и взятковъ никакихъ ни съ кого не брать подъ опасеніемъ за то по силѣ указовъ и военныхъ регуловъ штрафа“.

3) „О дѣлахъ государственныхъ, которыя тайности подлежатъ, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ ни къ кому не писать, ниже къ тому отъ кого отправления, кромѣ настоящихъ реляцій, подъ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступленія“.

Инструкція эта подписана присутствующими и секретаремъ (№ 16, л. 21).

Когда обвиняемое лицо было уже въ рукахъ Экспедиціи, то его заковывали и отдавали подъ стражу въ острогъ, бумаги же и дѣло о

немъ въ повѣтѣ (№ 29, л. 7, 313). Затѣмъ въ непродолжительномъ времени, на основаніи указа 1763 г. февраля 10, приступали къ допросамъ. Допрашиваемаго приводили въ судейскую палату, гдѣ присутствующіе судьи (№ 1, л. 202, 312; № 48, л. 109) дѣлали ему подробный допросъ, спрашивая объ имени, отчествѣ, состояніи, мѣстожительствѣ, а также и о всѣхъ подробностяхъ, касающихся возводимаго на него обвиненія. Подозрительныхъ лицъ допрашивали между прочимъ о томъ, чѣмъ они живутъ, откуда „имѣютъ пропитаніе“ (№ 5, л. 77). Допросы дѣлались „съ обличительнымъ словомъ“ (№ 2, л. 316), при чемъ предъявляли допрашиваемому представленное по личное (если таковое было), чтобы вынудить его сознаніе. Всѣ, даваемые имъ показанія записывались въ двоякой формѣ: 1) или въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, 2) или же въ простой формѣ изложенія показаній, имъ сдѣланныхъ. Записанныя показанія, или „допросныя рѣчи“ читались подсудимому (№ 1, л. 313) и, если онъ дѣлалъ въ нихъ какія-либо измѣненія, то это записывалось въ томъ же мѣстѣ особо; послѣ чтенія допросныхъ рѣчей они подписывались самимъ обвиняемымъ и скрѣплялись секретаремъ (№ 1, л. 176).

Этотъ актъ былъ какъ бы предварительнымъ дознаніемъ, послѣ чего обвиняемаго снова отводили въ острогъ. Первоначальный допросъ не всегда производился въ Экспедиціи, потому что весьма часто какое-либо учрежденіе, присылая для дальнѣйшаго разслѣдованія дѣло обвиняемаго въ преступленіи, допрашивало его предварительно само и, записавъ показаніе, отсылало допросъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ при препроводительной бумагѣ въ Экспедицію. Такъ поступали не только на съѣзжемъ дворѣ и въ полицеймейстерской канцеляріи (№ 1, л. 267), гдѣ на допросахъ били даже нерѣдко допрашиваемыхъ кошками (№ 2, л. 446), но и городовыя воеводскія, провинціальныя канцеляріи (№ 2, л. 395) и другія учрежденія, не бывшія ни судебными, ни полицейскими, присылавшія подвѣдомственныхъ имъ лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ подсудимаго уже не допрашивали въ Экспедиціи, а только читали ему присланныя „допросныя рѣчи“ (№ 1, л. 113, 414, 476), при чемъ, если подсудимый измѣнялъ показанія, то всѣ поправки заносились особо, подписывались подсудимымъ и скрѣплялись секретаремъ, если же подсудимый не измѣнялъ показаній, записанныхъ другимъ учрежденіемъ, и не дѣлалъ никакихъ добавленій, то подъ присланными „допросными рѣчами“ помѣчалось, что онъ подсудимому „чтены“ и что онъ въ прежнихъ показаніяхъ своихъ „утвердился“.

Если обвиняемый въ показаніяхъ своихъ оговаривалъ кого-либо въ соучастіи, то Экспедиція дѣлала немедленное распоряженіе объ арестѣ оговореннаго (№ 1, л. 203) по одному изъ вышеописанныхъ способовъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый присылался въ Экспедицію изъ другаго какого-либо правительственнаго учрежденія, гдѣ

ему уже сдѣланъ былъ первоначальный допросъ, то нерѣдко съ нимъ вмѣстѣ присылали и оговорныхъ, указанныхъ имъ на допросѣ въ томъ учрежденіи (№ 1, л. 27). По взятіи оговорнаго ему такимъ же порядкомъ дѣлался въ присутствіи допросъ; если онъ оговаривалъ кого-либо въ соучастіи, то арестовывали и это лицо.

При разногласіи показаній нѣсколькихъ соучастниковъ въ какомъ либо преступленіи, имъ давали въ присутствіи судей очную ставку (№ 1, л. 324; № 48, л. 121); показанія ихъ при этомъ точно также записывались, читались имъ и скрѣплялись рукоприкладствомъ подсудимыхъ и подписью секретаря; за неграмотностью подсудимаго прикладывалъ руку къ его показанію кто-либо изъ нижнихъ чиновъ Экспедиціи. При очной ставкѣ судьи „ушьцевали“ подсудимыхъ дать искреннее и полное признаніе (№ 1, л. 99), такъ какъ требовалось, по выраженію одного изъ протоколовъ Экспедиціи, „при первыхъ разспросахъ дѣлать довольныя увѣщанія, объявляя, что истинное признаніе въ винахъ избавитъ при разспросахъ отъ истязанія и пытокъ“ (№ 1, л. 51).

Когда судьи предполагали, что подсудимый далъ недостаточныя показанія, утаивъ часть дѣла, или видѣли, что онъ даетъ сбивчивыя показанія, или запирается („чинитъ запирательство“), то прибѣгали къ увѣщанію при посредствѣ священника, который въ присутствіи членовъ Экспедиціи внушалъ „о показаніи самой истинны“ и „по словамъ писанія ушьцевалъ довольно“ (№ 1, л. 9, 505, 895; № 2, л. 313; № 15, л. 33 и друг.). Если по увѣщаніи подсудимый давалъ какія-либо новыя показанія, то они помянутымъ порядкомъ записывались и скрѣплялись (№ 1, л. 96; № 7, л. 9), если же нѣтъ, то помѣчалось, что онъ „въ прежнихъ рѣчахъ утвердился“.

По отобраніи показаній отъ одного или нѣсколькихъ подсудимыхъ по данному дѣлу составлялся докладъ, съ выпиской изъ надлежащихъ статей закона, и представлялся присутствующимъ для резолюціи о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла (№ 1, л. 100, 240; № 2, л. 306, 313; № 87, л. 69). Здѣсь должно упомянуть о томъ, при какомъ составѣ суда и какимъ образомъ полагались резолюціи по разбиравшимся дѣламъ. Первый вопросъ—о составѣ суда разрѣшается самимъ штатомъ Экспедиціи: въ присутствіи должны были засѣдать два лица—совѣтникъ и ассессоръ; одинъ судья не рѣшалъ дѣла, а могъ лишь подавать „голосъ“ („объявлять свое мнѣніе“), который иногда записывался особо въ журналъ (№ 1, л. 779), иногда же постановлялъ какую-нибудь резолюцію, требуемую канцелярской формой, но рѣшить вопроса о ходѣ слѣдствія и тѣмъ менѣе — произнести приговора не могъ. Поэтому въ случаѣ, если одинъ изъ судей болѣе или менѣе продолжительное время не имѣлъ возможности засѣдать въ присутствіи, по какой-либо законной причинѣ (вслѣдствіе отвода по родству съ членомъ или обвиняемымъ, вслѣдствіе болѣзни, командировки и тому

под.), то во избѣжаніе остановки въ дѣлахъ по назначенію Сепата къ засѣданіямъ командировался временно одинъ изъ членовъ какого-либо другаго присутственнаго мѣста (напр. канцеляріи конфискаціи, суднаго приказа и проч.) (№ 2, лл. 228, 600).

Относительно втораго вопроса—о способѣ составленія резолюцій—существовало правило—рѣшать дѣла по соглашенію судей. Если мнѣнія присутствующихъ расходились, то имъ невозможно было рѣшать дѣла на основаніи регламента по большинству голосовъ, такъ какъ ихъ было только двое, вслѣдствіе чего въ подобномъ случаѣ мнѣнія ихъ или отдѣльно другъ отъ друга записывались въ протоколѣ (№ 2, лл. 412—414), или заносилось мнѣніе одного судьи (большею частію мнѣніе совѣтника), другой же судья подписывался подъ протоколомъ слѣдующимъ образомъ: „Въ силу генеральнаго регламента подписуюсь, но остаюсь на своемъ мнѣніи“ (№ 1, лл. 106, 851). Подобные протоколы въ копіи при экстрактѣ изъ дѣла восходили тогда на разсмотрѣніе Московской губернской канцеляріи, которая или соглашалась съ мнѣніемъ одного изъ судей или полагала собственную резолюцію, считавшуюся уже обязательной для Экспедиціи; о рѣшеніи своемъ губернская канцелярія сообщала Экспедиціи особымъ указомъ (№ 2, лл. 124—145).

Подобный составъ суда въ лицѣ двухъ судей былъ неизмѣняемъ за однимъ исключеніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ въ качествѣ стороны (истца, отвѣтчика, оговорнаго и проч., кромѣ свидѣтелей) входили лица купческаго сословія обоюга пола. Въ этомъ случаѣ къ присутствію Экспедиціи присоединялся одинъ или двое членовъ магистрата (№ 2, лл. 108, 110, 692; № 15, л. 9), которые подавали свое мнѣніе относительно купцовъ, при чемъ не касались вопроса о лицахъ другихъ сословій, которыя могли являться въ качествѣ стороны по тому же дѣлу. Протоколы при этомъ начинались такъ: „По указу Ея Императорскаго Величества, Розыскная Экспедиція обще московскаго магистрата съ членомъ (или „съ членомъ“), слушавъ дѣло о „... Члены магистрата подписывались подъ протоколомъ послѣ судей по слѣдующей формѣ: „Что относится до купцовъ (или—„а что касается купцовъ“) согласенъ“ — затѣмъ подписывали свою фамилію (№ 1, лл. 1—10; 122—130, 164).

Нѣкоторыя измѣненія и отступленія отъ общаго порядка дѣлъ Экспедиціи замѣчаются при участіи въ процессѣ лицъ военнаго вѣдомства и духовнаго званія, хотя въ тоже время это не касалось состава присутствія Экспедиціи, не допускавшаго никакихъ другихъ депутатовъ, кромѣ членовъ магистрата, о чемъ было упомянуто выше. Такимъ образомъ, въ случаѣ если полковныя команды присылали въ Экспедицію солдатъ, для производства слѣдствія надъ ними, по поводу обвиненія ихъ въ преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ, даже и тогда разбирательство велось одними судьями Экспедиціи, безъ участія депу-

татовъ отъ военнаго вѣдомства, на основаніи указа 1751 года, 13 мая (№ 2, л. 316; см. такъ же П. С. З. т. XIII, ст. 9840); лишь въ видѣ исключенія допускаются иногда производство слѣдствія надъ военными въ Кригс-Рехтѣ, прочихъ же участвующихъ въ данномъ процессѣ лицъ допрашивали и судили въ Экспедиціи; при этомъ результаты слѣдствія (допросныя рѣчи и проч.) сообщались для руководства и соображеній изъ Кригс-Рехта въ Экспедицію и обратно (№ 15, лл. 15 — 18), приговоръ же постановлялся каждымъ учрежденіемъ независимо другъ отъ друга надъ тѣми лицами, которыя состояли подъ его слѣдствіемъ по данному дѣлу. Точно также не допускались депутаты и отъ духовенства, хотя лицъ духовнаго званія и брали въ Экспедицію въ качествѣ обвиняемыхъ или оговорныхъ для допросовъ, даже сажали въ тюрьму (№ 3, л. 461); впрочемъ и въ этихъ обстоятельствахъ, подобно предыдущему, нерѣдко случалось, что священно-и церковно-служителей, монашествующихъ, а также и другихъ лицъ духовнаго званія обоого пола сыскивали и допрашивали, по требованію Экспедиціи, духовныя консисторіи, откуда, въ случаѣ обнаружившейся виновности въ уголовномъ преступленіи или сильнаго подозрѣнія, такъ что для разясненія требовались пытки, подсудимаго, по снятіи съ него сана, если онъ былъ священнослужитель, присылали въ Экспедицію съ копіей съ дѣла (№ 3, л. 462; № 48, л. 800); надъ тѣми же священно-служителями, съ которыхъ не былъ еще снятъ санъ, Экспедиція не могла постановлять, въ случаѣ обнаружившейся виновности въ уголовномъ преступленіи, окончательнаго приговора (№ 28, л. 112), въ силу чего признавалось необходимымъ предварительно отсылать ихъ въ консисторію или къ духовному начальству для снятія сана (№ 2, л. 781).

Должно еще замѣтить что такъ какъ слѣдствія о лицахъ дворянскаго сословія производились по присылкѣ ихъ изъ юстицъ-коллегии или же вообще съ ея вѣдома (№ 28, лл. 618—659), то если подсудимый показывалъ, что онъ дворянинъ, — для удостовѣренія въ правильности его словъ при отсутствіи другихъ доказательствъ Экспедиція посылала доношеніе въ Сенатъ къ герольдмейстерскимъ дѣламъ для справки (№ 81, л. 25).

По докладѣ присутствію о результатахъ слѣдствія судьи или постановляли по данному дѣлу свой приговоръ или же въ случаѣ недостаточности добытыхъ слѣдствіемъ результатовъ, а также сомнѣнія въ правильности данныхъ подсудимымъ показаній и тому подобныхъ недостатковъ, опредѣляли такъ или иначе пополнить дѣло или дать слѣдствію то или иное направленіе. Обстоятельства дѣла и показанія подсудимаго пополнялись и провѣрялись прежде всего свидѣтельскими показаніями и повальнымъ обыскомъ.

Свѣдѣніи большею частію допрашиваемы были рапѣе перваго доклада о дѣлѣ, въ случаѣ же, если они извѣстны суду не были, а

обнаруживались впоследствии, то их показаниями пополняли следствие. Свидетели преступления и лица, которым известны были какие-либо обстоятельства совершения данного преступления -- люди „*знающие*“ вызывались в Экспедицию через полицию или через „*парочных*“, посланных по инструкции присутствия из служителей Экспедиции (№ 1, л. 383). Свидетеля обязывали явиться под присягой (№ 2, л. 228), если же он не являлся, то его приводили в Экспедицию силой, даже сажали под караул, особенно в случае ожидания от него важных для дела показаний (№ 2, л. 228). Ему делали допрос в присутствии судей „по заповеди святого Евангелия и под страхом смертной казни со увещанием“ (№ 2, л. 797), и данные им показания записывались в форму „*извѣстїя*“ (№ 1, л. 383); так как свидетелей допрашивали поодиночке, то при наличии нескольких свидетелей по данному делу, при разногласии их показаний, им давали в присутствии судей очную ставку (№ 2, л. 228), даже подвергали увещанию через священника. Кроме вызванных свидетелей и людей „*знающих*“, всякое постороннее лицо, имевшее сведения о каких-либо увеличивающих или уменьшающих вину подсудимаго или разъясняющих дело обстоятельствах, могло заявлять об этом Экспедиции в доношениях и „*сказках*“ (№ 104, л. 88).

Повальный обыск производился, на основании именного указа 10 февраля 1763 года, в тех случаях, когда все вышеисчисленные меры были уже исчерпаны, но оказались для выяснения дела недостаточными, главным же образом к нему прибегали при отрицании подсудимым виновности в возводимом на него преступлении и при отсутствии с другой стороны в руках Экспедиции твердых данных для его уличения. В этом последнем случае повальному обыску придавали весьма большое значение, так что после одобрения подсудимаго по повальному обыску его отпускали на росписку не продолжая следствия (№ 2, л. 443). Повальным обыском назывался допрос всех или большей части лиц, живших в той местности или околке, где данный подсудимый имел местожительство или вообще был почему-либо извѣстен (напр. велъ торговлю и тому под.); в число „*обыскиваемых*“, или допрашиваемых входилъ, кроме местных обывателей, и причтъ церкви, бывшей приходомъ для данной местности. Для выполнения повального обыска, по определению и инструкции судей Экспедиции, посылался парочный „надежный“ человек (иногда „с командою“) из чиновников канцелярии („*подьячих*“) с темъ, чтобы онъ в определенной местности, или околке, собралъ обывателей и пригласивъ приходскій причтъ, допросилъ „священниковъ и дьяконовъ по священству“, а мирянъ -- „по Евангельской Господней заповѣди“ о личности подсудимаго („не подозрителенъ-ли“ и проч.), об его образѣ жизни, занятїяхъ и тому под. Количество спрашиваемых „*обыскныхъ людей*“ не было определено и мѣнялось в разныхъ

случаяхъ; такъ, въ одномъ случаѣ при повальномъ обыскѣ спрошено было 27 человекъ крестьянъ, староста и мѣстный священникъ (№ 2, л. 438); въ другихъ случаяхъ число опрашиваемыхъ встрѣчается больше (30, 50 человекъ), иногда же и нѣсколько меньше. Показанія обыскныхъ людей записывались, утверждались ихъ рукоприкладствомъ и въ такомъ видѣ носили названіе „сказокъ“. По окончаніи этого опроса командированный чиновникъ возвращался и представлялъ присутствующимъ результаты повального обыска („сказку“) при рапортѣ (№ 2, л. 264).

Въ случаѣ отдаленности отъ Москвы той мѣстности, гдѣ требовалось произвести повальный обыскъ и истекающаго отсюда неудобства командировки для этой цѣли нарочнаго изъ чиновниковъ Экспедиціи — она поручала выполненіе этого обыска мѣстной воеводской канцеляріи, особымъ указомъ, въ которомъ предписывала той канцеляріи послать „для учиненія большаго повального обыска нарочнаго надежнаго человека по инструкціи, коему велѣть же отъ тѣхъ обыскныхъ людей, отъ священниковъ и дьяконовъ — по священству, а отъ прочихъ по Евангельской Господней заповѣди за ихъ руками взять сказки и что по тому обыску окажется, о томъ репортовать въ Экспедицію“ (№ 2, л. 347).

Для того, чтобы произвести повальный обыскъ, Экспедиція должна была, сдѣлавъ выписку изъ дѣла и изъ указовъ и изложивъ свое мнѣніе, донести въ Московскую губернскую канцелярію, испрашивая ея аппробаціи (№ 1, л. 183). Повальный обыскъ относительно духовныхъ лицъ дѣлался по промеморіямъ Экспедиціи черезъ духовныя консисторіи (№ 3, л. 462), которыя о результатахъ обыска сообщали Экспедиціи. Если подсудимый былъ изъ дворовыхъ людей, то о немъ большею частію не производили повального обыска, но ограничивались вмѣсто того отобраніемъ отъ помѣщика его „сказки“ о поведеніи даннаго двороваго человека, что замѣняло собою въ глазахъ суда обыскъ (№ 23, л. 125). Подобнымъ образомъ, если подсудимый былъ подвѣдомственъ какому-либо казенному или частному учрежденію, то о его личности Розыскная Экспедиція наводила справку въ томъ учрежденіи (№ 1, л. 271), чѣмъ также могъ быть иногда замѣненъ повальный обыскъ, а также въ иныхъ случаяхъ этимъ способомъ провѣряли нѣкоторыя показанія подсудимаго (№ 1, л. 271). Большое значеніе между прочимъ относительно лицъ подозрѣваемыхъ, но безъ явныхъ уликъ, судъ придавалъ извѣстіямъ и справкамъ Экспедиціи о томъ, ежегодно ли данный подсудимый бывалъ на исповѣди и приобщался Св. Таинъ (№ 25, л. 75).

Иногда, въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, смотря по тяжести уликъ, еще до повального обыска или же послѣ неодобренія даннаго подсудимаго въ повальномъ обыскѣ, Экспедиція особымъ приговоромъ послѣ доклада о ходѣ слѣдствія, постановляла „изъ подлинной прав-

ды“ подвергнуть обвиняемаго допросу „съ пристрастіемъ“ (№ 1, л. 9, 31). Допросомъ „съ пристрастіемъ“ назывался такой, при которомъ подсудимаго били плетьюми (№ 1, л. 204, 422), при чемъ количество ударовъ зависѣло отъ усмотрѣнія присутствовавшихъ при допросѣ судей (№ 16, л. 30), которые могли повторять подобныя допросы надъ подсудимымъ нѣсколько разъ, чрезъ нѣкоторые сроки, впрочемъ болѣе трехъ разъ повторенія допроса съ пристрастіемъ не встрѣчается (№ 3, л. 368). Къ этому допросу прибѣгали лишь въ крайнемъ случаѣ—или когда улики были довольно сильны, подсудимый же не сознавался, или когда обвиняемый не одобренъ по повальному обыску. Раньше того должны были быть испробованы все мѣры съ тѣмъ, чтобы вынудить у подсудимаго чистосердечное признаніе безъ всякаго кровопролитія и истязаній. Такъ, самое увѣщаніе чрезъ священниковъ примѣнялось къ подсудимымъ „дошедшимъ до розыска“ (№ 3, л. 3), т. е. къ тѣмъ, къ которымъ по Уложенію 1649 года и послѣдующимъ указамъ примѣнялись пытки. Уже въ данной изъ Правительствующаго Сената 1756 года, декабря 10, инструкціи главнымъ сыщикамъ было сказано, чтобы лицъ дворянскаго сословія не подвергать пыткѣ, по— „дошедшихъ до пытокъ о винахъ ихъ представлять въ Правительствующій Сенатъ“ (№ 2, л. 573), указомъ же отъ 15 января 1763 года примѣненіе пытки было весьма ограничено. Указъ этотъ гласилъ слѣдующее:

„Въ высочайшее Ея Императорскаго Величества присутствіе въ Правительствующемъ Сенатѣ, Ея Императорское Величество повелѣтъ соизволили, дабы всехъ тѣхъ, кои въ разныя преступленія впадаютъ, обратить къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, а особливо и изысканіемъ по происшедшимъ въ разныя времена околнностямъ, нежели строгостью и истязаніемъ, но стараясь какъ возможно при такихъ обстоятельствахъ кровопролитіе уменьшить; если же все способы не преуспѣютъ, въ такомъ уже случаѣ дошедшихъ къ пыткамъ по закону пытать. Однако въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, а когда по онымъ мѣстамъ таковыя дѣла случатся, оныя для надлежащихъ пытокъ отсылать въ провинціальныя и губернскія канцеляріи. Но и въ тѣхъ мѣстахъ, когда при слѣдствіи какого дѣла неминуемо дойдетъ до пытки, въ такомъ случаѣ поступать съ крайнею осторожностію и разсмотрѣніемъ, а паче всего при томъ наблюдать, дабы иногда съ виновными и невинные истязанія напрасно претерпѣть не могли (№ 2, л. 244; см. также Полп. Собр. Зак. т. XVI, ст. 11759).

Изъ разсмотрѣнія этого указа становится яснымъ, какъ ревниво оберегалъ законъ тѣлесную неприкосновенность подсудимаго; спачала этой привилегіей пользовались только лица дворянскаго сословія, но потомъ и все подданные государства. Этотъ указъ распадается на два отдѣла: а) онъ даетъ правило о порядкѣ производства пытки, дозволяя ес

какъ крайнее средство при дознаніи, б) запрещаетъ судебнымъ мѣстамъ низшихъ инстанцій употреблять пытку, такъ какъ мѣсте опытные и просвѣщенные судьи могли часто неправильно и противозаконно ею пользоваться.

Допросъ „съ пристрастіемъ“, подъ плетью занималъ въ то время какъ бы среднее мѣсто между допросомъ съ увѣщаніемъ священника и пыtkoю въ собственномъ смыслѣ, производившеюся въ застѣнкѣ особыми орудіями. Мы имѣли случай замѣтить выше, что даже полицеймейстерская канцелярія употребляла при допросахъ приведенныхъ въ нее обвиняемыхъ „битье кошками“, хотя она вовсе не была уполномочена производить пытку, подобно тому и Розыскная Экспедиція опредѣляла подсудимыхъ къ допросу съ пристрастіемъ, не спрашивая на то особаго, на каждый случай, разрѣшенія Московской губернской канцеляріи (№ 2, л. 51—52), не смотря на то, что Экспедиція была въ Москвѣ низшей уголовно судебной инстанціей.

Другое дѣло пытка. Пытка должна была, также какъ и допросъ съ пристрастіемъ, быть пазначаема въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особой резолюціей Экспедиціи („во изысканіе истины пытать“), но, кромѣ того для приведенія ея въ исполненіе необходимо требовалось особое на каждый разъ разрѣшеніе Московской губернской канцеляріи; опредѣляя пытать какаго-либо подсудимаго, Экспедиція въ тоже время постановляла: „о произведеніи (такому то) пытки представить въ Московскую губернскую канцелярію и требовать указа, а до полученія на то представленія повелительнаго указа держать его въ оной Экспедиціи подъ крѣпкимъ карауломъ“ (№ 1, л. 22, 100; № 15, л. 286). Для этой цѣли составлялся обстоятельный экстрактъ изъ даннаго дѣла, подводились статьи закона и излагались тѣ основанія, по которымъ Экспедиція назначала подсудимому пытку (№ 1, л. 100; № 2, л. 573). Разрѣшеніе губернской канцеляріи, какъ мы уже сказали выше, требовалось каждый разъ особое передъ всякой пыtkoю, но иногда Экспедиція, видя чрезмѣрное упорство подсудимаго и принимая во вниманіе важность, а также иногда и сложность преступленія, могла испрашивать дозволенія пытать дважды, трижды и болѣе (№ 1, л. 99, 231; № 2, л. 306); въ послѣднемъ случаѣ, если губернская канцелярія давала согласіе на произведеніе испрашиваемаго Экспедиціей количества пытокъ, то подсудимаго подвергали предположенному количеству пытокъ, не испрашивая особаго разрѣшенія до выполненія надъ нимъ пытки столько разъ, сколько предположено было Экспедиціей въ представленіи губернской канцеляріи и разрѣшено послѣднею. Иногда на требованіе Экспедиціи указа о производствѣ пытки какому-либо подсудимому Московская губернская канцелярія предписывала обождать съ пыtkoю, но предварительно выполнить какую-либо, указываемую ею, формальность слѣдствія (№ 1, л. 271).

Пытка состояла въ поднятіи на дыбу и ударахъ кнутомъ; ей могли быть подвергаемы одинаково лица обоого пола (№ 2, л. 607), только для малолѣтнихъ она замѣнялась сѣченіемъ плетью (№ 1, л. 9). Подобная экзекуція могла производиться нѣсколько разъ надъ однимъ и тѣмъ же подсудимымъ, такъ что была пытка первичная, вторичная, третичная и болѣе. Большею частію встрѣчались 2 или 3 пытки (№ 2, л. 306), послѣ которыхъ (№ 1, л. 535), въ случаѣ надобности, по особому приговору Экспедиціи и особой апробаціи его Московской губернской канцеляріей, употреблялось „*жженіе огнемъ*“ („пытать трижды и сверхъ того жечь огнемъ“, № 1, л. 9, 99, 231; № 2, л. 740); въ послѣднемъ случаѣ пытаемого поднимали на дыбу, ударяли кнутомъ и сверхъ того водили по его тѣлу горящими сухими вѣниками. Случалось, хотя и рѣдко, что послѣ всѣхъ этихъ истязаній продолжали пытать еще нѣсколько разъ (№ 3, л. 462), если того требовали, по усмотрѣнію судей и Московской губернской канцеляріи, обстоятельства дѣла. При пыткѣ присутствовали судьи и секретарь Экспедиціи, а также истецъ (обвинитель), если таковой былъ въ данномъ дѣлѣ. Иногда Экспедиція даже спрашивала истца „желаетъ ли онъ пытать“ обвиняемое имъ лицо „въ неповинкѣ противъ его челобитья въ нѣкоторыхъ вещахъ“ и онъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ дать „*письменное извѣстіе*“ за собственной подписью, которое и докладывалось присутствію (№ 1, л. 821); что касается до крѣпостныхъ крестьянъ, то помѣщикъ ихъ могъ всегда требовать, чтобы они въ случаѣ заpiresательства по данному обвиненію его были подвергнуты пыткѣ, что всегда и приводилось Экспедиціею въ исполненіе (№ 2, л. 228).

Во время пытки подсудимаго допрашивали какъ о данномъ преступленіи, такъ и вообще, не чинилъ ли онъ когда какого воровства или смертнаго убійства, „не было-ль въ такомъ зломъ умыслѣ и другихъ кого, не имѣли ль еще какихъ злыхъ“ (№ 1, л. 10, 40, 43). Иногда, именпо въ случаѣ разногласія въ показаніяхъ подсудимыхъ по одному и тому же дѣлу, давали имъ очныя ставки во время пытки одного изъ соучастниковъ; показанія, данныя во время пытки, или „*пыточныя рѣчи*“ записывались особо во время каждой пытки, причемъ, если пытаемый не измѣнялъ показаній, то отмѣчалось, что онъ „противъ прежнихъ пыточныхъ рѣчей не разнился“. По окончаніи пытки, о результатахъ розыска составлялся докладъ присутствію съ выпискою изъ законовъ и изложеніемъ хода всего дѣла для дальнѣйшихъ резолюцій.

Все вышеизложенное исчерпываетъ собою уголовно-слѣдственные функціи съ цѣлью изысканія истины и всесторонняго, возможно полнаго разслѣдованія всѣхъ нитей преступленія. Остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ формальностяхъ, относящихся къ частнымъ случаямъ, отдѣльно стоящимъ отъ общаго хода уголовного слѣдствія.

Сюда можно отнести: а) описаніе найденныхъ мертвыхъ тѣлъ, а также тѣлъ убитыхъ кѣмъ-либо лицъ и изслѣдованіе причинъ смерти; б) описаніе потерпѣвшихъ побой и увѣчья.

Если доносили Экспедиціи о томъ, что въ какомъ-либо мѣстѣ найдено мертвое тѣло, то съ вѣдома Московской губернской канцеляріи (№ 15, л. 183) командировался ею кто-либо изъ низшихъ чиновъ или служителей для описанія этого мертваго тѣла и „осмотру слѣда“ (№ 1, лл. 541, 544). Для подобной же цѣли командировались чины Экспедиціи и въ томъ случаѣ, когда по доношенію Экспедиція извѣщалась о причиненіи кому-либо насильственной смерти, а также о смерти, послѣдовавшей вслѣдствіе нанесенныхъ побоевъ и ранъ (№ 1, л. 538). Въ обоихъ случаяхъ тѣла отсылались для анатомированія („анатомленія“) въ московскій госпиталь, откуда „извѣстіемъ“ сообщали въ Экспедицію, „отчего ему смерть приключилась“ (№ 29, л. 328); послѣ этого тѣло отдавалось роднымъ или желающимъ на погребеніе, если же никого изъ желающихъ хоронить не находилось, то хоронили на казенный счетъ. Иногда, особенно въ случаѣ отдаленности пункта, гдѣ находилось мертвое тѣло, оно описывалось на мѣстѣ, при понятыхъ, мѣстной полиціей, и погребалось (23, л. 53); тогда въ Москву, въ Экспедицію, его не привозили и не анатомировали, самое описаніе въ послѣднемъ случаѣ составлялось чисто по внѣшнимъ признакамъ: описывались раны, красныя и синія пятна и проч., не входя въ отношеніе ихъ къ смерти потерпѣвшаго. Въ случаѣ, если смерть или разстройство здоровья произошло отъ неправильнаго лѣченія, то лѣкарство, которое принималъ потерпѣвшій, печатывалось и отсылалось въ медицинскую контору для изслѣдованія его свойства; медицинская контора въ свою очередь поручала это кому-либо изъ аптекарей и по показанію ихъ увѣдомляла о результатѣ изслѣдованія Экспедицію, возвращая ей и самое лѣкарство (№ 28, л. 38).

Точно такъ же подвергали осмотру и описанію причиненныхъ подсудимымъ кому-либо побоевъ; это изслѣдованіе поручалось Экспедиціей особому лѣкарю (№ 15, л. 112), который о результатахъ осмотра доносилъ присутствію, чѣмъ, такъ сказать, закрѣплялись улики противъ подсудимаго.

Изслѣдовавъ съ помощію вышеисчисленныхъ функцій данное преступленіе, присутствіе Экспедиціи приступало къ произнесенію приговора надъ подсудимымъ. Для этой цѣли въ канцеляріи подъ наблюденіемъ секретаря составлялся докладъ, подробно изображавшій начало и ходъ дѣла (№ 1, л. 240, 428), въ случаѣ же обширности или сложности дѣла составлялся „экстрактъ“ (№ 1, л. 337); за изложеніемъ дѣла слѣдовали выписки изъ законовъ, относившихся къ данному случаю (№ 23, л. 125; № 87, л. 140); кромѣ того, предварительно также канцелярія наводила справку о томъ, нѣтъ ли до даннаго колодника какихъ-либо другихъ дѣлъ по повѣстьямъ, а также

оговоровъ отъ кого-либо изъ колодниковъ; требованіе справки писалось на отдѣльномъ листѣ и подъ требованіемъ каждый повѣтчикъ подписывалъ, есть или нѣтъ по повѣтью дѣлъ или оговоровъ, касающихся извѣстнаго подсудимаго (№ 2, л. 313; № 28, л. 1). По выполненіи всего этого докладъ представлялся секретаремъ къ слушанію присутствія, которое, если находило, что данное дѣло обслѣдовано надлежащимъ образомъ и не требуетъ болѣе никакихъ дополненій, то полагало окончательную резолюцію по тому дѣлу, препровождая ее каждый разъ, за подписью судей, при экстрактѣ изъ дѣла и доношеніи, на апробацію Московской губернской канцеляріи (№ 1, лл. 9, 265; № 2, л. 718; № 3, л. 25; № 23, лл. 101, 159, 264); безъ этой апробаціи приговоръ не имѣлъ силы.

Если Московская губернская канцелярія находила рѣшеніе неправильнымъ или слѣдствіе неполнымъ, то она или исправляла рѣшеніе по своему, или возвращала дѣло назадъ, сдѣлавъ свои замѣчанія и указанія на обстоятельства дѣла, слѣдствіе, иногда же и на законы, которыми должно было руководствоваться (№ 106, л. 52; № 107, л. 222); принятіе резолюціи губернской канцеляріи было для Экспедиціи обязательнымъ. За точнымъ примѣненіемъ закона и правильнымъ толкованіемъ его слѣдилъ прокуроръ (№ 1, лл. 161, 169, 230), состоявшій, по штатамъ 15 декабря 1763 года, при Московской губернской канцеляріи.

Приговоръ долженъ былъ основываться на точномъ и правильномъ толкованіи относящихся къ дѣлу статей закона; при произнесеніи приговора принимались въ соображеніе: а) обстоятельства уменьшающія вину, какъ-то безуміе подсудимаго, состояніе аффекта, б) возрастъ подсудимаго.

Безуміе („безумство“) подсудимаго считалось обстоятельствомъ весьма извиняющимъ вину; оно могло даже вовсе избавить подсудимаго отъ наказанія, при чемъ его, какъ лицо опасное, или отдавали на поруки, или держали въ тюрьмѣ для пресѣченія ему возможности причинять дальнѣйшія безпокойства обществу. „Безумство“ подсудимаго доказывалось свидѣтельскими показаніями и допросами сосѣдей или людей знающихъ (отъ 12-ти и болѣе человекъ); показанія ихъ записывались и скрѣплялись рукоприкладствомъ; документъ этотъ носилъ названіе „сказки“. Потомъ отсылали подсудимаго въ медицинскую контору для освидѣтельствованія, которая о результатахъ сообщала въ Экспедицію особой бумагой за подписью присутствующихъ и доктора—штатдѣ-физика (№ 15, лл. 139 — 140).

Наказаніе уменьшалось еще въ томъ случаѣ, если доказано было, что подсудимый совершилъ преступленіе „въ пьянствѣ“, „безъ умыслу“, въ сердцахъ“ или „въ дракѣ, бороня отъ себя“ (№ 2, л. 572). Аффектированное состояніе подсудимаго въ моментъ совершенія преступленія доказывалось свидѣтельскими показаніями, иногда же по-

вальнымъ обыскомъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже ограничивались показаніемъ самого подсудимаго, даннаго имъ во время допроса „съ пристрастіемъ“ или на пыткѣ. Состояніе аффекта не освобождало никогда отъ наказанія, но значительно его понижало; напримѣръ, вмѣсто ссылки въ работы назначалось наказаніе кнутомъ (иногда плетью). Послѣ чего виновный отдавался на „*открытныя поруки*“ съ тѣмъ, чтобы „впредь ему такъ не воровать подъ опасеніемъ жестокаго наказанія по указомъ“ какъ рецидивиста, которому пощады не оказывали.

Что касается вопроса о возрастѣ подсудимаго, то должно упомянуть, что особою строгостью и формализмомъ были обставлены слѣдствія о лицахъ малолѣтнихъ и „*несовершенныхъ лѣтъ*“ (лѣтъ до 18 — 19). Лѣта подсудимаго опредѣлялись при отсутствіи документовъ его собственнымъ показаніемъ, провѣрявшимся судьями на взглядъ (а по виду явился не свыше рѣченныхъ лѣтъ № 1, л. 347). Лица этой категоріи не могли быть подвергнуты пыткѣ, допускался лишь допросъ „съ пристрастіемъ“ подъ плетью или батогами; точно такъ же наказаніе кнутомъ къ нимъ не примѣнялось, но было замѣняемо наказаніемъ плетью или батогами (№ 1, л. 9). Самое слѣдствіе производилось подъ особымъ наблюденіемъ Московской губернской канцеляріи (№ 3, л. 66), приговоръ же долженъ былъ идти на апробацію особой *экспедиции о колодникахъ* при Правительствующемъ Сенатѣ. Уже въ концѣ существованія Ссыскаго Приказа приговоры о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ восходили на апробацію юстицъ-конторы (№ 2, л. 11), въ Розыскавой же Экспедиціи помянутый ходъ приговора наблюдался съ особою строгостью. Составлялся полный экстрактъ изъ дѣла съ выпиской изъ законовъ и съ мнѣніемъ Экспедиціи и отсылался, по разсмотрѣніи его губернской канцеляріею, въ сенатскую экспедицію о колодникахъ (№ 1, л. 349; № 2, лл. 19, 226), которая или утверждала мнѣніе Розыскавой Экспедиціи, или, сдѣлавъ свои поправки и измѣненія, отвѣчала „повелительнымъ указомъ“: въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначала дѣло къ переслѣдованію.

Относительно старческаго возраста подобныя формальности не соблюдалась; хотя судьи Экспедиціи и прокуроръ губернской канцеляріи при наложеніи наказанія принимали во вниманіе и это обстоятельство, но, должно сознаться, весьма рѣдко.

Лица по повальному обыску „одобренныя“, а также лица пытанныя „во изысканіе истины“, но не сознавшіяся и не уличенныя въ возводившихся на нихъ преступленія, отпускались безъ всякаго наказанія на поруки подъ росписку (№ 1, л. 345; № 2, л. 6) „съ тѣмъ обязательствомъ, чтобы когда (подсудимый) къ тому дѣлу спрошенъ будетъ, то-бъ представленъ былъ немедленно“ (№ 15, л. 49); этимъ способомъ обезпечивалось правосудіе на тотъ случай, если-бъ съ тече-

ніемъ времени могли быть узаны какія-либо новыя, разъясняющія данное дѣло, обстоятельства. Тѣ подсудимые, которые сознались или уличены были въ какомъ-либо преступномъ дѣяніи, подвергались, смотря по тяжести совершеннаго преступленія, или 1) публичному наказанію кнутомъ, число ударовъ которымъ опредѣлялось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ присутствіемъ Экспедиціи, клейменію и ссылкѣ на работы „вѣчно“ или на опредѣленный срокъ по усмотрѣнію суда; 2) публичному наказанію кнутомъ (или плетьюми) и ссылкѣ на поселеніе; 3) публичному наказанію кнутомъ или плетьюми и отдачѣ на поруки; 4) отдачѣ на извѣстный срокъ, по назначенію суда, на работу въ совѣтъ при инвалидномъ домѣ. Къ этимъ наказаніямъ для лицъ дворянскаго сословія присоединялось лишеніе чиновъ и дворянства, безъ чего они не могли быть подвергнуты тѣлесному наказанію (№ 28, л. 659), поэтому о состоявшихся подъ судомъ Экспедиціи дворянахъ докладывалось, черезъ Московскую губернскую канцелярію, во 2-й департаментъ Правительствующаго Сената и до полученія оттуда указа приговора не постановляли (№ 41, л. 39), хотя резолюція по дѣлу и полагалась для сообщенія ее въ Сенатъ: „учиня изъ дѣла краткій экстрактъ, съ подписаніемъ рѣшительнаго опредѣленія, отослать Правительствующаго Сената во 2-й департаментъ при допосленіи“ (№ 87, л. 70). Въ подобномъ же случаѣ для священнослужителей необходимо было лишеніе сана, безъ чего также приговоръ Экспедиціи не могъ быть приведенъ въ исполненіе.

На основаніи имяннаго указа 30 сентября 1754 года смертная казнь за уголовныя преступленія была отмѣнена; суды уголовныя не могли уже произносить смертныхъ приговоровъ, но дѣла о всѣхъ преступникахъ, заслуживавшихъ смертной казни по прежнимъ указамъ, въ экстрактѣ „до будущаго разсмотрѣнія“, подлежали отсылкѣ въ Сенатъ, самихъ же преступниковъ, вмѣсто смертной казни, положено подвергать жестокому наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ вѣчныя каторжныя работы (№ 1, л. 277; № 2, л. 346; № 15, л. 127, 128).

Осужденныхъ къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ вѣчныя каторжныя работы лицъ мужскаго пола подвергали еще клейменію, женщины же были освобождены отъ этого, на основаніи указа 1757 г. 22 января (№ 28, л. 2; П. С. З. т. XIV, ст. 10686). Клейменіе состояло въ вырѣзываніи ноздрей до кости (№ 29, л. 382) и въ постановленіи слѣдующихъ знаковъ: на лбу буквы В, на одной щекѣ—О, на другой Р (№ 2, л. 346); при клейменіи преступниковъ присутствовалъ одинъ изъ судей (№ 29, л. 382).

Публичныя наказанія кнутомъ и плетьюми производились на Красной площади, съ вѣдома и распоряженія Московской полицеймейстерской канцеляріи; для этого преступники, приговоренные къ тѣлесному наказанію, посылались подъ карауломъ, въ сопровожденіи палача Экспедиціи въ полицеймейстерскую канцелярію, куда въ тоже время адре-

совывались изъ Экспедиціи бумаги съ требованіемъ выполнить надъ посланными колодниками наказаніе извѣстнымъ числомъ ударовъ кнута или плети. Полицеймейстерская канцелярія распорядилась какъ приготовленіемъ, такъ и выполненіемъ самой экзекуціи, по окончаніи которой отсылали колодниковъ и палача обратно въ Экспедицію, сообщая о приведеніи приговора въ исполненіе (№ 48, л. 571). Подобнымъ же образомъ публичныя наказанія производились не только надъ лицами, приговоренными къ тому самой Экспедиціей, но и надъ присланными изъ воеводскихъ канцелярій, приговоренными къ наказанію кнутомъ и ссылкой въ Сибирь, а какъ ссыльные препровождались въ Сибирь черезъ Экспедицію, то нерѣдко послѣдняя дѣлала распоряженіе и о выполненіи приговора о тѣлесномъ наказаніи, съ назначеніемъ числа ударовъ кнутомъ или плетью.

Въ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ, послѣ тѣлеснаго наказанія, преступника отдавали на поруки (№ 1, л. 212), при чемъ лицъ, присланныхъ для слѣдствія изъ какого-либо правительственнаго или частнаго учрежденія, отсылали обратно на поруки для наблюденія за ними на будущее время (№ 2, л. 314; № 23, л. 70); лицъ же отданныхъ подъ судъ цѣлымъ обществомъ, а также крѣпостныхъ крестьянъ отсылали — первыхъ на поруки общества, а вторыхъ къ помѣщику (№ 1, л. 468; № 23, л. 112; № 48, л. 573); въ опредѣленіяхъ Экспедиціи въ данныхъ случаяхъ говорилось: „отдать на добрыя и вѣроятныя поруки съ росписками и съ такимъ обязательствомъ, чтобы имъ впредь воровства никакого отнюдь не чинить и съ воровскими людьми знаемости, ворами и бѣглецами никому пристани не имѣть и ни у кого ничего краденаго не принимать“ (№ 5, л. 27). Однако учрежденія, общества и частныя лица могли и не принять въ свою среду и на свои поруки даннаго преступника и въ такомъ случаѣ письменно заявляли на предложеніе Экспедиціи, что онъ „имъ ненадобенъ“; тогда Экспедиція отсылала такихъ преступниковъ въ Московскую губернскую канцелярію, которая и распорядилась, на основаніи указовъ 1760 и 1761 годовъ (№ 2, л. 314; П. С. З. т. XV, ст. 11166, 11216) о ссылкѣ ихъ на поселеніе, большею частію, въ Сибирь и въ Оренбургъ, всѣ же путевыя издержки и кормовыя деньги на ссыльнаго платили учрежденія или общества, которыя его не приняли или частныя лица, если они имѣли какое-либо отношеніе къ преступнику (напр. помѣщикъ за крѣпостнаго крестьянина), но не хотѣли принять его (№ 1, лл. 423, 425, 450). Лицамъ, состоявшимъ подъ судомъ Экспедиціи, послѣ оправданія ихъ или послѣ наказанія и при отдачѣ на поруки выдавался изъ Канцеляріи Экспедиціи, за подписью секретаря, видъ на жительство (№ 2, л. 615), въ которомъ помѣчалось, что они состояли подъ судомъ и при томъ были оправданы или наказаны.

Что касается до отсылки подсудимыхъ въ „Совѣтъ при инвалид-

номъ домъ“ для опредѣленія ихъ въ работу, то это наказаніе введено довольно поздно—именно указомъ 3-го апрѣля 1781 года (П. С. З. т. XXI, ст. 15147). Наказаніе это примѣнялось къ лицамъ, совершившимъ кражу на сумму менѣе 20 рублей, ихъ отсылали въ Совѣтъ при invalidномъ домѣ съ тѣмъ, чтобы тамъ содержали ихъ „до прошествія *заработнаго времени*“, послѣ чего, отдавъ на росписку, освободили бы ихъ (№ 28, л. 43).

Быль случай, когда размѣръ наказанія подсудимаго опредѣлялся по желанію обвинявшаго его лица, челобитчика (№ 15, л. 33). Случай этотъ относится къ наказанію бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ какъ за побѣги, такъ и за преступленія и проступки противъ своихъ господъ. Въ этомъ случаѣ прямо спрашивали помѣщика, какой способъ наказанія (кнутомъ, плетью, батогами) и въ какой мѣрѣ желаетъ онъ примѣнить къ своему крестьянину, при чемъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше, отказъ помѣщика отъ принятія своего крестьянина имѣлъ послѣдствіемъ для послѣдняго ссылку на поселеніе. Ссылка на поселеніе практиковалась еще относительно лицъ празднотающихся, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни и попавшихся при томъ въ мелкихъ мошенничествахъ и кражахъ; впрочемъ ихъ освобождали отъ ссылки въ томъ случаѣ, если кто-либо изъ родственниковъ или даже постороннихъ людей возьметъ ихъ на поруки, съ обязательствомъ наблюдать за ними и не допускать до неблаговидныхъ поступковъ и преступленій (№ 98, лл. 268, 366).

Кромѣ чисто-уголовныхъ взысканій Экспедиція распространяла свои распоряженія и на гражданскія послѣдствія даннаго уголовного дѣла. Такъ, въ дѣлахъ о разбоѣ, грабежѣ, кражѣ и т. под., при челобитной, возбуждающей слѣдствіе по подобному роду дѣлъ, долженъ былъ прилагаться подробный реестръ (№ 1, л. 203) и если возможно, съ означеніемъ цѣны взятыхъ путемъ преступленія вещей у ихъ законнаго обладателя. При арестѣ такихъ преступниковъ дѣлался обыскъ въ ихъ квартирѣ съ цѣлію найти, „*нѣтъ ли чего поличнаго*“, и найденныя на основаніи реестра или указаній челобитчика добытыя преступленіемъ вещи конфисковались и препровождались въ Экспедицію для уличенія подсудимаго. Если это поличное не было оцѣнено истцомъ въ представленномъ реестрѣ или же, если при обыскѣ квартиры обвиняемаго находилось поличное, не относившееся къ данному иску и арестованное лишь по подозрѣнію, то въ такомъ случаѣ черезъ Московскій магистратъ приглашались цѣновщики изъ знающихъ, большею частію, купецкихъ, людей (№ 3, л. 5), которые и производили оцѣнку. Эти конфискованные предметы хранились при Экспедиціи въ особыхъ сундукахъ подъ наблюденіемъ регистратора (№ 15, л. 55), и по просьбѣ законнаго владѣльца возвращались ему подъ росписку (№ 1, лл. 248, 585; № 15, л. 43), послѣ представленія имъ явныхъ дока-

зательствъ на принадлежность ему этихъ вещей. Оцѣнка поличнаго, кромѣ того, была, какъ увидимъ ниже, необходима въ виду взысканія выги и пошлинъ съ дѣла.

Въ случаѣ, если одинъ или нѣсколько крестьянъ вотчины извѣстнаго помѣщика какимъ-либо образомъ (умышленно или неумышленно) убивали одного или нѣсколькихъ крестьянъ вотчины другаго помѣщика, то, кромѣ уголовного преслѣдованія ихъ, Экспедиція дѣлала распоряженіе о вознагражденіи потерпѣвшаго помѣщика (крестьяне котораго были убиты) тѣмъ помѣщикомъ, крестьяне котораго совершили убійство. Послѣдній долженъ былъ вознаградить потерпѣвшаго помѣщика, который въ лицѣ одного или нѣсколькихъ крестьянъ лишился извѣстной рабочей силы; самое вознагражденіе это состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ или уплатить потерпѣвшему сумму стоимости убитыхъ крестьянъ, или же, что постоянно и практиковалось, — отдать ему, по его выбору, за каждаго убитаго или изувѣченнаго, одного изъ лучшихъ своихъ крестьянъ со всѣмъ имуществомъ и „съ животы“, если же крестьянинъ этотъ былъ семейный — то и со всей семьей, со всѣмъ домомъ (№ 1, л. 735; № 2, 235). Для приведенія этого въ исполненіе Розыскная Экспедиція по особой инструкціи командировала одного изъ чиновъ канцеляріи („подьячихъ“), который при понятыхъ и переводилъ извѣстнаго крестьянина отъ одного помѣщика къ другому, при чемъ съ послѣдняго бралъ росписку въ принятіи того крестьянина (№ 2, л. 236). Исполнивъ это, посланный представлялъ о приведеніи въ исполненіе приговора Экспедиціи вмѣстѣ съ роспискою помѣщика рапортъ, который докладывался судьямъ. Напримѣръ:

„1764 года, октября 12 числа, Розыскная Экспедиція слушала репорта, поданнаго отъ канцеляриста Мартына Лервина, которымъ репортуеть, что онъ, въ силу данной ему инструкціи, изъ вотчины Владычня монастыря изъ деревни Искани крестьянина Василья Дмитріева со всѣмъ семействомъ вывелъ въ вотчину тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Θεодора Ивановича Соймонова и отдалъ повѣренному съ роспискою и при томъ объявилъ оную росписку“ (№ 2, л. 330).

Вопросъ о гражданскихъ послѣдствіяхъ уголовныхъ дѣлъ, а также о взысканіи за мелкія преступленія (напримѣръ незначительныя кражи) могъ оканчиваться между сторонами миромъ, который и прекращалъ дальнѣйшій ходъ дѣла по этому вопросу. Въ такомъ случаѣ истецъ подавалъ въ Экспедицію „мировое челобитье“, въ которомъ заявлялъ, что онъ по *такому-то* дѣлу съ *такимъ-то* отвѣтчикомъ помирился и что „впредь онъ на него не челобитчикъ“. Такъ, Экспедиція однажды разсматривала „челобитье отставнаго секундъ-маіора Андрея Кошелева, коимъ, объявляя, что онъ претензію свою о утопшемъ его крестьянинѣ Родіонѣ Лукьяновѣ, искавшую на углицкаго кунца Ивана

Данилова, оставляетъ и впредь о томъ челобитствовать и искать не будетъ, просить за отзывомъ его рѣшеніе учинить“ (№ 106, л. 94).

Какъ послѣдствіе судебного разбирательства разыскивались съ отвѣтчика въ случаѣ его виновности слѣдующіе сборы: 1) Выти (№ 1, л. 339; № 5 л. 210), 2) пошлины (№ 5, л. 210; № 50, лл. 4, 5), 3) „накладныя деньги“ (№ 5, л. 210; № 50 лл. 4, 5), 4) за произведеніе дѣла на простой за гербовую бумагу (№ 5, л. 210; № 50, лл. 4, 5), 5) печатныя пошлины (№ 5, л. 210; № 50 лл. 4, 5), 6) проѣсти и волокиты (№ 15, л. 135). Въ случаѣ оправданія отвѣтчика онъ не платилъ выти (этотъ сборъ былъ въ пользу истца), казенныя же сборы съ дѣла падали на истца (№ 2, л. 690).

„Выти“, взисканіе въ пользу истца съ отвѣтчика, какъ особый видъ вознагражденія за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки, взимались въ размѣрѣ стоимости иска. Напримѣръ, если захвачено было грабежемъ или инымъ способомъ на сумму 30 рублей, то въ такомъ же размѣрѣ назначалась и выть. Выти, равно какъ и прочіе сборы, взимались уже по произнесеніи приговора и даже, на время раскладки и вычисленія выти и прочихъ сборовъ („до разложенія выти“), колодниковъ освобождали изъ тюрьмы „на добрыя и вѣроятныя поруки“ (№ 2, л. 325; № 5, л. 57). Съ дѣлѣмъ, не имѣвшихъ опредѣленной оцѣнки, которая могла бы быть точно выражена въ денежныхъ цифрахъ, не брали выти, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже не брали ни пошлинъ, ни „накладныхъ денегъ“, такъ что взимали только за гербовую бумагу и за печати (№ 50, лл. 10, 16). Вычисленіе количества и распределеніе выти (если отвѣтчиковъ было нѣсколько) выписывалось на особую бумагу, носившую названіе „Выт-ной выписки“, къ которой всѣ платившіе по данному дѣлу выти, или „вытчики“ (№ 5, л. 208), обязаны были приложить руки (№ 1, л. 345; № 3, л. 13). Вытная выписка предъявлялась на разсмотрѣніе судей (№ 1, л. 345), при чемъ, въ случаѣ разногласія ихъ мнѣній относительно ея разложенія (а это нерѣдко случалось при наличности нѣсколькихъ „вытчиковъ“), отсылали ее на резолюцію Московской губернской канцеляріи (№ 15, л. 331). По утвержденіи выт-ной выписки приступали къ взисканію какъ ея, такъ и прочихъ сборовъ со всею строгостью, тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ замедленія во взисканіи выти со стороны истцовъ, происходила „всегдашняя просьба и неудовольствіе“ (№ 5, л. 210). Въ случаѣ неуплаты вытчикомъ требуемой суммы продавалось его движимое и недвижимое имущество; если вытчикъ принадлежалъ къ крестьянскому сословію, то выти и прочіе сборы разыскивали съ той вотчины, къ которой онъ былъ приписанъ (№ 2, л. 377), если же онъ былъ изъ купеческаго сословія, то требовали уплаты черезъ магистратъ (№ 15, л. 11). За неисправную уплату вытчиковъ держали даже въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока находился кто-либо желавшій взять ихъ къ себѣ въ работу съ тѣмъ,

чтобы вносить въ извѣстные сроки опредѣленную сумму до покрытія всей цифры вытей и прочихъ пошлей сполна (№ 29, л. 1025), или, пока ихъ кто-либо выкупить, заплативъ требуемую сумму, или наконецъ поручится въ уплатѣ ея (№ 29, л. 1026). Этотъ порядокъ наблюдался на основаніи слѣдующаго указа Правительствующаго Сената Сыскному Приказу, отъ 23 іюля 1763 года:

„Сыскному Приказу какъ нынѣ, такъ и впредь содержащимся въ неплатежѣ вытей и пошлей колодникамъ, во первыхъ, объявлять, чтобы они въ силу указовъ пріискивали такихъ людей, кто-бъ ихъ на откупъ взялъ и объявилъ въ томъ Приказѣ; такъ-же оному Приказу о купцахъ сообщить въ магистратъ, а о другихъ въ тѣ мѣста, гдѣ они вѣдомы, съ требованіемъ, чтобъ отъ оныхъ не учинено ль будетъ за ними откупу, а между тѣмъ и публиковать, не пожелаетъ ли кто ихъ взять къ себѣ въ работу съ платою, какъ въ 1736 году указѣ напечатано; и когда таковыя охочіе люди ко взятію оныхъ явятся или тѣ мѣста, гдѣ они вѣдомы, требовать ихъ будутъ, то Сыскному Приказу объ отдачѣ и о требованіи съ нихъ платежа поступать по оному 1736 года указу (№ 29, л. 1025).

Приводимъ въ томъ же духѣ имянной указъ, присланный изъ Правительствующаго Сената отъ 29 августа 1763 года.

„Во убѣжаніе содержанія многого числа колодниковъ, дабы неимущіе, напрасно будучи подъ карауломъ, времени не продолжали, а невоздержные въ состояніи своемъ поправиться могли, какъ нынѣ содержащихся во всемъ государствѣ въ малыхъ начетахъ и другихъ казенныхъ доимкахъ колодниковъ, а именно на коихъ не болѣе 50-ти рублей и, по совершенному ихъ неимуществу того заплатить они не могутъ (кромѣ дворянъ и неимущихъ офицерскихъ чиновъ) отослать и впредь, если гдѣ таковыя будутъ, отсылать для зарабатыванія тѣхъ денегъ на монетные дворы и прочія казенныя работы, гдѣ какія производятся; и въ тѣхъ мѣстахъ изъ слѣдующаго въ выдачу имъ заработнаго числа денегъ одну половину давать имъ на пропитаніе, на одежду и обувь, а другую отсылать въ тѣ мѣста, гдѣ они должны, на росписку жъ. Того, кто изъ такихъ не хотятъ въ работу, а числящіеся на нихъ начеты или доимки въ скоромъ времени платить обяжутся, то въ ономъ имъ дозволить. А на которыхъ казеннаго долга болѣе 50-ти рублей, съ тѣми поступать по прежнимъ о томъ указамъ. Въ которыхъ же городахъ казенныхъ работъ нѣтъ, въ такомъ случаѣ отдавать оныхъ партикулярнымъ людямъ, кто принять пожелаетъ въ работу — въ томъ, чтобъ оные платили за каждого по двадцати по четыре рубля въ годъ; противъ же того пріемщикамъ ихъ прилежное за ними имѣть смотрѣніе, въ чемъ обязывать ихъ подписками съ тѣмъ, когда тѣ колодники отъ нихъ сбѣгутъ, то, хотя кто изъ оныхъ долгу своего еще и не заработалъ, то оный за несмотрѣніе сполна взыщется съ нихъ“ (№ 29, лл. 1023, 1024).

Должно замѣтить еще и то, что выти взыскивались какъ самую Экспедиціей лично, такъ и по требованію ея воеводскими канцеляріями и полиціей (№ 5, л. 210).

Остальные всѣ сборы шли въ пользу государственной казны и взи-мались въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Пошлины взи-мались въ размѣрѣ 10% съ получаемой истцомъ выти (№ 50, л. 4; № 154, л. 4). Напримѣръ, выть 52 руб. 52 коп., пошлины съ нея—5 руб. 25 коп. (при этомъ дробныя части копѣйки откинута); выть 29 руб. 90 коп., —пошлины 2 р. 99 коп. (№ 5, л. 208); выть 15 рублей,—пошлины 1 р. 50 коп. (№ 50, л. 4); выть 162 р. 32¹/₄ коп.,—пошлины 16 р. 23¹/₄ коп. (№ 50, л. 8).

„*Накладныя деньги*“ взи-мались въ количествѣ „*деньги съ рубля*“ (№ 154, л. 5), разчитывая этотъ процентъ съ каждаго рубля полу-чаемой съ дѣла пошлины; поэтому ясно, что и самыя „накладныя деньги“ взи-мались только въ томъ случаѣ, когда взи-мались и пошли-ны, такъ что выти, пошлины и „накладныя деньги“ были тѣсно свя-заны между собою и одно безъ другаго взи-маться не могло. Напри-мѣръ: выть 52 руб. 52 коп., пошлины 5 руб. 25 коп., накладныя деньги 2³/₄ коп.; выть 29 р. 90 коп., пошлины 2 р. 99 коп., на-кладныя деньги 1¹/₂ коп. (№ 5, л. 208). Здѣсь мы замѣчаемъ не-последовательность въ исчисленіи накладныхъ денегъ: въ первомъ примѣрѣ взято не только по деньгѣ (1/2 коп.) съ рубля, но еще и остатокъ—25 коп. обложенъ въ количествѣ 1/4 коп., во второмъ же примѣрѣ неизвѣстно почему откинута безъ обложенія 49 коп. Еще примѣръ: выть 162 руб. 32¹/₄ коп., пошлины 16 руб. 33¹/₄ коп., накладныя деньги 8¹/₄ коп. (№ 50, л. 8); въ этомъ случаѣ сумма (33¹/₄ коп.) меньшая предыдущей (49 коп.) обложена какъ и въ первомъ примѣрѣ (25 коп.) въ количествѣ 1/4 коп.; далѣе—выть 25 руб., пошлины 2 р. 50 коп., накладныя —1 коп. (№ 53, л. 31), здѣсь замѣчается тоже не-последовательность: пошлины 49 р. 80³/₄ коп., накладныя деньги 25 коп. (№ 154, л. 5), пошлины 2 р. 50 коп., накладныя деньги 1 коп. (№ 53, л. 31). Примѣровъ подобной не-последовательности въ разложеніи накладныхъ денегъ можно найти довольно много, тѣмъ болѣе, что и самыя пошлины не всегда были точно разчислены. Напр. выть 498 руб. 73 коп., пошлины 49 руб. 80³/₄ к. (№ 154, л. 5).

Сборъ „*за произведеніе дѣла на простой за гербовую бумагу*“ (№ 50, лл. 4, 5 и др.) заключался въ слѣдующемъ: всякое дѣло должно было писаться на гербовой бумагѣ, но на практикѣ дѣла ве-лись постоянно на простой бумагѣ (кромѣ челобитныхъ, которыя всегда должны были писаться на гербовой), тѣмъ не менѣе за каждый про-стой листъ дѣла платилось какъ за гербовый. Размѣръ платы за листъ былъ двоякій—2 коп. и 4 коп. (№ 50, лл. 8, 10, 20, 36).

„*Печатныя пошлины*“ взи-мались въ размѣрѣ 25¹/₄ к. (№ 153, л. 2)

за каждую, приложенную при производствѣ даннаго дѣла въ Экспедиціи печать; при томъ было безразлично, прикладывалась ли печать къ одной изъ входившихъ въ составъ производства дѣла бумагъ, или же къ опечатывавшимся предметамъ: если эти опечатанные пожитки продавались Экспедиціей, то печатныя пошлины уплачивались покупателями (№ 50, л. 5, 23).

„Простыи и волокиты“ были сборомъ за различныя расходы во время производства дѣла; если лицо, которое должно было уплатить ихъ, умирало до уплаты, то деньги эти взыскивались съ его послѣдниковъ (№ 15, л. 135).

Разложение и пазначеніе денежныхъ сборовъ было послѣднимъ актомъ суда, послѣ чего съ протокола, утвержденнаго присутствіемъ, давалась копія въ повытѣ для исполненія (№ 2, л. 216; № 23, л. 76). Съ резолюціи Экспедиціи, по апробаціи ея указомъ Московской губернской канцеляріи (№ 41, л. 74), вслѣдствіе просьбы сторонъ выдавалась, на основаніи указа 1762 г. іюля 30-го (П. С. З. т. XVI, ст. 11629), копія за скрѣпою секретаря и печатью Экспедиціи, съ которою они могли въ теченіи 2-хъ недѣльнаго срока подавать апелляцію на данное рѣшеніе (№ 1, лл. 248, 381). На рѣшеніе Экспедиціи, апробованное Московскою губернскою канцеляріею, апеллировать должно было въ Юстицъ-Коллегію, на основаніи указа 1764 года, 21 апрѣля (П. С. З. т. XVI, ст. 12137, п. II).

Производство дѣлъ въ Розыскной Экспедиціи было подъ наблюдениемъ Московской губернской канцеляріи, поэтому, кромѣ апробаціи опредѣленій и приговоровъ Экспедиціи, губернская канцелярія слѣдила за правильнымъ и безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ. Если въ губернскую канцелярію поступали жалобы на медленность производства какого-либо дѣла, или сама она узнавала объ этомъ, то указомъ предписывала Экспедиціи о скорѣйшемъ рѣшеніи этого дѣла (№ 90, л. 201), послѣ чего о ходѣ онаго Экспедиція должна была посылать рапорты, которые равнымъ образомъ отправлялись и въ томъ случаѣ, если дѣло начато было по указу губернской канцеляріи (№ 2, л. 718). Въ томъ случаѣ, если дѣла Экспедиціи приходили въ запущенность и производство по нимъ затягивалось, то губернская канцелярія указомъ предписывала рѣшать ихъ въ самомъ непродолжительномъ времени и для этой цѣли какъ судьямъ, такъ и чинамъ канцеляріи приказывали являться на службу и въ дни неприсутственные послѣ полудня и о занятіяхъ своихъ подавать рапорты ей и губернатору (№ 41, л. 271). Московскій губернаторъ, также и вице-губернаторъ иногда давали инструкціи или меморіи касательно какого-либо имъ извѣстнаго дѣла разбиравшагося въ Экспедиціи, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ предписывали дѣло въ подлинникъ представить на разсмотрѣніе Московской губернской канцеляріи (№ 48, л. 15).

Состоявшая при Сенатѣ „Экспедиція о колодникахъ“, указомъ

отъ 8 января 1764 года, предписала Розыскной Экспедиціи посылать ей еженедѣльные вѣдомости о всѣхъ рѣшенныхъ дѣлахъ, чтобы оныя рѣшались „немедленно и конечно въ положенные по указомъ сроки“ (№ 29, л. 9). Въ случаѣ поступленія въ Сенатъ жалобы на рѣшеніе Экспедиціей какого-либо дѣла или на медленность ея дѣйствій, Сенатъ посылать въ Экспедицію указъ, коимъ требовалъ экстрактъ самаго дѣла на свое разсмотрѣніе (№ 1, л. 508; № 2, л. 9); о скорѣйшемъ разсмотрѣніи и рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ Экспедиція получала иногда предписанія отъ генераль-прокурора Сената чрезъ Московскаго губернатора (№ 41, л. 997) и въ этомъ случаѣ должна была посылать отчеты къ генераль-прокурорскимъ дѣламъ также чрезъ губернатора.

К о л о д н и к и .

Подсудимые и осужденные содержались при Экспедиціи въ особомъ зданіи—острогѣ. Въ число заключенныхъ въ этомъ помѣщеніи входили еще и лица, осужденныя въ другихъ учрежденіяхъ (№ 1, л. 79; № 51, л. 63) на ссылку въ Оренбургъ, Сибирь и на Днѣпровскія линіи (№ 1, л. 79, 277; № 5, л. 185; № 48, л. 138, 401), такъ какъ Розыскная Экспедиція была центральнымъ пересылочнымъ мѣстомъ колодниковъ въ помѣнутые пункты. Поэтому въ острогѣ Розыскной Экспедиціи, особенно по временамъ, былъ громадный наплывъ колодниковъ, требовавшихъ бдительнаго присмотра и особо-организованнаго порядка въ содержаніи.

Для караула колодниковъ, какъ мы уже упоминали выше, командировались солдаты изъ московскихъ полковъ, имѣя во главѣ оберъ-офицера, начальника караула. Кромѣ того, отъ Экспедиціи для надзора за арестантами въ качествѣ тюремнаго смотрителя былъ прикомандированъ сержантъ.

Каждый вступающій въ острогъ колодникъ былъ прежде всего записываемъ въ особую „Приводную книгу“ (№ 75) и заковываемъ въ ручные и ножные кандалы, колодники же препровождавшіеся въ Сибирь и прочія мѣста черезъ Розыскную Экспедицію, изъ другихъ судебныхъ учрежденій, присылались уже закованными и въ такомъ видѣ заключались въ острогъ.

Содержаніе въ острогѣ колодниковъ, состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и приговоренныхъ къ наказанію по челобитнымъ частныхъ лицъ или по жалобамъ какихъ-либо казенныхъ или частныхъ учрежденій, производилось на ихъ счетъ въ размѣрѣ по одной копѣйкѣ на человѣка въ день кормовыхъ денегъ, прочимъ же выдавалось казенное содержаніе въ томъ же размѣрѣ (№ 49, л. 21; № 57, л. 36; № 154, л. 20). Во избѣжаніе лишнихъ расходовъ на колодниковъ, а также въ виду того, что не всѣ истцы аккуратно платили деньги за содержаніе ихъ, при Экспедиціи съ наружной стороны и внутри были устроены особые

ящики (№ 87, л. 77), куда желающіе опускали свои добротныя пожертванія на заключенныхъ; прошеніе милостыни и хожденіе для того по улицамъ колодникамъ не дозволялось. Кормовыя деньги отдавались, „для раздачи колодникамъ“, начальнику караула, подъ росписку (№ 57, л. 39). Арестанты имѣли особую, „указанную“ одежду и обувь (№ 48, л. 583).

Колодники, „ежели они по себѣ представляютъ надежныхъ и вѣроятныхъ поручителей“ (№ 87, л. 216), вмѣсто содержанія въ острогѣ могли быть отдаваемы желающимъ на поруки съ роспискою въ томъ, что они никуда не выйдутъ изъ Москвы и при первомъ требованіи будутъ представлены въ Экспедицію (№ 15, л. 187; № 87, л. 216). Особенно часто практиковался отпускъ колодниковъ на поруки по случаю торжественныхъ праздниковъ (Рождества Христова и Св. Пасхи), а также сырной недѣли, первой недѣли великаго поста и страстной, причемъ отдавали ихъ истцамъ, а иногда и постороннимъ, желающимъ (№ 23, л. 109). Съ отдаваемыхъ изъ тюрьмы на поруки колодниковъ равно какъ и со всѣхъ выпускаемыхъ по оправданіи или послѣ наказанія, брались „приводныя деньги“ въ количествѣ 13 коп. съ человѣка (№ 41, л. 1002). Нерѣдко также отпускали на поруки подъ росписку послѣ приговора — „до расположенія выти“, съ тѣмъ, чтобы по первому требованію Экспедиці данное лицо было въ нее представлено (№ 1, 330).

Заключенные содержались въ одной общей камерѣ; въ случаѣ какихъ-либо безпорядковъ, возникавшихъ между ними, виновныхъ подвергали дисциплинарнымъ взысканіямъ: тѣлесному наказанію или одиночному заключенію. Они были отправляемы на разныя работы (№ 48, л. 491), на примѣръ, для ношенія воды, очистки нечистотъ при острогѣ и Экспедиціи и проч.; при всѣхъ работахъ они были закованы „для опасности“ (№ 89, л. 36). Въ первые годы существованія Экспедиціи заключенные посылались для копанія могилъ умершимъ колодникамъ (№ 89, л. 36), но въ 1779 году, 9-го августа, это было запрещено полицеймейстерской канцеляріей: „по доношенію сей Экспедиціи 11 части къ маіору Фролову присланъ приказъ и велѣно, по требованію сей Экспедиціи, для приему и отвозу къ погребенію при кладбищѣ церкви умирающихъ колодниковъ не только однихъ фурманчиковъ съ лошадьми командировать, но отправлять при томъ для присмотру одного унтеръ-офицера и при томъ сей Экспедиціи предписывается чтобъ для вырытія къ погребенію умершихъ колодниковъ могилъ, кои всегда есть готовыя, колодниковъ вуредъ изъ Экспедиціи отправляемо не было“ (№ 104, л. 56).

Заключенные, въ случаѣ желанія, могли исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ; о всѣхъ такихъ караульный офицеръ подавалъ присутствію доношеніе за подписью священника (№ 48, л. 165). Больныхъ колодниковъ свидѣтельствовалъ особо командированный поли-

цейскій лѣкарь (№ 91, л. 135); ихъ исповѣдывали и причащали (№ 1, л. 445). Въ случаѣ смерти кого-либо изъ заключенныхъ караульный офицеръ доносилъ присутствію, что такой-то колодникъ „волею Божіею умре“ (№ 87, л. 1); тогда тѣло его подвергали лѣкарскому осмотру въ присутствіи одного изъ чиновниковъ Экспедиціи по назначенію присутствія (№ 87, л. 129) и, констатировавъ фактъ смерти, отдавали роднымъ или постороннимъ, желавшимъ погребсти его; если же такихъ не являлось, то погребали на казенный счетъ, черезъ полицію, откуда присылали для этого особаго служителя. Экспедиція, давъ указъ караульному оберъ-офицеру о погребеніи умершаго колодника, рапортовала, о томъ происшествіи, въ Московскую губернскую канцелярію (№ 48, л. 45; № 91, лл. 137, 138). На казенный счетъ колодниковъ погребали при церкви св. Животворящаго креста, „что на убогихъ домѣхъ“ (№ 76, л. 9), а также при церквахъ—Казанской Божіей Матери, что у Калужскихъ воротъ (№ 76, л. 75) и Воскресенія Христова, что у Данилова монастыря (№ 76, л. 105).

Въ случаѣ побѣга какого-либо колодника караульный доносилъ о томъ рапортомъ въ присутствіе (№ 2, л. 41), которое уже дѣлало распоряженіе о поимкѣ его, поручая это или караульнымъ при Экспедиціи или полиціи; караульные, виновные, въ побѣгѣ колодника, подвергались взысканіямъ какъ за небрежное отправленіе служебныхъ обязанностей. Московская губернская канцелярія слѣдила за тѣмъ, чтобы надзоръ за колодниками въ Экспедиціи былъ возможно строже для пресѣченія возможности побѣговъ, такъ что въ 1780 году, по случаю побѣга нѣсколькихъ заключенныхъ, въ Экспедицію изъ Московской губернской канцеляріи присланъ былъ указъ, въ которомъ объявлялся строгій выговоръ и между прочимъ говорилось, что если надзоръ за колодниками будетъ впредь слабымъ и если объ освобожденіи подсудимыхъ изъ тюрьмы во-время рапортовать изъ Экспедиціи не будутъ, то губернская канцелярія будетъ подвергаться отвѣтственности самихъ судей (№ 106, л. 94). По полученіи этого указа Экспедиція постановила сдѣлать подтвержденіе служащимъ объ ихъ обязанностяхъ относительно надзора за колодниками и правилъ объ ихъ содержаніи. Резолюція эта представляетъ собою интересъ въ виду изображеннаго въ ней, довольно подробно, порядка содержанія заключенныхъ и нѣкоторыхъ чертъ быта колодниковъ; текстъ ея слѣдующій:

„Секретарей и всѣхъ Розыскной Экспедиціи канцелярскихъ служителей, сверхъ прежняго подтвержденія, нынѣ еще обязать подписками въ томъ, чтобы каждый дежурный, а при дежурномъ и дневальный для осмотра и переклички содержащихся въ острогѣ и коллегардіяхъ колодниковъ и арестантовъ и подаванію имъ милостыни и пищи, а иногда и приносимаго имъ платья и обуви и разобранія происходившихъ между ними ссоръ и дракъ, къ отысканію покражъ и усмиренію со-

рящихся и явльшихся въ кражѣ и отдѣленія таковыхъ по разнымъ казармамъ и запиранію и запечатыванію тѣхъ казармъ въ почное время, а въ случаѣ ссоръ и дракъ какъ къ угладѣнію и усмиренію, и переводу ссорящихся въ другія казармы и запиранію, и печатанію оныхъ казармъ, а и въ коллегардіи къ осмотру днемъ и ночью часовыхъ, въ тотъ осмотръ и коллегардіи всегда ходили обще съ обрѣтающимися на караулѣ оберъ-офицерами, не полагаясь одинъ на другаго. Наипаче наблюдать, чтобы колодники и арестанты, содержащіеся въ острогѣ по дѣламъ слѣдующимся въ Экспедиціи, закованы были въ кандалы и ту заковку вносить въ дневные и переключные списки. При переключкѣ колодниковъ и арестантовъ цѣлость помянутыхъ кандаловъ осматривать и если на комъ явятся кандалы худы и не надежны, тѣ велѣтъ подрядному кузнецу за договорную цѣну починивать и укрѣплять съ прочностію. Еще же имъ, дежурнымъ и офицерамъ, наблюдать и того, чтобы колодники и арестанты не могли и подкоповъ и скважинъ дѣлать подъ казармы; и кои же арестанты явятся въ ссорахъ, въ дракахъ, въ кражахъ, въ разбитіи и вынятіи кандалъ, въ подкопахъ и въ прочихъ неустройствахъ и вымыслахъ, о томъ письменно репортовать Экспедиціи. Смотрѣть же имъ, дежурнымъ и офицерамъ, чтобы у колодниковъ и у арестантовъ въ казармахъ перегородокъ, ширмъ и другаго закрытія, также веревокъ, ножей и прочаго оружія, а затѣмъ и бумаги, чернилъ и карандашей отнюдь ни у кого не было; и караульнымъ же оберъ и унтеръ-офицерамъ смотрѣть, чтобы ими у большаго полисада никакихъ скважинъ дѣлано не было, а гдѣ есть — оныя приказать забить и укрѣпить гвоздями. А и приходящихъ къ тому полисаду никого не пропускать, однакожь, напротивъ того, и подавателей въ ящики и внутрь острога милостыни (кромѣ вина и другаго хмѣльнаго) не отгонять, ибо тѣ колодники и арестанты, кои съ прошеніемъ милостыни, не отпускаются, а довольствуются большею частію отъ одного подаванія; и заборъ ящикамъ и высыпку изъ оныхъ деньгамъ въ дѣлежъ изъ оныхъ колодникамъ и арестантамъ чинить дежурнымъ, при оберъ-офицерахъ, въ острогѣ, каждой недѣли въ субботу, не выводя изъ колодниковъ къ забиранію тѣхъ ящиковъ никого; а кои колодники до увѣщеванія посажены будутъ въ чуланцы — и тѣмъ дежурнымъ и офицерамъ потому же запираютъ замками и у дверей пробой печатать обще и весьма стараться, чтобы означенные колодники по предъявленнымъ мѣстамъ вездѣ въ наличествѣ и подъ крѣпкимъ карауломъ содержаны были безъ всякаго выпуска; и наличество-жь колодниковъ и арестантовъ по списку и присутствующимъ всякій день пересматривать. А кои колодники и арестанты подлежатъ будутъ куда къ отсылкѣ или къ свободѣ съ росписками — и о тѣхъ караульнымъ оберъ-офицерамъ посылать изъ Экспедиціи за руками присутствующихъ письменные указы, о чемъ караульнымъ оберъ-офицерамъ дать письменный приказъ“ (№ 106, л. 94).

Экспедиція, какъ мы уже упомянули выше, была пересылочнымъ пунктомъ колодниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, Оренбургъ и на Дибн-ровскія линіи изъ всѣхъ губерній, лежащихъ на одной полосѣ и южнѣе Московской, тогда какъ ссыльные изъ губерній, лежащихъ сѣвернѣе Московской, отправляемы были черезъ Петербургъ въ Рогервикъ, на основаніи указа 1722 года, августа 25 числа (№ 1, лл, 165—166). Желая утилизировать въ пользу государства рабочія силы преступниковъ, уголовная кстиція того времени направляла главнымъ образомъ ссыльныхъ на работы въ Нерчинскъ на серебряные заводы по случаю „умноженія работъ“ на сказанныхъ заводахъ и ощущавшагося тамъ недостатка въ рабочихъ рукахъ (№ 1, лл. 165—166).

Приговореннымъ въ ссылку и въ работы составлялись въ Экспедиціи по повѣткамъ „воднїя“ съ означеніемъ именъ, возраста и преступленія; такія же *воднїя* (№ 48, л. 86) присылались въ Экспедицію и изъ другихъ учреждений, пересылавшихъ ссыльныхъ черезъ Москву; о каждой присылкѣ таковой, равно какъ и о прибытіи партіи колодниковъ особо докладывалось присутствію (№ 48, л. 587). Всѣ эти частныя вѣдѣнія собирались въ „повѣтке ссыльныхъ колодниковъ“ и изъ нихъ тамъ составлялся общій рестръ (№ 57) по такой же формѣ какъ и помянутыя вѣдѣнія, именно: 1) имена колодниковъ и возрастъ, 2) откуда присланы для ссылки или ссылаются по приговору самой Экспедиціи, 3) преступленія ихъ, 4) сопровождаютъ ли ихъ на мѣсто ссылки жены и дѣти ихъ. Общій рестръ докладывался присутствію, которое постановляло резолюцію о истребованіи чрезъ посредство Московской губернской канцеляріи (№ 48, лл. 29, 549) отъ военной конторы (№ 5, л. 37) нужнаго количества солдатъ для конвоирования ссыльныхъ, разсчитывая среднимъ числомъ по одному конвойному на каждого ссыльнаго.

Пересылка колодниковъ производилась двоякимъ способомъ: 1) „По водному пути“ весной и осенью, 2) по зимнему пути. Ссылка „по водному пути“ производилась, на основаніи указа ея императорскаго величества отъ 10 января 1765 года, въ два срока: а) въ апрѣлѣ или маѣ, б) въ первыхъ числахъ августа (№ 5, л. 196). Для препровожденія ссыльныхъ въ Сибирь, „по водному пути“ имѣлось въ распоряженіи Экспедиціи нѣсколько судовъ („струи“); при нихъ были особые по найму Экспедиціи лоцманы (№ 5, л. 185), изъ которыхъ каждого при наймѣ обязывали, чтобы онъ „будучи въ пути на судахъ, поступалъ добропорядочно съ крайнею предосторожностью и прилежаніемъ, дабы отъ слабаго его смотрѣнія и небреженія стругу въ приходѣ воднымъ путемъ не учинилось какого поврежденія“ (№ 5, л. 185). На ссыльныхъ надѣвались особыя „указанныя“ одежды и обувь (№ 48, л. 583), при чемъ для отправляемыхъ по зимнему пути пѣшкомъ приобрѣтались по указу присутствія рукавицы и шубы (по 1 р. 30 коп. за шубу, № 48, л. 583;

№ 57, л. 5; № 89, л. 43). Всѣ издержки по обмундировкѣ ссыльных по волѣ помѣщиковъ или обществъ производились на ихъ счетъ, остальныхъ же обмундировывали на казенный счетъ (№ 48; л. 583). Ссыльныхъ при отправленіи въ путь заковывали — мужчинъ по двое въ ручные и ножные кандалы, женщинъ же только въ ручные, хотя такъ же по-двое (№ 1, л. 9, 80; № 51, л. 41); передъ тѣмъ мужчинамъ вырѣзывали ноздри и ставили клеймы (№ 1, л. 345).

По присылкѣ требуемаго числа конвойныхъ солдатъ „съ принадлежащимъ числомъ унтеръ-офицеровъ и одного офицера“, какъ начальника конвоя (№ 5, л. 37, 277), послѣднему давалась инструкция (№ 1, л. 81; № 5, л. 196), особый реестръ колодниковъ (№ 1, л. 80) и шнуровая книга для веденія записи расхода на сдававшіяся ему кормовыя леньги (№ 69, л. 55) по пути какъ конвоя, такъ и колодниковъ (№ 1, л. 80). Кормовыя деньги для колодниковъ опредѣлялись въ размѣрѣ 1 коп. на день (№ 51, л. 41; № 57, лл. 12, 14, 19) и вычислялись на ссыльныхъ въ Сибирь (Нерчинскъ, Тобольскъ и проч.) по 1 р. 10 коп. на человѣка, въ Оренбургъ — отъ 71¹/₂ до 81¹/₂ коп., въ Казань — 40 коп. на человѣка (№ 1, л. 79; № 49, л. 34). Кормовыя деньги для сосланныхъ осужденныхъ другими судебными учреждениями присылались въ Экспедицію изъ тѣхъ же учреждений, вмѣстѣ съ партіей присылаемыхъ колодниковъ (№ 48, л. 86; № 51 лл. 63, 64 и др.), а на ссыльныхъ по волѣ помѣщиковъ, обществъ и проч. вытребывались съ нихъ (№ 51, л. 66), остальныхъ же препровождали на счетъ „неположенныхъ въ штатъ доходовъ“ Экспедиціи (№ 1, л. 79); при этомъ для багажа и провоза больныхъ колодниковъ назначались подводы; плата за оныя по пути отъ Москвы до Тобольска назначалась въ размѣрѣ отъ 12 руб. 23¹/₂ коп. до 12 р. 70¹/₂ коп. на каждую (№ 1, л. 79; № 49, л. 34).

Конвой, назначенный для сопровожденія колодниковъ изъ Москвы, провожалъ ссыльныхъ — направленныхъ въ Сибирь и Оренбургъ — до Казани, а направленныхъ на Днѣпровскія линіи — до Тулы (№ 48, л. 29), при чемъ въ губернскія канцеляріи помянутыхъ городовъ посылались бумаги съ требованіемъ, чтобы по прибытіи, даннаго транспорта колодниковъ, произведена была по реестру провѣрка имъ, а такъ же по шнуровой книгѣ начальника конвоя — учетъ потраченныхъ въ дорогѣ суммъ и чтобы о результатахъ того и другаго послано было въ Экспедицію увѣдомленіе (№ 1, л. 81). Для дальнѣйшаго конвоированія ссыльныхъ при посредствѣ сказанныхъ губернскихъ канцелярій назначался вновь особый конвой изъ мѣстныхъ полковъ.

Начальникъ конвоя не долженъ былъ „ни мало“ отлучаться отъ команды и по исполненіи возложеннаго на него порученія обязанъ былъ „не продолжая въ пути ни малаго времени“ явиться въ Экспедицію и о результатахъ конвоированія доложить (№ 1, л. 81; № 48, л. 137; № 104, л. 56).

Если какой-либо колодникъ отправленъ былъ въ ссылку, и при томъ по болѣзни, или по другой причинѣ не былъ въ Москвѣ подвергнутъ по приговору тѣлесному наказанію или вырѣзыванію ноздрей, то это должно было исполняться въ Тульской или Казанской губернскихъ канцеляріяхъ (№ 1, л. 81).

Передъ каждой отправкой колодниковъ составлялся особый докладъ присутствію, опредѣленіе котораго заносилось въ протоколъ, отсылавшійся на апробацію въ Московскую губернскую канцелярію (№ 1, л. 81).

Ссылные, равно какъ и освобождаемые по взятіи приводныхъ денегъ (№ 1, лл. 58, 114. 468) и отсылаемые въ другія учрежденія, однимъ словомъ — всѣ выступающіе какимъ-либо образомъ изъ острога Экспедиціи вносились въ особую книгу, носившую названіе — „Свободная книга колодниковъ“ (№ 76), которую вели дежурные канцеляристы и подканцеляристы. Отчеты о содержащихся и содержавшихся колодникахъ составляли особую обязанность Экспедиціи, такъ какъ Сенатъ требовалъ, чтобы о всѣхъ содержащихся колодникахъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи Экспедиціи при Сенатѣ подавались еженедѣльные обстоятельныя рапорты, а изъ губерній и провинцій — ежемѣсячныя, при чемъ, если они во время репортовать не будутъ, то будутъ подвергнуты штрафу въ количествѣ трети годоваго жалованія; всѣ эти репорты поступали изъ Экспедиціи и изъ приписныхъ къ ней городовыхъ судебныхъ мѣстъ въ губернскую канцелярію, откуда пересылались въ Сенатъ въ учрежденную при Сенатѣ экспедицію о колодникахъ; репорты и списки должны были составляться по особой формѣ, данной бывшему Сыскному Приказу изъ Сената (№ 5, лл. 295, 296).

Остается сказать нѣсколько словъ о женахъ ссылныхъ колодниковъ. Если жена ссылнаго желала сопровождать своего мужа на мѣсто его ссылки, то ея имя заносилось въ реестры ссылныхъ, а тѣмъ женамъ, которыя не желали слѣдовать за мужьями, выдавали изъ Розыскной Экспедиціи по ихъ челобитнымъ письменный видъ, на основаніи указа Петра Великаго 1720 года, 16 августа (И. С. З. т. VI, ст. 3628) и указа сенатскаго, отъ 29 января 1773 года, заключающагося въ слѣдующемъ: „при дачѣ солдатскимъ и матросскимъ, и прочихъ служилыхъ людей женамъ и дочерямъ дѣвкамъ отъ командъ мужей и отцовъ ихъ паспортовъ, дабы никакого подлога происходить не могло, описывано было именно, какъ ростъ ихъ и лицо, такъ и еще непремѣнныя примѣты, какія на комъ при осмотрѣ явятся“ (№ 23, л. 362). При этомъ, если у тѣхъ женщинъ были малолѣтние сыновья, то матерей обязывали подпискою, дабы по возрастѣ онѣ сыновей своихъ объявляли „къ опредѣленію куда надлежитъ“ (№ 23, л. 362; № 90 л. 200).

Вышеописанные распорядки Розыскной Экспедиціи продолжались по 1782 годъ — т. е. до времени ея упраздненія (И. С. З. т. XXI, ст. 15530),

когда всѣ функціи ея перешли къ палатѣ уголовныхъ дѣлъ, учрежденной указомъ 7 ноября 1775 года (П. С. З. т. XX, ст. 1775), куда и большинство чиновниковъ ея переведено (№ 48, л. 1001). При окончаніи и сдачѣ дѣлъ Экспедиціи въ ней былъ только одинъ судья — коллежскій совѣтникъ Болотовъ (№ 48, л. 866), а Велжевъ назначенъ былъ въ Палату уголовныхъ дѣлъ (№ 48, л. 866). Болотовъ, 23 ноября 1782 года, слушалъ указъ изъ „учрежденнаго при Московской губернской канцеляріи для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ департамента“, въ которомъ говорилось, что указомъ Сената предписывается— „всѣ имѣющіяся въ губернской канцеляріи и Розыскной Экспедиціи дѣла съ подлежащими описями принять тому департаменту“ (№ 48, л. 996). Кромѣ Болотова, при сдачѣ дѣлъ состояли 2 регистратора, 3 канцеляриста и 2 подканцеляриста, сверхъ того находились 2 сторожа и 2 палача (№ 48, л. 1001). Последнее, записанное въ журналѣ Экспедиціи, засѣданіе ея было 21 декабря 1782 года, гдѣ она уже названа „бывшей Розыскной Экспедиціей“ (№ 48, л. 1001).
